ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА

Издание Московской штаб-квартиры Международной ассоциации «Детектив и Политика» (МАДПР)

4/1990

Издание
Московской штаб-квартиры
Международной
ассоциации
«Детектив и Политика»
(МАДПР)

ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА

Выпуск 4(8) 1990

Издается с 1989 года

СОДЕРЖАНИЕ

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ

Москва, 1990

ББК 94.3
Д 38

ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА

ВЫПУСК 4

Редактор Морозов С.А.
Художники Бегак А.Д., Прохоров В.Г.
Художественный редактор Хисиминдинов А.И.
Корректоры Агафонова Л.П., Буча Т.П.
Технические редакторы Денисова А.С., Лагутина И.М.
Технолог Володина С.Г.
Наборщики Благова Т.В., Орешенкова Р.Е.

Сдано в набор 23.05.90 г. Подписано в печать 28.08.90 г.
Формат издания 84×108/32. Бумага оберточная.
Гарнитура универс. Высокая печать.
Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 25,48.
Тираж 500 300 экз. (5-й завод 400 001—500 300).
Заказ № 14. Изд. № 8729. Цена 5 р. 90 к.

Издательство «Новости».
107082, Москва, Б. Почтовая ул., 7.

Набор и фотоформы изготовлены в типографии издательства «Новости». 107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

Московская штаб-квартира МАДПР.
103786, Москва, Зубовский б-р, 4.

Уральское отделение МШК МАДПР.
620219, Свердловск, пр. Ленина, 34.

Отпечатано в типографии издательства «Уральский рабочий».
620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

Детектив и политика. — Вып. 4. — М.: Изд-во "Новости". 1990 — 352 с.

ISSN 0235—6686

4700000000 / 067 (02)—90 Без объявл.

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Андраш Тотис*

"ГОРИЛЛЫ"

1

Тимоти Эшфорд догадывался, что может попасть под прицел. Владелец оружейного завода "Эшфорд энд Хесстер", он был депутатом парламента, страстно ратовавшим за борьбу с террористами и левыми, так что его одинаково ненавидели и ирландцы, и ультралевые студенческие группировки, и конкуренты, и даже кое-кто из клиентов. Эшфорд разъезжал на "бентли" с пуленепробиваемым кузовом. Из двух телохранителей один всегда находился за рулем "бентли", а другой в проворном маленьком "форде" английского производства ехал впереди или позади охраняемой персоны, меняя позицию без какой бы то ни было поддающейся вычислению системы. Обе машины поддерживали прямую радиосвязь с диспетчерским пунктом фирмы "Профешнл Секьюрити". Телохранители обязаны были сообщать маршрут движения, немедленно докладывать, если какой-нибудь автомобиль подозрительно долго "висел" у них на хвосте, если дорога где-либо оказывалась перекрытой и требовалось совершить объезд. Свернуть в объезд разрешалось лишь в том случае, если диспетчерский пункт подтверждал действительное существование этого объездного пути. Оба телохранителя прошли специальную выучку на курсах фирмы. Даже на неповоротливом "бентли" они ухитрялись проделывать головокружительные трюки, в плоть и в кровь у них въелась привычка не замедлять ход и не останавливать машину, что бы ни случилось. Пусть произошла дорожная катастрофа и пострадавшие взывают о помощи, пусть полицейский делает знак остановиться — телохранители знай дают газ и уносятся прочь. Оба охранника постоянно соблюдают боевую готовность на случай, если на пути вдруг окажется какая-либо преграда, а под рукой у них всегда нахо-

---

* Впервые выступив в жанре детектива четыре года назад, молодой венгерский писатель Андраш Тотис сразу же завоевал у себя на родине заслуженную популярность. С тех пор у него вышло семь остросюжетных романов, действие которых происходит, как правило, на Западе.

На русском языке публикуется впервые.

дится легкий — в неполных четыре килограмма весом, — но весьма эффективный автомат "узи".

Дом и контора Эшфорда окружены густой, но малозаметной сетью электронной сигнализации, по саду рыщут могучие белые овчарки, натасканные надлежащим образом: с наступлением сумерек они беззвучно, без предупреждающего рычания и лая набрасываются на любого непрошеного посетителя.

Эшфорд чувствовал себя в безопасности. Стать жертвой похищения? Да это попросту невозможно!

Однако человек, задумавший его похитить, был иного мнения на этот счет.

2

Стиснув колени и неестественно выпрямив спину, Пол Шорт сидел на самом краешке мягкого, низкого кресла, словно опасался утонуть в сиденье, если сесть поглубже. Руки его покоились на коленях. Пол не знал, что с ними делать. Он привык, что в руках у него всегда зонт: на него можно опереться или со скуки поглаживать искусно выделанную ручку.

Син Бултон восседал за письменным столом, сверкающим хромированной фурнитурой и стеклянным покрытием, и разглядывал заявление Шорта с таким видом, точно видел его впервые. Это был плотный, коренастый мужчина лет пятидесяти, с характерными, резкими чертами лица; его облику не подходил ни элегантно обставленный офис, ни костюм из мягкой фланели, ни изящная секретарша — дама средних лет, которая в приемной вежливо, однако же с не терпящим возражения видом взяла у Шорта сумку и зонт. Неподходящими казались и выкрашенные в пастельные тона стены, и персональный компьютер на невысокой подставке возле письменного стола. Владелец конторы производил впечатление человека, отдающего предпочтение самым дешевым, битком набитым пивнушкам, если вдруг придет охота опрокинуть кружку-другую горького пива. Казалось, этот тип пускает в ход кулаки не задумываясь, а если и задумывается, то лишь над тем, как бы применить свою кулачную силу с бóльшим толком. Во всяком случае, за удачливого бизнесмена его трудно было принять. А между тем основатель и владелец "Профешнл Секьюрити" — крупнейшей британской фирмы охраны граждан — был преуспевающим дельцом.

Зато Пол выглядел бизнесменом, вовсе не будучи им. Темный костюм спокойного традиционного покроя удачно скрывал его натренированную мускулатуру, а изящный зонт,

сумка-"визитка" из натуральной кожи и безукоризненное произношение не позволяли предположить, что у их обладателя совершенно пусто в кармане.

Бултон отложил бумагу в сторону и бросил на Шорта такой взгляд, что тому сразу же стало ясно: просьба его будет отвергнута. Однако Пол не пришел в отчаяние. Он привык, что жизнь не дается без борьбы.

— Вы хоть имеете представление о работе, за которую беретесь? — спросил Бултон. Шорт кивнул, но собеседник вроде бы и не заметил этого. — Известно ли вам, что значит в наше время быть профессиональным телохранителем?

Пол пожал плечами.

— Служил в "Спейшл Эйр Сервис"; сражался на Фолклендах, — зачитал Бултон вслух автобиографию Пола. — Снайпер, парашютист, прошел подготовку в практике ближнего боя. — Он вздохнул. — И вы полагаете, что этого вполне достаточно?

— Я думал, что остальному меня научат у вас, — вежливо заметил Пол.

Бултон словно и не слышал его реплики.

— К нам без конца обращаются демобилизованные солдаты. Научились стрелять и воображают, будто одного этого достаточно, чтобы стать телохранителем. Зарубите себе на носу: тому, кто умеет лишь нажимать на гашетку, никогда не достичь высот профессии. Первый же раунд им проигран с ходу. Опытному телохранителю совсем не обязательно быть снайпером, зато он должен отличаться наблюдательностью. Должен запоминать лица, должен фиксировать малейшее подозрительное движение со стороны.

Шорт кивнул, сделав вид, будто внимательно слушает эти откровения. Недавно ему довелось прочесть интервью Бултона, где все это говорилось слово в слово.

— Способны вы настолько владеть собой, чтобы не обернуться вслед хорошенькой женщине? Сумеете недели, месяцы спустя восстановить в памяти облик человека, показавшегося вам подозрительным? Если ваш подшефный вздумает отправиться на футбольный матч, хватит у вас выдержки ни разу не взглянуть, как проходит игра? Способны вы на это?

Бултон умолк и, чуть склонив голову набок, уставился на Шорта. Пол сообразил, что от него ждут ответа.

— Да, — сказал он. — По-моему, я способен на это.

— Возможно, — согласился Бултон. — Прежде чем взять на работу, мы все равно подвергнем вас проверке. Однако вернемся к более прозаическим моментам. Способны вы часами стоять на одном месте или, съежившись в машине, проводить полночи в ожидании своего подопечного? Если вы страдаете плоскостопием или болями в пояснице, если не выносите однообразия — ставьте на этой профессии крест, она не для вас. Не исключено, что вам ни разу в жизни

не придется прибегнуть к оружию, но в том, что вы будете вынуждены изо дня в день часами околачиваться без дела, можете не сомневаться.

На сей раз Пол заметно колебался, прежде чем ответить.

— Да. Мне кажется, я и на это способен.

Бултон вздохнул, затем по лицу его проскользнула недобрая усмешка. Пол незаметно вытер о брюки потные ладони, хотя с большим удовольствием стер бы ладонью пренебрежительную ухмылку с физиономии этого типа.

— Допустим, что это так, — не унимался Бултон. — Однако необходимо обладать еще одним качеством, какого в вас, по-моему, нет. — Он умолк, ожидая, что собеседник тотчас поинтересуется, какое же это качество. Но Шорт и не думал вылезать с вопросами.

— Надо быть готовым умереть, — резко произнес Бултон. — Потому и нелегко подобрать надежного телохранителя. Хороший телохранитель должен быть человеком умным, а умный человек не бросится под пули, не заслонит собственным телом объект покушения, не выпрыгнет в окно за своим подопечным. Не станет он подыхать за выплачиваемое жалованье, а между тем именно этого от него и ждут. Вам кажется, вы и на это способны?

— Да, — отрезал Шорт. Он решил на все вопросы отвечать утвердительно.

— Подумайте хорошенько. Я верю, что вы человек смелый... — Бултон взглянул на лежавшие перед ним бумаги и кивнул. — Но ведь тут нужна не смелость и даже не слепая отвага. Редкому человеку бывает совершенно безразлично, жить или умереть.

Пол не знал, что ответить, и счел за благо промолчать.

Бултон поднялся из-за стола.

— Следуйте за мной, — небрежно бросил он и, не дожидаясь ответа, вылетел из кабинета. Пол поспешно вскочил с места. Он не мог понять, то ли речь идет об очередном испытании, то ли Бултон попросту пренебрегает правилами приличий, однако решил не отставать, чтобы не оказаться в дурацком положении, выясняя потом, куда девался глава фирмы. Один за другим промчались они через просторную комнату секретарши, сбив с ног двоих молодых людей с охапками папок, сбежали по винтовой лестнице вниз и очутились в узком коридоре с зарешеченными окнами. Перед глазами Пола мелькнули зеленый газон и клонящиеся на ветру деревья, однако зевать по сторонам было некогда: последовала очередная лестница вниз и еще один коридор. Бултон замедлил бег. Они находились в подвале; гулко отдавались шаги, мощные стены дышали холодом.

— Вы знакомы с взрывными устройствами? — поинтересовался Бултон. Под сводами подвала зловещим эхом разносились его слова.

— Немного знаком.

— Хорошо, — Бултон остановился перед какой-то железной дверью и достал из кармана ключ. Прочная, снабженная двойным запором дверь вела в небольшую мастерскую. Пол однажды видел подобную в одном из центров спецподготовки. Верстак, обложенный мешками с песком, на потолке и вдоль стен автоматические противопожарные устройства, на вделанных в стены полках всевозможные инструменты. Окон нет ни единого. Стул один-единственный, серый, металлический. На столе какая-то темная коробка размером с карманный радиоприемник.

Бултон выждал, пока Шорт осмотрится в новой обстановке.

— Знаете, что это? — спросил он, указывая на коробочку.

Пол пожал плечами.

— Размонтируйте ее. Если, конечно, осмелитесь. — Холодно улыбнувшись, Бултон пошел к двери. — Выберетесь из этой переделки живым — возьму вас на работу.

Пол кинулся за ним вслед и ухватил его за плечо. Рука его наткнулась на тугой клубок мышц. Бултон обернулся. Взгляд его был стальным.

— Вы чем-то недовольны?

Пол выпустил его плечо.

— Уж не хотите ли вы сказать, что эта штуковина может взорваться?

— Именно это я и хочу сказать.

— Да, но... — Пол был настолько ошарашен, что не сразу нашелся, что сказать. Спятил он, что ли, этот тип? — Но ведь я не сапер.

— В том все и дело. Будь вы сапером, вся затея не стоила бы и выеденного яйца.

Они в упор сверлили друг друга взглядами. Бултон сдался первым, а может, ему попросту надоело играть в гляделки.

— Когда закончите, найдете меня в кабинете.

Мощная металлическая дверь мягко захлопнулась за ним. Пол набрал полную грудь воздуха и выдохнул. Опустившись на стул, он облокотился о колени и подпер ладонями подбородок. Чего добивается этот человек? Любопытствует узнать, решится ли он, Пол, разобрать эту штуковину? Чего ж тут не решиться, ведь не взорвется же она в самом деле! Бултон на такое не пойдет. Должно быть, это хитроумный психологический тест с целью проверить, как поведет себя испытуемый в сложной ситуации. Может, следовало бы убраться отсюда вместе с Бултоном, а еще лучше — набить ему морду? А что, если отнести коробку в контору, швырнуть шефу на колени и заявить: он знает, что бомба не взорвется!

Пол потянулся было к коробке, но тотчас отдернул руку. Почему, собственно, он так уверен, что Бултон не осмелится

послать его на смерть? Поколебавшись несколько мгновений, он взял с полки отвертку. По правде говоря, он слабо разбирался во взрывных устройствах. На курсах спецподготовки этой теме было отведено всего лишь несколько часов на том основании, что, мол, столкнувшись с подозрительной конструкцией, следует вызвать эксперта.

Крышка была прикреплена восемью винтами. Многовато для такой маленькой коробки, подумал Шорт. Похоже, кому-то не хотелось, чтобы ее открывали без необходимости. Отвертка была на номер больше нужной, и лишь уголком удалось попасть в углубление винта. Шорт негромко выругался и по ходу работы попытался вспомнить, чему учили их на тех нескольких уроках. Первым делом внушали, чтобы они не вздумали разбирать адские машины по частям: большинство из них смонтировано с таким расчетом, что снятие крышки вызывало взрыв. Пол не спеша продолжил работу. Необходимо установить, что приводит в действие взрывной механизм. Дистанционное управление, часовой механизм, детонация?

Дойдя до последнего винта, Пол остановился. Погибнуть на редкость дурацкой смертью только ради того, чтобы доказать, что он не трус! Он и в самом деле не был трусом. Однако сейчас он столкнулся с опасностью, от которой не знал, как защищаться. Разве что единственным надежным способом: не открывать крышку. За те несколько минут, пока он возился с винтами, сомнения его окончательно рассеялись: Бултон и не думал шутить, он подсунул ему настоящую, готовую взорваться бомбу. Надо послать всю эту затею к черту! Овчинка выделки не стоит. Даже если он ошибется в своих предположениях и выставит себя на посмешище — и то лучше, чем погибнуть ни за что ни про что.

Отверткой он осторожно поддел крышку, и та поддалась. Шорту вспомнился дед, воспитывавший его до четырнадцатилетнего возраста. Старик некогда служил капралом в колониях, и его представления о военных акциях герильяс несколько отличались от тех навыков, что прививались Полу в десантном спецподразделении. "Если не знаешь, что тебя ждет за закрытой дверью, врывайся с ходу", — говаривал он с улыбкой. Это была улыбка мужественного, уверенного в себе человека. Дед знал, что говорил: в двадцать четвертом то ли в Африке, то ли где-то в Малайе ему прострелили ногу.

Пол снял крышку. Конструкция оказалась сложнее, чем он предполагал. Наспех усвоенных на курсах знаний хватало, чтобы разобраться в простейших адских машинах кустарного изготовления, однако эта бомба была отнюдь не простой. Пол догадывался, где именно находится детонатор, видел аккуратно упакованный пластик и прикрепленные к стенке коробочки электрические батарейки. В сложном перепле-

тении проводов тонули какие-то странные, непонятного назначения детали. И невозможно было определить, отчего происходит взрыв. Часового механизма не видно, впрочем, это ничего не значит, ведь в бомбу могут быть заложены кварцевые часы без цифровых обозначений. Пластик не боится сотрясений, но, как знать, вдруг да конструкция снабжена нивелиром, и тогда малейшее отклонение от горизонтали будет сигналом к взрыву.

Проще всего было бы отключить батарейки. Но тот, кто конструировал бомбу, учитывал этот вариант: среди проводов, подсоединенных к батарейкам, по меньшей мере один, а то и несколько служат ловушкой. Пол попытался разобраться в проводке, однако создатель бомбы предусмотрел и это: цветные проволочки образовывали сложное переплетение, подсоединяясь к нескольким деталям. "Если не знаешь, что тебя ждет за дверью..." Пол взял со стеллажа кусачки и не глядя ткнул ими в коробку. Почувствовав слабое сопротивление тоненького проводка, он стиснул рукоятки кусачек. Руки его дрожали, все тело покрылось потом. Рубашка прилипла к спине и груди, хотелось встать, чтобы снять пиджак и ослабить узел галстука, но Шорт знал, что, если прервет работу хоть на мгновение, у него не хватит силы воли продолжить ее. Отыскав конец перерезанной проволочки, он захватил его кусачками, но тотчас выпустил. Обтерев вспотевшие ладони, снова наугад ткнул кусачками.

Больше двух раз подряд удача не балует, подумал он, сжимая кусачки. Нельзя же до бесконечности испытывать судьбу. Он закричал, разразившись таким изощренным ругательством, что даже сам удивился, откуда что взялось. И перерезал третий провод.

Отложив кусачки, он встал. Резко повернулся и вышел из мастерской, даже не глянув на распотрошенную коробку и не дав себе труда захлопнуть дверь. Зелень за окном показалась ему ярче прежней. Пол на мгновение задержался у окна, глядя, как трепещут на ветру листья дуба, затем поднялся наверх, Бултон находился не у себя в кабинете, а в приемной. Сидя на краешке изящного письменного стола, он разговаривал по телефону. Как только Шорт появился на пороге, секретарша вскочила с места, однако Пол, не обращая на нее ни малейшего внимания, прошел к вешалке за зонтом и сумкой. Приятно было вновь ощутить в руке массивную, тяжелую ручку зонта. Пол выждал, пока Бултон положит трубку. Выждал, пока угловатое, с резкими чертами лицо повернется и взгляд темно-карих глаз выжидательно устремится на него.

— Подонок! — внятно произнес он.

Бултон не ответил. Когда за Шортом захлопнулась дверь, он слез со стола, извлек из пачки сигарету и вышел в коридор. Он еще успел увидеть высокую, стройную фигуру моло-

дого человека в темном костюме, свернувшего к выходу, и направился к винтовой лестнице. Торопливо миновав коридор, он спустился в подвал, к настежь распахнутой двери. Опасливо переступив порог, он с расстояния в несколько шагов оглядел распотрошенную коробку и перерезанные провода.

— Бумагомарака паршивый! — удивленно качая головой, пробормотал Бултон. — И ведь даже не подозревает, что в сорочке родился.

3

— Думаешь, она могла бы взорваться?

Шорт пожал плечами. Уже по самому тону вопроса можно было догадаться, какого Гвен мнения на этот счет.

— По-твоему, это была настоящая бомба? — настойчиво допытывалась девушка.

Пол неохотно кивнул. Гвен в волнении провела рукой по волосам. Каскад рыжих волос блеснул в неярком свете ламп. Мужчины вокруг уставились было на девушку, но, встретив жесткий взгляд Шорта, поспешили отвести глаза. Должно быть, в детстве Гвен выслушала немало похвал своим дивным волосам, и теперь у нее и в мыслях не было похваляться их красотой, и непроизвольное движение, каким она невольно привлекла всеобщее внимание к своей гриве, было, конечно же, неосознанным. Гвен сравнялось двадцать пять, она была четырьмя годами моложе Шорта. Волосы ее имели тот редкий оттенок, какого иным женщинам удается достичь лишь усилиями опытного парикмахера и за бешеные деньги. Такого разреза глаз, как у нее, тщеславные красотки добиваются многочасовым высиживанием в дорогостоящих косметических салонах. Помимо того, природа наградила ее талией и бедрами, какие обычно даются женщинам ценой мучительной диеты и занятиями аэробикой, а роскошные, дерзко торчащие груди только в последние года полтора понадобилось поддерживать бюстгальтером.

Они сидели в таверне "У святого Стефана" на Бридж-стрит, в нескольких минутах ходьбы от министерства внутренних дел, где работала Гвен, ели сэндвичи, запивая их темным пивом. Их снова приютил столик в углу, как и пять лет назад, на заре их любви, и вновь они, соприкасаясь головами, говорили о своем, позабыв обо всем на свете и не обращая внимания на оживленный гул таверны.

— Курсы "Профешнл Секьюрити" выпускают примерно два десятка "горилл" ежегодно, — сказала девушка. — Есть среди них парни, на свой страх и риск желающие освоить хорошо оплачиваемую профессию; попадается несколько че-

ловек из охраны учреждений и предприятий — эти расходы оплачивает фирма; а остальные — собственный персонал "Профешнл Секьюрити". Срок подготовки у них в два раза больше, чем у остальных, и содержатся они на казарменном положении. — Гвен была секретаршей одного из заместителей министра, и исчерпывающая информированность о всех и вся, можно сказать, автоматически входила в круг ее обязанностей.

— И что же? — спросил Шорт.

— Не думаю, чтобы каждого желающего поступить на курсы подвергали подобному испытанию. "Профешнл Секьюрити" зашибает на курсантах немалую деньгу.

— И если бы вступающие подрывались на бомбах...

— Вот именно.

Пол похлопал девушку по колену.

— Я подал заявление две недели назад. У них было время раскопать мою подноготную. Да это и вполне понятно, если фирма занимается вопросами охраны и безопасности. Спецы из "Секьюрити" установили, что я вовсе не безработный, за какого себя выдаю, а не занятый в штате журналист, и решили не подпускать меня близко к фирме.

— Ты и есть безработный, которому иногда удается тиснуть статейку, — сказала Гвен и улыбнулась Полу. Тот поперхнулся с досады. Гвен смотрела на него сейчас, как когда-то давно, когда впервые согласилась зайти к нему домой. Затем целый год они словно и не вылезали из постели — во всяком случае, таким сохранился тот период в памяти Пола. Целый год! А потом Гвен небрежно сообщила, что нашла себе другого, и предложила остаться друзьями.

— Ты же сама говорила, что тут дело нечисто. Что в течение года было похищено десять человек из числа находившихся под охраной "Профешнл Секьюрити". Что многие отказывались от услуг этой фирмы и что твой шеф намерен скрытно провести расследование. Если за этими высокими профессионалами никаких грешков не водится, им бы надо радоваться, что к ним инкогнито хочет проникнуть журналист. Если, конечно, за ними действительно грехов не водится.

Гвен встала и одернула юбку. Шорт на мгновение ощутил горечь во рту.

— Мне пора идти, — заявила девушка.

— Подожди, — Пол тоже поднялся и взял руку девушки в свои. — Подожди!

— Нет, Пол. Ты прекрасно знаешь, что...

— Знаю, — ответил мужчина и погладил лежащие на его ладони тонкие пальцы. — Не могла бы ты раздобыть для меня список похищенных клиентов фирмы?

4

"Бентли", в котором находился Эшфорд, свернул на дорогу, ведущую к Брентвуду. Это было самое уязвимое место во всей дорогостоящей охранной системе. Эшфорд не мог себе позволить роскошь выбирать по своей прихоти, когда ему трогаться в путь и каким маршрутом ехать. Утром он должен был вовремя поспеть в свою контору в Сити, а после трудов праведных — если не была назначена встреча с кем-либо из знакомых в клубе — он опять-таки точно по расписанию возвращался домой. Маленький "форд", который в городе держался перед его машиной, теперь пропустил "бентли" вперед. Движение было редкое, лениво пригревало солнце. Эшфорд закурил сигарету и погрузился в приятные размышления: стоит ли пригласить поужинать девицу, которая вот уже неделю состоит секретаршей при директоре-распорядителе? Фабрикант оружия привык, что обязанности шофера выполняет "горилла"; теперь уже улеглось волнение первых дней, когда он на каждом шагу ждал нападения и в каждом прохожем видел своего потенциального похитителя. "Горилла" тоже не ждал нападения, но ему платили жалованье за то, чтобы всегда предполагать худшее. Заметив у легкого изгиба дороги застрявший без движения грузовик, он замедлил ход. Глянул в зеркальце, чтобы проверить, на месте ли его напарник, и потянулся за микрофоном.

5

Что и говорить, Гвен выполнила его просьбу наилучшим образом. Едва Пол успел управиться с еще одним сандвичем и кружкой пива и, чтобы убить время, перекинуться парой фраз с подвыпившим господином, сидевшим за соседним столиком, как посыльный доставил ему список — таково было одно из негласных преимуществ, связанных с должностью Гвен. Пола так и подмывало немедленно вскрыть конверт, но ему надоело сидеть на одном месте, как приклеенному. Домой тоже идти не хотелось, к тому же у него были еще кое-какие дела в городе. Он решил зайти в Бритиш Ньюспейпер Лайбрэри. Улица была сравнительно тихой; бизнесмены и клерки покончили с ленчем и вернулись к своим столам и конторкам, а туристы с приближением зимы упорхнули в более теплые края. Ровным, широким шагом Пол направлялся к автобусной остановке. Среди прохожих большинство составляли турки и арабы, манил рекламой китайский ресторанчик, улицу подметал смуглый человек —

явно выходец из Вест-Индии, чернокожая женщина с большой сумкой спешила за покупками. Если бы не знакомые здания вокруг, трудно было бы поверить, что это старая, добрая Англия. Впрочем, Англия действительно уже не та, подумал он. Тротуар заняли подростки в кожаных куртках и кожаных браслетах с заклепками. С Шортом поравнялся какой-то щуплый мужчина, лицо его выражало горькое разочарование. Шорт еще издали видел, что губы мужчины шевелятся, а когда тот проходил мимо, услышал сдавленное ругательство.

Надо было слегка посторониться, чтобы избежать столкновения с парнями в кожаных куртках, однако Пол и не подумал сделать это. Стоявший на его пути малый отлетел, как резиновый, и Пол краешком глаза заметил, что приятели подхватили парня, не дав ему упасть. Сзади послышались грубые выкрики, угрозы, но шагов не было слышно. Слова можно было оставить без внимания, и все же Пол, передумав, оглянулся. Одним легким движением он перебросил в руке зонт так, чтобы можно было ухватить его посередине. Смерив взглядом дерзких молодчиков, он сделал вид, будто намерен вернуться. Парни стояли кучкой — циничные, прожженные негодяи, не изведавшие молодости, несмотря на свой юный возраст. У них хватило ума воздержаться от высказываний вслух.

— И это будущее Британии, — тихо, словно про себя, сказал Шорт. Повернувшись к парням спиной, он зашагал прочь, не обращая внимания на брань, понесшуюся вдогонку.

Зато Бритиш Ньюспейпер Лайбрэри осталась такою же, как и прежде. Пол радовался, что у него есть предлог побывать в этом оазисе, где не увидишь испещренных надписями стен, не услышишь громких голосов, истошных воплей магнитофонов и карманных радиоприемников, не получишь в давке толчок в бок. Ничто не портит гармонии обстановки, нет здесь ни модных киосков, ни праздных компаний юнцов, лузгающих тыквенные семечки. Пол просмотрел каталог периодики и подобрал картотеку статей, где упоминалось о случаях похищения людей, о профессии телохранителя и об агентствах, поставляющих "горилл".

— За сегодняшний день вы не успеете прочесть все это, — вздохнув, заметила библиотекарша.

Пол окинул ее взглядом. Девушка была хороша собой: не такой яркой красоты, как Гвен, но стройная, крепкая и с округлыми формами. Портрет дополняли умные, внимательные глаза, каштановые волосы и прическа, модная во времена далекого детства Шорта.

— Ничего страшного. В крайнем случае зайду еще раз.

— Пожалуйста, — голос девушки звучал холодно.

Шорт подсел к столу и, пока ему подбирали заказанную

периодику, просмотрел полученный от Гвен список. Перечисленные там имена ничего не говорили ему, для этого он оказался недостаточно информированным. Журналисты, имен которых Шорт никогда не слыхал, во время пресс-конференций жонглировали совершенно не знакомыми ему именами знаменитостей, при этом складывалось впечатление, будто сами они прекрасно понимают, о чем говорит тот или иной их коллега. Шорт слишком поздно вошел в профессиональные журналистские круги, а то, о чем он собирался писать, требовало иного информационного материала. Тогда он решил подойти с другого конца: выяснить, каким родом деятельности занимались жертвы похищений. Были среди них один актер, один спортсмен — если профессиональный гольф считать спортом, — три бизнесмена, три политических деятеля и один рок-музыкант.

Пол сосчитал их: получалось девять человек. А Гвен сказала, что за год было похищено десять человек, пользовавшихся услугами "Профешнл Секьюрити". Возможно, она ошиблась. Скорее всего, это не меняло сути. А может, в этом и суть... Надо будет при встрече уточнить у Гвен.

Пол еще раз прошелся по списку. С кого же начать? Практически безразлично: к кому ни сунься, ему нигде не обрадуются. Все жертвы стремились избежать огласки, иначе в печати было бы множество откликов на их похищение. Теперь, когда мысль его работала в заданном направлении, он вспомнил всего два случая, о которых читал. Весть о похищении музыканта и игрока в гольф облетела газеты, однако эта тема довольно быстро сошла с повестки дня. Семьи незамедлительно выплатили выкуп, а заложники, возвратясь домой, отказались давать какие-либо интервью.

Начнем, пожалуй, с актера, решил он. Этот в силу своей профессии не прочь покрасоваться перед публикой. Прирожденный актер не удержится, чтобы не поговорить о себе, если представится такая возможность. Для прирожденного актера даже положение заложника — тоже своего рода роль. Как бишь его фамилия? Конли. Она не вызывала у Шорта никаких ассоциаций. А ведь актер этот должен был достичь определенных высот, если нанял себе охрану и если семья сумела выплатить выкуп.

Пол поднялся из-за стола и бесшумно, чтобы никому не помешать, направился полистать справочник "Кто есть кто". Фамилии Конли он не обнаружил. Захлопнул книгу, затем снова перелистал, прежде чем поставить на место. До сих пор он пребывал в уверенности, что в этом увесистом томе можно найти сведения о любом человеке, которого в этой стране полагается, нужно или можно знать.

Когда он возвратился к своему месту, на столе громоздилась большущая стопа переплетенных газет. Бедная библиотекарша, неудивительно, что она пыталась его отговорить!

Шорт уселся за стол и, прежде чем приступить к изучению первой газетной статьи, подумал: в списке фигурируют актер, спортсмен, бизнесмен, политический деятель, музыкант. Кто же будет следующей жертвой?

6

Они увидели, как на узкой, безлюдной, окаймленной деревьями дороге показался "бентли". Водитель грузовика, стоявшего на повороте дороги, повернул ключ зажигания, и старенький мотор зачихал-зафыркал. "Бентли" замедлил ход, а белый "форд", проворно обогнав его, вырвался вперед. В грузовике сидели двое — в светлых комбинезонах, украшенных эмблемой несуществующего транспортно-экспедиционного агентства. Та же самая эмблема была нарисована на борту грузовика и снабжена текстом: "Гарантируем доставку к месту назначения". Да уж, в чувстве юмора шефу не откажешь! "Форд" поравнялся с грузовиком; водитель вскинул глаза на кабину и на мгновение встретился взглядом с человеком, сидевшим возле шофера. Они в упор посмотрели друг на друга, затем "форд" проехал мимо, а водитель его опустил на сиденье легкий автомат и глянул в боковое зеркало. Он тотчас же нажал на тормоз, надавил красную кнопку на приборной доске и схватил микрофон, хотя и понимал, что все эти меры запоздали: грузовик в тот же момент встал поперек дороги, а сбоку, из-за окаймляющих дорогу деревьев, прогремели выстрелы.

Эшфорд испытал не страх, а скорее удивление. "Значит, не зря все было затеяно", — подумал он чуть ли не с радостью; нападение оправдывало чудовищные расходы по обеспечению безопасности. Когда он заключил договор с фирмой "Профешнл Секьюрити", его сразу же отвезли на тренировочную площадку, пояснив, что клиент тоже должен приобрести определенные навыки, чтобы во время акции не впасть в панику. Эшфорд ворчал, что попусту расхищают его драгоценное время, однако на учебные занятия поехал. И не пожалел об этом, получив истинное наслаждение. Для него словно вернулись времена детства, ожили приключенческие фильмы, где он был главным действующим лицом, которому не страшны никакие опасности. Автомобиль пуленепробиваем — теперь это не подлежало сомнению. На тренировочной площадке машина с Эшфордом и телохранителем прорвалась сквозь перекрестный огонь, преодолела кое-какие дорожные препятствия (пришлось, правда, заменить бампер и заново покрыть автомобиль лаком, но результат того стоил), отработала задний разворот, всякий раз успешно избегая нападения. Вот и сейчас Эшфорд проде-

лал то, чему его учили: сделал рывок в сторону и залег на заднем сиденье. Когда мотор взревел и машина подпрыгнула, резко набирая ход, он только ухмыльнулся.

Водитель "бентли" тоже поступил в точности так, как его инструктировали. Не стал ввязываться в перестрелку, не заботился об участи своего напарника; его задачей было спасти клиента во что бы то ни стало. У него не было ни времени, ни места, чтобы развернуться перед перегородившим дорогу грузовиком, но рядом пролегала узенькая, мощенная камнем дорожка, ведущая куда-то в поле или на отдаленный хутор. Увидев вставший поперек дороги грузовик и заслышав выстрелы, телохранитель Эшфорда дал газу. От него требовалось только держать руль прямо. Сквозь промежуток между двух деревьев автомобиль по прямой вылетел на боковую дорожку и помчался по пашне. Пыль взвилась клубами, образовав защитную завесу позади "бентли", машину нещадно подбрасывало на ухабах. Когда водитель заметил ловушку, было уже поздно. На тренировках подобную ситуацию не отрабатывали, так откуда же было взяться молниеносной реакции, превышающей человеческие возможности. Он не успел ни отклониться в сторону, ни затормозить. Через мгновение, когда телохранитель спохватился, правое колесо уже наехало на платформу-трамплин, машину подбросило, "бентли" с грохотом завалился на бок и, скрежеща металлом, сполз с дороги.

7

Томас Дир жил в Менстоке. Когда-то он преподавал курсантам "Спейшл Эйр Сервис" тактику рукопашного боя, затем вышел на пенсию и, насколько было известно Шорту, занимался разведением роз и предавался воспоминаниям. Они не виделись чуть ли не десять лет, и Пол сомневался, что бывший тренер вообще узнает его. Ну а чтобы тот помнил его по имени — и вовсе казалось невероятным. Так что от предварительного звонка по телефону пришлось отказаться.

Шорт возвращался домой поездом в четыре двадцать; дорогой он просматривал свои заметки, лишь иногда бросая беглый взгляд на пейзаж за окном, знакомый до скуки, и на соседей по купе, погруженных в чтение газет. Мирное зрелище это внушало чувство уверенности и постоянства, столь редкое в ненадежном, переменчивом мире.

Хэмпстед был дорогим пригородом, гораздо дороже того, что мог позволить себе Шорт, но ему не хотелось опускаться ниже этого уровня. Вдобавок ко всему он оплачивал полный пансион, хотя далеко не каждый день пользовался

кулинарными услугами хозяйки, да и не испытывал в этом ни малейшей необходимости. Сейчас он старался не думать о том, что будет, когда у него кончатся деньги, а этот момент — если дела и дальше пойдут так — наступит очень скоро.

Миссис Ипсом подавала ужин в семь часов. Велик был соблазн улизнуть из дому пораньше, поскольку хозяйка готовила отвратительно; в ее полусырых бифштексах Шорту мнилось одно из проявлений английского пуританства.

Из дома он вышел лишь после восьми, одолеваемый сомнениями, прилично ли наносить визит в столь позднюю пору, не залег ли старина Дир спать. Пол понятия не имел о частной жизни Дира, не знал даже, живет ли тот один или с семьей, в лоно которой возвратился после того, как энное количество лет обучал молодых парней приемам бесшумного убийства.

Пол гнал машину. Старенький "геральд" шестидесятых годов — двухместный спортивный автомобиль, чем-то напоминающий коренастого, плотного мужчину, — не утратил своей прыти и стремительно поглощал километры. Шорта охватило предчувствие приключений. Он ощущал под руками вибрацию старомодного руля; приборная доска, оправленная в дерево и усаженная рычажками и кнопками, поблескивала перед ним, когда на нее в очередной раз падал свет рефлекторов обгоняемой им машины.

К девяти он добрался до Менстока. Припарковался на главной площади, вышел из машины, похлопал ее по разогретому капоту и потянулся всем телом. Мирный провинциальный городок. Паб, где мужчины коротают время в разговорах за кружкой пива и метанием в цель стрелок, церковь, где положено появляться раз в неделю, тщательно ухоженные старинные дома. Мисс Марпл, героиня детективных романов Агаты Кристи, чувствовала бы себя здесь в своей стихии. Ну а Дир?

Шорт вошел в пивную. Все внутри выглядело так, как он себе и представлял; словно бы в угоду иностранцам оборудовали подлинную английскую корчму в старинном духе, где есть все, чему надлежит быть согласно путеводителям. Но здесь туристов не было и в помине, здесь все было подлинным. Один он выбивался из общего стиля. Пар тридцать глаз одновременно повернулось в его сторону, чтобы внимательно разглядеть чужака. Пол понимал, что слишком хорошо одет для этой обстановки и, должно быть, выглядит в глазах окружающих адвокатом или министерским служащим.

Он заказал кружку имбирного пива и, получив, сразу же выпил ее. Сделал знак налить еще одну и, лишь взяв в руки вторую кружку, задал бармену вопрос:

— Вы знаете мистера Дира?

Бармен промолчал, словно и не слышал вопроса. Шорт поставил кружку и наклонился над стойкой бара.

— Я, кажется, спросил вас о чем-то.

Бармен не выказал ни малейших признаков страха. Он невозмутимо продолжал протирать стаканы, из-под засученных рукавов рубашки виднелись крепкие мускулы.

— Я здесь не для того, чтобы отвечать на вопросы.

Шорт стал вполоборота, чтобы видеть посетителей. Препирательства с барменом положили конец деликатному разглядыванию незнакомца, теперь уже на него откровенно пялились во все глаза, и выражение этих глаз было отнюдь не дружелюбным. Н-да, если завяжется потасовка, перевес на их стороне будет значительный.

— Не может ли кто из вас сказать, где мне найти Томаса Дира? — обратился он к посетителям.

— Что вам от него нужно? — поинтересовался один из них.

— Я здесь не для того, чтобы отвечать на вопросы, — ухмыльнулся Шорт.

Мужчина встал и медленной, тяжелой походкой направился к нему. Шорту сделалось его жаль: местный силач, который обязан отстаивать собственный престиж. Сила, добытая физическим трудом на протяжении всей жизни, движения, погрузневшие от возраста, усталости, бесчисленных кружек пива и бифштексов, самоуверенность, приобретенная в стычках на ярмарках и в пивных. Совесть Шорта утихла, когда он увидел, что многие последовали примеру силача и медленно, но неотвратимо приближались к нему. Эти типы готовились не к рыцарскому поединку. Они рассчитывали на одностороннее удовольствие, и Шорт со своей стороны постарается им его обеспечить. Правда, не так, как те предполагают.

— Эй, Джон, Фред! Что здесь происходит? Спятили вы, что ли?

Голос был уверенный, привыкший повелевать. Шорту так и не удалось узнать, который из мужчин был Джон, а который Фред: все они застыли на месте. Правая рука Пола скользнула обратно к ручке зонта, и с этого мгновения предмет, который он держал в руке, перестал быть оружием, вновь превратившись в обыкновенный черный зонтик.

В дверях стоял Дир. Не похоже было, чтобы он постарел. Уже в ту пору, когда Пол впервые встретил его, он был поджарым, жилистым человеком с усами и с колючим взглядом. Правда, волосы у него вроде бы чуть поредели, да и в усах прибавилось седины, ну и, конечно, вместо униформы защитного цвета сейчас на нем был старомодный серый костюм, а на голове кепка.

— Вы ко мне?

Пол кивнул, не зная, как начать разговор.

— Вы меня наверняка не помните, но...

— Я помню вас.

— Понятно, — Пол выждал, пока Дир подойдет к нему. — Вот уж не думал, что так опасно наводить о вас справки.

По лицу Дира скользнула слабая улыбка.

— Что там, внутри? — Он едва уловимым кивком указал на зонтик Шорта.

— Ничего. Обыкновенный зонт. Просто ручка удобная: дерево твердой породы, добротная ручная работа. Ну и центр тяжести подходящий.

Дир удовлетворенно кивнул.

— И каким же ветром вас занесло сюда? Уж не привалило ли мне наследство?

— Я ведь не адвокат. Гм... мне подумалось, вдруг да вы согласитесь свести меня кое с кем. — (Дир не перебивал его вопросами; его словно бы и не интересовал предмет разговора.) — Мне бы надо кое-что поразузнать о профессии телохранителя. Потолковать с человеком, который на этом деле собаку съел... который занимается охраной важных шишек.

— Зачем вам это?

Шорту неохота было выкладывать всю правду.

— Это необходимо в качестве общей информации для работы, какой я сейчас занят. — При виде замкнутого выражения на лице Дира он вздохнул и добавил: — Я работаю над книгой. Материал подвернулся отличный, не тема, а конфетка, но для того, чтобы из этого получилась книга, мне необходимо знать все о профессии телохранителя. Понимаете, это мой последний шанс. Если к тридцати годам не добиться определенных успехов, то на мне уже можно ставить крест. Так и останусь безвестным бумагомарателем, буду пробавляться крохами с чужого стола. Тридцать лет мне стукнет через полгода. До тех пор я просто обязан написать свою книгу или, по крайней мере, собрать материал. — Он не стал уточнять, что к тому времени останется без гроша.

— Ну, а если у вас не получится?

— Заброшу это ремесло.

— И чем же тогда займетесь?

— Пока не знаю, — Пол улыбнулся. — Возможно, подамся в "гориллы".

Дир сделал знак бармену.

— Эта работа не для вас, — сказал он, вновь повернувшись к Шорту. — Вам не хватает терпения. Раз к тридцати годам не выбился в офицеры, то не надейся, что тебя когда-нибудь произведут в генералы... Но если следовать этому принципу, я давно должен был бросить армию, не так ли?

— Не знаю, — пробормотал Пол, испытывая крайнюю неловкость.

— Ну прямо, не знаете! Ведь я никаких высот не достиг.

Вышел в отставку безвестным тренером в звании сержанта. И все же пользуюсь уважением. — Он окинул взглядом сидящих, словно ждал от них подтверждения своих слов, а точнее, это был взгляд, каким властитель взирает на своих подданных. Шорту не давало покоя некое смутное беспокойство. Он припомнил недоверчивое выражение лиц, когда поинтересовался насчет Дира, припомнил враждебные взгляды, когда не пожелал ответить, зачем ему нужен Дир. Разве так приняли бы человека, разыскивающего всеми уважаемого, благочестивого прихожанина, который увлекается разведением роз и не прочь опрокинуть кружку-другую пивка в компании завсегдатаев? Шорту вспомнилось, с какой готовностью все снова расселись за столики по единственному окрику Дира и никто не задал ни единого вопроса. А голос Дира... звучал в точности так, как в былые времена на тренировках.

— Уж не проводите ли вы с ними занятия? — спросил Пол.

Дир усмехнулся.

— Занятия — слишком громко сказано. Так... показываю кое-какие приемы рукопашного боя, учу применению ручного оружия...

Дир произнес эти слова небрежным тоном, как если бы сказал, что в местном спортивном кружке занимается с любителями гимнастики. Но Шорт знал его другим. В учении Дир не давал поблажки, карая за малейший промах, за малейшую недисциплинированность. Курсанты понимали, что он прав, что от степени усвоения навыков может зависеть их жизнь, и все же трепетали от ужаса перед началом его уроков. Дир забирал у местного живодера отловленных и обреченных на уничтожение собак и заставлял учеников приканчивать их голыми руками или ножом. Некоторые готовы были от возмущения наброситься на Дира с кулаками; Пола после таких занятий мучила рвота, и он не мог спать ночами, ему и теперь иногда вспоминались глаза тех собак. Однако для курсанта лучше было как можно скорее пройти через это тяжкое испытание, ведь Дир заставлял повторять "упражнение" до тех пор, покуда человек не оказывался сломлен. Ребята ненавидели Дира, но знали, что он прав. Какой смысл заучивать приемы, если у командос не хватит духу пустить их в ход? Но одно дело — специальное подразделение британской армии и совсем другое — мирный провинциальный городок в сотне километров от Лондона.

— На кой черт? — поинтересовался Шорт. — Или ожидается высадка вражеского десанта?

Дир, не отрывая губ от кружки с пивом, внимательно смотрел на Шорта, словно раздумывал, может ли он ему довериться. Шорт выдержал его взгляд. Его не слишком интересовало, скажет ли Дир правду, важно было получить ответ

на один-единственный вопрос: нет ли среди друзей или приятелей Дира, бывших курсантов или знакомых тренеров такого, кто стал профессиональным телохранителем?

— Десант уже высадился, — ответил Дир. — Враги находятся среди нас. Они захватили общественные здания и стратегические пункты города, а теперь готовы рассредоточиться по всей стране.

— Не пойму, о ком вы говорите.

— Враги черные, желтые, коричневые, с тюрбанами на голове, с палочками в носу, с тамтамами и дротиками, с колдунами-вуду или с наркотиками. Взгляните, на что похож стал Лондон! Разве можно узнать нашу столицу?

— Нет, — вынужден был согласиться Шорт.

— Демонстрации, столкновения на расовой почве... И все это в Лондоне! Не где-то в проклятой богом Индии, а здесь, в центре Англии. У нас стало хуже, чем в Нью-Йорке, хуже, чем в растреклятой Африке. Вечерами люди не решаются высунуть нос на улицу.

Шорт согласно кивнул. Эту тему он неоднократно обсуждал с друзьями. Кто бы мог подумать, что она будоражит умы и здесь, в патриархальном Менстоке!

— Но ведь тут не Лондон, — возразил он.

— Тут и не будет как в Лондоне, — зловещим тоном процедил Дир. Несколько человек подсели к ним поближе, остальные явно прислушивались к их разговору и одобрительно кивали речам тренера. Дурное предчувствие Шорта усилилось.

— Их, вишь ты, сюда переселили, — вмешался один из посетителей. Совсем недавно он вместе с дружками готов был отделать Шорта, а сейчас обращался к нему с такой естественной непринужденностью, словно к закадычному приятелю.

— Кого переселили?

— Да всю эту окаянную индийскую колонию. Землю им дали задарма...

— Черта с два! И вовсе не задарма, а за деньги, — перебил его сосед по столику. — Я точно знаю, потому как...

— Дали им землю, продали — какая разница? Факт остается фактом: немытые индусы, чтоб им провалиться, обосновались колонией у нас под носом.

— Да они и не индусы вовсе, а...

— Не все ли тебе равно, кто они такие? Выкурим их, и дело с концом. Пусть убираются, откуда пришли, или хотя бы в тот же Лондон, но здесь чтобы и духу их не было!

Шорт посмотрел на Дира.

— Они что, свихнулись?

Дир ответил тихим голосом, однако у Пола по спине побежали мурашки.

— Попридержите язык.

— Вы сколачиваете боевую бригаду из мясников и владельцев бензоколонок, намереваетесь натравить их на ни в чем не повинных людей лишь потому, что у них иной цвет кожи, и мне же еще советуете попридержать язык?!

Пол достал двухфунтовую банкноту и положил на стойку бара. Огляделся по сторонам и увидел, что некоторые из мужчин опустили глаза. Не прощаясь, он повернул было к двери, но Дир окликнул его:

— В чем дело? Разве не желаете узнать нужное вам имя?

Шорт обернулся и медленно, раздельно произнес в ответ:

— Только не от вас!

Люди неохотно уступили ему дорогу. Ему не пришлось расталкивать их, но иные стояли так близко, что он, проходя, задевал их. Пол с облегчением вздохнул, захлопнув за собой дверь и наконец-то выбравшись на улицу. Распростершийся вокруг него городок тихо-мирно отдыхал. Он вздрогнул, когда рядом раздался голос.

— Красиво, правда? — Это был один из тех мужчин, кто в ответ на его гневную вспышку потупил взгляд. — Мы любим свой город и хотим, чтобы таким он и оставался.

Пол не ответил. Сев за руль "геральда", он дал газ, и машина, взвизгнув колесами, рванула с места.

Взгляды всех мужчин в пивной обратились к Диру, а тот допил остатки пива и сделал знак бармену.

— Как вы думаете, Том, не отправится ли этот тип в полицию? — осторожно поинтересовался один из завсегдатаев.

Дир отрицательно качнул головой.

— Может, все-таки стоило его попридержать?

Старый тренер презрительно растянул рот в ухмылке и молча окинул взглядом вопрошавшего.

— Это... ваш бывший ученик? — осенило мужчину.

— Притом самый лучший, — ответил Дир. — Самый лучший, черт бы его побрал!

8

Искушение было слишком велико: сделать небольшой крюк, и тогда можно вернуться домой по трассе Е-1... Время шло к полуночи. Не слишком-то прилично заявляться в такую пору к человеку, который недавно стал жертвой похищения, даже если ты всего лишь собираешься разузнать подробности этой истории. Впрочем, именно поэтому и неприлично. И все же после некоторого колебания Пол свернул по направлению к Челси. Актер, о котором он слыхом не слыхивал, который не фигурирует в справочнике "Кто есть кто?" и тем не менее держит дом в Челси и нанимает телохраните-

лей, — ради знакомства с такой личностью не грех совершить и небольшой объезд. Конечно, в глубине души Пол понимал, что дело вовсе не в этом. Его страшила сама мысль о том, чтобы сейчас вернуться под тихий, благополучный кров миссис Ипсом, прокрасться на цыпочках по лестнице, раздеться и нырнуть в постель. Стояла тихая ночь — зазывная, дразнящая; за неимением лучшего придется завернуть в какой-нибудь бар, пялить глаза на танцовщиц, заученно-вяло выполняющих свою работу, и напиться до зеленых чертиков. Тогда уж сочтем за лучшее вариант с полуночным визитом...

Пол сбавил скорость. Обыватели Оклей-роуд уже погрузились в сон. По обе стороны шоссе выстроились окруженные зеленью красные кирпичные дома; это был пригород примерно такого же типа, в каком жил он сам, только дома здесь были просторнее и красивее, да и жильцов в них наверняка было меньше, а в гаражах стояли дорогие, новейшей марки "ягуары", "роверы" и "БМВ".

Шорт наугад кружил по кварталам пригорода, приглядываясь к табличкам с названиями улиц. Он был уверен, что без расспросов найдет нужный адрес, и не удивился, когда выехал на Седар-стрит.

Замедлив ход, он следил за нумерацией домов. Сами дома тонули во мраке, Пол черепашьим шагом двигался вдоль цепочки садов, и приглушенное урчание мотора было единственным, что нарушало тишину. Только через окна одного из домов на улицу просачивался свет; поначалу лишь предчувствие подсказало Полу, что это и есть тот дом, который ему нужен, а затем, следя за нумерацией, он убедился, что интуиция его не подвела.

Шорт вышел из машины. Где-то жалобно подвывала собака. Шорт запер машину и спокойной, неспешной походкой направился в обход. Ему понадобилось десять минут, чтобы изучить все подходы к дому. Идея себя не оправдала. К заднему фасаду дома Конли вплотную примыкали соседние участки, и, чтобы подобраться к нему, пришлось бы перелезть через два-три чужих сада. Стоит ли так рисковать? Свет в доме по-прежнему горел, а за шторами словно бы различались движущиеся силуэты. Значит, актер еще не ложился спать. Нагрянуть к нему прямо сейчас или подождать до завтра и предварительно позвонить по телефону? Разумеется, так было бы приличнее, зато, если посетитель уже заявился в дом, от него труднее избавиться.

— Вы кого-то ищете, мистер?

Вежливой была лишь форма вопроса, однако во взгляде мужчины, задавшего этот вопрос, не было и намека на учтивость, а оружие, поблескивавшее в его руке, усиливало недоброе впечатление.

— Мистера Конли.

— Ах, вот как? — Голос мужчины выдавал не подозрительность, скорее злорадство. — Пожалуйте в дом.

Шорт почувствовал, как сердце его учащенно забилось.

— Благодарю, — сказал он. Будь он повнимательнее, его бы не застали врасплох. Впредь надо держать ухо востро. Но на сей раз Пол не жалел, что так вышло. С той минуты, как он выскочил из пивной в Менстоке, у него руки чесались подраться.

Мужчине не пришлось звонить. Едва они приблизились к двери, как та распахнулась, и, когда Шорт увидел стоявшего в холле телохранителя, он почувствовал, что приятных сюрпризов становится многовато. "Горилла" вымахал ростом в два метра, да и силой, видно, бог его не обидел: под пиджаком угадывались литые мускулы.

Он отступил на шаг в сторону, жестом указав Полу, куда идти. Движения телохранителя были легкими, как у танцора. Шорта ввели в красиво обставленную гостиную: строгая, старинная английская мебель, искусно сработанные, но неудобные для сидения стулья и столики с потайными ящичками. Правда, в углу комнаты стояло несколько современных кресел, на одном из них лежали массивные наушники.

Если комнату проектировали с таким расчетом, чтобы она внушала покой, то в данный момент эта цель не достигалась. Конли явно нервничал. Страх отражался в его глазах, страх чувствовался в его движениях, когда он шагнул было навстречу Шорту и в нерешительности остановился, не зная, как поступить. Зато "гориллы" свое дело знали. Один из них держался позади Пола на приличествующем расстоянии, а великан занял такую позицию, чтобы, сделав шаг, очутиться между Шортом и Конли.

— Этот мистер околачивался возле дома. Говорит, будто разыскивал вас.

— Меня? — У Конли оказался приятный баритон. Актеру было лет тридцать, черты лица резкие, угловатые; длинные каштановые волосы слегка вились. Контуры его высокой, стройной фигуры скрадывал толстый старомодный халат. Лицо его показалось Полу знакомым, теперь он был уверен, что прежде где-то видел актера.

— Я журналист.

— Вот оно что-о! — протянул стоявший сзади телохранитель, явно вкладывая в свои слова иронический смысл: тогда, мол, это дает право незваным вторгаться в чужие дома в любое время дня и ночи.

Конли заявление Пола ничуть не успокоило.

— И что вам от меня нужно?

— Я хотел с вами побеседовать и как раз раздумывал, не слишком ли поздний час для визита.

Здоровенный телохранитель расхохотался.

— Самое подходящее время, приятель! Полуночных визитеров мы жалуем больше прочих.

— Так чего же вы хотите? — спросил Конли.

— Я пишу о случаях похищения людей, — произнес Пол и почувствовал, как атмосфера в комнате вдруг разом похолодела; "гориллы" подступили ближе, Конли отпрянул назад. — Мне бы надо побеседовать с несколькими людьми из тех, кто был похищен, а затем отпущен на свободу.

— Сожалею, но помочь ничем не могу, — сказал Конли. — Прошу вас удалиться.

— Это не так-то просто, — вмешался в разговор гигант. Плавным движением он извлек из кармана пистолет. Оружие потонуло в его здоровенной лапище, и, не узнай Пол "беретту", он мог бы принять пистолет за игрушечный. Пол почувствовал, как стоявший за спиной телохранитель охлопывает его по бокам, затем сзади протянулась рука и вытащила из кармана его пиджака бумажник. На мгновение у Пола возник соблазн схватить эту руку и перебросить телохранителя через плечо, однако он поборол в себе искушение. Риск чересчур велик, а предполагаемая выгода слишком мала. Он стоял не шевелясь. Гигант убрал пистолет.

— Пол Шорт, — раздался сзади голос второго телохранителя.

— Если пожелаете, я буду крайне деликатен, — произнес Пол самым что ни на есть вкрадчивым тоном. — Я даже не упомяну вашего имени. Но для меня очень важно...

Конли молчал, уставясь отсутствующим взглядом в пространство.

— В течение года было похищено десять, точнее, девять человек, находившихся под охраной, — настойчиво продолжал Шорт. — Вы — один из них.

— Откуда вы знаете? — тихо спросил Конли.

— От полиции, — ответил Шорт.

— Этого не может быть, — возразил Конли. — Я не заявлял в полицию. Там ничего не знают о моем случае.

Наступило гробовое молчание. Затем Шорт услышал, как позади скрипнул пол под ногами приближающегося телохранителя.

— И все же полиции стало о вас известно, — повторил Пол, но слова его не произвели на присутствующих ни малейшего впечатления.

— По-моему, самое время связаться с шефом, — заметил тот, что стоял позади. — Не спускай с него глаз, а я пойду звонить.

Гигант кивнул. Пол прислушивался к звуку удаляющихся шагов, к скрипу открываемой двери. Какое везение, что телефон находится не в этой комнате, подумал он. Почем знать, представится ли еще такой случай.

Скроив испуганную мину, он сделал шаг к хозяину дома.

— Поверьте, мистер Конли...

Гигант не дал ему закончить фразу. Рука его снова нырнула под пиджак, а когда показалась наружу, в ней было зажато оружие. Однако тем временем и Шорт приступил к активным действиям. Увесистый зонтик зловещей палицей рассек воздух, и конец его обрушился на руку здоровенного телохранителя в тот момент, когда он ловил чужака на мушку. Шорт не ждал ответных действий противника. Сделав шаг, он выбросил зонтик вверх, так что удар его пришелся по горлу телохранителя. Пол ударил вполсилы, и не по кадыку, но вполне эффективно. Гигант застыл, словно пораженный молнией, начал судорожно хватать ртом воздух, а в следующее мгновение, когда Шорт подумал, уж не оглушить ли его ударом по голове, телохранитель рухнул.

— Не вздумайте пикнуть! — угрожающе прошипел Пол хозяину и, подобрав с ковра пистолет, в три прыжка очутился у двери и замер сбоку. Ему не пришлось долго ждать. Через минуту дверь отворилась и появился второй телохранитель. Он проворно скользнул в комнату и замер при виде распростертого на полу напарника. Реакция его оказалась похвально быстрой, и, не опереди его Пол ударом ребра ладони в затылок, неприятностей было бы не миновать.

— Не надо! — воскликнул Конли. — Поверьте, у меня совсем не осталось денег.

— Сколько вы им выложили?

— Сто тысяч.

— Как произошло похищение?

Конли явно не хотелось воспроизводить в памяти пережитое. И все же он сделал над собой усилие и заговорил: похоже, он считал себя в безопасности, пока отвлекал внимание громилы-журналиста рассказом. А может, надеялся, что с минуты на минуту подоспеет упомянутый шеф.

— Это случилось, когда я возвращался с работы, — медленно начал он. — Меня взяли буквально в дверях студии. Все разыгралось в течение нескольких секунд, так что никто ничего не понял. Какая-то банда, игнорируя меня, напала на телохранителей, и, пока все следили за дракой, один вооруженный тип преспокойно увез меня.

— Куда вас увезли?

— Не знаю. Мне завязали глаза.

— А на какой машине?

Конли пожал плечами.

— Сначала впихнули в черный "остин", а затем пересадили в какую-то другую машину. Но этого я уже не видел.

— И все же... — допытывался Пол.

— Я и сам много раз задумывался над этим. Автомобиль был большой — это совершенно точно, — с удобными сиденьями, с негромко мурлыкающим мотором. Возможно, континентальной или заокеанской марки.

Послышался гул автомобильного мотора, и оба застыли на миг. Машина проехала мимо, и за окном опять все стихло.

— Сколько времени вас держали заложником?

— Две недели. — По лицу Конли было видно, что даже воспоминания о тех днях вызывают у него панический ужас. — Я лишь потом узнал, что прошло так мало времени. А мне казалось, будто я провел там долгие месяцы.

— Где?

— Не знаю. Какая-то пустая комната, на пол брошен матрац. Газеты десятилетней давности, чтобы не сойти с ума. Горшок, который редко опорожняли, жидкая, скудная пища. Еду приносил какой-то тип в маске.

— Ну что же... — начал было Пол.

— Я и сам понимаю, что легко отделался, — кивнул Конли. — Меня не убили. Не возили связанным в багажнике. Не били, не пытали, не держали в боксе, где ни сесть, ни разогнуться. Я все понимаю... И тем не менее это было ужасно, — тихо добавил он.

— Сколько людей знает об этой истории?

— Понятия не имею. До сих пор я считал, что об этом мало кто знает.

Вновь послышался приближающийся гул мотора и через секунду стих в отдалении, словно предупреждал, что время не ждет.

Пол перешагнул через недвижно лежащего на полу телохранителя и направился в холл. В дверях он оглянулся. Конли — растерянный, подавленный — сидел в кресле.

— Последний вопрос. Эти люди — из "Профешнл Секьюрити"?

Конли покачал головой.

— Нет. После той истории я обратился к фирме Говарда Грина. — Губы его скривила невеселая усмешка. — Как видите, результат не лучше.

— Выше голову! — Пол швырнул пистолет на пол возле валявшегося в беспамятстве телохранителя и закрыл за собой дверь. Бегом промчался через холл, осторожно выбрался на улицу и с облегчением отворил дверцу своего "геральда". Едва он успел включить мотор, как раздался выстрел. Он был довольно метким, если учесть, что Конли целился из окна, при плохой видимости и с расстояния в десяток метров. Пуля просвистела позади "геральда" и угодила в дерево, расщепив кору. Пол не стал ждать, пока актер пристреляется. До отказа выжав педаль газа, он мысленно возблагодарил бога и конструктора машины, когда "геральд", словно сообразив, чего от него хотят, рванул с ходу.

"Что, бишь, говаривал инструктор на курсах в свое время? — весело подумал Пол. — Ни в коем случае нельзя

недооценивать любого противника, иначе можешь здорово поплатиться".

9

В окне у Гвен горел свет. Девушка снимала квартиру в квартале Сент-Пэнкрас, некогда знававшем лучшие дни. Уортон-стрит пока еще держалась, давним жильцам не хотелось уступать свое место, хотя все окрест менялось с молниеносной быстротой. Гвен нравилось жить близко к центру, нравились просторные комнаты и собственный гараж при доме. Однако гораздо меньше ей нравилось то, что возвращаться домой в одиночку и за полночь здесь не рекомендуется, да и оставлять машину на улице тоже рискованно.

Сейчас безлюдная Уортон-стрит выглядела мирно. Пол не сводил глаз с окна на четвертом этаже, откуда сквозь занавеску просачивался оранжевый свет. Это в спальне, думал он. С этой комнатой у него не связывалось никаких приятных воспоминаний: в пору их близости с Гвен девушка еще не переехала от родителей.

Пол тщательно запер машину и включил сигнализацию. Затем вернулся к перекрестку, где по дороге сюда приметил будку телефона-автомата. На улице не было ни души; должно быть, сюда не решались сунуть нос даже те, кого боялись по вечерам добропорядочные граждане. Гвен сняла трубку на десятый звонок.

— Чего тебе? — В голосе ее совсем не было той приветливости, которой человек вправе ждать от давнего друга.

— Открой подъезд. Мне надо подняться к тебе.

— Дело не терпит?

— Нет. К тому же я давно не видел тебя в ночной сорочке.

— Пол... пойми же наконец!

— Знаю. — Временами его раздражала эта новоиспеченная целомудренность Гвен. — Определенная стадия наших отношений завершена, и ты не собираешься начинать все заново, так что лучше бы мне подыскать другую партнершу? Гвен, ты прелестна и очаровательна, однако же не лишена тщеславия. Мне нужно поговорить с тобой. Ты знаешь о чем.

— Пол... — Девушка вздохнула. — Ты объявился некстати. Я не одна.

— Ага-а... — Шорт умолк, рассеянно постукивая пальцем по стеклу кабинки.

— Позвони завтра.

— Выстави этого типа, — сказал Пол. — Ночь на дворе, пора ему отправляться баиньки, к семье.

— Не смей говорить гадости!

— Я жду внизу. — Пол повесил трубку и зашагал обратно к машине. "Почему я обхожусь с ней так гнусно? — думал он. — Гвен совсем этого не заслужила. Уж она-то всегда вела себя по отношению ко мне порядочно". Ему вспомнился тот день, когда Гвен порвала с ним, и губы его скривила горькая усмешка. Может, он попросту ревнует? Пол никак не мог разобраться в собственных чувствах. За минувшие четыре года он свыкся с мыслью, что Гвен дарит свою близость другим мужчинам, а не ему, и не слишком терзался этим обстоятельством. Тогда отчего же он делает ей гадости? Ведь этот разговор действительно можно было отложить на завтра. Нет, дело не терпит до завтра, вслух произнес он и удивился, как странно и отчужденно звучит его голос на вымершей улице.

Любопытно взглянуть на очередного дружка Гвен. В свое время она бросила его, Пола, ради совсем юного парнишки; тот был моложе не только Пола, но даже самой Гвен. Нежное, как у девушки, лицо, мечтательные глаза, длинные ресницы, словом, симпатичный (по мнению Пола, вовсе не симпатичный) облик... Пол не хотел порывать с Гвен, сказал, что готов потерпеть, покуда ей не надоест удовлетворять с этим юнцом свои лесбийские наклонности. Однако Гвен проявила твердость. Связь с юнцом продлилась недолго, но и с Полом было покончено.

Шорт сел в машину и приготовился ждать. Минуты тянулись томительно, и Пола начали одолевать сомнения. Неужели Гвен оставит его в беде? Напрасно он так туго натянул струну, пожалуй, девушка сделает свой выбор не в его пользу, решив, что новый любовник лучше старого друга. Пол редко курил, но сейчас не смог удержаться. Он достал из бардачка пачку сигарет — свой неприкосновенный запас, — закурил и опустил стекло в окне. Из магнитофона лилась тихая музыка, и Пол усмехнулся, подумав, как нелепо иной раз жизнь создает ситуации, похожие на банальную сцену из пошлого фильма. Затем распахнулись ворота перед домом Гвен, вспыхнул яркий свет фар, и бесшумно, как обозленный хищник, на улицу выскользнул большой черный автомобиль. Прошло несколько секунд, прежде чем глаза Пола снова привыкли к темноте и он различил едва заметную в полумраке стройную фигурку. Потушив сигарету, он вышел из машины.

— Мог бы поторопиться, — сказала Гвен, зябко кутаясь в халат. Ночь выдалась прохладная, какие бывают в преддверии зимних морозов. Пол на ходу обнял Гвен за плечи, словно желая укрыть ее своим пальто. Девушка небрежным движением высвободилась из его объятий. Они молча поднялись на лифте. Никогда еще бывшая приятельница не казалась Шорту такой желанной и привлекательной. Гвен излучала женственность; подобно тому как на постели остается

отпечаток тела, так и в ней все еще жили отзвуки той интимной сцены, которую столь бесцеремонно прервал Пол.

На столе стояла пустая бутылка из-под шампанского, а рядом — бокалы: кто-то здесь строит из себя гурмана. Гвен достала из бара коньяк и чистые рюмки.

— Выпьешь?

Шорт тряхнул головой.

— Это был твой шеф?

Гвен не ответила, сделав вид, будто не слышала вопроса. Налила себе изрядную порцию коньяка и аккуратно завинтила пробку.

— Почему ты не сказала по телефону?

Девушка пожала плечами.

— Что я могла сказать? И вообще, ты явился выяснять отношения?

Пол встал и подошел к ней.

— Нет, Гвен, я пришел за другим. Я хочу знать, откуда тебе известно об этом деле.

— О каком деле?

Шорт вздохнул.

— Ты прекрасно понимаешь, Гвен, о каком деле идет речь. Возможно, для тебя это пустяк, но для меня — серьезней некуда. На карту поставлено мое будущее. Мне осталось менее полугода, чтобы добиться каких-то результатов. Чтобы написать книгу, которая привлечет к себе внимание и принесет мне известность, приличный заработок и последующие выгодные предложения. Ну а если не книгу, то серию статей. Если же это мне не удастся, всему конец. Я не могу больше тешить себя пустыми иллюзиями.

— Черт бы тебя побрал с твоими дурацкими принципами! Кто сказал, что в тридцать лет пора подавать в отставку?

— Я сказал. И давай, Гвен, не будем спорить на эту тему. Возможно, это безумие с моей стороны, возможно, просто каприз — не имеет значения. Я так решил и придерживаюсь своего решения. И настаиваю, чтобы ты тоже выполняла свои обещания. Мне подвернулся выигрышный шанс, тема будто специально на меня рассчитана. Ведь за кулисами этого дела явно творятся какие-то темные махинации, и если мне удастся разоблачить их, то я первым и напишу об этом, а на долю прочих журналистов останутся крохи. Итак, начнем по новой. Кто тебе сказал, что было похищено десять человек из числа тех, кого охраняли люди "Профешнл Секьюрити"?

Гвен пожала плечами.

— Не помню. Возможно, это было сказано не мне, а упомянуто в общем разговоре. Я знаю одно: когда я об этом услышала, то первая моя мысль была о тебе... А разве не все равно, откуда я об этом узнала?

— Нет, не все равно. В списке, который ты мне раздобыла, фигурирует лишь девять человек.

— Значит, я ошиблась. Неверно запомнила. Или мне неверно сказали. Девять ли, десять — какая разница? С таким же успехом я могла бы назвать дюжину.

Пол сел в кресло рядом с Гвен и обнял ее за плечи.

— Именно поэтому мне и важно установить, от кого ты узнала. Если услышала новость в буфете, то вполне вероятно, что говоривший округлил число жертв. Если же цифра называлась в официальном разговоре, значит, список твой неполный, что мало вероятно.

— Вообще невероятно, — улыбнулась девушка. — Список я получила из первых рук, от того типа, который занимается расследованием этого дела. — Она бросила на Пола кокетливый взгляд. — Я ему нравлюсь.

— Кто бы мог подумать! — шутливо воскликнул Пол.

Отбросив скованность, Гвен прижалась к нему. Ей хотелось приласкаться к Полу, обнять его, уснуть рядом с ним и проснуться подле него. Если бы только Пол мог удовольствоваться этим и тотчас же не потребовал бы большего! Гвен и сама не сумела бы объяснить, отчего она противится близости с ним. Пол по-прежнему нравился ей. Красавцем его не назовешь, но он не лишен привлекательности: высокий, широкоплечий, лицо с неправильными, резкими чертами словно скопировано со старинной медали. Истинное обаяние Полу придавали глаза — взгляд их, казалось, проникал в душу и давал понять: этому человеку небезразлично все, что происходит с тобой.

— Он сказал, что вообще-то не имеет права передавать этот список кому бы то ни было, — Гвен хихикнула. — И еще сказал, что он, мол, не спрашивает, для чего мне список, ему достаточно, что я попросила об этом. Каков, а?

— Последний из рыцарского племени. И список, по его мнению, полный?

— Да. Послушай, Пол! Этот человек — опытный профессионал и располагает всеми средствами для успешного расследования. Предоставь это дело ему, а я со своей стороны позабочусь о том, чтобы ты получил информацию одним из первых.

Гвен почувствовала, как мышцы Шорта напряглись.

— Это не одно и то же. Тогда всего лишь днем раньше, чем остальная свора, узнаю что-либо стоящее, а сливки снимет кто-то другой. Я и сам сумею размотать это дело не хуже, чем твой поклонник.

— Пол, — мягко произнесла девушка, — но ведь ты в этом мало смыслишь. Тебя натренировали в определенной области, и там ты хороший специалист, но здесь совсем другое. Ты не обладаешь навыками профессионального детек-

тива, ты не умеешь того, что должен уметь любой "горилла".

— Ну и что?

— Ты можешь здорово влипнуть. Если преступник оказался способен на целую серию похищений и жертв выбирал из людей, которые находились под профессиональной охраной, то такого гангстера стоит остерегаться. Думаешь, он спокойно будет смотреть, как ты наступаешь ему на пятки?

Пол улыбнулся.

— Возможно, я в чем-то уступаю профессиональному детективу или "горилле", но одному меня учить не надо: я знаю, как защитить себя.

— Неправда, Пол! Ты отлично знаешь, что это неправда. Ведь ты сам говорил, что любого человека можно схватить.

Шорт ласково провел рукой по длинной рыжеватой гриве.

— Я был у Конли. Он утверждает, что не заявлял в полицию о своем похищении.

— Значит, заявил кто-то другой. — Гвен склонна была находить простые решения.

— Но кто именно?

— Возможно, тот, кто занимался выплатой выкупа. Похитители наверняка пригрозили, что если он вздумает обратиться в полицию, то Конли или какой другой заложник будет убит. Человек послушно заплатил выкуп, а сам втихомолку оповестил полицию. Не сказал этот Конли, кто вносил за него выкуп?

— Нет.

— А что он говорил?

— Из него каждое слово пришлось вытягивать клещами. Мне показалось, что он живет один. Но ведь для уплаты выкупа достаточно было бы, скажем, письменного поручения банку.

— Удивляюсь, как он вообще согласился беседовать с тобой, — промолвила Гвен. — А может, сама фирма обратилась в полицию? Не исключено, что эти службы обязаны извещать полицию, если их клиент попадает в беду.

— Не исключено, — согласился Шорт, несколько раздосадованный тем, что сам не додумался до такой простой истины. — Выяснишь завтра?

— Если не забуду. — Девушка посмотрела на часы. — Но до тех пор хорошо бы поспать. — Она грациозно поднялась и бросила взгляд на Шорта. — Ты уходишь или намерен ночевать здесь, в кресле?

— Здесь, — ответил Шорт. — Только сниму ботинки.

Гвен взяла его за руку и повела в спальню. При виде смятой постели она на миг залилась краской. Шорт наблюдал, как она торопливо меняет простыню и надевает чистый пододеяльник. Такого оборота событий он никак не предпо-

лагал. Правда, постель настолько широкая, что можно было вольготно разместиться обоим, никак не соприкасаясь даже ненароком. Оба молча разделись, не отворачиваясь, Гвен погасила свет, и Пол на миг ощутил тепло ее тела, когда девушка придвинулась к нему, чтобы поцеловать. Затем Гвен оттолкнула его.

— Завтра мне рано вставать.

— А если опоздаешь, шеф закатит тебе выговор? — Он тотчас раскаялся в неосторожных словах, почувствовав, как Гвен напряженно сжалась. Затем девушка повернулась к нему спиной, и они лежали в одной постели как чужие. Шорт закрыл глаза, и, перед тем как уснуть, последняя мысль его была о Томасе Дире.

10

Было десять утра, когда Шорт добрался до дома. Служащие уже ушли на работу, детей на прогулку еще не выводили, а первая волна пенсионеров, владельцев собак и любителей покопаться в садике перед домом уже схлынула, так что квартал казался вымершим. Лишь миссис Ипсом, стоя в дверях и наблюдая, как Шорт паркует машину, производила впечатление бодрой и свежей. Женщина плотная, коренастая, она выглядела так, словно долгие годы пробыла в услужении, пока не стала сама себе хозяйкой. А вела себя миссис Ипсом так, будто всю жизнь ей прислуживали другие и теперь она глубоко уязвлена, что вынуждена зарабатывать на существование, сдавая комнаты. Но у жильцов не было причин жаловаться. Комнаты сверкали чистотой, дом был ухожен, ванную несколько лет назад модернизировали, еда... если и не такая вкусная, то, по крайней мере, горячая.

— Вас тут спрашивали, — сообщила она, когда Пол подошел к двери.

— Да-а?

— Два господина. Прилично одетые и очень уверенные в себе. В общем, похожие на полицейских.

Теперь Шорту стали понятны неодобрительные нотки в голосе миссис Ипсом. У хозяйки пансиона не было никаких предубеждений против полиции. Но тот факт, что полиция проявляет интерес к кому-либо из ее постояльцев, воспринимался ею как подрыв ее жизненных основ. Если эти двое действительно из полиции, то, может статься, Полу предстоит подыскивать себе новое жилье.

— Они предъявили удостоверения?

— Нет.

— Тогда это не из полиции. Полицейский обязан первым делом предъявить удостоверение.

Миссис Ипсом словно бы смягчилась.

— Вздумали допытываться у меня, когда вы бываете дома. Ну, тут я им дала отповедь. За кого, говорю, вы меня принимаете? Мои постояльцы — взрослые люди, приходят и уходят, когда пожелают, и я не шпионю за ними.

Пола начала забавлять эта история.

— Полагаю, ваш ответ удовлетворил их.

— Нет!

Они стояли у лестницы, словно бы пародируя сцену между Ромео и Джульеттой: Шорт — на второй ступеньке, выжидая удобный момент, чтобы устремиться к себе наверх, а миссис Ипсом — на площадке, опершись о перила.

— Эти люди настаивали на своем: вдруг да я знаю, когда вы должны вернуться, — возмущенно продолжала миссис Ипсом. — Вдруг да я слышала, как вы по телефону договаривались с кем-то о встрече или упомянули в разговоре со мной... Тут уж я им выдала по первое число! Не имею, говорю, привычки подслушивать чужие разговоры. Не имею, говорю, привычки приставать к постояльцам с расспросами. Не на такую напали...

Шорт легко представил себе, с какой поспешностью ретировались непрошеные посетители. Он и сам вроде бы ненароком переступал со ступеньки на ступеньку, взбираясь по лестнице все выше, и, когда миссис Ипсом закончила свою тираду, радостно припустил наверх. Что касается неизвестных гостей, у него были свои соображения на этот счет. Телохранители Конли, просматривая его, Шорта, документы, установили не только имя, но и адрес. Если они вообразили, будто он как-то связан с похищением Конли, то это не последний их визит сюда. Теперь они знают, что на страже дома стоит дракон, и в следующий раз попытаются перехватить Шорта в другом месте.

Отворив дверь, он застыл на пороге комнаты. Дом стережет сущий дракон, все верно, однако дракон не слишком внимательный и тугой на ухо. Все в комнате было перевернуто вверх дном, словно после варваровского нашествия. Беспорядок напомнил Полу его же собственную комнату в бытность его подростком. Опрокинутые стулья, расшвырянные одежда и белье, разбросанные по полу бумаги, сорванные со стен картины. Что бы ни искали наглые визитеры, они не дали себе ни малейшего труда скрыть следы своего посещения. Возможно, в этом и заключалась их цель — припугнуть Пола. Жаль, что он не ночевал дома. Или считать, что ему повезло? Пол улыбнулся. Он вышел в коридор, плотно затворив за собой дверь. Только этого не хватало, чтобы миссис Ипсом узрела комнату в таком виде!

Пол сбежал по лестнице вниз. Хозяйка — именно теперь, когда она понадобилась, — куда-то исчезла. Шорт знал что

она терпеть не может, когда постояльцы заходят на кухню, поэтому осторожно заглянул в дверь.

— Гм... эти господа... когда меня спрашивали?

— Ни свет ни заря. — Перед миссис Ипсом на столе лежала какая-то бесформенная, кровавая груда мяса, до того неаппетитная, что Шорт сразу же решил пообедать где угодно, но только не дома. — Это также навело меня на мысль, что господа из полиции.

— Угу-м... — Пол постарался деликатно ретироваться. Нетрудно было угадать в интонациях миссис Ипсом вопрос: если это не полицейские, то кто же? Хозяйку интересовало все касательно Шорта, а в особенности, на какие доходы он живет и что представляют собою его приятельницы. Правда, любопытство ее не заходило так далеко, чтобы позволить Полу приводить этих приятельниц домой.

К тому времени, как Пол вернулся к себе в комнату, первая волна ярости схлынула. Теперь он мог без лишних эмоций оглядеть свое раскиданное по полу имущество, не думая при этом, с чего начать и чем завершить расправу над теми, кто подверг его такому надругательству. Как же быть? Отправиться к Конли, чтобы оправдаться перед ним? Пол тотчас отверг эту мысль. Актер боится его как огня, он и разговаривать-то с ним не станет, а телохранители, увидев его, мигом схватятся за оружие.

Оружие! Он приподнял постельное белье и запустил руку в углубление между досками. "Смит-вессон" был на месте, к нему вроде бы не притронулись. И все же Пол захотел убедиться. В два прыжка очутившись у двери, он запер ее на задвижку и натренированными, быстрыми движениями разобрал пистолет. Дурную шутку могли сыграть с ним визитеры, если бы в острой ситуации вдруг обнаружилось, что из пистолета вынута какая-нибудь пружинка или другая "пустячная" деталь. Пружинка не была вынута, все детали пистолета были на месте. Непрошеные посетители разрядили все патроны, и Полу от них было бы мало проку. Теперь ему все стало ясно, в том числе и причина столь демонстративного разгрома. Понимая, что следов посещения не скрыть, визитеры учинили беспорядок бо́льший, чем требовалось, лишь бы отвлечь внимание от своей истинной цели. Ловко, ничего не скажешь! Пол вытряс патроны и сунул оружие в карман.

К Конли больше не нагрянешь, зато шефа телохранителей стоит проведать. Идея определенно имела смысл, и Пол, не отвергая ее, лишь перенес визит на "потом".

Он вскочил, едва постучали в дверь, и не успел опомниться, как уже держал пистолет наготове.

— Вас просят к телефону, — раздался голос миссис Ипсом.

Пол снова сунул оружие в карман. Много ли от него, незаряженного, толку, усмехнулся он.

— Сейчас подойду. — Он выждал, пока шаги женщины удалились, и лишь после того открыл дверь.

Звонила Гвен.

— Хорошо выспался?

— Превосходно. Мне снилось, будто ты лежишь рядом.

Гвен хихикнула. Затем голос ее посерьезнел.

— Пол! Совершено десятое похищение.

— Что-о?

— Жертвой стал некий бизнесмен по имени Эшфорд.

— Фабрикант оружия? — Пол присвистнул. — Когда его похитили?

— Вчера. Поступило заявление в полицию. А теперь держись, чтоб не упасть! Эшфорда охраняли двое — "гориллы" из "Профешнл Секьюрити".

— Зато этим специалистам наверняка ничего не стоит обезвредить бомбу любой конструкции, — с горечью произнес Шорт. Он не забыл жестокую проделку Бултона. — Так "Профешнл Секьюрити" само заявило о похищении?

— Нет, они посоветовали обратиться в полицию жене фабриканта. Миссис Эшфорд говорит, что люди "Профешнл Секьюрити" наводнили весь дом и ждут, когда похитители объявятся. Для них эта история — вопрос престижа... Миссис Эшфорд намерена уплатить выкуп, а поимку преступников возложить на полицию.

— Так что же ей мешает выставить их за порог?

В голосе Гвен прозвучали веселые нотки. Прямо поразительно, какая она любительница позлорадствовать на чужой счет, даже если человек попал в беду.

— Бултон ссылается на то, что договор, заключенный с Эшфордом, пока не утратил силы и супруга не вправе расторгнуть его. А это в свою очередь дает Бултону право принимать охранительные меры по своему усмотрению. Отвязаться от него невозможно.

— Твой поклонник тоже пытался это сделать?

— Да. — Девушка вдруг перешла на шепот. — Кончаю. Позвони мне в полдень.

Шорт, покачав головой, повесил трубку. Он знал, что, когда говоришь с этого допотопного настенного аппарата в прихожей, каждое слово отчетливо доносится в кухню, а миссис Ипсом подслушивала, можно не сомневаться. Пол улыбнулся, представив, что же уловила хозяйка из этого разговора. "Ты лежишь рядом... фабрикант оружия... умеют обезвредить любую бомбу... твой поклонник..." Бодро взбежав по лестнице, он принялся ликвидировать последствия учиненного разгрома.

11

Чемпион по гольфу отбыл за границу. Шорт и сам мог бы узнать об этом, если бы внимательнее следил за газетными сообщениями, но для него это оказалось новостью, и сдержанный мужской голос на другом конце провода дал понять, что такое невежество оскорбительно. Об исчезновении рок-музыканта в свое время взахлеб писали все газеты, так что Шорт не видел смысла в визите к нему. Следовательно, оставались три политических деятеля и три бизнесмена. Пол колебался, к кому из них обратиться. Политических деятелей он отверг почти сразу. К ним не пробиться, да и по натуре своей эти люди весьма недоверчивы. Среди бизнесменов ему было знакомо лишь одно имя: один из ведущих менеджеров новой генерации, британский аналог японского Якоки, умный, решительный, не боящийся риска руководитель, способный ловко наладить любое дело. Шорт испытал некоторое удовлетворение при мысли, что даже такого человека ухитрились похитить и тот имел возможность испытать, каково самому оказаться в зависимом положении. С этим бизнесменом у Шорта тоже не было охоты разговаривать. Из двух оставшихся в списке он выбрал того, кто жил в Лондоне.

К телефону подошла секретарша. Голос вежливый, но с оттенком нетерпения, легкий шотландский акцент.

— Нельзя ли узнать, по какому вопросу?

— Нет, — отрезал Шорт и тотчас добавил: — Прошу извинить.

Он прекрасно понимал, что означала короткая заминка в разговоре: секретарша прокручивает про себя все возможные варианты. В ее обязанности входит ограждать шефа от чудаков с бредовыми идеями, телефонных хулиганов, навязчивых просителей, маловажных и совсем не важных клиентов. С другой стороны, у шефа действительно бывают дела, улаживаемые с глазу на глаз, в обход секретарши. Учтивый, но решительный тон собеседника, его оксфордское произношение, очевидно, произвели на женщину некоторое впечатление. Шорт удержался от искушения попробовать убедить секретаршу: это повлекло бы мгновенный отказ.

— Подождите, пожалуйста.

Пол облегченно вздохнул. Он был почти уверен, что мистер Финн проявит должное любопытство.

— Я слушаю. Что вам угодно?

Шорт ожидал, что в голосе Финна прозвучит подозрительность, враждебность, а то и агрессия. Но не услышал ничего похожего. Голос собеседника был прежде всего учтивым, и в вопросе словно бы сквозила ирония.

Пол решил, что самое разумное сразу приступить к сути.

— С вами говорит Пол Шорт, писатель и журналист. Мне стало известно, что за последний год похищено десять человек из числа тех, кто пользовался услугами фирмы "Профешнл Секьюрити".

— Десять?

— Да. Слишком много для простого совпадения.

— Жду вас в шесть вечера. Адрес знаете?

Пол повесил трубку и вышел из телефонной будки. Напротив, в окне первого этажа, колыхнулась занавеска: миссис Ипсом вынуждена была примириться с тем, что жилец предпочитает звонить из автомата, хотя в пансионе есть телефон. И поделом ей, чтобы неповадно было подслушивать! Пол не торопился переходить улицу, несколько минут постоял, радуясь внезапно проглянувшему солнцу и своей неожиданной удаче. Он не надеялся, что с Финном удастся договориться так легко. Не слишком ли легко? Полу вспомнилась встреча с Конли. Возможно, Финн не менее подозрителен, чем актер, просто скрывает свою недоверчивость, чтобы заманить любопытствующего журналиста в ловушку. Не исключено, что целый отряд телохранителей из "Профешнл Секьюрити" будет подстерегать его в доме Финна.

Пол только было собрался идти к себе, как вдруг у подъезда пансиона остановилась машина — из тех, которые непривычно было видеть на этой улице и у этого дома. Здешние обитатели принадлежали к так называемому среднему сословию, то есть не были ни слишком бедными, ни слишком богатыми. Роскошный черный "ягуар" поблескивал толстыми голубоватыми стеклами и был снабжен двумя антеннами. Из машины вышел блондин среднего роста, в сером костюме. Упругой, тренированной походкой он приблизился к подъезду точно так же, как учили в свое время и самого Пола: стараясь зайти сбоку от двери. Мужчина проделал маневр так ловко, что человек сторонний, не обладающий наметанным глазом, вообще не заметил бы этой уловки. Не похоже было, чтобы мужчина намеренно поступил сейчас так, скорее, осторожность стала его второй натурой, и, даже возвращаясь домой, он подходит к двери точно таким же манером.

Дверь распахнулась прежде, чем незнакомец успел притронуться к звонку. Шорт не раздумывая отскочил в сторону и пригнулся, прячась за какой-то припаркованной у тротуара машиной. Наблюдая через стекло, он увидел, как миссис Ипсом махнула рукой, указывая на телефонную будку, затем выражение ее лица стало растерянным. Через несколько мгновений мужчина скрылся в доме, и дверь подъезда захлопнулась.

Драконша сообщила, что я всего лишь вышел позвонить и с минуты на минуту должен вернуться, истолковал уви-

денную сцену Пол. В данный момент блондин сидит в гостиной и миссис Ипсом потчует его чаем с печеньем. Да и коньяком тоже, добавил он. Сколько же продлится этот визит, минут пять—десять? Пол сел в свой "геральд", откинул сиденье. Улегся в машине, словно собираясь вздремнуть, и приладил зеркальце так, чтобы следить за выходом из дома.

Прошло томительных полчаса. Полу стало казаться, что незнакомец вообще не уйдет, так и останется здесь на полном пансионе или же попросит руки миссис Ипсом. Наконец на пороге показалась спортивная фигура загадочного блондина. Пол осторожно приподнялся и привел сиденье в прежнее положение. Его не обучали преследованию автомобилистов, поэтому пришлось положиться на здравый смысл. Он выждал, когда "ягуар" отъедет, и лишь потом включил мотор. Черный автомобиль, сделав на углу широкий разворот, свернул вправо, к Мэнсфилд-роуд. Пол повернул обратно. По всем его прикидкам, водитель "ягуара" направляется к Хаверсток-Хилл, надо попытаться перехватить его там. Конечно, есть некоторый риск потерять объект, зато не придется висеть у него на хвосте, петляя по безлюдным переулкам.

Пол стремительно мчал по знакомым улицам. Мимо мелькали красные кирпичные домики, какой-то старик, выгуливавший бульдога, недоуменно посмотрел вслед "геральду", знакомый ухаб на одном из перекрестков словно бы стал чуть больше со вчерашнего дня. Затем, добравшись до оживленной магистрали, Пол сбавил скорость и выждал у перекрестка. Расчет его оказался верным. Через несколько минут появился черный "ягуар". Изящно, горделиво, уверенно плыл он в ленивом потоке машин, подобно гиганту, считающему ниже своего достоинства кичиться силой. Пол выждал, пока между ним и "ягуаром" окажутся еще две машины, после чего пристроился в тот же ряд. Задача его оказалась несложной. Незнакомец за рулем "ягуара" своевременно подавал сигналы о переходе в другой ряд, не стремился проскочить у светофора на желтый свет и не шел на грубые обгоны. Они двигались к центру города. Здесь Пол чувствовал себя чужаком. В дневное время он ездил поездом, а машиной пользовался лишь в вечерние часы, когда даже на центральных улицах нетрудно найти место для стоянки, зато без машины гораздо труднее добираться домой. Движение вокруг становилось все оживленнее, и, хотя Пол искусно водил машину, он чувствовал, что ладони у него взмокли от пота. Он подтянулся поближе к "ягуару".

Проехав Кэмден-Хай-стрит, они свернули на Хемпстед-роуд, пересекли Оксфорд-стрит и промчались вдоль Тотенхэм-Корт-роуд. Наконец гонка закончилась в переулке у

Кэнон-стрит, неподалеку от Даунинг-стрит. Это была уютная, тихая улочка, снабженная знаками, запрещающими стоянку автомобилей. Незнакомец плевал на эти запреты. "Ягуар" замедлил ход и преспокойно остановился у одного из домов. Запомнив номер дома, Пол проехал дальше, свернул на первом же перекрестке, припарковал машину под прямым углом к тротуару и чуть ли не бегом вернулся назад. "Ягуар" стоял на прежнем месте, мужчины не было видно. Пол взглянул на табличку у подъезда: "Адмиралтейское хозяйственное управление". Сунув руку в карман, другой рукой Пол нажал на ручку двери.

Перед ним открылся сумрачный, отделанный мрамором вестибюль, в нишах вдоль стен — статуи, в конце вестибюля — две лестницы, расходящиеся в стороны, потолок расписан фресками. Вместительная, матового стекла будка швейцара, размещенные по углам телекамеры производили впечатление такого же стилевого сбоя, как радар на шхуне "Санта Мария". Пол осторожно попятился. Впрочем, все же недостаточно осторожно: спиной он наткнулся на что-то твердое, и спокойный мужской голос позади произнес:

— Не двигаться.

Пол и не двигался. Он замер вроде бы в спокойной, расслабленной позе, на деле же — готовый к прыжку.

— Мистер Шорт?

Пол кивнул.

— Проще было бы дождаться дома. Меня прислал Дир. Он сказал, чтобы я помог вам.

Пол медленно обернулся. Мужчина в сером костюме не спеша убрал пистолет. Ростом он был ниже Пола, по внешнему виду ему с одинаковым успехом можно было дать как тридцать, так и сорок лет, а то и больше. Волосы у него были белокурые, вьющиеся, глаза — невинные, голубые, а лицо представляло собой занятную смесь ангельского лика и лукавой бесовской физиономии. Он не производил впечатления мускулистого атлета, но Пол был стреляный воробей, он не мог купиться на такое обманчивое впечатление.

— Проходите, — мужчина вежливо указал дорогу. Они поднялись на четвертый этаж в старомодном лифте; должно быть, где-то в начале века, когда модернизировали здание, этот лифт был встроен в старинный особняк. Деловито пройдя до конца длинного коридора, они свернули направо, и наконец блондин распахнул какую-то дверь. Они очутились в удобном кабинете: массивный письменный стол — почти совершенно пустой, приземистые кожаные кресла, книжные стеллажи, уставленные старинными фолиантами.

— Надеюсь, вы не в претензии, что я не представился? Зовите меня без церемоний, просто Джон. Присаживайтесь.

Шорт сел. Странные, однако, у Дира приятели.

— Вы тоже обучались у старины Дира? — поинтересовался Пол.

— Нам случалось работать вместе, — улыбнулся мужчина. — Выпьете что-нибудь?

Хозяин наполнил рюмки, и оба чуть пригубили напиток.

— Дир сказал, что вас интересует профессия личного телохранителя, — осторожно начал Джон. — Позвольте спросить, чем вызван такой интерес.

Шорт поставил рюмку, обдумывая, стоит ли раскрывать свои замыслы перед человеком, который не склонен назвать даже собственное имя.

— Не поймите превратно, с моей стороны это не праздное любопытство. Но информация о вас, которой я располагаю, позволяет допустить, что вы замышляете покушение на премьер-министра.

Пол вздохнул.

— Одного за другим похищают людей, которые для своей личной охраны пользуются услугами определенной фирмы. Я журналист, и эта тема представляется мне перспективной. — Пол умолк. Невинные голубые глаза Джона с интересом изучали его лицо. Пол был уверен, что собеседник многое знает о нем: знает, что у него нет договора на будущую книгу и что журналистикой ему пока что не удавалось прокормиться; пожалуй, ему даже известно, какая сумма хранится на банковском счете Шорта. — О похищениях вроде бы не заявляли в полицию, и все же полицейские осведомлены на этот счет, и — что самое странное — об одном нападении им, похоже, было известно раньше, чем оно свершилось.

— Что это за фирма?

— "Профешнл Секьюрити". Знаете такую?

Джон пожал плечами.

— Понаслышке. С Бултоном, главою фирмы, знаком лично. В своем деле он разбирается.

Насколько было известно Полу, Бултон работал в Ирландии, обеспечивая безопасность ведущих политических деятелей. Возможно, их знакомство с Джоном относится к той поре.

— Так какие же сведения вам хотелось бы получить? — спросил Джон.

— Я и сам не знаю, — искренне признался Пол. — К примеру: что нужно, чтобы основать такую фирму, сколько можно заработать на этом деле, каковы должны быть капиталовложения и велик ли при этом деловой риск, какова техника охраны того или иного лица и почему все же возможны похищения...

— Понятно, — сказал Джон. — Тогда вы получите некоторое представление об этом роде занятий. Первое, что вам необходимо знать: на сегодняшний день это действительно серьезная профессия. Под телохранителями раньше понимали просто дюжих парней. Если какому-то лицу требовалась защита, то нанимали частного детектива или человека, который не прочь при случае ввязаться в драку. Но, как вам известно, преступник всегда на шаг опережает полицейского. Имеется в виду не конкретное преступление, а тенденция. Появление автомобилей само по себе не приводит к созданию отдела по борьбе с угонщиками машин, полиция спохватывается, лишь когда торговля крадеными машинами становится солидной статьей коммерции. Аналогичным образом вдруг выяснилось, что частный сыщик или драчун не способны обеспечить безопасность. Преступники и здесь ушли вперед.

— В чем именно?

— Да во всем, что ни возьми. Речь идет уже не о том, что кто-то захочет надавать пощечин... скажем, министру иностранных дел, а о том, что его могут застрелить, бросить в него бомбу, пустить ракету с дистанционным управлением и так далее. Следует исходить из посылки, что террористы оснащены лучше, нежели армия какой-нибудь небольшой страны. Преступники имеют неплохой приварок, и к тому же на их стороне неоспоримое преимущество: они-то знают, кого хотят схватить, когда и как. Вы же должны охранять от их нападений человека, который склонен вести более или менее нормальный образ жизни: ездить на службу, совершать загородные прогулки, встречаться с избирателями или с интимной приятельницей. И всегда, каждую минуту он как бы находится под прицелом, а ваше дело смотреть, чтобы его не подстрелили из засады, не задушили во сне, в толпе не пырнули ножом, не подорвали в собственной машине. И при этом вы не спрячете своего подопечного в сейф на том основании, что из тысячи человек девятьсот девяносто девять или вся тысяча желают пожать ему руку или побеседовать с ним. Но глаз не спускать вы должны со всей этой тысячи. В наше время, если человек опасается покушения, он нанимает профессионального телохранителя из числа тех, кто заработал стаж в государственной службе безопасности. Кто должным образом показал себя в деле. Кто прошел специальную подготовку и натаскан на операциях подобного рода.

Шорту вспомнилась характеристика, какую дал этой работе Бултон.

— Лучшими профессионалами считаются израильтяне, — продолжал Джон. — Они в своем роде монополисты на мировом рынке. В большинстве стран люди, которые опасаются за себя, нанимают израильских телохранителей. Это

жесткие ребята, отлично знают свое ремесло и обладают боевым опытом. Пожалуй, у нас они пользуются наименьшим успехом. Англичане — народ консервативный, и деятельность полиции и секретной службы все еще окружена у нас некоторым ореолом. Предполагается, что Королевская морская пехота по-прежнему лучше "зеленых беретов". Как знать? В конце концов, ведь опыта и у нас хватает. Во всяком случае, у Бултона опыт есть, это точно.

— Тогда почему же у него такое количество проколов?

— Не обязательно это проколы. Любую защиту можно пробить.

— Тогда вся затея гроша ломаного не стоит! — возмущенно воскликнул Пол.

Джон пожал плечами. Не выказывая ни малейших признаков нетерпения, он глядел на Шорта, точно финансовый эксперт, дающий клиенту советы, как с наибольшей выгодой поместить ценные бумаги.

— Это всего лишь вопрос материальных возможностей, дружище. Или, упрощая дело, можно сказать и так: далеко не все равно, охраняю ли я кого-нибудь с помощью двадцати телохранителей, а вы в одиночку пытаетесь его похитить, или же я охраняю один, а вы нападаете с двадцатью подручными. Небезразлично также, назначила ли какая-то шайка экстремистов награду за голову вашего клиента, или же он попросту настолько богат, что может позволить себе иметь телохранителей. Ведь большинство людей держат телохранителей совершенно понапрасну. Ну, пусть не понапрасну, а в качестве этакого страховочного ремня: возможно, он никогда не понадобится, но если хоть раз в нем возникнет необходимость, то многое зависит от того, окажется ли он в нужный момент под рукою... А что за люди были похищены у "Профешнл Секьюрити"?

— Актер, спортсмен, политические деятели, бизнесмены.

— Политические деятели какого рода?

Шорт пожал плечами.

— О двоих из них я до этого случая и слыхом не слыхивал, а третий, если не ошибаюсь, недавно стал руководителем какой-то второстепенной партии.

— Да, — кивнул Джон, — такому человеку не мешает принять кое-какие меры предосторожности. Впрочем, не впадая в крайности: такая система охраны, какая полагается, скажем, премьер-министру, мелкой сошке не по карману. Один-два телохранителя, кое-какие элементарные превентивные меры — и этого вполне достаточно.

— Однако же оказалось недостаточно, — заметил Шорт.

Джон беспомощно развел руками.

— Полноте, дружище. Вы хоть представляете себе, во сколько обходится содержание одного телохранителя в сутки? Двух человек вполне должно было хватить.

— Ну а... какие силы нужно задействовать, чтобы похитить человека, охраняемого в соответствии со "средней нормой"?

— Это зависит от целого ряда обстоятельств, — Джон улыбнулся обаятельной улыбкой. — Но если желаете во что бы то ни стало услышать какие-то цифры, назову следующие: я бы, например, использовал для нападения шесть человек. И, конечно, мне понадобились бы машины, места укрытия, всевозможная информация...

— Машины в таком случае, полагаю, краденые? — перебил его Пол.

— О чем вы говорите, старина? Краденые машины — лишний риск. Маловероятно засыпаться на этом, но и не исключено. Нет, в таких случаях пользуются машинами, раздобытыми совершенно законным или почти законным путем, и зарегистрированы они должны быть на людей, к репутации которых не подкопаешься. Необходимы один-два мощных автомобиля или мотоцикла, и требуется фургон или грузовик, если нападение планируется совершить на дороге.

— Дорогое удовольствие.

— Помилуйте, да если вы готовитесь напасть на человека, охраняемого профессионалами, это всего лишь минимум!

— Понятно, — сказал Шорт, хотя вовсе ничего не понял. Сбивчивые мысли толклись в мозгу, хотелось самому как следует во всем разобраться, не спеша взвесить полученную информацию.

— Желаете еще что-нибудь узнать? — спросил Джон и, когда Пол отрицательно качнул головой, поднялся. — Я слышал, вы вроде бы ищете работу... Если да, то обращайтесь ко мне. Вдруг я смогу помочь. — Похоже, в тоне его не сквозило иронии.

— Обратиться сюда? — спросил Шорт.

— Гм... лучше не сюда, дружище. — Джон деликатно направлял его к выходу. — Отыщете меня через Томаса Дира.

— Ясно. — Замешкавшись у порога, Пол словно ненароком поинтересовался: — Не знаете, чем заполняет наш старик свой пенсионный досуг?

— Полагаю, разводит цветы. Что же еще ему остается?

— Да, конечно... — пробормотал Шорт.

Джон проводил его до самого выхода. Не обращая ни малейшего внимания на суровых стражников, сидящих в стеклянной будке, провел гостя через вестибюль и у двери на прощание похлопал Пола по плечу.

— До свидания, дружище.

Первое, что увидел Пол, очутившись на улице, был его собственный "геральд". Автомобиль стоял напротив подъезда, возле указателя "Стоянка запрещена". Расхаживающий

по противоположному тротуару полицейский бросил на Шорта скучающий взгляд и отвернулся.

12

То ли в пивной со вчерашнего дня стало темней, то ли Гвен сегодня выглядела более бледной. Девушка явно нервничала, в глазах ее отражалось беспокойство. Шорт пришел чуть раньше условленного часа, но Гвен уже была на месте. Она сидела в одной из боковых кабинок, длинные пальцы ее нервно барабанили по краю стола, а взгляд был устремлен на дверь. Шорт стряхнул с зонтика воду. Он нашел место для стоянки за пятым перекрестком отсюда, а дождь начался как раз в тот момент, когда он вылез из машины. Посетителей было мало, зал не полнился, как обычно, гулом людских разговоров, даже из дальнего угла была видна входная дверь, а за стеклом — косые полосы дождя и силуэты торопливо идущих людей. В полумраке тускло мерцали медное покрытие стойки бара и рукоятки кранов. И глаза Гвен тоже как бы мерцали в полумраке.

— Что-то стряслось?

Девушка утвердительно кивнула.

— Да, серьезная неувязка. Знаешь, от кого исходит информация, что в этом году похищено десять человек, охраняемых ''Профешнл Секьюрити''? — И, не дожидаясь ответа, выпалила: — От меня!

Наклонившись вперед, Шорт взял ее за руку.

— Чуть понятнее, если можно.

— Я попыталась выяснить то, что тебе нужно, спросила у девушек, может, кто помнит. Нет, сказали мне, не помнят. Тогда я стала просматривать донесения, поступающие из Скотленд-Ярда... — Умолкнув, она нервно провела рукою по волосам. Пол понимал, в чем тут сложность: она должна изложить всю историю так, чтобы ему было понятно, однако она не имеет права вдаваться в подробности служебных дел. — Словом, Скотленд-Ярд присылает донесения не о каждом преступлении, а лишь в тех случаях, если выявляется определенная тенденция. Если, к примеру, в каком-то районе вдруг вдвое возрастает число карманных краж, ну и тому подобное...

— И нашего дела не было среди донесений?

— Именно что было! — Гвен вздохнула. — Отписка, где сказано, что по просьбе министерства инспектор Ярда из отдела особо опасных преступлений приступает к расследованию. Не они информировали нас, что десять человек похищено, а мы их.

— Не беда, — успокаивающим тоном произнес Пол. Он

сделал знак официанту и снова повернулся к Гвен. — Проверишь, кем было подписано распоряжение Ярду, и все станет ясно.

— Так здесь-то и собака зарыта, неужели ты еще не понял? — Девушка невольно повысила голос. — На этом растреклятом письме стоит моя подпись! И моя печать.

При иных обстоятельствах у Пола вызвали бы улыбку слова Гвен о собственной печати и подписи, поскольку она всего лишь на правах секретарши регистрирует письма и скрепляет их печатью своего шефа.

— И как же ты поступила?

— Позвонила Хогарти. — При виде недоуменного лица Пола она нетерпеливо пояснила: — Инспектору, которому поручено расследование... От которого я получила список.

— И что он ответил?

— Что список он получил от нас, но, к сожалению, у него пока еще не было времени заняться им.

Шорт рассеянно наблюдал, как шумная, веселая компания застигнутых дождем и промокших мужчин направляется к стойке.

— Почему же у него не было времени?

— Он совсем недавно получил это дело — примерно тогда же, когда я сказала тебе о нем. Две недели назад. Хогарти отложил его, потому что у него, как он выразился, тысяча более важных дел. Единственное, что он сделал, — проверил, сколько заявлений поступило в полицию. О четырех похищениях, Пол, всего лишь о четырех похищениях! Теперь, когда похитили Эшфорда, пожалуй, Хогарти отнесется к делу серьезнее.

— Я должен поговорить с ним.

Гвен покачала головой.

— Ничего не выйдет. Сама я еще могу выдать служебную тайну гражданскому лицу, но от других я не вправе ждать этого.

— Полно, Гвен! Я всего лишь журналист, значит, и "другие" вправе высказаться перед представителем прессы.

Гвен пренебрежительно махнула рукой.

— Перед представителем прессы — разумеется. Кстати, знаю я твои вопросы.

Наклонившись вперед, Пол заглянул в глаза девушке.

— Прошу тебя, Гвен. В угоду тебе он наверняка ответит на мои вопросы.

— Наверняка, — подхватила девушка и улыбнулась, впервые с того момента, как Пол подсел к ней. — Но за любезность надо заплатить определенную цену. Хогарти не из тех мужчин, кого удовлетворит улыбка в качестве награды или простым ужином тет-а-тет.

Лицо Шорта окаменело.

— Ты по-прежнему настаиваешь, чтобы я попросила его? — осведомилась Гвен.

— Да.

Девушка посмотрела ему в глаза знакомым, испытующим взглядом, словно надеясь проникнуть в потаенный мир другого человека, прочесть его мысли.

— Оно так много значит для тебя, это дело, Пол?

— Да, — кивнул Шорт.

13

Да, оно для меня очень много значит, думал Пол, переступая порог кабинета. Безил Ким, владелец и директор издательства "Ким Паблишер компани", оторвался от чтения рукописи и сделал Шорту знак подойти ближе. При виде пуританской обстановки кабинета никто бы не подумал, что отсюда руководят деятельностью десятка крупных и мелких журналов и даже книжного издательства. Два дешевых кресла, небольшой письменный стол, сплошь заваленный газетами, вырезками из статей, письмами, на полу — кипы книг в живописном беспорядке, ориентироваться в котором способен разве что сам хозяин. По виду Кима тоже не скажешь, что перед вами богатый человек. Костюм болтался на нем, как на вешалке, каблуки у ботинок стоптаны, кожа на руках потрескалась, словно Ким надрывался на тяжелой физической работе. За ним утвердилась слава демократа, он принимал всех желающих, правда, большую часть посетителей — всего лишь раз. Правом свободного доступа к издателю обладали только несколько известных писателей, люди, приближенные к Киму. Шорт не принадлежал к их числу, и ему все труднее становилось прорываться сквозь кордон секретарш, а на сей раз у него было четкое ощущение, что это его последний, в лучшем случае предпоследний визит к великому человеку.

Великий человек в свое время издал под псевдонимом книгу репортажей о военных действиях на Фолклендах, снискавшую шумный успех. Собрать материал для книги ему помог Пол; он свел Кима со своими бывшими товарищами по оружию и сумел убедить их, что с Кимом они могут быть вполне откровенны. Шорт также разыскал раненых участников высадки на острова, героев, удостоенных боевых наград, и здорово выручил Кима, предоставив в его распоряжение собственные воспоминания и опыт. Но время идет, и чувство благодарности тает.

Пол сел и приготовился к дурным вестям. Достаточно было взглянуть на лицо Кима, чтобы сообразить: ничего утешительного от него не услышишь.

Ким отложил рукопись, снял очки и окинул Пола скучающим взглядом.

— Дрянная рукопись, — отрезал он. — Пачкотня. — Он заметил, как дрогнуло лицо Шорта. Ким имел репутацию человека, который не привык деликатничать, когда дело касается работы. — Я имею в виду не стиль. Кстати, стиль не так уж и плох. Беда в том, что у вас нет концепции.

— Как это — нет концепции? — возмутился Пол. Он подготовил книгу репортажей о подростковой преступности: собрал обширнейший материал, вложил уйму труда, не раз подвергал себя серьезной опасности. А теперь выясняется, что у него, видите ли, нет концепции.

— В книге нет концепции, — мрачно повторил Ким. — Так же как нет ее и в вашем отношении к жизни. Взгляните на себя: на свой старомодный костюм, галстук, зонт. Все это поза, и только поза. Вам надоели джинсы с футболкой, и теперь вы устраиваете демонстрацию под другими знаменами. Приобрести машину английской марки? Да ни за что на свете! Родился кокни — значит, лопни-тресни, а усвой оксфордское произношение. Умри, но ешь на завтрак только яичницу с ветчиной!

Пол протестующе поднял руку, но Ким не дал ему и рта раскрыть.

— Знаю, все знаю, вы как-то раз высказались передо мной! Прежде, в шестидесятые годы, джинсы и длинные волосы служили своего рода вызовом тупому, закоснелому обществу. Теперь, когда все дозволено, когда каждый, кому заблагорассудится, волен лезть в автобус хоть в подштанниках, когда любой, у кого появилась куцая мыслишка, не стесняется марать стены краской из пульверизатора, когда на футбольный матч ходят ради того, чтобы подраться, когда человеку спокойно могут проломить голову лишь потому, что его физиономия кому-то показалась несимпатичной, — теперь формой протеста стало возвращение к облику джентльмена. В былые времена вы протестовали против сковывающих человека пут, теперь вопите о восстановлении регламентирующих норм.

— Верно, — признался Пол не без зависти. Он бы не сумел так четко сформулировать свою мысль. Вот только неясно было, какое отношение она имеет к молодежным бандам.

— Однако, повторяю, это всего лишь поза, а в глубине души вы остались прежним. Ведь могли бы написать эту растреклятую книгу с позиций левацкой критики, бичующей общество. Вызвали бы в читателе сочувствие к юным подонкам, околачивающимся на каждом перекрестке, свалили бы ответственность за все их делишки на нас, грешных: по нашей, мол, вине они скатились вниз, и если какой-нибудь щенок ворует, грабит, пускает в ход кулаки, то в этом повинен я

со своим богатством, а вовсе не его кровный папаша, пропивающий все до последнего гроша. Такая книга пришлась бы мне не по нутру, но я бы ее издал. Можно было изложить проблему и с точки зрения лорда в цилиндре, показав на примерах, как отвратительно, опасно это умственно отсталое отребье из несовершеннолетних. Да-да, я знаю, что говорю, тридцать лет отдать журналистике — это вам не шутка... Вы могли бы отразить и обе точки зрения одновременно. Правда, это потребовало бы взвешенно-холодного, бесстрастного тона. А вы искренне переживаете все ситуации, мечетесь от настроения к настроению и от роли к роли.

— Значит, отказываетесь издать? — спросил Пол.

— Отказываюсь, — подтвердил Ким. — Воля ваша, можете предложить другому издателю, но я лично не вижу в этом смысла.

Пол поднялся с места. Ким снова придвинул к себе объемистую рукопись.

— Ну как, не надумали? Пока еще вакансия не занята, но вряд ли я смогу долго ее придерживать.

Ким — вероятно, чтобы окончательно расквитаться с долгом, — предлагал Полу место в одной из газет. Газетенка третьеразрядная, да и должность что-то вроде мальчика на побегушках.

— Благодарю, — усмехнулся Пол. — Но вам мое мнение известно.

— Известно, — кивнул головой Ким. — Только ведь и ваше тридцатилетие не за горами.

— Мне подвернулась сногсшибательная тема, — с напускной бодростью проговорил Пол уже с порога. Краем глаза он успел увидеть, как физиономия Кима скривилась в кислой гримасе, а очутившись в приемной, где теснились машинистки и секретарши в окружении компьютеров и мониторов, Пол тоже помрачнел. Тема, конечно, сногсшибательная, но при условии, что он сумеет размотать это дело.

14

Приобрести в Лондоне патроны из-под полы — задача нелегкая, но выполнимая. Пол прошелся вдоль Хэмпстед-роуд, время от времени задерживаясь у витрин, чтобы проверить, нет ли за ним "хвоста". Ему не удалось выхватить из толпы ни одного подозрительного лица, а потому он вернулся по той же улице метров на сто и остановился у входа в магазин, который прежде назывался "Боевое снаряжение", а теперь был переименован в "Джунгли". Здесь можно было купить все на свете: снятый с вооружения автомат, почти новую пилотскую куртку, тренировочный костюм ко-

мандос, патронташ, солдатские ботинки и боевое холодное оружие. А особо доверенные лица могли разжиться даже патронами.

Пол вошел внутрь и огляделся. Стены лавочки были сплошь увешаны плакатами видеофильмов с изображением полуголых, мускулистых героев, палящих из автоматического оружия; вражеские фигуры на заднем плане сливались в неясное, размытое пятно. В магазине было пусто, лишь двое худосочных подростков околачивались возле полок да в углу; закинув ноги на прилавок, сидел Мак Ирвин. Широкоскулое лицо его при виде Шорта просияло.

Рука его скользнула под прилавок, и Шорт в ту же секунду бросился на пол. Не успел он коснуться пола, как рука Мака Ирвина стремительно описала низкую дугу, и что-то мелькнуло в воздухе: длинный, с широким лезвием кинжал, вибрируя, вонзился в притолоку. Подростки застыли как вкопанные. Шорт поднялся с пола.

— Реакция уже не та, — сказал он. — Я запросто мог бы тебя подловить.

— Ты так считаешь? — Глаза Мака Ирвина блеснули. — У меня припасена еще парочка сюрпризов.

— Будет тебе, Мак, я по делу. — Пол бросил осторожный взгляд в сторону подростков.

— Что тебе понадобилось на этот раз?

— Не так уж и много, — ответил Шорт. — Несколько танков, сотня автоматов, пулеметы, десяток снайперских винтовок с прибором ночного видения... Ну и кое-какие транспортные средства, скажем, небольшой катер.

— На следующей неделе не поздно будет? — осведомился Мак Ирвин. Он встал, потянулся и достал из ящика стола два стаканчика. — Этак ты мне всех покупателей отвадишь. — Он посмотрел вслед паренькам, которые поспешили унести ноги. — За целый день всего два посетителя, да и тех ты спугнул.

Шорт пожал плечами. Мак Ирвин — его бывший товарищ по оружию — некогда тоже собирался стать писателем и сочинять романы на военные темы. Но затем отслужил в Ирландии, отвоевал на Фолклендах, принял участие в нескольких антитеррористических акциях и понял, что не сможет писать о войне: личный опыт мешал полету фантазии. Мак Ирвин демобилизовался и заявил, что с него хватит, оружие он больше видеть не желает. Затем он служил ночным сторожем, охранником при одном провинциальном банке, продавцом в магазине готового платья и в конце концов застрял тут. Владелец лавки, старый педераст, которого частенько поколачивали, поначалу нанял его телохранителем, а затем передоверил ему и всю свою коммерцию.

Мак спрятал стаканчики из-под виски и поставил кипятить чай на маленькой электроплитке.

— Ты же знаешь, я не пью, но перед пацанами приходится прикидываться, иначе весь твой авторитет коту под хвост. Строит из себя старого волка, а сам пьет молоко — разве такого будут уважать?

Пол выдернул из притолоки нож и изучающе осмотрел его. Серьезное оружие, вполне пригодное, чтобы расчистить себе дорогу в джунглях, чтобы колоть, резать — при необходимости им можно было орудовать как небольшим мечом.

— Такие игрушки ты продаешь детям?

Мак растянул губы в ухмылке.

— Не совсем такие. — Он выложил на стол нож другого типа: массивный кинжал в металлических ножнах. И кинжал, и ножны отливали черным, матовым блеском, половина лезвия была покрыта зазубринами, как у пилы; скрепленное с ножнами, оно использовалось как кусачки для проволоки, а в рукоятку был вделан компас. Оружие выглядело в точности как взаправдашнее — и все же показалось Полу чем-то подозрительным.

— Что за чертовщина — пластмасса это, что ли?

— Еще чего выдумал! — оскорбленно вскинулся Мак. — Просто сталь не та, что на настоящем.

Шорт опробовал остроту лезвия и неодобрительно покачал головой:

— Плохая забава для ребятишек...

— А что тут плохого? Тот, кто собирается пырнуть ближнего, покупает ножик с пружиной или прихватывает из кухни самый длинный нож для разделки мяса. Такими вот кинжалами, как этот, обзаводятся лишь романтики, у кого в жилах течет кровь искателя приключений.

Пол вздохнул, не желая спорить с Маком.

— Можешь раздобыть мне патроны?

Мак Ирвин осторожно разлил по стаканам горячий чай и лишь потом заговорил. И в голосе его вроде бы тоже появились осторожные нотки.

— Я понимаю, что это не мое дело, но все же: ты что, ведешь свою войну? В прошлый раз, помнится, я дал тебе целую дюжину.

Пол понимал его опасения. Дружба дружбой, но всему есть предел. Маку не надо объяснять, что профессионал не станет палить в божий свет, как в копеечку, лишь бы расстрелять дюжину боевых патронов.

— Кто-то учинил обыск у меня на квартире. Все перевернули вверх дном; пистолет не тронули, зато патроны теперь ни к черту не годятся...

— Умный человек, — вынес свое суждение Мак. — Знаешь хоть, кто это?

— Догадываюсь, — Пол медленно сцедил чуть-чуть молока в чай, следя, как растворяется белая жидкость.

Мак поднялся и надолго исчез в дверях складского поме-

щения. Пол не спеша прихлебывал чай и размышлял. К тому времени как приятель его снова появился в магазине, Пол принял решение.

— Хватит тебе? — Мак положил перед ним три полные обоймы.

— Надеюсь. — Вытащив пистолет, Пол зарядил его. — Как ты считаешь... — начал он нарочито безразличным тоном, однако заметил, что Мака не обманула эта уловка. — Как ты считаешь, сумели бы мы проникнуть внутрь строго охраняемого объекта?

Мак Ирвин ухмыльнулся.

— Вроде бы нас специально готовили к этому.

— Задача не так проста, как обычно, когда требуется пробраться тайком и без шума обезвредить охрану. Речь идет о фирме, чей товар — безопасность: там готовят телохранителей и сдают их внаем, по желанию клиентов устанавливают электронную сигнализацию. Полагаю, собственная контора у них тоже надежно блокирована.

— Ну и что? — Мак пожал плечами, но, увидев сомнение во взгляде Пола, добавил: — Неужели и ты клюнул на удочку? Читал я рекламные объявления подобных контор: звучит убедительно. Но ведь и ты — профессионал, а не первый встречный. Наше подразделение вроде бы считается одним из лучших в мире. Так что это за фирма, о которой ты говоришь?

— "Профешнл Секьюрити".

Мак присвистнул.

— Кажется, там и вправду серьезные дяди. По-моему, нам потребуется никак не меньше пяти человек.

Пол и сам прекрасно сознавал это. С тех пор как он решил, что стоит попытаться проникнуть в контору "Профешнл Секьюрити", он старался отогнать от себя эту мысль. Как сколотить группу? Вправе ли он просить своих давних товарищей, чтобы те подвергали свою жизнь риску, к тому же, по всей вероятности, совершенно напрасному? Ведь он не сомневался, что охранники "Профешнл Секьюрити" не раздумывая пустят в ход оружие. Однако не похоже, чтобы Мака Ирвина пришлось долго уговаривать. Глаза его блестели, и он смотрел на Пола таким взглядом, как ребенок на отца, когда тот сомневается, вести ли малыша в зоопарк.

— Прямо даже и не знаю... — уклончиво произнес Шорт.

— Черта с два я тебе поверю! Не знает он, видите ли! — язвительно ухмыльнулся Мак. — Ведешь себя, как та целка, которая ждет, чтобы за нее все сказали другие. К чему выламываться, старина, ведь мы сто лет знаем друг друга! Сбор здесь, в двадцать два ноль-ноль. Остальных я предупрежу.

Шорт согласно кивнул.

15

Финн ждал его к шести вечера, поэтому Пол отправился туда к пяти. Перед этим он часок поспал на квартире Гвен, принял душ и побрился купленной по дороге бритвой одноразового пользования. В разговоре по телефону Финн проявил готовность встретиться, но это могло быть ловушкой. Трудно сказать, кто именно способен поставить ему капкан, но, с тех пор как он занялся этим делом с "Секьюрити", ему уже однажды преподнесли сюрприз.

Напротив дома Финна, разумеется, не было никакого уютного ресторанчика, из окна которого можно было бы наблюдать за входом в дом. Это только Мегрэ чертовски везло в каждом романе. А может, просто в Париже эти ресторанчики действительно на каждом шагу? Пол же был лишен даже элементарной возможности припарковаться возле нужного дома: как сообщала табличка, туда вела частная дорога. Пол рассчитывал, что ему понадобится час, чтобы провести рекогносцировку и понаблюдать за людьми, входящими в дом и выходящими оттуда. А теперь он вынужден был целый час торчать в машине, время от времени запуская мотор, чтобы не превратиться в ледышку; невольно придешь к мысли, что профессия телохранителя не каждому по плечу. С трудом дождавшись назначенного часа, Пол свернул на частную дорогу. Проложенная через густой лес, дорога была узкая, и ей явно не помешал бы ремонт. Наконец показалась ограда. Ворота были распахнуты настежь, похоже, они не запирались годами; кованая решетка с имитацией виноградной лозы была увита живой зеленой лозой. Миновав ухоженный парк, Пол остановил машину на асфальтированной площадке. Дом представлял собой за́мок в викторианском стиле — небольшой, однако же слишком просторный для одной-единственной семьи. Видимо, Финн изолировал ту часть дома, которой не пользовались.

Не успел Пол протянуть руку к звонку, как дверь распахнулась. На пороге стояла девушка лет двадцати, светловолосая, с короткой стрижкой. Ее наряд составляли клетчатая мужская рубашка и джинсы. Пол был крайне удивлен. Он ожидал увидеть лакея в ливрее, самого Финна с настороженным выражением лица или же немигающий взгляд "гориллы" поверх нацеленного ему в грудь пистолета.

— Не желаете ли войти в дом? По-моему, здесь торчать холодно, — сказала девушка.

— Именно что желаю... — Пол вошел и начал расстегивать пальто. — А... мистер Финн?

— Это не я, — сообщила блондиночка.

— Жаль.

Они смотрели друг на друга. Пол почувствовал, что де-

вушка оценивает его взглядом точно так же, как и он ее перед этим. Он облегченно вздохнул, когда сбоку отворилась дверь и в холле появился высокий, седеющий мужчина с изборожденным морщинами лицом. Осанка у него была сутулая, словно с самого детства у него не возникало желания распрямиться, а под помятым серым кардиганом он носил такую же клетчатую рубашку, какая была на девушке.

— Пол Шорт? — спросил он. — Берегитесь, моя дочь любит повергать новичков в смущение. Проходите сюда, пожалуйста.

Пола вновь поджидал сюрприз. Он рассчитывал увидеть заполненный книгами кабинет, где гостю раскрывают объятия широченные, чрезмерно жесткие кресла, как в старинных клубах, а лакей подает виски в хрустальном штофе. Комната лишь в одном отношении отличалась от любой гостиной лондонского, бирмингемского или девонского дома: она была просторнее. Зато была лишена какой бы то ни было дизайнерской идеи, какого бы то ни было стремления к единству стиля. Здесь нашлось место современному столику, турецкому пуфику, модернистскому креслу в духе пятидесятых годов и столику в стиле английского ренессанса, причем вещь эта, на взгляд Шорта, была подлинной. Следующим сюрпризом оказалось то, что блондиночка и не подумала удалиться, чтобы не мешать мужскому разговору; она пристроилась в кресле, которое, как показалось Полу, было сшито из тряпья и тряпьем же набито, и уютно поджала под себя ноги. Ноги у нее были длинные, стройные, грудь маленькая — во всяком случае, по сравнению с бюстом Гвен, — а лицо открытое, задорное.

— Что будете пить? — спросил Финн.

— Даже не знаю...

— Полагаю, вы еще не пили чая.

— Когда ему было пить? — вмешалась девица. — Он торчит здесь с пяти часов.

Пол сглотнул комок в горле.

— Вы держите дорогу под наблюдением?

— Со второго этажа развилка дороги видна как на ладони.

— Особенно если смотреть в бинокль, — добавил отец, и оба рассмеялись. Пол так и не смог решить, над ним они потешаются или это дежурная семейная шутка, к которой прибегают, чтобы смутить чужаков.

В дверь постучали, и какая-то дама внесла на подносе чай. В первый момент Пол не мог решить, кто это: миссис Финн или экономка. Дама была пока что единственным человеком в доме, кто не соответствовал обстановке. Скромный костюм темной расцветки, минимум косметики и украшений, ухоженные волосы, горделивый взгляд — словом, облик дамы, достойным обрамлением которого может слу-

жить только дворец. Ей достаточно сдержанного жеста, чтобы привести в движение целый штат челяди, и недовольно нахмуренных бровей, чтобы держать прислугу в повиновении.

— О, благодарю вас, миссис Ламберт! Поставьте, пожалуйста.

Дама величественно выплыла из комнаты, а Финн принялся хозяйничать. Страшно было смотреть, как он обращается с дивным фарфоровым сервизом. Печенье было божественное. Чай — крепкий и ароматный.

— "Дарджилинг", — пояснила блондиночка. — Папа заказывает особый развес.

Финн достал сигареты и старую, заправленную бензином зажигалку. Неторопливо закурил, стряхивая пепел на фарфоровую тарелочку для печенья.

— Итак, что это за история с телохранителями?

Шорт поставил чашку на столик.

— Как я уже сказал по телефону, были похищены десять человек, состоявших под персональной охраной. И во всех случаях телохранителей поставляла фирма "Профешнл Секьюрити".

— Вы полицейский?

— Нет. Я же сказал, что...

Финн оборвал его слегка нетерпеливым жестом.

— Независимо от этого вы могли бы оказаться сыщиком. Но вы не из полиции. Тогда что же вы хотите? Расследовать дело и найти преступников?

— Да.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, и у Пола возникло такое же чувство, что и в первый момент при встрече с блондинкой: Финн как бы оценивает его.

— Эшфорд, — внезапно произнесла девушка. — Он и есть десятый похищенный, не так ли? По радио сообщили.

Пол утвердительно кивнул.

— Видите ли, я проконсультировался с неким профессионалом. Хотел выяснить, как можно похитить человека, если тот находится под персональной охраной.

— О, это легко сделать, — сказал Финн.

— Легко, — согласился Пол. — Но для этого требуются колоссальные деньги и тщательная разработка операции. И даже при этих условиях остается элемент риска. Кто бы ни занимался похищениями, я не понимаю, чего ради это делается.

— Могу пояснить: ради выкупа. — Отец и дочь снова дружно рассмеялись.

— Какую сумму составил выкуп?

— Сто пятьдесят тысяч фунтов.

Пол присвистнул от удивления. Он лично не видел ничего забавного в том, что из него однажды вытянули бы эта-

кую пропасть деньжищ. Впрочем, обладание таким богатством ему не грозит, если, конечно, не переквалифицироваться, занявшись выгодным ремеслом похитителя людей.

— Они знали, сколько запрашивать, — пояснил Финн. — Ровно столько я мог уплатить, избежав разорения.

— Значит, вы могли бы отдать и больше?

Финн удивленно поднял брови.

— Оглянитесь вокруг. У меня остался дом, обстановка, сохранились ценности, мне не пришлось ликвидировать предприятие.

— А если бы гангстеры запросили больше, вы бы согласились откупиться?

— Конечно. Сколько бы ни запросили, — ответила девушка.

— О нет, все не так просто! — вмешался Финн. — Сто пятьдесят тысяч оказались именно такой суммой, какую Кристина могла собрать без моей помощи. Разумеется, мы могли бы уплатить и больше, но это потребовало бы времени, да и без огласки тогда бы не обойтись. Думаю, гангстеры сами не хотели затягивать дело. В конечном счете любой лишний день, когда заложника держат в плену, сопряжен с риском. Поэтому они предпочли удовлетвориться более скромным выкупом. Здесь видна хватка опытного дельца.

Однако Пола не интересовала эта сторона вопроса.

— Вы заявляли в полицию?

— Нет, — Финн пожал плечами. — Не видел смысла. Вряд ли полиция сумела бы их схватить, а если бы и сумела, то деньги мои к тому времени все равно оказались бы растрачены. Зато я неминуемо стал бы жертвой сенсации, и в деловом мире разошелся бы слух, что меня оставили без гроша. Тем самым кредит для меня был бы потерян...

— Ага, понятно... А теперь к услугам какой фирмы вы прибегли? Или остались верны "Профешнл Секьюрити"?

— Нет, — Финн с горечью улыбнулся. — Теперь, старина, я вообще обхожусь без телохранителей. Надеюсь, в газетной статье не обязательно вдаваться в такие подробности?.. Чушь все это, с охраной... Знаете, во сколько обошлись мне эти "гориллы" за пять лет? Почти в такую же сумму, что и выкуп. Нет, дружище, в эти игры я больше не играю. Если меня захотят похитить, помешать этому трудно, к тому же я не намерен поступаться своим привычным жизненным распорядком. Слов нет, какого-нибудь министра или торговца оружием вроде бедняги Эшфорда опасности подстерегают со всех сторон. Его могут пристрелить фанатики за то, что он "не тем" поставляет оружие, или за какое-то иное расхождение во взглядах. Ну а мне-то чего бояться?

— Что производят ваши фабрики?

— Игрушки, — Финн улыбнулся. — Впрочем, вы правы; в наше время трудно полагаться на здравый смысл. Объявится

какая-нибудь группа, которая решит, что выпускаемые мною игрушки распространяют вредную идеологию, и приговорит меня к смерти.

— Мой отец первый, к кому вы обратились? — спросила Кристина и потянулась, сидя в кресле. Клетчатая ковбойка обтянула маленькие, задорно торчащие груди. Пол был уверен, что девушка сделала это намеренно.

— Нет. Я побывал у некоего артиста по имени Конли. Теперь его охраняют люди из фирмы Говарда Грина... Нелегко оказалось завязать с ним беседу.

— Конли? — Финн сморщил лоб. — Никогда не слышал этого имени.

— Я тоже, — признался Пол. Пробовал было отыскать его в справочнике "Кто есть кто", но и там не нашел даже упоминания.

— Конли? — хихикнула Кристина. — Да ведь это знаменитый актер порнофильмов. Говорят, будто у него самый большой...

— Фи, дочка!

— ...самый большой годовой доход — чуть ли не сотни тысяч.

16

Вечером, когда Пол к условленному часу явился к Маку Ирвину, мысли его все еще были заняты Кристиной Финн. Хотя своим поведением и манерой одеваться он отпугнул немало девиц, все же в его окружении хватало особ женского пола, чтобы не чувствовать собственную ущербность и одиночество. Но эта девушка была первой, кто — как ему показалось — могла бы заменить Гвен. Магазин был уже закрыт, пришлось стучать, и, прислушиваясь к звуку приближающихся шагов и щелканью замка, Пол вдруг поймал себя на мысли, что он, пожалуй, мог бы вписаться в обстановку дома Финнов. Освоил бы новую профессию — производство игрушек...

Все участники акции уже были в сборе. "Спешл Эйр Сервис" славился своей системой работать небольшими группами в четыре-пять человек. Такой же была и их группа. Вместе прошли они весь нелегкий курс тренировок, вместе "провернули" несколько весьма рискованных операций. Демобилизовались они, правда, не вместе: двое остались служить в подразделении, только влились в другую группу, а теперь вот бог знает какому риску подвергают себя, согласившись участвовать в этой авантюре. Из троих штатских Мак заведует магазином оружия, Фил преуспел на инженерном поприще и зарабатывает больше, чем остальные четве-

ро, вместе взятые. Солидный, женатый человек, отец двоих детишек и владелец собственного домика, он ведет спокойную, размеренную жизнь добропорядочного гражданина, и, если в конце недели отлучается на денек-другой, соседи уверены, что он надумал порыбачить. Вот удивились бы обыватели, узнай они, что Фил тем временем проходит усиленную тренировку в подразделении командос Ее Королевского Величества.

Парни уже успели переодеться: все были в темных костюмах и — Пол определил это наметанным взглядом — при полном боевом снаряжении. На стуле лежал приготовленный для него костюм. Бог весть, как удалось им все это вынести со служебного склада...

— Привет, ребята, как жизнь? — улыбнулся Пол и начал переодеваться, а Мак тем временем приготовил доску и мел.

— После того как ты ушел, я решил слегка поразведать обстановку вокруг нашего объекта.

Скажи это кто-нибудь другой, Шорт моментально взорвался бы и, по всей вероятности, вообще отменил операцию: ведь штаб "Профешнл Секьюрити" охраняют профессионалы. Однако предварительная рекогносцировка когда-то была узкой специальностью Мака, и вряд ли он за год-другой растерял свое умение.

Мел совсем утонул в толстых пальцах Мака, когда бывший ас чертил на доске план интересующего их участка. По чертежу Пол легко узнал главное здание, парк вокруг дома и подмеченные им из окна подсобные службы. Нет, Мак Ирвин не утратил своих навыков.

— Ограда не слишком высокая, всего два метра. Сверху, конечно, вмуровано битое стекло, и через каждые сто метров установлены какие-то темные коробочки. Но это не телекамеры.

— Ничего особенного, — пренебрежительно махнул рукой Фил, — обычная инфрасигнализация. Внутри, должно быть, припасены сюрпризы позаковыристей, если, конечно, фирма дорожит своей репутацией.

Все взгляды обратились к Шорту. Он пожал плечами, зашнуровал ботинки и принялся рассовывать по карманам необходимое снаряжение.

Вмешался Брайан — один из тех, кто и поныне состоял на службе. Невысокий, широкоплечий, темноволосый человек, в частной жизни он был добряк добряком, из тех людей, кто мухи не обидит и каждому во всем уступает, за исключением одного раза в году, когда он дает волю своему темпераменту.

— Как мы туда попадем — неважно. Гораздо важнее узнать, как нам оттуда выбраться.

Снова взгляды присутствующих обратились к Шорту, и он знал, что на сей раз не отмолчаться. Вопрос таил в себе

глубокий смысл: проникнуть в здание тишком и так же тихо удалиться, чтобы никто не заметил присутствия посторонних, или же, коль скоро они вторгнутся незаконным путем, надо быть готовым к схватке. Второй вариант был более легким — разумеется, если не считать, что ты вынужден щадить противника, тогда как противник и не подумает церемониться с тобой. Пол пожалел, что затеял эту авантюру. Не натравливать же свою боевую группу на людей из "Профешнл Секьюрити" — предположительно добропорядочных британских граждан. Но ведь и подставлять под пули товарищей он тоже не вправе.

Остальные четверо заметили его колебания.

— Если получится, то лучше убраться втихую, — сказал Мак.

— Если получится, — повторил Брайан.

Они сели в закрытый микробус, неизвестно где раздобытый Маком. Все молчали, погруженные в свои думы. Пол терзался мыслью о том, что совершает величайшую глупость. Возможно, и остальные думали о том же. Микробус двигался не спеша, пропуская пешеходов и своевременно останавливаясь на желтый свет. Какая-то "гранада" вздумала их обогнать, водитель яростно давил на клаксон. За рулем микробуса сидел Брайан, и его товарищи усмехнулись при мысли, какая кутерьма могла бы приключиться, если бы у Брайана именно сегодня выдался "день гнева" и если бы он не вез группу к месту боевой операции.

Микробус остановился, не доезжая нескольких сот метров до объекта. Брайан обернулся к товарищам.

— Если они охраняют свою штаб-квартиру, как и положено профессионалам, то следует ожидать кое-каких сюрпризов. Сторожевой вышки и постоянно включенных прожекторов здесь наверняка нет, но зато все прочие меры предосторожности, конечно же, приняты.

Мужчины согласно кивнули. Наверняка должна быть патрульная машина, которая через определенные промежутки времени объезжает вокруг территории и сообщает в диспетчерскую, если хоть что-то покажется подозрительным. Или же Бултон не заглядывает так далеко и резиденция фирмы не относится к категории строго охраняемых объектов? Можно было гадать по-всякому, и командос терпеливо выжидали, следя за автомагистралью. Патрульная машина все же появилась: "ровер" какого-то темного цвета с двумя охранниками внутри. Автомобиль двигался медленно, и в бинокль было хорошо видно, как человек, что сидел рядом с водителем, внимательно проверяет каждую точку, которая могла заинтересовать непрошеных гостей. А "гости", дождавшись, когда "ровер" проедет, покатили к месту действия.

— У нас в запасе по меньшей мере полчаса.

— За глаза хватит, — сказал Пол.

— Не захватить ли нам патрульную машину, когда она поедет по новому кругу? Было бы куда как проще.

На этот счет у Шорта не было сомнений. Он решительно тряхнул головой. Микробус остановился у ограды, и с этой минуты с разговорами было покончено, каждый делал свое дело. Мужчины выскочили из машины, трое, рассредоточившись, образовали линию прикрытия, а Фил с размаху забросил свою вместительную спортивную сумку на крышу микробуса, затем по скобам, прикрепленным к дверце, взобрался на крышу. Если бы задача заключалась лишь в том, чтобы тайком проникнуть в здание, ему не пришлось бы сейчас возиться. Командос попросту перемахнули бы через ограду на территорию фирмы, минуя поле сигнализационной защиты. Приземлиться на газон с высоты примерно восьми футов — для них детская забава. Фил действовал с молниеносной быстротой: на расстоянии метра друг от друга он приладил две коробочки, аналогичные тем, что были установлены по верху ограды. В технические подробности Пол не вникал, ему достаточно было понять принцип: эти устройства блокируют инфралучи сигнализации, а между ними образовывался свободный проход шириною в три фута.

Итак — вперед! Один за другим они рыбкой ныряли через ограду, выпрямив тело, чтобы в момент приземления свернуться клубком и мягко покатиться по траве, кувыркнувшись разок-другой. Слышно было, как по другую сторону ограды Брайан включил мотор и микробус умчался.

Воцарилась тишина. Командос лежали недвижно, выжидая, пока глаза освоятся в темноте, а слух привыкнет фиксировать шорохи; если кто-то случайно заметил мелькание теней у ограды, пусть думает, будто ему померещилось. Ночь выдалась холодная, трава была пропитана влагой, и даже сквозь стеганые комбинезоны стужа пробирала до костей. Каждый из них воспринял как облегчение, когда Пол, осторожно шевельнувшись, поднес к глазам окуляр — трубку, напоминающую прибор ночного видения, каким снабжены снайперские винтовки. Тьма стала видимой, но охранников не было и в помине. Пол так и думал. Что тут стеречь — кусты, деревья или асфальтированную площадку для автомобилей? Разве что патруль время от времени обходит территорию, а может, даже и в патруле не видят необходимости. Трудности начнутся после того, как командос проникнут в здание. Пол несколько раз подряд напряг и расслабил мышцы, затем вскочил и, пригнувшись, кинулся вперед, перебегая от укрытия к укрытию. Он не оглядывался на своих товарищей, зная, что те следуют за ним с такими же предосторожностями. Главное здание было построено в виде буквы "L" — с офисом Бултона в более коротком крыле и с защищенной мешками с песком и оборудованной всевозможным инструментом мастерской для экспериментальных работ в

конце длинного крыла. При одном только воспоминании об этой "лаборатории" у Пола сжались кулаки. Мужчины остановились у ближайшего к дому дерева. Пол вновь обвел взглядом зарешеченные окна и указал рукой на дверь. Фил пожал плечами, Говард неодобрительно покачал головой, а Мак ткнул пальцем вверх, в сторону крыши. Пол кивнул, и Мак немедля принялся за работу. Из принесенных с собою деталей он в мгновение ока составил длинную трубку, похожую на стеклодувную, а Говард подал ему какой-то продолговатый сосуд вроде бутылки и необычно толстую стрелу. Шорту доводилось видеть такие. Трубка "выстреливает" под действием сжатого воздуха, и вылетающая стрела прикрепляется к любой поверхности чуть ли не намертво. Конструкция отдаленно напоминает детскую игрушечную стрелу с резиновой присоской с той разницей, что здесь безвоздушный колпачок прижимается к поверхности легким взрывом. На другом конце стрелы смонтирован компактный блок; Пол сомневался, чтобы Мак Ирвин торговал подобными "игрушками" в своем магазине. Он посмотрел на Говарда, но тот не обращал на него ни малейшего внимания, не сводя глаз с Мака, который тщательно выцеливал подходящую точку. Полу сделалось немного совестно при мысли, на какой риск идут ради него эти парни; собственно, даже не ради него самого, а ради случайно мелькнувшей идеи: ведь вздумай они поинтересоваться, какого черта понадобилось ему в конторе Бултона, он и сам не мог бы вразумительно ответить. Но он знал, что ребята не зададут ему этого вопроса.

Раздался чуть слышный хлопок, и стрела исчезла, увлекая за собой тончайшую нейлоновую нить. Мак подергал нить и удовлетворенно кивнул. Говард привязал к одному концу двойной нити альпинистскую веревку и осторожно потянул за другой. Окрашенная в темный цвет прочная бечевка медленно поползла вверх, сделавшись совершенно неразличимой во мраке. Полу казалось, будто в одном месте темнота просто сгустилась чуть больше; впрочем, это можно было принять за аберрацию зрения. Прошло, должно быть, не менее минуты, пока веревка доползла до самого верха; Мак и не думал спешить в таком ответственном деле. Все они были приучены терпеливо выжидать, когда это необходимо. Веревка слегка дрогнула в руках, и Мак, поняв, что она миновала колесико блока, потянул быстрее. Через несколько секунд он держал в руках оба конца. Он кивнул Полу, и тот, ухватившись за концы веревки, начал взбираться вверх. Легче было бы карабкаться, будь веревка потолще, но тогда ее не удалось бы закрепить наверху таким простым способом. Легче было бы взбираться наверх и в том случае, если бы на веревке были узлы через каждые два-три фута, но тогда в случае опасности не удастся мгновенно соскользнуть по ней вниз. Значит, разумнее всего — избегать легких решений.

Вот уже несколько лет Пол обходился без тренировок, но, видно, человеческим мускулам не так-то просто забыть то, к чему их приучили до степени автоматизма. В считанные секунды он взобрался наверх, показав почти такой же хороший результат, как и в былые времена. Подтянувшись, он влез на крышу и лег плашмя у самого ее края. Пол скорее чувствовал, чем видел, что кто-то вслед за ним карабкается по веревке, и вскоре над карнизом показалась голова. Мак мягким кошачьим движением перекатился на крышу и, не задерживаясь, пополз выше. Когда он добрался до трубы, у края крыши появился Говард, и едва он успел переместиться на крышу, как Пол двинулся вслед за Маком. Последним взобрался Фил, втащив за собой веревку, чтобы никто не заподозрил, что в дом проникли чужие.

Фил взобрался последним, а идти дальше он должен был первым: как знать, какой замок и защитная сигнализация охраняют чердачный вход. Тем временем Пол, плотно прижавшись к черепице, держал под наблюдением автостоянку внизу, украшенный лепниной фасад здания над входом, просочившийся из-под двери свет. Говард точно так же следил за парком, а Мак — за тренировочной площадкой по другую сторону здания.

Медленно тянулись минуты. Наверняка дверь была заблокирована сигнализацией, однако привитая командос дисциплина и на сей раз возобладала над естественным человеческим любопытством. Ни одна голова не повернулась к Филу, никто не спросил его шепотом, мол, скоро ли он там управится; все неотрывно наблюдали за территорией.

Послышался короткий, тихий свист: Фил открыл дверь. Его товарищи хотели было двинуться к нему, но другой, едва слышный сигнал заставил их замереть: в той стороне, которую держит под наблюдением Говард, что-то неладно. Все застыли неподвижно. В начале учебы это первейшее из всех испытаний причиняло им неимоверные муки: разве можно было предположить, как это трудно — лежать окаменев, когда каждый мускул дрожал, когда лицо багровело от сдерживаемого желания чихнуть или кашлянуть, когда одолевал нестерпимый нервный зуд во всем теле! Немыслимо было поверить, что рано или поздно они освоят это на первый взгляд пустяковое дело.

Двое стражников не спеша совершали дежурный обход вокруг здания. Ночь стояла холодная, однако после целого часа, проведенного в сигаретном чаду за картами, приятно было проветриться. После обхода один из них может вновь приняться за карты, а другому предстоит на час засесть перед экранами мониторов. На одном из них виден подъезд здания, на другом — кабинет Бултона. Смотреть нужно в оба, с неослабевающим вниманием. Бултон ввел новшество: чтобы внимание дежурных не ослабевало ни на миг, на экра-

не неожиданно мелькали цифры или слова. За эти несколько секунд охранник должен был записать их и при сдаче дежурства предъявить запись.

Охранники вышли из сектора обзора Говарда и чуть погодя появились в поле зрения Мака. Мак на всякий случай смотрел на них краем глаза: поговаривают, будто бы некоторые люди способны чувствовать на себе чужой взгляд. Опустив голову на черепицу, Мак полуприкрыл глаза, словно спал. Ему наскучило бездеятельное ожидание, он надеялся, что акция пойдет живее. А Пол в это время терзался мыслью: вдруг да они второпях что-нибудь забыли внизу. Или — что почти невероятно — патруль обнаружит их следы. Что делать тогда? И как поведут себя его товарищи? Ведь нет сомнения, что оружие их заряжено боевыми патронами.

Конечно же, все эти размышления оказались праздными. Охранники не обнаружили никаких следов, и через минуту Говард подал очередной сигнал, что путь свободен. Маленькая группа продвигалась вперед подобно гусенице: головная часть проползет и остановится, приходит в движение "хвост", затем снова движется голова. На чердаке было пусто и почти не захламлено, часть его оказалась заперта, но для вторгшихся это не имело значения. Через чердак они проникли в боковое крыло коридора, погруженного в темноту, лишь в уборной горел свет; видимо, его забыли погасить. С коридором они провозились минут пять. Мрак и тишина, царившие тут, угнетающе действовали на людей. Командос были приучены к другому: защитного цвета комбинезон, башмаки на толстой резиновой подошве, да и вся система тренировки должны были помочь им защищаться под открытым небом и находить там укрытие. Они чувствовали себя в своей стихии среди гор и скал, ручьев и зарослей тростника, среди равнин и песчаных холмов. Это не относилось разве что к Филу, которого особенности ландшафта совершенно не интересовали, поскольку он в любой обстановке был занят поисками скрытых фотокамер, лазерных "глазков" и прочих технических ловушек. Пожалуй, этим объясняется, что они едва не совершили промах. Не останови их Фил, и они скользнули бы в темный коридор, как школьники, играющие в индейцев. Но Фил, подняв руку, замер впереди группы. Несколько смущенные своей опрометчивостью, они остановились, выжидая, пока инженер достанет из сумки какой-то цилиндрический баллончик с распылителем. Фил направил струю распылителя в темный коридор, затем сунул опорожненный флакон в сумку. Отсчитав про себя определенное количество секунд, он присел на корточки и сделал знак остальным последовать его примеру. Пришлось снова ждать. Если и существует такая аппаратура, с помощью которой можно выявить спрятанную поблизости телекамеру и заставить ее показывать пустую комнату даже

после того, как вы туда проникли, то Фил такой аппаратурой не располагал. Зато распылитель содержал вещество, которое постепенно поднимается в воздухе и, обволакивая камеру, выводит из строя линзу.

Таким образом, прошло минут пять, прежде чем они снова двинулись вперед. В самом коридоре они снова на миг замерли, прощупывая взглядом углы и стены. Нет, здесь камер не было. И все же, когда они добрались до кабинета Бултона, Фил вновь извлек свой баллончик. Бог знает, сколько их он прихватил с собой, однако никакая предосторожность в таком деле не бывает излишней. По счастью, в красивой, старинной резной двери имелась замочная скважина, так что отпала необходимость просверливать отверстие. Через узенькую трубочку Фил впрыснул внутрь кабинета вещество, "ослепляющее" камеру. На сей раз он выждал меньше, поскольку помещение было замкнутым и не слишком просторным, и вскоре он подал знак Говарду, который взял в работу замок. Мак скрылся в той части коридора, что была расположена ближе к лестнице, а остальная троица, как только замок открылся, вошла в кабинет.

Здесь была установлена телекамера, и Пол мысленно благословил Фила за его предусмотрительность. Фил обшарил кабинет в поисках возможных ловушек или хитроумной сигнализации и, не обнаружив ничего подозрительного, вновь уступил поле деятельности Говарду. Во время их совместной службы Говард еще не умел вскрывать сейфы, и его направили в военную разведку для прохождения дальнейшей подготовки уже после того, как Пол демобилизовался. Кто бы ни был его инструктором на курсах, этот человек знал свое дело. Говард действовал быстро и уверенно. Он пользовался маленьким, но сильным фонариком, дававшим узкий луч, не шире спичечного коробка. Пол тем временем сторожил у двери.

17

Охранник выругался, увидев, что экран монитора вдруг потемнел. Не иначе как очередная шуточка шефа: вместо цифр или слов теперь это испытание. Впрочем, он знал, что делать в таких случаях: нажал на кнопку сигнализации и занес происшествие в журнал.

"Происшествие" классифицировалось лишь как тревога третьей степени. Не вспыхнуло подключенное к автоматике освещение, на квартире Бултона не зазвонил телефон, не были разбужены курсанты в общежитии... Зато оба дежурных, бросив карты, бегом направились к кабинету шефа.

Пол улышал их топот. Он уже хотел было окликнуть Го-

варда, когда острый луч фонарика погас. Шаги стихли под дверью, послышался какой-то шорох, возня, и тут только Пол сообразил, что одну ошибку они все-таки допустили: не заперли за собой дверь. Если охранники заметят это, то нечего надеяться, что они спокойно войдут в кабинет, чтобы подставить шею под удар ребром ладони. Пол выругался про себя, а защитные рефлексы уже сработали как бы сами собой. Схватившись за ручку, он рывком распахнул дверь и в то же мгновение бросился на пол. Над головой у него грохнул выстрел, и Пол метнулся вперед. Он сбил с ног стоявшего перед ним охранника и тотчас увернулся в сторону. Однако противника его удар не оглушил, и в следующую секунду он уже подмял под себя Шорта и обрушил на него град слепых ударов. Пол старался лишь защитить голову. До тех пор, пока он лежит внизу, второй охранник не посмеет стрелять и будет вынужден пассивно наблюдать за дракой. Наконец Шорт услышал насмешливый голос Фила:

— Готово, парень, можешь встать.

Что и говорить, охранник был обучен приемам ближнего боя. В этот момент он как раз готовился покончить с противником, сдавив ему горло. Пол сделал вид, будто намерен защищаться, напрягая руки, а сам, чуть повернувшись боком, изо всей силы поддал бедром. Выступом бедра он угодил охраннику между ног, и тиски на его горле тотчас ослабли. Он спихнул с себя противника ударом ладони в лоб и вскочил на ноги, судорожно втягивая воздух помятым горлом. Однако отдыхать было некогда. Если эти двое не объявятся через минуту на своем посту, общей тревоги не избежать.

Поначалу планировалось так, что, когда сейф будет вскрыт, Пол наскоро просмотрит его содержимое, а Говард сфотографирует то, что Пол сочтет интересным. Теперь об этом не могло быть и речи. Говард остался в кабинете один, и, если ему удастся быстро управиться с сейфом, он переснимет все подряд, что попадется под руку.

Волоча за собой обмякшего охранника, Пол бежал по коридору. Он направлялся к длинному отсеку коридора, чтобы отвлечь внимание, если бесчувственные тела охранников будут обнаружены. Фил, подхватив под мышки второго охранника, едва поспевал за ним следом. И только успели они уложить незадачливых стражей у окна коридора, как на лестнице вспыхнул свет, затем послышались приглушенный вскрик, звук падения тела, и снова воцарилась темнота.

Знать бы, сколько времени у нас в запасе, думал Пол. Когда же дежурный объявит общую тревогу? Пожалуй, в ближайшие минуты. А тогда уж нам удастся прорваться к ограде только с помощью оружия. Пол стремительно помчался обратно в кабинет Бултона. Дверца сейфа была распахнута. Говард, подсвечивая себе фонариком, портативной

камерой делал снимок за снимком. На лице его отражалось напряженное внимание.

— Кончай! Пора сматываться, — бросил Пол.

— Еще чего! Помог бы лучше менять листы.

Вдали послышались выстрелы, и Говард бросил на него нетерпеливый взгляд. Шорт понял, что ему не оттащить Говарда от сейфа, пока тот не переснимет всю горку документов. Встав рядом, он принялся тасовать бумаги, чтобы Говард тратил время только на фотографирование. Пол был не трусливого десятка, но сейчас у него взмокли ладони. Ни разу еще ему не приходилось вступать в схватку, при этом щадя противника. И ни разу еще в ходе операции его люди не отказывались ему подчиниться.

Пол ждал мгновения, когда снаружи на них обрушится массированная атака, однако пока что все было спокойно. Ему казалось, он поседеет, прежде чем они управятся с работой, но вот наконец со стопкой документов было покончено. В четыре руки они как попало побросали все обратно в сейф, теперь уже не стараясь скрыть следы вторжения. Захлопнув дверцу сейфа, они припустились к входу на чердак. Со стороны лестницы показался Фил.

— Где Мак? — встретил его вопросом Пол.

— Он занял дежурное помещение. Идите за мной.

— А веревка? — Нельзя же было оставлять после себя улику, которая выдала бы их с головой.

— Да вот она, у меня, — досадливо бросил Фил.

Они сбежали по лестнице. Это был узкий боковой ход, и через небольшую дверцу, которой пользовалась охрана, они выбрались наружу. Мак присоединился к ним по дороге; уголок рта у него кровоточил, зато ухмылка была довольная. Отсюда путь до того места, где их ждал Брайан, был длиннее, но теперь они уже не заботились о скрытности. Во всю прыть мчались они по газону между деревьев. Пол на бегу достал из кармана миниатюрный передатчик и, тяжело дыша, прохрипел: "Подъезжай". К тому моменту, как они добежали до ограды, в окнах вспыхнул свет и вдали показались силуэты людей. Из-за ограды перелетела веревка, и все четверо, как обезьяны, вскарабкались по ней наверх; последним шел Фил, который должен был демонтировать блокировку инфрасигнализации. Брайан притиснул свой микробус вплотную к ограде, и мужчины попросту перешагнули через утыканный битым стеклом верх стены. Фил, растянувшись плашмя на крыше микробуса, проворно работал. Мак занял позицию на углу ограды, Пол, лежа на животе рядом с Филом, следил за бегущими по территории охранниками. Он услышал шум автомобильного мотора, короткую автоматную очередь и громкий хлопок: Мак продырявил шины "ровера" в тот момент, когда автомобиль, взвизгнув тормозами, вынырнул из-за угла. Пол тоже дал очередь, целя по-

верх голов бегущих охранников. Те с завидной быстротой попрятались в укрытие, а их ответные выстрелы прозвучали раздражающе близко.

— Готово, — сказал Фил.

Оба соскочили на землю. Говард уже находился в микробусе, а Мак стоял возле выведенного из строя "ровера", держа под прицелом патрульных, чтобы тем не вздумалось выбраться наружу. Шорт и Фил вскочили в микробус, и Брайан тотчас же рванул с места. Не снижая скорости, машина промчалась мимо Мака, и тот вскочил на ходу.

— Здорово все получилось, правда же? — с ухмылкой сказал он, плюхаясь на место.

— Куда едем? — спросил Пол.

— Ко мне.

— Да, но машина...

— Ведь за нами не гонятся.

— Пока доберемся до твоего дома, нас десять раз могут остановить полицейские машины, — нетерпеливо возразил Шорт.

— Скажешь тоже! Ты что думаешь, они бросятся звонить в полицию? — рассмеялся Мак. — Разве что завтра, когда сгорая от стыда вынуждены будут признаться, что к ним наведались непрошеные гости. А может, предпочтут и завтра держать язык за зубами. Иначе вся их репутация — к чертям собачьим! Нет, эти великие умники привыкли полагаться только на себя.

— Мак прав, — вмешался Фил. — Казалось бы, что им стоило подвести хоть один проводок к системе полицейской охраны — так нет же!

— С какой стати им туда подключаться, к полиции? — отозвался сидящий за рулем Брайан. — Эти психи просто дурака валяют, охраняя свое гнездо. Здесь же нет ничего ценного!

— Это мы еще посмотрим, — улыбнулся Пол.

18

Инспектор Хогарти согласился встретиться с Шортом и ответить на его вопросы. На мгновение Пола охватила ревность при мысли о том, какою ценой досталось ему это согласие, но тотчас же ему неожиданно вспомнилась белокурая Кристина. Затем он мысленно задал себе вопрос, знает ли Хогарти, что ночью было совершено вооруженное нападение на резиденцию "Профешнл Секьюрити". Теперь, задним числом, он не жалел, что затеял эту небезопасную авантюру. Пусть даже среди документов им не удалось об-

наружить ничего стоящего, все равно очень кстати было ему и ребятам тряхнуть стариной.

Встречу назначили в пабе. Посетителей почти не было, и Пол перехватил в зеркале кривую ухмылку бармена, наблюдавшего, как они шествуют в самый дальний угол. Хогарти оказался еще более несимпатичным, нежели предполагал Пол. Здоровенный детина, красномордый и до отвращения самоуверенный, из тех, что привыкли подминать под себя всех и вся вокруг. У Пола непроизвольно сжались кулаки при мысли, что эта тупая скотина подмяла под себя и Гвен. Он знал, что больше никогда уже не сможет смотреть на девушку прежними глазами.

— Значит, вздумали поиграть в сыщиков... — сказал Хогарти, когда они сели за столик. Он произнес эти слова неодобрительным тоном учителя, узнавшего, что нерадивый ученик собирается стать космонавтом. — Думаете, вам удастся продвинуться дальше нашего?

— Почему бы и нет? — Пол выдержал взгляд Хогарти. — До сих пор вы не так-то уж далеко продвинулись.

— До сих пор ничего и не произошло. — Хогарти наклонился вперед, словно желая всей массой тела усилить вес своих слов. В ноздри Пола шибанул приторный запах лосьона для бритья. — Сейчас мы ведем дело о похищении Эшфорда. А до сих пор была лишь история с певцом, которого, правда, похитили, но вскоре и отпустили. Что же касается прочих случаев, то у нас нет никаких формальных доказательств, все подозрения основаны на слухах.

— Как это "нет формальных доказательств"? — Пол невольно возвысил голос, но, почувствовав, что здесь необходима сдержанность, овладел собой. — Ну а список? Ведь Эшфорд — десятый из числа похищенных за этот год.

— Да, кстати о списке. Ни одна живая душа не в состоянии объяснить, каким образом он очутился среди полицейских документов. Когда Гвен попросила меня уточнить, сколько человек было похищено из числа охраняемых "Профешнл Секьюрити", я поначалу даже не знал, где искать концы. В картотеке жертв похищения, на каждого в отдельности? Затем меня осенило, что ведь наверняка же должны быть в Скотленд-Ярде какие-то материалы о частных фирмах, специализирующихся на персональной охране. Разумеется, такие материалы были. И среди них — хотите верьте, хотите нет — обнаружился и этот список. Сказать вам, как он попал туда? — Хогарти сделал многозначительную паузу, и Пол знал, что за этим последует. — Из министерства, через вашу малышку Гвен.

Пол хотел перебить его, но Хогарти был не из тех, кому легко заткнуть рот. Он и на встречу-то согласился лишь затем, чтобы выложить Шорту все, что думает по поводу этой

истории, и не собирался лишать себя заранее предвкушаемой радости.

— Обнаружив эту несуразицу, я призадумался: зачем было нашей красотке просить у меня список, который она сама же и печатала? Ей, что ли, он понадобился? Какое там! Ее шефу? Я отмел и этот вариант. Осталось единственное объяснение: список нужен вам. Я уже был склонен принять такое предположение, хотя это по-прежнему не проясняло, зачем ей вздумалось просить меня раздобыть список, когда проще было бы затребовать его, чтобы снять копию, если у нее не осталось экземпляра. И тут только до меня дошел смысл ее просьбы. Малышка хотела привлечь мое внимание к этому списку незаметно, исподволь. Я не разгадал этого ее намерения до тех пор, пока она не попросила меня встретиться с вами и ответить на ваши вопросы. Мне не ясно было, откуда взялся этот список и можно ли ему верить. Теперь-то я знаю. Гвен могла получить его только от вас! — Откинувшись на спинку стула, он, как насытившийся людоед, наслаждался растерянностью Пола. — Иной журналист удовольствовался бы готовеньким, но Пол Шорт не из таковских. Он предпочитает сам состряпать себе дельце по вкусу.

Полу казалось вероятным, что инспектор Хогарти за всю свою полицейскую карьеру еще ни разу не был так близок к тому, чтобы его поколотили. Он постарался подавить свой гнев, вынужденный признать, что рассуждения Хогарти не лишены некоторой логики.

— Отчего бы вам не встретиться кое с кем из названных в этом списке? — спросил Шорт.

— Бьюсь об заклад, что вы это уже сделали, — Хогарти расхохотался. — Чего я добьюсь этими встречами? Да, скажут мне, похищение имело место, а затем был уплачен выкуп и заложника отпустили на свободу. Заявлено было в полицию? Нет! Остался хоть какой-нибудь след, за который я мог бы ухватиться? Нет! Так что развлекайтесь тем, что сами затеяли, а с меня хватит дела Эшфорда.

Все, точка. Мне ни за что не переубедить его, подумал Шорт. Нет такого аргумента, который заставил бы Хогарти переменить свое мнение и вообще дошел бы до его сознания. Пол чувствовал, что инспектор ненавидит его точно так же, как и он ненавидит Хогарти, кроме того, до него дошло, что в Хогарти тоже говорит ревность. Он ревнует, что Гвен ради Пола способна на обман, подлог документов и даже — коль скоро таковой оказалась цена — согласилась переспать с ним.

— Тогда поговорим о деле Эшфорда, — сказал Пол.

— Что вы хотите знать? — осторожно осведомился Хогарти.

— Кто заявил о похищении?

— Жена. Через несколько минут после нападения. — Об

этом сообщалось и в газетах, а Пола интересовали подробности. — Когда "бентли" опрокинулся, шофер по радиотелефону передал центру точную информацию с места происшествия. — Хогарти ухмыльнулся. — Конечно, все было записано на магнитофон. Любопытная запись, иной журналист дорого дал бы, чтобы заполучить ее.

Пол покраснел. Если Хогарти подумал, что от его намека, то он ошибся. Шорт чуть не лопнул с досады, что не догадался об этой записи прошлой ночью, когда они вторглись в контору Бултона.

— "Профешнл Секьюрити" тотчас же выслала машины к месту происшествия и уведомила полицию о том, что на их клиента совершено нападение. Из полицейского управления также были направлены две патрулировавшие поблизости машины. Те прибыли с опозданием. Полицейские были заняты наведением порядка на месте аварии, когда миссис Эшфорд позвонила в Ярд.

— Каким образом нападающие извлекли Эшфорда из пуленепробиваемого автомобиля?

Хогарти пожал плечами.

— Взорвали бомбу со слезоточивым газом у воздухозаборника кондиционера, Эшфорд вылез сам, по собственной воле, и, думаю, еще и поблагодарил, что ему помогли выбраться.

— Что с выкупом?

Хогарти покачал головой.

— Пока не объявлялись.

— Любопытно, — пробормотал Пол. — До этого случая они сразу же назначали цену. — Он подметил насмешливую искорку в глазах Хогарти. — Что вы предприняли, чтобы отыскать его?

— Нами приняты все необходимые меры, — заявил Хогарти. Он залпом влил в себя пиво, к которому прежде не притрагивался, и встал.

— Обождите! — Пол непроизвольно схватил его за руку.

Хогарти холодно посмотрел на него.

— Убери лапы!

Пол отдернул руку.

— Мы еще не кончили разговор.

— Я лично закончил.

— Тут не вам диктовать. Вы получили, что требовали, теперь пора расплатиться. Был уговор, что вы ответите на все мои вопросы, а не только на те, что пожелаете. Эти общие фразы о принятых необходимых мерах приберегите для пресс-конференции. Мне нужны факты.

Хогарти снова наклонился вперед; его крупная голова с жирной физиономией очутилась в нескольких сантиметрах от лица Пола.

— Фактов тебе не видать как своих ушей. — Он гнусно ух-

мыльнулся. — За то, что я получил, я с тобой расплатился. И предупреждаю, что проведешь ночь в полицейской камере, если попытаешься удержать меня. — Он поднялся из-за стола. — А малышке Гвен советую сидеть и не рыпаться. Из-за этого списка она легко может вылететь с работы.

Пол тоже встал.

— Всего лишь один вопрос. — Он смерил взглядом мощный торс, широкие ляжки, выпирающий живот, грудь колесом, бычью шею, властный подбородок, ухмылку в углу рта. — Вам много раз грозили?

— Да. Одно могу сказать: лучше не пытайся этого делать.

— Ах, вот как? Тогда считайте, что я это сделал. Обещаю намять вам бока, выбить зубы каждый поочередно и сделать из вашей сальной физиономии отбивную котлету.

Хогарти засмеялся.

— Надеюсь, это не пустые слова. — Он повернулся и зашагал к выходу. По дороге задержался у стойки и расплатился за свое пиво.

— Истинный джентльмен, — буркнул вслед ему Пол и снова сел за столик допивать свой чай. "Все равно доберусь до тебя", — подумал он и улыбнулся своей мысли.

19

Машины Эшфорда на месте уже не оказалось. Завалившийся на бок "бентли" увезли в тот же день, однако не настолько быстро, чтобы несколько пронырливых фоторепортеров не успели заснять его на пленку. Пользуясь напечатанной в газете фотографией и картой местности, было нетрудно отыскать место, где совершилось похищение. Обследовав проселочную дорогу, Пол медленно покатил назад к развилке — туда, где днем раньше грузовик преградил путь "бентли" Эшфорда. Выключив мотор, он еще раз просмотрел весь газетный материал. Можно было только восхищаться проведенной операцией: план, разработанный с точностью до секунды, безукоризненное осуществление — словом, работа куда более профессиональная, чем их вчерашнее вторжение к Бултону. Вся их подготовка заключалась в том, что Мак после обеда произвел небольшую рекогносцировку в районе резиденции "Профешнл Секьюрити", а в основном они полагались на накопленный опыт. В отличие от них похитители располагали подробнейшей информацией, они знали, какой дорогой возвращается домой Эшфорд и когда. Знали, сколько людей его охраняет, и — что более существенно — знали, чему обучены телохранители и как они будут действовать. На месте шофера большинство водителей затормозили бы или же попытались повернуть назад. Шорт — будь у него при себе оружие — остановил бы маши-

ну и выскочил: придорожная канава и деревья служат неплохим прикрытием. Однако иначе ведет себя человек, прошедший выучку в "Профешнл Секьюрити": дает газ — и улепетывает без оглядки.

И еще одна деталь бросалась в глаза: телохранители уцелели в переделке. Водителя "бентли" оглушили мешочком с песком, когда он вслед за Эшфордом выбрался из наполненной слезоточивым газом машины, а телохранитель, находящийся в машине сопровождения, после короткой перестрелки предпочел сдаться.

— Я держу в штате телохранителей, а не героев-самоубийц, — заявил Бултон в интервью газете. На фотографии он был изображен стоящим в уверенной позе, лицо его выражало решимость. — В случае необходимости наши люди способны пожертвовать жизнью, заслонив собой подопечного. Но я не требую, чтобы они шли на неоправданный смертельный риск после того, как клиент похищен. Их задача — возвратиться в целости-сохранности и быть готовыми к дальнейшей службе.

По сути, Пол согласился с Бултоном. Телохранитель оказался под перекрестным огнем десятка людей, находящихся в надежном укрытии, так что он запросто мог быть убит. Но Полу понятен был и иронический комментарий корреспондента: и все же, мол, в конечном итоге Эшфорд похищен, а его телохранители вернулись домой невредимыми.

Швырнув газету на заднее сиденье, Пол включил мотор и медленно двинулся вперед по дороге, повторяя маршрут Эшфорда. И вновь вынужден был воздать должное профессионализму похитителей. На пути попались еще один поворот, развилка, был даже небольшой мостик — словом, места, какие, на взгляд непосвященного, могут показаться куда более опасными, нежели безобидный поворот дороги и узкий проселок. Но если бы ему, Полу, потребовалось организовать нападение, он тоже избрал бы эту позицию.

Дом Эшфорда оказался на удивление небольшим — во всяком случае, по сравнению с особняком Финна, да и шикарный "бентли" и общественное положение самого Эшфорда заставляли предполагать нечто более помпезное. Аккуратно ухоженная живая изгородь окружала участок, дубы и каштаны заслоняли от ветра веранду, и лишь трава газона зыбко подрагивала на ветру. На дороге возле дома стояли три машины; Пол припарковался за ними, размышляя, кто бы это мог приехать.

На звонок дверь открыла невысокая, щуплая женщина. Она была одета в плохо сшитый костюм из толстой ткани, но одежда на ней казалась единственной несомненной реальностью. Лицо ее скрывалось под толстым слоем косметики.

— Миссис Эшфорд?

Женщина утвердительно кивнула. Глаза ее смотрели на Шорта холодно, без малейшего признака любопытства.

— Меня зовут Пол Шорт. Я пишу книгу о похитителях людей.

— Кто там, миссис Эшфорд? — раздался из глубины дома густой мужской бас. Женщина, оставив этот вопрос без внимания, смотрела на Пола, но не в лицо, а куда-то примерно на узел галстука.

— Весьма сожалею, но я никаких интервью не даю. Прошу извинить.

Она собиралась захлопнуть дверь, но Пол просительно поднял руку.

— Минутку, миссис Эшфорд...

— Сожалею.

— Кто это? — В холле появился и сам обладатель раскатистого баса: поджарый, седоватый господин лет пятидесяти, из числа неувядающих красавчиков и дамских угодников. Он кинул на Шорта угрожающий взгляд. — Что вам угодно?

— Оставьте, Томас. Этот господин — журналист, и я уже сказала, что не даю интервью для печати.

— Миссис Эшфорд, я прошу не интервью, а помощи. Я веду расследование аналогичного дела.

— Да неужели? — раздался за спиной Пола чей-то насмешливый голос. — Не двигаться!

Пол и не думал двигаться. Ему было стыдно перед самим собой. Видно, события последних дней отрицательно сказались на его умственных способностях. Подумать только: заявиться на дом к человеку, ставшему жертвой похищения, рассыпаться в извинениях за беспокойство и позволить захватить себя врасплох как последнего растяпу. В прошлый раз угодил в лапы телохранителям Конли, а сейчас влип снова. Не услышать, что к нему подкрадываются сзади, не проследить за направлением взгляда собеседника и даже не почувствовать опасности! Зато даму и басистого красавчика можно было поздравить: они ничем не выдали приближения охраны.

— Полно, мистер Бултон! Не думаю, чтобы в этом была необходимость, — произнесла хрупкая дама негромким, однако же не терпящим возражений тоном. Пол, хотя должен был бы в душе поблагодарить женщину за вмешательство, подумал, что миссис Эшфорд, должно быть, оттачивает на муже свое искусство повелевать и что муж, пожалуй, не так уж безумно огорчен своим похищением. Впрочем, признательность к ней Пол действительно испытывал. Теперь он знал, кто находится за спиной, а значит, лучше не пускать в ход такие трюки, как молниеносный разворот, попытка выхватить у противника оружие или удар зонтиком между ног; Бултона он ставил слишком высоко, чтобы надеяться подловить его на эти приемы.

— Необходимость в этом есть, — услышал он позади голос Бултона. — Мистер Шорт способен на диковинные фокусы.

Женщина неуверенно сделала шаг в сторону, и Пол вошел в дом. Он был не слишком взволнован происшедшим: сколько бы Бултон ни размахивал пистолетом, он все равно не решится прикончить его на глазах у стольких людей. В комнате, куда его ввели, сидела женщина лет сорока, с точеной фигурой и длинными стройными ногами. Денег, потраченных на ее туалет, Полу хватило бы на приобретение новой машины — если, конечно, он надумал бы расстаться со стариной "геральдом", — а стоимость драгоценностей с лихвой возместила бы затраты на покупку дома. Женщина поднялась легко и изящно, с той естественной грацией, которой нельзя научиться, но которая дается от природы. Впрочем, с какими бы задатками человек ни родился, этого мало; необходимо постоянно развивать врожденные качества. Дама улыбнулась Полу.

— Барбара, дорогая, позволь представить тебе мистера Шорта. Он журналист.

— Рада видеть вас.

Дама протянула ему руку — красивую, холеную. Пол сделал было шаг вперед: Барбара была из тех женщин, которым положено изысканно целовать руку. Если, конечно, вам позволят сделать это.

— Не двигаться! — осадил его окрик сзади.

— Томас Сандерс, наш адвокат, — как ни в чем не бывало продолжила миссис Эшфорд церемонию представления. Красавчик сдержанно кивнул.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласила хозяйка.

— Можете сесть, — буркнул за его спиной Бултон.

Пол засмеялся. Вместе с ним рассмеялась и очаровательная Барбара. Пол узнал этот смех. Когда-то эта женщина считалась лучшей фотомоделью. Пол видел ее во множестве рекламных фильмов и мальчишкой был влюблен в нее.

Прежде чем Шорт успел опуститься на стул, Бултон привычными, быстрыми движениями обыскал его. Атмосфера в комнате ощутимо похолодала, когда Бултон извлек у него из кармана пистолет.

— Что вам здесь нужно?

— Я веду расследование аналогичного дела о похищении. В том случае жертву тоже охраняли ваши люди.

Глаза Бултона сузились.

— За исключением Эшфорда, все наши клиенты находятся в безопасности.

— О, скоро и Эшфорд будет в безопасности! Заплатит выкуп, и его отпустят. Сто — сто пятьдесят тысяч фунтов, и дело с концом

Пол заметил, как миссис Эшфорд и адвокат переглянулись. Вероятно, они не рассчитывали так дешево отделаться.

— На что это вы намекаете? — снизошел до вопроса Бултон.

— Сами знаете. Что-то слишком часто ваших клиентов стали похищать в последнее время...

— Это правда? — спросил Сандерс, и Пол вновь удивился, как это такой тщедушный человечек может обладать столь мощным, раскатистым басом.

— Похожий случай имел место, — уклончиво ответил Бултон и поспешно обратился к Шорту. — Так зачем вы сюда явились?

— Чтобы задать несколько вопросов.

— По-моему, разумнее всего будет связаться с полицией, — изрек Сандерс. Миссис Эшфорд согласно кивнула.

— Минуту, — вмешался Бултон. — В полиции нет никакой необходимости. Я и сам с ним управлюсь.

— Не терплю, когда в моем доме размахивают пистолетом, — холодно процедила хозяйка. — Если этот человек — преступник, пусть с ним разбирается полиция. Если нет — значит, он наш гость.

Бултон проворчал что-то неразборчивое и сунул оружие во внутренний карман пиджака. "Один — ноль", — подумал Пол, однако по глазам недруга понял, что лучше воздержаться от каких бы то ни было необдуманных поступков. И, как ни странно, в данный момент ему пришлось встать на сторону Бултона. Не хватало еще, чтобы на него пожаловались инспектору Хогарти.

— Один человек, в свое время ставший жертвой похищения, поручил мне распутать это дело, — сказал Шорт, стараясь придать своему голосу предельную убедительность и напустив на себя вид несправедливо заподозренного человека.

— Кто этот человек? — спросил Бултон.

— Мистер Финн.

Бултон промолчал, зато Барбара язвительно пропела своим дивным, чарующим голосом:

— Если я правильно поняла, он тоже был похищен?

— С тех пор прошло уже полгода, — неохотно заметил Бултон. — И с какой это стати ему вздумалось поручать расследование человеку, который вовсе даже и не сыщик?

— О, сейчас мы легко все выясним, — проговорила миссис Эшфорд, направляясь к телефону. — Я знакома с этой семьей. — Она набирала номер по памяти, ей даже не потребовалось заглядывать в записную книжку.

У Шорта вся надежда была на то, что Финнов не окажется дома: отец на службе, а дочь на занятиях. Разве что экономка подойдет к телефону.

— Алло, Кристина, это вы? Говорит миссис Эшфорд.

Пол чувствовал, что даже уши у него покраснели. Он явственно увидел перед собой белокурые волосы Кристины, неправильные, но такие симпатичные черты ее лица, и ему захотелось вырвать трубку из рук хозяйки дома и самому объяснить ситуацию. К тому же он чувствовал устремленный на него взгляд Барбары, и от этого смущение его лишь усилилось.

— Да-да, просто кошмар какой-то... Благодарю... Нет, пока никаких известий... Кристина, мне нанес визит некий господин по имени Пол Шорт. Он утверждает, будто бы по вашему поручению ведет расследование... Ах, вот как? Благодарю... Разумеется, я сразу же дам вам знать. До свидания, дорогая. — Положив трубку, она обратилась к Шорту. — Чем я могу вам помочь?

Пол несколько мгновений помолчал; ему необходимо было переварить услышанное. Надо будет послать Кристине большой букет цветов. Впрочем, на кой черт посылать, когда можно вручить самому!

— Я хотел бы узнать... — Пол покосился на Бултона, который в напряженной позе сидел напротив; можно было не сомневаться, что сделай Пол резкое движение — и тот мгновенно выхватит пистолет. — Хотелось бы узнать, когда вы наняли охрану?

— Когда бишь?.. Точно не помню. В декабре прошлого года, а уж какого числа...

— Почему вы обратились именно к "Профешнл Секьюрити"? Вам кто-то порекомендовал эту фирму?

— Да, один наш знакомый. А в чем дело?

— Трудно объяснить случайностью тот факт, что объектами похищения становятся клиенты именно этой фирмы.

— Понятно, — миссис Эшфорд прикусила губу. — Однако наш знакомый вне всяких подозрений. Это безукоризненный джентльмен, правительственный служащий и, по-моему, специалист в таких вопросах.

— Не могли бы назвать его имя?

— Джон... — женщина на мгновение заколебалась. — Джон Айсборо.

Пола охватило дурное предчувствие.

— Говорите, его зовут Джон... Он случаем не курчавый блондин с лицом херувима?

— Да-а... Вы его знаете?

— Мне доводилось с ним встречаться.

Пол перевел взгляд на Бултона, однако взгляд шефа телохранителей не выдавал никакой перемены чувств. Боже правый, подумал Пол, неужели эта парочка заодно!

— Похитители уже дали о себе знать? — спросил он, чтобы перевести разговор в более безопасное русло. Лишь сейчас стало окончательно ясно, что эта мысль давно не дает ему покоя: кто тот человек, который располагает информа-

цией из первых рук, свободно распоряжается деньгами, людьми и техникой и при нападении щадит телохранителей? Должно быть, эта подспудная мысль толкнула его на вторжение в резиденцию фирмы.

— Пока еще нет. Но мистер Бултон считает, что они должны позвонить с минуты на минуту. Ведь не в их интересах затягивать дело. — Она произнесла эти слова тоном человека, который нуждается в успокоении. Пол впервые подметил в ее поведении признаки скрытой тревоги, и это показалось ему более красноречивым, чем если бы она непрестанно в отчаянии ломала руки.

— Мистер Бултон прав, — сказал Пол, проглотив замечание: "Ему виднее". — Финн через несколько дней уже был дома. Да и Конли тоже; его держали в неволе всего неделю и обращались с ним не слишком сурово... Разумеется, применительно к обстоятельствам.

— Конли? А кто это?

— Актер, — осторожно ответил Пол.

Барбара рассмеялась непристойно-игриво. Похоже, эта женщина не желала считаться с бегом времени, раз и навсегда решив оставаться молодой и красивой. Шорт склонялся к мысли, что ей это удается.

— Вы намерены уплатить выкуп?

— Да.

Сандерс кивнул с таким видом, словно речь шла о его собственных капиталах. Впрочем, наверняка деньги для выкупа придется наскребать ему за счет уступки акций, ценных бумаг и недвижимости, чтобы в целом имущество Эшфорда потерпело как можно меньший ущерб. Барбара тоже помрачнела; должно быть, упоминание о выкупе затронуло чувствительные струны ее души. Шорт за все время своего пребывания в этом доме сейчас впервые задумался, в каком качестве выступает здесь экс-модель: подруги жены или же приятельницы мужа?

— Мистер Бултон любезно взял на себя обязанность передать деньги гангстерам. — По лицу миссис Эшфорд скользнула слабая улыбка. — Он обещал не допускать ничего такого, что могло бы поставить под угрозу жизнь моего мужа. Не хочу, чтобы дело дошло до перестрелки.

— Кому было известно, в какое время ваш супруг возвращается домой?

— Всем и каждому. Мистер Эшфорд всегда возвращается домой в одно и то же время.

— Он был доволен телохранителями?

— Да, — осторожно проговорила женщина. — Я должна подтвердить это вопреки всему, что случилось. Телохранители мужа — вежливые, хорошо воспитанные молодые люди. Мистер Бултон объяснил, что при тех масштабах, как было

организовано нападение, должный отпор могла оказать лишь более многочисленная охрана.

— Он предупредил вас о такой возможности, когда заключался контракт?

— Не знаю. Все переговоры велись с мужем... — Она перевела взгляд на Бултона, который вынужден был ответить:

— Человеку такого общественного ранга и имущественного положения, как мистер Эшфорд, в принципе для охраны достаточно двух человек. Мы считали, что увеличение охраны было бы, по всей вероятности, излишней тратой денег.

На это нечего было возразить. Миссис Эшфорд бросила на Пола вопросительный взгляд, как бы интересуясь, желает ли он еще что-нибудь узнать, и с явным облегчением вздохнула, когда Шорт встал.

Тотчас поднялся и Бултон. Говорил он, обращаясь к хозяйке дома, однако при этом не спускал глаз с Шорта.

— Я провожу господина Шорта. Мне нужно с ним поговорить.

Пол не двинулся с места. Если уж разговаривать с шефом "горилл", то лучше здесь, при свидетелях.

— Может быть, теперь, когда ситуация разъяснилась, вы вернете мой пистолет, — сделал он попытку воспользоваться небольшим позиционным преимуществом.

— Верну, как же, — процедил Бултон. Слова его прозвучали не слишком обнадеживающе, однако, судя по всему, остальные присутствующие не уловили этого. Вежливо, но с легким нетерпением все ждали, когда же наконец они покинут дом. Бултон торжествующе ухмыльнулся.

— Миссис Эшфорд, разрешите перед уходом позвонить по телефону? — спросил Пол.

— Да-да, разумеется. — Миссис Эшфорд, словно опомнившись, из расстроенной, нетерпеливой, снедаемой тревогой женщины вмиг превратилась в предупредительную хозяйку дома.

— Нет! — отрезал Бултон. — Пока я не поговорю с ним с глазу на глаз — никаких телефонных звонков. — Рука его нырнула под пиджак.

— Благодарю, миссис Эшфорд, вы очень любезны. — Пол медленно направился к телефонному аппарату. Он чувствовал спиной взгляд Бултона, ощущал дуло направленного на него пистолета и знал, что этот человек способен выстрелить. Мало вероятно, что он решится пустить в ход оружие на глазах у стольких людей, но он способен на все. Вот уже второй раз Бултон проверяет его нервы на прочность.

Пол решил позвонить Маку, спиной загородив телефон, чтобы не видно было, какой номер он набирает. Он уже начал крутить диск, но вовремя спохватился, что в ожидании звонка от похитителей телефонные разговоры, очевидно,

прослушиваются — и не только полицией, но и людьми Бултона. Пол набрал номер издательства Кима. Главы фирмы не оказалось на месте, однако через секретаршу Пол просил передать, что хотел бы наведаться к Киму, а затем добавил: если его, Шорта, будут спрашивать, то следует сказать, что он задерживается у мистера Бултона...

Его затолкали в ''ровер'', очень похожий на тот, что патрулировал ночью вокруг территории ''Профешнл Секьюрити''. За рулем сидел верзила с мрачной физиономией, Бултон занял место на заднем сиденье справа. Полу вывернули руки назад и защелкнули наручники.

— А как же с моей машиной? — поинтересовался Шорт, словно других забот у него не было.

— Не волнуйтесь, здесь она не останется.

На этом разговор был окончен. ''Ровер'' повернул в город; ''горилла'' вел машину ровно: не быстро, но и не пренебрегая возможностями увеличить скорость. Бултон, откинувшись на спинку сиденья, не спускал глаз с Пола; пистолет в его руке был нацелен на пленника. И эта мера отнюдь не была излишней. Взбешенный Пол, позабыв о принципе действовать только наверняка, мечтал лишь об одном: отведи Бултон хоть на секунду в сторону свой треклятый пистолет, и ботинок Шорта мгновенно припечатает ему нос.

Однако Бултон и не думал давать ему такую возможность. Пожалуй, оно было и к лучшему... Пол сквозь ветровое стекло смотрел на дорогу. Стал накрапывать дождь, и глубокие тона, окрашивающие пейзаж за окном, потускнели, словно размытые влагой. Разбрызгивая лужи, лихо промчался мотоциклист, точно ему нипочем были холод, и дождь, и скользкая дорога. Пол с завистью проводил его взглядом. Край казался вымершим. Лишь однажды за поворотом попался застрявший на дороге грузовик, и Полу на миг пришла абсурдная мысль, уж не собираются ли их похитить. Разумеется, никто не собирался этого делать; двое насквозь промокших трудяг меняли правое заднее колесо, один из них посмотрел вслед ''роверу'', завидуя пригревшимся в тепле господам.

Ближе к городу поток машин возрос, по обеим сторонам улицы замелькали магазины, прохожие, укрывшись под зонтами, торопливо сновали по тротуарам. Пол прикрыл веки и погрузился в свои мысли. Он открыл глаза лишь в тот момент, когда ''ровер'' свернул в парк и перед ним выросло знакомое белое здание ''Профешнл Секьюрити''.

20

Гвен поначалу отказывалась верить. Еще не было случая, чтобы Пол надул ее. Даже когда заболевал, он неизменно приходил на свидание, терпеливо поджидал ее в дождь и в

снег, на ветру и на солнцепеке, на скамейке парка или в пивной. Гвен постоянно опаздывала, но Шорт всегда был на месте. За исключением сегодняшнего случая. Понапрасну Гвен у входа притворилась запыхавшейся, словно бежала всю дорогу, понапрасну приготовила извиняющуюся улыбку: тот, кому эти знаки раскаяния были адресованы, отсутствовал. Гвен заняла место за столиком напротив входа и чертыхнулась про себя. Будь здесь Пол, она бы заказала пиво к сандвичам, но в одиночку ведь пить не будешь...

Прошло с четверть часа, когда у Гвен зародилось подозрение, что Пол опаздывает неспроста. Она не приняла эту мысль всерьез: Пол Шорт не из тех, кто попадает в беду, он умеет постоять за себя.

Прождав еще минут десять, Гвен была вынуждена уйти, поскольку у нее кончался обеденный перерыв. Она оставила у бармена записку для Пола и, прежде чем вернуться в министерство, из уличного автомата позвонила в Ярд и спросила инспектора Хогарти. Ей было не по себе. Утром, когда они расставались, Хогарти смотрел на нее так, словно собирался расплатиться деньгами за проведенную у нее ночь. Гвен страшно жалела, что в угоду Полу, ради какой-то маловажной полицейской информации, позволила впутать себя в эту нечистоплотную интрижку.

Хогарти делал какие-то язвительные, туманные намеки, и Гвен, смутившись, повесила трубку. Похоже, инспектор вообразил, будто по просьбе Шорта она сама составила этот список похищенных клиентов "Профешнл Секьюрити". Спеша на работу, Гвен проклинала в душе и наглеца Хогарти, и Пола, втравившего ее в эту безумную авантюру, и дала себе слово докопаться, кто от ее имени отослал в Скотленд-Ярд злополучный список.

Пусть Хогарти заблуждается, однако в логичности суждений ему не откажешь. Возможно, кто-то из сотрудниц действительно подстроил такую шутку — скажем, по просьбе своего дружка. Обрадовавшись, что шеф отбыл в провинцию, Гвен отложила текущую работу и попыталась составить список лиц, кто мог проникнуть в служебное помещение и воспользоваться ее пишущей машинкой и печатью. Любой мог, подумала она, любой, кто сумеет миновать охрану. Нет, надо подойти с другого конца. Кем бы ни был этот человек, он умел делать все то, что и сама Гвен. Напечатан документ вполне профессионально, сопроводительное письмо к нему составлено человеком, который штампует их десятками изо дня в день. Если взглянуть на дело под таким углом зрения, то в расчет могут приниматься максимум десять—двенадцать женщин. Ну, а поскольку среди женского персонала великое множество охотниц посплетничать, то нетрудно будет выведать, кто у кого в любовниках.

21

На Пола набросились трое. От них было бы не так-то просто отбиться, даже не будь у него руки скованы наручниками. Все трое явно обладали немалым опытом, они не боялись синяков и царапин, но и на лишний риск идти не хотели. Единственное, что давало Полу хоть какой-то шанс против них, был их расчет на легкую победу — втроем против одного, да еще в наручниках. Да они и собирались не драться, а бить. Правда, и Пола такой оборот событий застиг врасплох. Он знал, что беседа с глазу на глаз с Бултоном будет не из приятных, он допускал даже, что его могут поколотить для острастки, но чтобы начать прямо с "обработки"... Пол спохватился лишь в тот момент, когда Бултон грубо втолкнул его в какую-то комнату, и не успел он обрести равновесие, как получил подножку. У него искры посыпались из глаз, когда он с размаху плашмя грохнулся физиономией об пол. Шорт скорее почувствовал, чем увидел приближающиеся ноги. Перевернувшись на бок, он захватил их в ножницы и рванул что было силы. Затем поднял ногу, нанес удар пяткой и, завершая движение, вскочил на ноги. И вовремя: это дало ему возможность увернуться от удара. Уклоняясь и лавируя, он пытался найти место, где можно было хоть секунду передохнуть и сориентироваться, какие силы брошены против него и каким пространством для маневра он располагает.

Вот тут-то и выяснилось, что их было трое. Тот, кого Пол захватил в ножницы, тоже успел подняться: к сожалению, упал он навзничь, и удар пяткой пришелся ему в поддых. Свались он ничком, и Пол угодил бы ему по позвоночнику; тогда сейчас против него было бы только двое. Хотя, возможно, что тогда на помощь призвали бы всю гвардию Бултона и Полу не сносить бы головы. А так, глядишь, и удастся выкарабкаться живым. Пол знал: чем скорее он сдастся, тем легче отделается. Самым разумным было бы сжаться в комок, постараться защитить от ударов голову, почки, низ живота и не оказывать сопротивления истязателям. Если бы еще руки были скованы спереди... Пол выбросил вперед левую ногу, рассчитывая задеть одного из приближающихся противников. Тот чуть отпрянул и снова полез к жертве. Шорт поднял колено, запугивая "гориллу" ударом, а сам бросился головой вперед, целя в живот противнику, словно торпеда, а точнее, как торпеда, ведомая камикадзе. Если бы "горилла" в свою очередь успел выставить колено, то инерцией броска незащищенное лицо Пола превратилось бы в кровавое месиво. Даже просто отступи "горилла" чуть в сторону, и в стремительном падении Шорт разбился бы вдребезги. Но охранник не успел среагировать. Согнувшись в три

погибели от удара в живот восьмидесятипятикилограммовым живым тараном, через мгновение он рухнул на пол, добитый тычком колена в подбородок.

Но остальные двое не мешкали. Пол почувствовал, как ему заехали ногой по ребрам, и почти в тот же миг чей-то каменный кулак настиг его физиономию. Он подставил кулаку вздернутое плечо, и следующий удар пришелся вскользь, но все равно лицо ожгла адская боль. Нападающего "гориллу" он видел как в тумане. Попытался пнуть его, но, еще не завершив приема, уже понял, что промазал. И снова получил удар ногой в спину, а спереди без устали молотили железные кулаки. Пол согнулся под градом сыплющихся на него ударов, затем упал на колени, а следующий удар свалил его на бок. Он пока еще оставался в сознании, хотя и не чувствовал ничего, кроме сплошной боли во всем теле, и ничего не видел, кроме мелькания теней, однако у него еще достало сил, чтобы из положения лежа пнуть ногой одну из нависших теней и испытать от этого удовлетворение, прежде чем свет окончательно померк в его глазах...

— Молодец! Держался мужчиной.

Пол открыл глаза. Над ним возвышалась фигура Бултона. Мгновенно включившийся разум подсказал Шорту, что он лежит на жестком полу, поясницу нестерпимо ломило, от слабости он не в состоянии был пошевелиться. Пол почувствовал, что физиономию всю разнесло, что один зуб выбит, а горячее в уголках рта — это струйка крови и что боль в пояснице, скорее всего, не оттого, что он лежит на голом полу. Наручники с него сняли.

Пол не делал попыток подняться. Он лежал и ждал, что будет дальше, ждал, надеясь, что с каждой минутой к нему будут постепенно возвращаться силы.

— Прошлой ночью здесь был учинен налет, — сказал Бултон. — Как вы думаете, кто бы это мог вломиться в контору фирмы, которая занимается вопросами персональной охраны?

Сочтя это риторическим вопросом, Пол не стал отвечать, однако Бултон вышел из себя.

— Кто, я спрашиваю?! — Он занес было ногу, собираясь ударить беспомощного противника, но затем передумал. — Все кости переломаю, если не будешь отвечать на вопросы!

Шорт не сумел сдержать усмешку. Он с детства реагировал так, когда ему угрожали.

На сей раз Бултон ударил его ногой. Пол не удивился, он и прежде не причислял Бултона к прямым потомкам благородных рыцарей. Пинок оказался болезненным, болью отзывалось все тело, но сейчас это Пола не волновало. Бултон не осмелится забить его насмерть, как бы ему этого ни хоте-

лось. Полу не раз доводилось бывать в кровавых переделках, и он знал, что следующий раунд будет за ним. Мысль эта вновь вызвала у него усмешку.

Бултон вышел из комнаты, и через несколько секунд Пол сделал попытку подняться. Задача оказалась не из легких. Сердце колотилось так, словно он пробежал многокилометровый кросс, голова кружилась, и он так и остался стоять на коленях, уронив голову на грудь. Но вот в коридоре послышались шаги. Шорт встал на четвереньки, затем оторвал руки от пола и поднялся во весь рост.

В дверях появился Бултон. Ни слова не говоря, он смерил Пола холодным взглядом и вошел в комнату. За ним следовал молодой человек с ладной, спортивной выправкой. С любопытством и подозрением он уставился на Шорта.

— Это он? — спросил Бултон.

Шорт попятился к стене, словно опасаясь того, что должно за этим последовать. Прислонясь к стене, он старался собрать крупицы сил. Грудная клетка при каждом вдохе разрывалась от боли — видимо, несколько ребер были сломаны, — физиономия, должно быть, до того страшна, что не приведи бог увидеть ее в зеркале. Но все это неважно. Главное — чтобы держали ноги, чтобы к рукам возвратилась сила, чтобы глаза могли различать четкие контуры, а не расплывчатые пятна. Хоть бы молодой человек не спешил с ответом, а подольше подумал.

— Не знаю, — нерешительно произнес тот. — Может, и он, но я не уверен.

Пол огляделся в поисках какого-либо оружия. Значит, молодой человек и есть тот охранник, с которым он схватился прошлой ночью.

— Но вы же видели того, кто на вас напал! — настаивал Бултон, и голос у него был такой, словно он готов был заехать башмаком и собственному служащему.

— Так ведь темно было, шеф! И потом, на нем было военное обмундирование... то есть на том человеке, который на меня напал. Но ростом и фигурой он похож.

— Ах, так? — Бултон нетерпеливо махнул рукой, и молодой человек, облегченно вздохнув, удалился.

— Налетчики были одеты в темную военную форму. Как описал один из охранников, она похожа на обмундирование десантников, только материал получше, да и сама униформа удобнее и шикарнее. Парню невдомек было, что это за униформа, но я-то знаю! Это боевое снаряжение командос. И вот теперь я спрашиваю: кто посмел вломиться в здание фирмы? Кто вздумал совать нос в наши дела? Кто служил в отряде командос?

— Люди знают, где я нахожусь. Если вы меня не выпустите, вам не поздоровится. — Распухшие губы повиновались с

трудом, и из-за выбитого зуба Пол говорил шепелявя. Бултон никак не отреагировал на его слова, и Пол попытался говорить убедительнее: — Мои ребята быстро смекнут, где меня искать; да и полиция скоро дознается. И в том, и в другом случае вам несдобровать.

Бултон решительно шагнул к нему, и Пол набрал в грудь побольше воздуха. Бултон подбил ему ноги, и голова Шорта глухо стукнулась об пол. Сжавшись в комок, он приготовился сносить удары.

— На брюхе будешь ползать передо мной, ублюдок! — раздался яростный рев Бултона. — Я тебе растолкую, что это за молодчик вздумал вломиться в здание фирмы! Если готовишь похищение клиентов, то, конечно же, необходимо выведать секреты охранной системы. Надеялся, я до этого не додумаюсь? Да я давно обо всем догадался! Откуда бандитам известно, кого похищать и где и когда это лучше сделать? Ясно, как дважды два, что здесь орудуют профессионалы и что выучки им не занимать!

Вновь последовал резкий пинок, но Пол сгоряча почти не почувствовал боли.

— Заткни свою поганую пасть, подонок! — прохрипел он, захлебываясь кровью. — Ты же сам и похищаешь собственных клиентов! Вся информация — к твоим услугам, исполнители пляшут под твою дудку, а ты знай себе гребешь денежки с обеих сторон.

Бултон снова ударил его острым носком ботинка, но на сей раз Пол успел захватить его ноги в ножницы и резко рванул в сторону. Бултон рухнул наземь рядом с ним, и Пол, привстав на колени, обрушил на него град слепых ударов. Однако противник оказался сильнее — во всяком случае, на данный момент. Атака Пола застала его врасплох, но Бултон быстро пришел в себя. Схватив Шорта за руки, он коленом уперся ему в живот. Пол попытался было высвободить руки. Нет более утомительного вида борьбы, чем схватка в лежачем положении, и тут все преимущества были на стороне Бултона, не успевшего растерять силы. Даже если не предпринимать никаких усилий, а просто тянуть время, дожидаясь, пока Пол окончательно выдохнется, и то он выиграет поединок. Но хватка Бултона оказалась не слабее наручников, а второй удар коленом пришелся по ребрам, где боль была особенно чувствительной. Пол взвыл. Внезапным рывком скрестив руки, он выпрямился и резко откинулся навзничь. Бултон потянулся вперед, чтобы снова ухватить Пола за запястья, однако попытка его не увенчалась успехом. Выставив локти и вложив в удар остатки сил, Шорт рухнул на противника, сознавая, что на большее его не хватит. Почувствовав под локтем хрустнувшую кость, он понял, что старался не зря. Перекатившись через Бултона, он занес было руку для завершающего удара, но, взглянув на лицо про-

тивника, понял, что это излишне: Бултон потерял сознание. Изо рта у него текла струйка крови, и Шорт, постанывая от боли, перевернул Бултона на бок, чтобы тот не захлебнулся, и, тяжело дыша, растянулся рядом. Сколько времени у него в запасе? Когда "гориллы" полюбопытствуют взглянуть, что здесь творится? Или Бултон запретил мешать, не предвидя такого оборота событий? Скорее всего, дело обстоит именно так, и все же Пол не смел рассчитывать на слепую удачу. Сделав три глубоких вдоха, он поднялся, выждал секунду, пока кровь отольет от головы, и подошел к окну.

Окно было забрано решеткой. Пол несколько мгновений жадно созерцал дождливый пейзаж за окном. Перед ним тянулась каштановая аллея, а значит, автомобильная стоянка — с противоположной стороны, и, возможно, там стоит его "геральд". Пол чувствовал, что, если застрянет здесь, ему конец. И уже не только чувства, но и разум подсказывали, что после столь невежливого обращения с Бултоном его могут растерзать на части.

Подойдя к лежавшему без сознания Бултону, Пол обыскал его. Забрал назад свои документы и пистолет, который Бултон в доме Эшфорда небрежным жестом сунул к себе в брючный карман. Оружие Бултона он тоже прихватил с собой. В его намерения не входило убивать людей, однако он не дастся "гориллам" в руки и продырявит каждого, кто встанет на его пути. Бултон пользовался "люгером"; Шорт внимательно осмотрел оружие, прежде чем сунуть его под свитер.

Из комнаты он вышел как человек, которого избили (что соответствовало истине), унизили (что было верно лишь наполовину) и отпустили на свободу (что совершенно не отвечало действительности). Закрывая дверь, он громко попрощался и осторожно глянул по сторонам. Двое мужчин, проходя по коридору, с любопытством оглядели его, однако задерживать не стали. Пол направился к лестнице, по дороге выглянув в окно. "Геральд" ожидал на стоянке, подобно надежному, испытанному другу, которому нипочем непогода и опасности. Пол мгновенно прокрутил в уме возможные варианты. Ему предстоит спуститься по лестнице, миновать еще один, более оживленный коридор, ведущий к выходу, а там уже пробиваться через охранный пост. Возможно, охранникам достаточно будет увидеть его без сопровождения, чтобы решить, будто Бултон отпустил его. Возможно, его попытаются задержать, и тогда он вынужден будет оружием прокладывать себе путь. Возможно, кто-то заглянет к Бултону в эти минуты, пока Пол еще не успел выбраться из здания, и поднимет тревогу.

Пол подошел к окну — на нем не было решетки — и распахнул его: человек почувствовал себя неважно и захотел

подышать воздухом. Ему не составило труда сыграть эту роль. Его обдало холодом, в лицо ударили струи дождя, и он действительно сразу же почувствовал себя лучше. Он высунулся из окна, чтобы подставить дождю и затылок, и тем временем внимательно осмотрел землю под окном. Спрыгнуть со второго этажа на газон — плевое дело. Правда, до машины добрых пятьдесят метров, и в том состоянии, как он сейчас, бог весть сколько секунд ему потребуется, чтобы преодолеть эти метры.

Осторожно оглянувшись по сторонам, Пол увидел мужчину, тащившего по коридору громоздкую, неудобную коробку. Коробка цеплялась за все выступы, застревала у каждого поворота, и мужчина не переставая чертыхался. Он бросил недоброжелательный взгляд на прохлаждавшегося у окна незнакомца, однако не остановился, хотя коробка, конечно же, стукнулась о распахнутую оконную раму. Пол выждал, пока мужчина свернет за угол, а потом взобрался на подоконник и спрыгнул вниз. Выпрямившись во весь рост, он не летел, а словно парил в воздухе, и ему хотелось громко кричать от счастья. Он приземлился по всем правилам науки: в тот момент, когда ноги его коснулись газона, он свернулся в клубок и покатился кубарем. Одного кувырка оказалось достаточно, чтобы погасить инерцию падения, после чего Пол сразу же вскочил на ноги и побежал. Все тело отзывалось болью, однако, несмотря на это, ему удалось развить приличную скорость. Шорт промчался по цветочным клумбам, перепрыгнул через невысокую живую изгородь, и вот он уже на автомобильной стоянке, на ходу достает ключи от машины. Услышав крики позади, он заметался в узких промежутках между автомобилями, проклиная каждый из них, преграждавший дорогу к "геральду". Выхватив пистолет левой рукой, правой он распахнул дверцу "геральда", плюхнулся на водительское место и включил мотор, держа оружие под рукой. Пол увидел бегущих к калитке мужчин, а у ворот с пистолетом наготове стоял охранник. Шорт дал газ, направив машину не к воротам, а на группу бегущих мужчин. В считанные секунды он покрыл расстояние до них, подобно хищному зверю, внезапно и безжалостно набрасывающемуся на жертву. Из беглеца он превратился в преследователя. Телохранители "Профешнл Секьюрити" бросились врассыпную, увертываясь от колес.

Пол сделал задний разворот. Рассыпавшиеся цепочкой "гориллы" успели взять его под прицел; вздумай он двинуться к воротам, они прострелят покрышки, бензобак, а то и зацепят его самого. Но у них не было времени открыть стрельбу: снова пришлось спасаться бегством, чтобы не угодить под колеса. Шорт заставлял свой юркий, устойчивый спортивный автомобиль крутиться на месте, пятиться назад,

опасно крениться на вираже и скользить на двух колесах, он гонял, преследовал охранников, неумолимо подбираясь к ним все ближе и ближе. У тех почти не оставалось возможности отскочить, иные, недостаточно проворные, едва успевали увернуться, когда от колес их отделяли считанные сантиметры. Теперь "гориллы" уже не помышляли о стрельбе, главной заботой их было спасти свою шкуру. И тут Пол нацелился на ворота. Высунувшись из окошка автомобиля, он сделал два выстрела в сторону охранника у ворот, и добрый, старый "геральд", вздымая фонтаны брызг, проскочил в ворота и через мгновение скрылся за поворотом.

Пол сбавил скорость. Все еще трудно было поверить в удачу. Не верилось, что не гремят выстрелы вслед, что он вышел из этой передряги целым и почти невредимым. Пол глянул в зеркало и, увидев острый нос "ровера", выруливавшего из-за поворота, ругнулся вслух. Выдержка и силы его были на исходе. Руки дрожали от пережитых волнений, голова разламывалась от боли — по всей вероятности, без легкого сотрясения мозга не обошлось. Как знать, сколько еще он сможет пересиливать себя...

Пол переключил скорость и дал газ. Какой-то пешеход испуганно шарахнулся на тротуар, и Пол мысленно попросил у него прощения. Он гнал машину к центру города. Мотор у "ровера" намного сильнее, и на открытом шоссе от него не уйти, зато на оживленных городских улицах у верткого, маленького спортивного "геральда" есть шансы оторваться от преследователей. Ну а если избавиться от преследования не удастся, можно подъехать к зданию Скотленд-Ярда: там на него не посмеют напасть. А можно податься к магазину Мака, пусть-ка попробуют тогда к нему подступиться! Пол обогнал грузовик, в последний момент проскочил под светофором на желтый свет и после нескольких минут лихой гонки обнаружил, что "хвоста" за ним нет. Он сбавил скорость. Как он добрался до дома, взошел по лестнице, отпер дверь и рухнул в постель, он и сам не мог бы объяснить. Тем не менее он все это проделал и даже последним машинальным движением сбросил с ног грязные ботинки. После этого все чувства отключились, и Пол провалился в глубокий сон...

22

Проснулся он оттого, что кто-то кроме него находился в комнате. За спиной слышались чьи-то неуверенные шаги. Пол открыл глаза. В комнате царил полумрак. Пол осторожно сунул руку в карман пиджака. Конечно, пистолет был

там, оттого и лежать на боку было неудобно. Шаги приближались. Только что у Пола нестерпимо ныла каждая клеточка тела, теперь же боль внезапно исчезла, и Пол словно по мановению волшебной палочки вдруг почувствовал, что тело его стало упругим и бодрым, обруч, стискивавший голову, отпустил. Кто-то по-прежнему ходил по комнате. Раз, два... человек подобрался к нему уже совсем близко... остановился... вот скрипнул пол... пора! Пол метнулся в сторону и скатился с постели, выхватывая оружие. Опершись о край кровати и держа пистолет обеими руками, он прицелился в непрошеного посетителя. Тот испуганно, молча замер на месте. Был он строен и белокур и облачен в короткое платье и блестящий плащ на подкладке.

— Господи, Кристина! — Пол опустил пистолет и поднялся из засады. — Как вы сюда попали?

— Я беспокоилась за вас. — Девушка оглядела его с головы до ног, и на ее лице мелькнула знакомая, озорная усмешка. — И, как вижу, не без причины.

Пол подошел к зеркалу и отшатнулся. Зрелище действительно было жуткое: под левым глазом расплывался "фонарь", правая щека превратилась в сплошную кровавую рану, словно с нее напрочь содрали кожу, губы распухли, в уголках рта запеклась кровь, взгляд тупой после сна, костюм мятый и во многих местах зияет прорехами.

— Как же это миссис Ипсом вас пустила? Обычно она строже следит за моей нравственностью.

— Должно быть, я ей понравилась, — рассмеялась девушка. — Что с вами стряслось? Миссис Эшфорд сказала, будто вы уехали вместе с Бултоном. Это его работа?

— В том числе... Да, кстати, спасибо, что выручили меня в разговоре с миссис Эшфорд.

Кристина небрежно махнула рукой.

— Я с детства усвоила: если кто-то ссылается на меня, надо сначала подтвердить, а уж потом выяснить подробности.

— В школе?

— Какое там! — Девушка, скинув плащ, уселась на стул и с любопытством смотрела, как Пол с охами и стонами, прихрамывая, ковыляет взад-вперед по комнате, чтобы размять мышцы. — Вообще-то не ваше дело, но... Словом, я покрывала то мать, то отца. — Она недобро усмехнулась. — И все из-за одной и той же женщины.

— Как это?

— Что касается женщины, то она отличалась бисексуальностью. Отец был в нее влюблен, и, когда заявил, что не может жить без нее, мать решила поговорить с разлучницей. Бог ее знает, какие у нее были намерения: уговорить, чтобы та оставила отца в покое, или пустить в ход угрозы, но результат оказался иной. Мать поняла, что ее тоже больше влечет к женщинам. Все трое могли бы жить душа в душу,

если бы признались друг другу. Но где там! Отец строил из себя преданного мужа, мать — образцовую жену, а в острых ситуациях выручать их приходилось мне. Да, папа провожал меня из школы домой. Да, мама возила меня в гости к Джуди. И что самое ценное во всем этом — я свято хранила их тайны.

— Что же было потом?

— Потом матери все это надоело, три года назад она развелась с отцом и переехала жить в провинцию.

— А та женщина?.. Уехала вместе с ней?

— Нет. Но отца она тоже бросила. — Кристина поднялась с места, подошла к Полу и положила руки ему на плечи. — Почему это вас так интересует? Я и без того наболтала много лишнего.

— Вы были знакомы с той женщиной?

— Вам нужно умыться.

Шорт проковылял к раковине. Он вздрагивал от боли, касаясь руками лица, однако холодная вода взбодрила его, и, когда он снова глянул в зеркало, вид у него был уже не такой страшный. Пол снял рубашку. На груди и сбоку виднелись три больших кровоподтека. Пол осторожно ощупал их, сделал наклоны вправо и влево, несколько раз подряд медленно вдохнул и выдохнул.

— Что это вы дурью маетесь? — с любопытством поинтересовалась Кристина.

— Не дурью маюсь, а хочу определить, не сломаны ли у меня ребра.

— Ага... И способ, надо полагать, проверенный?

Она стояла подбоченясь — глаза блестят, выражение лица насмешливое. Полу нравилась эта ее привычка все время повторять "ага". И голос у Кристины был волнующий, влекущий. Ему нравилась ее поза: под тонким платьем угадывались очертания фигуры.

— А разве рентген для этого не требуется? — ехидно спросила Кристина.

— Нет, не требуется, — отрезал Пол. — Может, все же отвернетесь?

— И не подумаю! — возразила девушка. — Я ведь изучаю медицину, и мне интересно все, что вы делаете.

— Тогда я вынужден при вас снять штаны.

Ушибы на бедрах и лодыжках выявились сразу же, однако Пола всерьез беспокоила боль в колене. Он не помнил, чтобы хоть один удар пришелся по колену, вероятно, он ушибся при падении. Пол с вожделением подумал о горячей ванне, но об этом, конечно, не могло быть и речи. Лучше не показываться перед миссис Ипсом в таком виде.

— За что вас избили? — спросила девушка.

— Бултон заподозрил меня в этих загадочных похищениях.

— Вот это да! — Кристина на миг отпрянула, а затем улыбнулась.

Пол осторожно обтирал тело губкой, но сейчас замер, чтобы придать вес своим словам. Он был похож на дирижера нудистского оркестра, который вместо дирижерской палочки использует... губку.

— Ну а я в свою очередь подозреваю в этих преступлениях Бултона. Послушайте, Кристина, вам не кажется удивительной та легкость, с какой удавалось похитить людей из-под носа у профессиональных телохранителей? При этом ни разу никто не пострадал. Жертвы отделались легким испугом. И это бы еще куда ни шло. Но ни один из телохранителей или налетчиков не был ранен в перестрелке. Или, к примеру, отметьте такой факт: похитителям все было заранее известно. Они знали, когда и куда направится их жертва, сколько будет при ней телохранителей и как будет размещена охрана.

Кристина подошла к нему, взяла у него губку и принялась медленными, осторожными движениями обтирать ему спину.

— С какой стати Бултону заниматься этим?

— Ради денег. — Пол расслабил мускулы, закрыл глаза и весь отдался ласковым прикосновениям. — Я много думал над этим. Колоссальные траты на организацию похищения и сравнительно небольшой выкуп.

Девушка горько усмехнулась, а Пол нетерпеливо дернул плечом.

— Я понимаю, что даже эту сумму вам нелегко было наскрести, но тем не менее выкуп относительно невысок. Клиенту его выплатить несложно, но и шантажисту прок невелик. Разумеется, если этот шантажист — не Бултон. Но если похищения организует сам Бултон, то затраты ничтожны. Это ведь не похоже на разбой в чистом поле, когда несколько итальянских крестьян, вооруженных лупарами*, похищают западногерманского туриста. Не похоже и на акцию группы террористов, которым нужно во что бы то ни стало похитить какого-нибудь видного политического деятеля или бизнесмена. Здесь совсем иной случай. Кто-то, не щадя трудов и материальных затрат, похищает ничем не примечательных предпринимателей, актеров и спортсменов, которым полагается "средней нормы" охрана, а затем за весьма умеренный выкуп отпускает на свободу. Вчера вечером, перед тем как уснуть, я приблизительно прикинул расходы. Больше половины — чуть ли не три четверти выкупа — уходит на организацию похищения. Затем необходимо подкупить кого-то из людей Бултона или из окружения намеченной жертвы, чтобы точно знать распорядок дня и систему

* Охотничье ружье с обрезанным стволом.

охраны. Затем неделями вести слежку. Покупать машины, поскольку, как выяснилось, настоящие профессионалы никогда не идут на дополнительный риск, связанный с угоном машин. Плюс ко всему надо раздобыть фальшивые документы и оружие, оплачивать труд исполнителей. Нет, Кристина, это бессмысленная затея. Ведь можно, совсем не утруждая себя, похитить человека подобного ранга, который не пользуется охраной — разве что держит шофера-атлета и собаку.

— Гм... звучит убедительно, — согласилась Кристина. — И денежки, можно сказать, сами плывут в руки Бултону. Он что, признался? — хихикнула она. Ее рука с губкой скользнула ниже, и Пол повернулся к ней лицом. Девушка сделала шаг назад. — Спереди можете обработать себя сами.

Пол шагнул к девушке и обнял ее. Кристина посмотрела ему в глаза, хотела что-то сказать, но Пол закрыл ей рот поцелуем.

Она оказалась в точности такой, как Пол ее себе представлял: нежной и страстной, податливой и изобретательной; тело ее — упругое, мускулистое — отзывалось на каждое его прикосновение. Кристина оказалась чудесной и восхитительной, но... это была не Гвен. Пол старался подавить в себе это чувство и не выказать разочарования. Ведь Кристина здесь ни при чем. Она не виновата, что для Пола Гвен — единственная на свете и никакая другая женщина не выдерживает сравнения с ней.

— Что-нибудь не так? — Кристина отстранилась, с тревогой всматриваясь в его лицо. Волосы ее были в беспорядке, взгляд затуманен негой.

— Все так, — ответил Пол. — Кажется, я влюбился в тебя без памяти...

Теплые, мягкие губы Кристины не дали ему договорить.

Гвен никак нельзя было упрекнуть в бестактности. Словно рассчитав заранее, она появилась в тот момент, когда Пол и Кристина лежали обессиленно бок о бок и Пол раздумывал, что бы еще ей сказать и вообще есть ли в этом необходимость. Гвен вошла без стука и плотно прикрыла за собой дверь. Улыбнувшись ошеломленной Кристине, она обратилась к Полу:

— Значит, вот почему ты не пришел.

Пол ухмыльнулся. Пять лет он, пускаясь во все тяжкие, старался заставить Гвен ревновать, но тщетно. Гвен с дружеской улыбкой принимала к сведению, что Пол завел очередную подружку, иногда она тоже знакомила его со своими приятелями, и ее явно не волновали их взаимоотношения. Но сейчас в тоне ее словно прозвучала резкость.

— Разумеется, ты волен делать что угодно, — продолжа-

ла Гвен. — Но, по крайней мере, мог бы предупредить, чтобы я не торчала там понапрасну.

Пол вздохнул.

— Дамы позволят представить их друг другу?

Кристина, по своей манере, хихикнула, а Гвен укоризненно покачала головой. Подойдя к постели, она протянула руку, и во время церемонии представления обе примеривались друг к другу наподобие незнакомых собак на улице, одинаково готовых дружелюбно обнюхать одна другую или сцепиться в драке.

— Не пойми превратно, между мной и Полом ничего нет, — с подкупающей честностью объявила Гвен. — Все у нас давно кончено. Просто мы условились вместе пообедать, а я не люблю, когда меня оставляют в дураках.

— В таком случае не я тому причиной, — в свою очередь заявила Кристина тоном вполне приветливым, однако же не без легкой иронии. — Я пришла сюда меньше часа назад.

Гвен перевела взгляд на Пола.

Пол потянулся, с удовольствием ощущая, как мускулы, послушные его воле, напрягаются и свободно расслабляются.

— Меня схватил Бултон. — Шорт поднялся с постели и стал одеваться. — Считай, что чудом удалось выкарабкаться. Мы предъявили друг другу весьма серьезные обвинения, после чего дошло до физической расправы.

— Вижу, вижу. — Гвен покачала головой. — Что ты теперь намерен делать?

— Перейти на нелегальное положение. Отсюда придется уносить ноги. Отсижусь где-нибудь в укромном месте, пока не размотаю это дело. Бултон станет охотиться за мной, и я не рискну снова угодить ему в лапы. Второй раз не удастся так легко отделаться.

— Переселяйся ко мне, — предложила Гвен.

— Или ко мне, — сказала Кристина, вылезая из постели.

Гвен с любопытством оценивала ее взглядом. Пол знал, что сейчас ревность ее утихнет: у Кристины была хорошая фигурка, однако отнюдь не безукоризненная. Конечно, на нее все равно было приятно смотреть, даже в обнаженном виде она являла собою эстетическое зрелище. Но была не так красива, как одетая. Гвен однажды разделила женщин на две категории: одни красивы одетыми и мало привлекательны в обнаженном виде, другие не блещут красотой в одежде, зато хороши без нее. Пол тогда дополнил эту классификацию еще двумя категориями женщин: теми, кто некрасив ни в том, ни в другом виде, — и категория эта весьма многочисленна, — и теми, кто безупречен при всех обстоятельствах. Правда, из таких женщин Полу довелось встретить лишь одну.

— Благодарю, — ответил он Кристине. — Только что на это скажет твой отец?

— Его это совершенно не касается, — отпарировала девушка.

— Все ясно! — Пол занялся сборами к переезду.

Гвен села на краю неприбранной постели.

— Я постаралась выяснить, кто составил тот список... — Она бросила взгляд на Кристину, пытаясь определить, насколько та посвящена в дело о похищениях.

— Твой дружок Хогарти убежден, что список составила ты под мою диктовку.

— Вот оно что! — взгляд Гвен угрожающе потемнел. — Теперь мне понятен смысл его намеков... Ну как, удалось тебе из него что-нибудь вытянуть?

— Нет. Он ничем меня не порадовал и считает, будто расквитался за все, что получил.

— Ах, та-ак? — Ни разу еще Гвен до такой степени не напоминала Полу хищницу из породы кошачьих: красивую, но опасную и непредсказуемую. — Придется заняться им вплотную.

Пол не сомневался: теперь Гвен, если понадобится, соблазнит половину служащих министерства или Ярда, зато у Хогарти заметно поубавится шансов на продвижение, а то, глядишь, его и вовсе разжалуют. Однако мысль эта не доставляла Полу никакой радости, поскольку он знал, какой ценой достигнет Гвен своей цели.

— Не связывайся. Я сам с ним управлюсь.

— О, да! — язвительно воскликнула Гвен. — Пристукнешь его своим волшебным зонтиком.

— Почему бы и нет? Уж не опасаешься ли ты за своего приятеля?

— А ты ревнуешь, что ли?

Оба рассмеялись и обняли друг друга. Гвен опустила голову Полу на плечо, а Пол погладил ее роскошную рыжеватую гриву и нежно поцеловал.

От двери послышалось деликатное покашливание. Кристина — совершенно одетая — казалась воплощением красоты и невинности. Полу пришлось усилием воли вернуться мыслями на час назад, чтобы поверить: он действительно совсем недавно держал эту девушку в объятиях.

— Мне уйти, или я могу присоединиться к вам третьей? — поинтересовалась воплощенная невинность.

— Валяй присоединяйся, — ответил Пол.

Гвен высвободилась из его объятий.

— Я подумала: пусть Хогарти заблуждается, но его рассуждения не лишены логики. Любая из наших машинисток могла напечатать этот список под диктовку своего приятеля. Значит, следует оставить вне подозрения женщин в возрас-

те, ну и тех, за которыми репутация добропорядочных жен и любящих матерей.

— И ты попыталась выяснить, у кого кто в любовниках? — усмехнулся Пол. — Задачка тебе по вкусу. — Он закрыл чемодан и уселся на него. — Полагаю, нетрудно оказалось с ней справиться в вашем рассаднике сплетен.

— Труднее, чем ты предполагаешь. Ведь приходилось брать в расчет не только теперешние любовные связи. Не у одной меня мог оставаться добрый, старый друг вроде Пола Шорта.

— Ну и до чего в результате ты докопалась?

— Осталось всего пятеро. Они сумели бы составить бумагу так же профессионально, как и я, а их интимные связи не удалось выявить до конца. О некоторых известны лишь частные детали: одна без конца меняет партнеров, другую последнее время видели в обществе симпатичного, широкоплечего мужчины, который водит спортивную машину.

Кристина заговорила неуверенно, как человек, который не любит говорить глупости и все же не может промолчать.

— Я не совсем понимаю, о чем идет речь, но... Отчего бы не предположить, что список напечатали за деньги? К примеру, женщина любит мужа и детей, но не устояла против подкупа.

Пол с любопытством посмотрел на Гвен, а та пожала плечами.

— Предположить, разумеется, можно. Только это означает, что круг подозреваемых расширяется практически неограниченно и мне никогда не докопаться до истины.

— Ну а с этой пятеркой что ты намерена дальше делать? — поинтересовался Шорт.

Несколько мгновений Гвен смотрела на него странным, отчужденным взглядом, словно пытаясь определить, что это за человек перед нею и что у нее с ним общего.

— Я? — уточнила она. — Мне казалось, дальше должен действовать ты.

Пол тяжело вздохнул.

— Последи за ними, — ничуть не смутясь его реакцией, продолжала Гвен. — Выяви связи, а там, если повезет, нападешь на след похитителя.

Ее рассуждениям трудно было отказать в логике. Намеченный план действий казался разумным, приемлемым решением, если не считать таких пустяков, что Шорту пришлось бы бог знает до каких пор в одиночку выслеживать одновременно пять объектов.

— Не усложняй, дорогая, с этим ты вполне справишься и без меня. Еще один-два толково заданных вопроса, и у тебя останется единственная подозреваемая. За ней-то я и установлю слежку.

Пол поднялся, взял в руку чемодан, в другую — пальто,

зонт сунул под мышку. Пистолет и все наличные деньги были при нем. На прощание окинул взглядом неприбранную постель, стопки книг, небольшой письменный стол, за которым была создана книга, встреченная Кимом с таким неодобрением. Как знать, когда он сюда вернется?

— Пойдемте, девушки! — скомандовал он.

23

— Вы по поводу работы?

Безил Ким не предложил ему сесть и сам не встал из-за стола, даже очки не снял: чего ради, они перебросятся парой фраз, и настырный посетитель уберется восвояси, а он продолжит чтение рукописи.

— Сожалею, но я пришел по другому поводу, — ответил Шорт.

— Выкладывайте побыстрее, у меня дел невпроворот.

— В прошлый раз я упомянул, что у меня есть интереснейшая тема, — осторожно начал Шорт.

— Все так говорят, — парировал Ким. Воротничок его рубашки выглядел несвежим, галстук сбился на сторону. Ким словно бы не замечал ссадин на физиономии Пола и синяка под глазом, являя собою разительный контраст со своими прочими знакомыми, которые в открытую пялились на него.

— Похищение людей, — напомнил Шорт.

— Нет, — вздохнул Ким. — Над делом Эшфорда у меня трудятся четверо опытнейших репортеров.

— Зато мне известно то, чего не знают они.

— Я искренне благодарен вам за помощь в работе над моей книгой, — сказал Ким, словно не услышав его замечания, — и, видит бог, проявил немалое терпение. Мои двери всегда были для вас открыты. Если желаете, можете занять обещанное вам место. Не желаете — извольте забыть, что мы с вами знакомы.

— Я знаю нечто такое, чего не знают ваши опытнейшие репортеры, — продолжил Пол более громким и уверенным тоном. — Дело Эшфорда — десятый случай в целой серии похищений.

У Кима по-прежнему был вид как у глухого, но Пол чувствовал, что это всего лишь поза. На самом деле Ким напряженно размышлял.

— За год было похищено десять человек, находившихся под охраной профессионалов. Все они были клиентами одной и той же фирмы.

— Что эта за фирма?

— Есть тут и еще кое-какие любопытные детали. К приме-

ру, полиция располагала списком десяти жертв еще до того, как был похищен последний из десятки — Эшфорд.

Ким порывался что-то сказать, но Шорт привык ковать железо, пока горячо.

— Предыдущие девять человек отделались благополучно: уплатили сравнительно небольшой выкуп и были отпущены на свободу. Многие из них даже не стали заявлять в полицию, не видя в том смысла...

Ким поднял руку, прерывая его.

— Все ясно. Так чего вы добиваетесь?

— Распутать это дело и написать о нем.

— Понятно. Только не...

Шорт не дал ему договорить.

— Но я претендую на публикацию. Работа эта потребует немалых усилий и сопряжена с риском для жизни. Однако планы мои идут дальше. Я задумал подстроить похитителям ловушку.

Медленно поднявшись, Ким вышел из-за стола. Сделал Полу знак садиться и опустился в плохонькое кресло рядом с гостем.

— Лучше всего было бы застукать их с поличным. Если бы знать, кто будет очередной жертвой, можно было бы сорвать похищение или, что еще заманчивее, позволить им завершить операцию, а затем выследить, где они скрываются.

— Ну а если похищенный человек, не дай бог, пострадает, когда вы вздумаете его освобождать?

Такой вариант прежде не приходил Полу в голову. Но он тотчас нашелся что ответить.

— А мы не станем его освобождать. Семья честь по чести заплатит выкуп, и его отпустят на свободу. Тут-то мы и возьмем бандитов тепленькими.

— Идея неплохая, — задумчиво произнес Ким. — Пожалуй, кое-что могло бы получиться. Но есть тут одна закавыка: как узнать заранее, кто станет следующей жертвой?

Пол постарался как можно тщательнее подбирать слова.

— Мой замысел заключался в том, чтобы в роли очередной жертвы, то есть приманки... был человек, который впоследствии сумел бы описать свои приключения. И сюжет можно было бы построить так, чтобы чередовались события глазами жертвы и ее освободителей.

Ким был стреляный воробей. Он тотчас насторожился, голос у него сделался подозрительным.

— Вы имеете в виду какое-то конкретное лицо? Откуда вы знаете, кто будет похищен?

— Конечно, я не могу указать пальцем на определенного человека, — успокоил его Пол. — Зато я знаю, какого он общественного и имущественного ранга. Я раздобыл список клиентов фирмы, поставляющей телохранителей, так что можно бы вычислить, кто станет очередной жертвой. Но было

бы еще лучше, — сказал он, внимательно изучая мысок своего ботинка, — подыскать самим человека, который в точности соответствовал бы этим условиям и согласился бы прибегнуть к услугам фирмы.

— Гм... да... — пробормотал Ким, меряя взглядом Шорта, словно прикидывая, стоит ли из-за него торговаться. — И вы согласились бы?

— Я-то согласился бы. — Шорту надоело изучать свой ботинок, и взгляды их встретились. — Но не могу, — он улыбнулся. — Нет у меня таких денег, чтобы нанимать телохранителей, и имущественное мое положение не соблазнит никаких, даже самых невзыскательных похитителей. Среди похищенных были актер, — Пол не стал уточнять, в каком жанре, — профессиональный игрок в гольф, три бизнесмена, три политических деятеля, рок-музыкант, а теперь вот и Эшфорд — политический деятель и бизнесмен в одном лице. Все они люди состоятельные, хотя и не из самых богатых слоев. Многие из них пользуются известностью или выполняют важные функции, однако отнюдь не возглавляют перечень людей, обладающих наибольшей властью или популярностью. С точки зрения профессиональной охраны, о безопасности этих лиц должен заботиться не просто дюжий шофер, а специально обученные "гориллы", хотя и не любой ценой, не всем аппаратом. И надо учесть еще одну деталь: в последнее время похитители вроде бы переключились на более известных лиц.

— Готов биться об заклад, что у вас есть подходящая кандидатура.

— Есть, — признался Шорт. Ким выжидательно умолк, а Пол постарался придать своему тону наибольшую убедительность. — Я имел в виду вас. Начнем с того, что вы сумеете описать свои переживания прямо с момента этого нашего разговора. Далее. Вы являетесь владельцем и руководителем солидного книжного и журнального издательства. Вы — человек известный и богатый. Никого не удивит, если вы вдруг наймете телохранителей: вероятно, недругов у вас хватает, да и не мешает поостеречься тех, на кого нападают ваши газеты и журналы. У вас есть деньги, чтобы оплачивать свою безопасность, а размеры вашего состояния позволят рассчитывать на выкуп.

Пол боялся, что Ким прервет его тираду, однако этого не случилось. Издатель выслушал его с каменным лицом и подал признаки жизни лишь после того, как Шорт кончил говорить. Поднявшись с кресла, Ким медленно побрел к письменному столу. Грузным движением опустился на стул и придвинул к себе рукопись.

— Я вас больше не задерживаю, — произнес он, не глядя на Шорта.

Шорту вспомнилось, как во время их работы над книгой

о Фолклендах Ким частенько сетовал на свои годы. Будь он помоложе, говаривал Ким, и на его долю тоже выпало бы участие в этой авантюре. "Авантюра?" — удивился тогда Шорт. Конечно, для кого как.

— Здесь нет никакой опасности, — попытался он убедить Кима. — До сих пор все оставались целы и невредимы.

— Оставим эту тему. С вами нельзя говорить серьезно.

— Но ведь я всего лишь предложил вам нанять телохранителей. По нынешним временам вполне разумная мера, посудите сами, сколько у вас недругов, которые...

— Нет у меня недругов!

— Ну, скажем, найдутся люди, которые сочтут владельца издательства подходящей целью...

— Прекратите!

— Ваши газеты отличаются крайней антиирландской направленностью. С чего вы взяли, будто террористы вечно станут охотиться на промышленников? В один прекрасный день их выбор может пасть, скажем, и на вас.

— Меня не запугаешь.

Пол вздохнул.

— Не сомневаюсь в этом, — соврал он. — Но тогда отчего бы вам не согласиться?..

— Я уже вышел из того возраста, когда соглашаются на роль подопытного кролика. Навлечь опасность на себя и рисковать жизнью близких, пустить по ветру кучу денег — и все это ради бредовой идеи какого-то маньяка. Нечего строить из себя героя за чужой счет и при этом трястись за свою шкуру. Легко говорить, что вас, мол, все равно не похитят. А вы сделайте так, чтобы вас похитили, если уж вы не в силах расстаться со своей идеей! Прошу простить, но у меня срочная работа.

— Ясно, — сказал Пол и поднялся. Поправил брюки, застегнул пиджак. — Извините, что помешал.

Он был уже у двери, когда голос Кима остановил его.

— Скажите, а что это за фирма?

Шорт заколебался. На какие-то доли секунды.

— Агентство Говарда Грина, — произнес он наконец и закрыл за собой дверь кабинета.

24

Снова путь его лежал к Менстоку. И снова над мягкими очертаниями холмов, темной зеленью полей и придорожными деревьями моросил дождь, словно бы он и не прекращался с тех пор, когда Пол проезжал здесь в прошлый раз. Шорт сидел выпрямившись и старался по возможности не менять положения. Боль в ребрах не только не утихла, но

усилилась, да и Кристина заставила его вечером основательно повертеться. При воспоминании о девушке он улыбнулся, и избитое тело словно бы отозвалось сладкой болью. Финн и в самом деле спокойно воспринял его появление в доме: если дочь считает нужным пригласить человека погостить, это ее дело. Такой подход Шорта вполне устраивал. Но что еще больше его устраивало, так это мечтательный, слегка завистливый взгляд Гвен, когда они распрощались у дверей ее дома. Если ревность Гвен не уляжется, то, как знать, может, еще и...

Впереди у поворота дороги застрял грузовик, а рядом отходила в сторону окаймленная деревьями узкая дорожка — очевидно, частное владение. Пол нажал ногой на тормоз — пожалуй, более резко, чем требовалось: даже такой приземистый, устойчивый автомобиль, как "геральд", не удержался и сполз по скользкому шоссе на обочину. Картина до жути напоминала ту, какая открылась перед телохранителями Эшфорда в момент похищения. Но кому понадобилось бы его похищать? Именно на этот вопрос у Пола был готов точный ответ. Не ясно, правда, как догадался Бултон, что Шорт поедет в Менсток. Пол включил вторую скорость, мотор взревел, и спортивный автомобиль, готовый выполнить любой маневр в угоду хозяину, пронесся мимо грузовика. Копающиеся в неисправном моторе мужчины проводили Шорта удивленными взглядами. На лицах их отражалась досада, оба до нитки промокли, понапрасну пытаясь устранить неполадку.

Пол тяжело вздохнул: он сам себе телохранитель, и он же объект возможного нападения. Увеличив скорость, он мчался к намеченной цели. По обочинам шоссе часто мелькали уютные кафе, но желудок Пола был плотно набит: в доме Финнов несколько иначе понимали, что такое завтрак по-английски, нежели миссис Ипсом.

Шорт проезжал через маленькие сонные городки, мимо коттеджей, мимо припаркованных машин, влажно поблескивающих под дождем; жизнь угадывалась лишь за плотно закрытыми дверями пивных, у отдаленной заводской территории, куда торопливо сворачивали грузовики, да на площадке для игры в гольф, которая тянулась вдоль шоссе. Игроки под большими черными зонтами, не обращая на дождь ни малейшего внимания, увлеченно предавались своему занятию.

Каждый из этих городков — Менсток в миниатюре. Где ни остановись, увидишь одну и ту же картину, с той только разницей, что в менстокской пивной коротает время Дир, разыгрывая из себя героя перед мирными обывателями. Хотя, как знать, может, в каждом из этих городишек водится свой Дир?

Нет, не в каждом! Свернув на главную улицу Менстока,

Пол сразу же понял, что здесь стряслась какая-то беда. Вдоль дороги в беспорядке выстроились машины "скорой помощи" и полицейские автомобили; некоторые из них, поставленные явно второпях, перегораживали шоссе чуть ли не поперек. Поодаль от проезжей части виднелся полицейский кордон; Пол, вынужденный следить за движением, не успел разглядеть, что происходит за кордоном. Возле одной из карет "скорой помощи" на носилках лежал раненый; застывшим, испуганным взглядом он смотрел в пространство перед собой. Шорту не раз доводилось наблюдать эту типичную картину шока: пострадавший пока еще не в силах осознать, что беда настигает не только других, но вот и его самого не обошла стороною.

На пути выросла фигура полицейского; он нетерпеливо сделал знак проезжать побыстрее, а не зевать по сторонам. Пол, подчинившись жесту, прибавил ходу, направляясь к главной площади. Перед домами толпились кучки взволнованных людей, из-за штор выглядывали любопытные лица. Если Дира встретишь не в каждом городке, то миссис Ипсом сыщется повсюду. Пол припарковал машину там же, где и в прошлый раз: с противоположной стороны улицы, напротив входа в пивную. После полуторачасового сидения за рулем влажное прикосновение дождевых капель подействовало бодряще. Сунув под мышку зонт, он направился к пивной.

Внутри было пусто, лишь за стойкой стоял тощий, с оттопыренными ушами паренек-подросток. Он испуганно воззрился на незнакомого посетителя.

— Что тут происходит? — поинтересовался Шорт.

— Вы из журналистов будете, мистер?

Пол почесал в затылке и смерил взглядом парнишку. Не похоже, чтобы тот был родственником плотного, кряжистого бармена; видно, у них здесь мода такая — не отвечать на задаваемые вопросы. Пол тоже оставил обращенный к нему вопрос без ответа и заказал виски. После холодного дождя от одной только мысли о пиве бросало в дрожь.

— Томаса Дира знаете? — сделал он еще одну попытку выспросить паренька.

— Да... Только про эту историю мне ничего не известно. С вас фунт.

Пол, медленно потягивая напиток, бросил деньги на стойку. Виски было теплым, парень и не подумал положить льда или добавить содовой — не в Америке, и так сойдет. Шорт подошел к двери, пытаясь сквозь узоры на матовом стекле разглядеть, что происходит на улице. Напротив, позади его "геральда", остановился темный "ягуар", выдержав необходимую дистанцию, чтобы в случае чего стартовать без задержки. Машина без опознавательных знаков, конечно же, полицейская, равно как и мужчины средних лет в серых костюмах, которые одновременно вылезли из машины с

обеих сторон, — из полиции. Закрыв на ключ машину, оба припустили к пивной, невольно втягивая голову в плечи, чтобы спрятаться от дождя. Пол посторонился, давая им дорогу. Вблизи стало видно, что одному из них за пятьдесят, в то время как другому не стукнуло и сорока, и все же их словно сработали по одной болванке: одинаковые движения — чуть неповоротливые, но налитые силой, одинаковый взгляд — уверенный, но не настырный, — каким они походя смерили Пола. Шорт постоял еще несколько секунд, глядя на мокрую мостовую, затем проследовал за полицейскими к стойке.

— Что тут стряслось? — обратился он с вопросом к тому, что постарше.

Тот внимательно изучил Пола, задержав взгляд на синяках и кровоподтеках, украшавших его физиономию.

— Почему вас это интересует?

Пол пожал плечами.

— Вы здесь живете?

— Нет.

— Находитесь проездом? — Мужчина официально подтвердил факт, и без того очевидный: извлек из внутреннего кармана пиджака полицейское удостоверение и помахал им перед Шортом.

— В гостях, — ответил Пол.

— Ага. — Полицейский, потягивая пиво, углубился в раздумья, словно его вовсе не интересовало, к кому в гости в эту дыру заявился незнакомец в темном костюме, словно его вообще ничто на свете не интересовало и все его желания сводились к одному: чтобы его хоть ненадолго оставили в покое, не приставали с расспросами, не втягивали в разговор.

На вопрос Пола ответил его коллега.

— Произошло массовое побоище. Неподалеку отсюда строят поселок для индусов. Ну так вот, на рассвете группа местных жителей напала на них. В войну, что ли, им поиграть захотелось, черт их знает... — Он пожал плечами. — Надеялись, что с индусами легко будет справиться, но тех голыми руками не возьмешь, и драка вышла кровавая.

— Господи, — в ужасе выдохнул Пол.

— Как зовут вашего приятеля?

— Томас Дир.

Полицейские переглянулись, тот, что постарше, вроде бы оживился и сделал знак пересесть подальше, в укромный уголок. Они уединились, а парнишка за стойкой налил себе рюмку виски и лихо опрокинул ее. Шорт допил все, что оставалось у него в бокале, и теперь сидел, обхватив бокал, словно грел его руками.

— Инспектор Гордон, — представился тот, что постарше. — А это сержант Хемсуорти.

— Шорт. Пол Шорт. — Он полез было в карман за документом, но Гордон остановил его знаком: пусть не беспокоится, они, мол, ему и без того верят, а если понадобится, то документ востребуют сами.

— Выпьете чего-нибудь? — предложил Хемсуорти.

— Разве что чаю... — Пол поставил на стол пустой бокал.

Сержант направился к стойке, а Пол задался мучительным вопросом: наверное, все же стоило поставить в известность полицию о том, что он выяснил здесь в прошлый раз. Впрочем, вряд ли Гордон воспринял бы всерьез его заявление, что жители города Менсток проводят военные занятия, осваивают приемы ближнего боя и намереваются учинить побоище.

— Что с Диром? — спросил он наконец.

— Жив-здоров. — Гордон с горечью усмехнулся. — Легко отделался, без единой царапины. Однако сомневаюсь, чтобы ему и впрямь удалось выйти сухим из воды. Придется ему позаботиться о хорошем адвокате. — Он подозрительно покосился на Пола. — А вы случаем не адвокат?

Пол, усмехнувшись, выждал, пока Хемсуорти сядет на место.

— Нет, не адвокат. Я журналист.

Сержант, похоже, раздумывал, уж не отнести ли ему чай обратно. Должно быть, у здешних полицейских остались плохие воспоминания о встречах с представителями печати.

— Откуда вы узнали, что здесь готовится заварушка?

Шорт смирился с тем, что придется изложить дело хотя бы в общих чертах, тогда, по крайней мере, они сэкономят время на этой игре в вопросы и ответы.

— Когда я служил в "Спешл Эйр Сервис", Дир был моим инструктором. Не так давно я посетил его и обратился с просьбой свести меня с одним из его друзей. Дир оказал эту услугу, но теперь мне снова необходимо повидать того человека, — Пол вычислил следующий вопрос, словно он был написан на лбу у Гордона, и опередил собеседника: — Я не знаю ни адреса его, ни даже имени. Какой-то правительственный чиновник; имеет отношение к секретной службе или чему-то в этом роде. — Он видел, как полицейские переглянулись, оценивая значение этой информации. — Не исключено, что я распрощаюсь с журналистикой, а значит, пора позаботиться о постоянной работе. Вот я и подумал, что как бывший командос мог бы там устроиться. Надеюсь, вы меня поняли?

Как не понять, конечно, поняли. Оба полицейских уставились на дверь: в пивную вошли трое мужчин — красномордые, крепкого сложения; один из них прихрамывал. Пол догадался, что это, должно быть, участники сражения. Все трое прошли к стойке, делая вид, будто не замечают сидящих в углу посторонних.

— Есть и убитые, — тихо произнес Хемсуорти. — С обеих сторон. А уж раненых — и не сосчитать. У индусов пострадали даже женщины и дети. Один мальчик в очень тяжелом состоянии, вряд ли дотянет до вечера.

Шорт молчал, и Хемсуорти безжалостно продолжил:

— И теперь бог весть, когда это кончится. Индусы жаждут отмщения. Им и горя мало, что со стороны напавших тоже есть убитые и раненые, они знают только одно: чужие ворвались ночью в их жилища, круша все и вся.

— А какова реакция другой стороны? — поинтересовался Шорт. Чем не тема, подумал он, собрать бы материал да написать. Впрочем, он понимал, что затея почти безнадежная, как показал опыт с предыдущей книгой. Ведь он не в состоянии занять однозначную позицию: станет доказывать правоту одной стороны, и в его словах и интонациях непременно прорвутся жалость и сочувствие к другой; постарается наглядно показать, к чему приводит насилие, но пафос репортажа будет снижен тем, что сам он подчас тоже видит выход в насилии.

— Они растерянны и напуганы, — задумчиво произнес Гордон. — Рассчитывали-то они совсем на другое. Им казалось, получится нечто среднее между вылазкой бойскаутов и трактирной дракой. Должно быть, фильмы с Рембо вскружили им голову. Затем наступило прозрение, когда они увидели, что вовсе не киногерою вспороли брюхо, а бакалейщику Тому и тот отдал концы у них на глазах.

— Ну а затем последует обратная реакция, — подхватил Хемсуорти. — Всеобщее возмущение: да как эти индусы посмели! Нападение будет забыто, останется в памяти лишь одно: индусы выпотрошили бакалейщика Тома, а ведь всем известно, какой это был добрый и безобидный человек. Ну а уж если индусы тем временем попытаются взять реванш да если кто-нибудь умело подогреет наших добропорядочных граждан...

Шорт уловил его мысль. Подавив тяжкий вздох, он допил чай. Извлек из кармана мятую пачку сигарет и угостил полицейских. Хемсуорти взял сигарету, а Гордон качнул головой, и на его грустном, обветренном лице мелькнула улыбка.

— Я курю трубку.

Пол редко брался за сигарету, но сейчас, казалось ему, самый подходящий случай. Все трое молчали, окутанные серо-голубыми клубами дыма. Расположившиеся у стойки мужчины оживленно разговаривали; двое, судя по всему, излагали ход кровавой стычки третьему, который явно в ней не участвовал, однако при этом старались не слишком повышать голос, чтобы в углу не было слышно. "Ах ты, говорю, мать твою... и как врежу ему левой... Ну, тут уж и я завелся с пол-оборота..." — доносились обрывки фраз.

— Где сейчас Дир? Вы собираетесь его арестовать?

Полицейские переглянулись, затем Гордон приник к своей кружке, словно не желал даже слышать этот вопрос, не то что отвечать на него. Хемсуорти тоже не проявил энтузиазма.

— Нет, не собираемся. Он никого не прикончил своими руками, а значит, не убийца, — Хемсуорти так резко стряхнул пепел, что сигарета надломилась, он раздавил ее в пепельнице. — Вздумай мы его арестовать, его бы в тот же день выпустили, а нам потом неприятностей не оберешься. Мы должны доказать, что эту акцию спланировал он. Подстрекательство мирных обывателей на его совести.

Пол не был уверен, что "мирные обыватели" так уж нуждались в подстрекательстве.

— Но мы докажем, и тогда он свое получит...

Пол почувствовал в тоне сержанта неуверенность, его слова звучали скорее клятвой, нежели констатацией фактов.

— Что ж... я вам не завидую, — сказал Пол, поднимаясь из-за стола. Разговор у стойки сразу смолк. Очевидно, эти мужчины сидели здесь и в тот вечер, когда он впервые приезжал к Диру, так что наверняка они его узнали и теперь думают, будто он давал показания против них. Они не смотрели в его сторону, когда Пол проходил мимо, полицейские тоже не послали взгляда ему вслед, только ушастый паренек за стойкой одарил его робкой, испуганной улыбкой.

Дождь уже не приносил аромата свежести; ливень перешел в бесконечную, монотонную, пробирающую до костей изморось. Пол раскрыл зонт и побрел назад — в ту сторону, где видел кордон из полицейских машин. Топать нужно было километра два, и Шорт никак не мог взять в толк, отчего они выстроились именно там, на окраине городка. Где бы ни строили эту колонию для индусов, но ясно, что не там. Вероятно, горожане снесли туда своих убитых и раненых. Пол шагал энергичной, размашистой походкой и, глядя на стекающие по краям зонта дождевые струйки, думал о Дире.

Они встретились на полпути. Дир был без зонта, голову его защищал капюшон солдатской непромокаемой куртки. При виде Шорта он остановился, досадливо качая головой.

— Ох уж эти чертовы дилетанты! Пугаются малейшей попытки отпора. Если ножи только у них в кармане, тут они герои и романтики, но если увидят нож у противника, то в пору хоть полицию зови.

Пол пожал плечами.

— Вы ведь знали, с кем связывались.

— Ни черта я не знал! Растреклятое штатское отребье! — Дир сплюнул в сердцах. — Так обмануть, так облапошить меня! — Он махнул рукой. — Да чего уж там... Никто меня не обманывал, я сам себя обманул. Купился на то, что сорок лет прослужил в армии, из них двадцать лет был инструктором. Конец можно было заранее предвидеть. — Он смерил

Пола взглядом. Белки глаз у него были в красных прожилках, но других признаков усталости, бессонной ночи, рукопашной схватки не замечалось. — Зачем вы сейчас приехали? Отчего бы вам не приехать пораньше, по крайней мере одним профессионалом среди нас было бы больше. Или уж отсиживались бы дома, как и обещали мне в прошлый раз. Господи, мне бы хоть пяток моих бывших учеников!..

Пол молчал, не зная, что ответить. Он был уверен, что не один бывший ученик бросился бы на помощь Диру, если бы старик созвал их. Как знать, может, в дальнейшем он так и поступит. А тогда...

— Да, мне бы хоть человека четыре-пять из наших... — Дир, задумавшись, уставился в пространство, затем сердито тряхнул головой. — Эти ублюдки из какого-то воинственного племени, мужчины вооружены копьями, мечами и дротиками. Не успей я вовремя увернуться, один из них проткнул бы мне шею насквозь.

Дир не сказал, что он сделал с метателем дротиков. Вот она, разница, подумал Пол. Тот прихрамывавший тип из пивной в неуклюжей пантомиме демонстрирует, как он разметал своих противников, а Дир даже эту подробность упоминает со стыдом, да и то лишь для того, чтобы Пол представил себе общую картину. Но Пол и сам без труда мог вообразить, как расправился Дир с тем индусом. Все, что Пол знал о науке ближнего боя, он усвоил от Дира. Несколько раз ему представлялась возможность слушать лекции старика. Пусть лекции эти не всегда отвечали правилам грамматики, пусть предлагаемые им решения подчас оказывались лишены изящества, зато они всегда били в точку своей эффективностью.

— Вы ведь понимаете, что это далеко не конец?

— Да, конечно. Надо придать мужества этим слабакам.

Пол смотрел на стоявшего перед ним учителя — упорного, несломленного, уверенного в своих силах — и чувствовал, как его охватывают самые противоречивые чувства. Дать бы хорошего пинка этому упрямому старику, который даже не сознает, какую затеял игру, явился причиной стольких трагедий и не намерен на этом останавливаться. С другой стороны, Пол не мог избавиться от восхищения и зависти. Вот ведь нашелся человек, который знает, чего хочет, не останавливается перед трудностями и ради своих принципов способен вступить врукопашную. Черт бы его побрал!

— Копья, мечи — и это в сердце Англии... — Дир покачал головой, словно самого себя убеждая в своей правоте. — К чему импортировать такую пакость? Мало нам своих бед, собственных бандитов и головорезов? Будда, жертвоприношения... надо же такое придумать!.. А зачем вы приехали?

— Кто он, этот Джон?

— Кто-кто? Ах, да! — Он кисло улыбнулся. — Значит, говорите, Джон... что ж, недурно, — его явно забавляла какая-то остроумная деталь, недоступная разумению Пола. Шорт терпеливо ждал. — Так, один мой друг...

Шорт в этом сомневался. Кем бы ни был этот Джон, но его одежда, речь, предполагаемый служебный ранг позволяют причислить его к совершенно иным кругам, нежели те, где вращается Дир.

— Мне этого мало.

— Вот как? Почему же мало? — Тон Дира сменился на угрожающе тихий, глаза сузились, так что Пол инстинктивно отпрянул. — Вы просили меня свести вас с кем-нибудь, кого можно порасспросить о профессии телохранителя. Джон знает об этом все, что необходимо. Чего вам еще надо?

— К примеру, хотелось бы выяснить, на какие средства он живет. Честный он человек, или его можно подкупить? Откуда он знает типа по имени Бултон? И как мне найти самого Джона?

— Это все? — Дир повернул к главной площади. Полу пришлось сделать несколько шагов, прежде чем он нагнал его. Молча шагали они в темпе хорошего марш-броска. Для Пола было нечто гротескное в том, как маршируют они под дождем через напуганный, замкнувшийся в себе городок. Дир — в поношенной солдатской форме для тренировок, но без оружия, подобно беззубому льву; он, Пол, с зонтиком и в насквозь промокших элегантных черных ботинках — этаким городским господином. Они уже подходили к пивной, когда Дир снова заговорил. — Полагаю, у вас есть основания обращаться к нему с такими вопросами...

Пол отворил дверь и вновь увидел те же самые лица: парень-ушастик за стойкой (куда девался бармен?), раненый герой с приятелями (число опорожненных стаканчиков перед ними увеличилось); в углу с тоскливым видом Гордон и сержант Хемсуорти, пока что пытающийся противостоять отупляющему воздействию рутинной службы. Шорт кивнул им, и они сделали ответный приветственный знак, как старому знакомому, которого случайно увидели на противоположной стороне улицы. Дир прошел к стойке, и трое мужчин поспешно отодвинулись, уступая ему дорогу. Дир похлопал хромого по плечу, сделал знак мальчишке за стойкой, что выпивка по следующему кругу идет за его счет, и заказал себе пива.

Пол понизил голос, зная, что все прислушиваются к их разговору.

— Одного за другим похищают клиентов фирмы, которая занимается персональной охраной. У меня есть подозрение, что фирма сама организует эти акции. Одному из тех, кто оказался жертвой похищения, именно Джон рекомендовал обратиться к услугам этой фирмы.

— Чистая случайность, — заявил Дир. — Почему вы ничего не пьете?

— Мне надо потолковать с Джоном. Где я могу его найти?

— Он сам вас найдет.

— Я переселился в другое место. За мной идет охота, и я счел за благо на время исчезнуть.

Дир рассмеялся — сперва тихо, но затем, не в силах сдержаться, разразился громким, истерическим хохотом. Все тело его сотрясалось, ему пришлось поставить кружку на стойку, и стекло гулко звякнуло о металлическую обшивку.

— Не беспокойтесь... уж он-то разыщет вас, если захочет... — проговорил он сквозь смех.

Пол знал, что больше он ничего от него не добьется.

— Пока, — коротко бросил он.

Дир, резко обернувшись, правой рукой схватил Пола за шиворот. Пол не стал вырываться, хотя подумал, что при теперешней кондиции их обоих он мог бы сладить со стариком.

— Если вы думаете, что Джон — коль скоро он сам выбрал себе это имя — способен хоть на какое-то незаконное дело, вы глубоко заблуждаетесь. Значит, вы плохо знаете его и плохо знаете меня. Если я говорю, что это мой друг, то человек этот никогда не совершит беззаконный поступок.

— Вы ведь совершаете, — Полу хотелось взглянуть на сидящих в углу полицейских, но все же он предпочел не спускать глаз с Дира. А тот, выпустив Пола, с презрением отодвинулся от него.

— Я?! Это не беззаконие, а война, зарубите себе на носу. И если вы не в состоянии понять разницу, больше ко мне не суйтесь.

Дир схватил свою кружку с пивом и повернулся к компании завсегдатаев. Пол несколько секунд с грустью смотрел на него, затем, ни на кого не глядя, вышел из пивной.

25

Как ни странно, сейчас он впервые попал в дом Фила. С тех пор как пути их разошлись, они иногда встречались по вечерам в пивных или в магазине Мака, ставшем основным местом встреч. Но посещать друг друга на дому... Пол пребывал в некотором смущении. Жена Фила — пухлая, розовощекая матрона — являла собою образец прирожденной супруги и матери семейства и сразу же вызвала антипатию у холостяка Шорта, движимого инстинктом самосохранения.

Большая старомодная квартира была заполнена гулом детских голосов, хозяйка потчевала гостя крепким чаем и невкусным печеньем — правда, выложенным на парадной фарфоровой тарелочке, а дети умудрились разнести крошки по всей квартире. Фил прятался за очками, по лицу его разливалась кроткая улыбка — по мнению Пола, улыбка страстотерпца. Боже правый, и этого человека он подбил на ночную вылазку! Пола мучила совесть, внутренне он был охвачен смятением. Размеренный мещанский быт Фила действовал на него странным образом: как будто, вторгшись сюда, он привнес с собой нечто гнусное и неприличное.

Минут двадцать ушло на обмен общепринятыми любезностями: да, они с Филом давние приятели... да, служили вместе... дети просто очаровательны... нет, у него детей нет... нет, он журналист... нет, это другой их боевой товарищ... Прошло еще минут десять, прежде чем Фил с улыбкой, терпеливо, но непреклонно, выставил из кабинета детей, которые никак не желали подчиниться, снова и снова врываясь в комнату.

— Вот чертенята! — с гордостью произнес Фил, когда наконец они остались одни.

— Да-да, — пробормотал Шорт, у которого на этот счет было собственное мнение. — Как ты объяснил домашним свою ночную отлучку?

— Никак. Я частенько работаю по ночам.

— А если бы мы попались? Ты не задумывался, что было бы с твоей женой и детьми?

Фил, не отвечая на его вопросы, порылся в столе и достал небольшую коробочку. Большая квадратная комната, где они находились, представляла собой смесь лаборатории, рабочей мастерской, чулана и кабинета с небольшим письменным столом, книжными стеллажами и миниатюрным холодильником. Из глубины шкафа Фил извлек диапроектор и, вытащив из коробочки пленку, вставил ее в аппарат. Он запер дверь и погасил свет. Шорт не решился спросить, что он скажет домашним, если те вдруг захотят войти. Перед ним был прежний Фил, которого он знал издавна.

На полотняном экране, прикрепленном к стене, возник первый кадр. Это был счет, присланный некоей автомастерской. Пол долго изучал его в надежде, вдруг да удастся напасть на след машин, задействованных в похищении, а затем перекрашенных. На всякий случай он списал адрес фирмы, прежде чем сделать знак Филу сменить кадр. На следующих двух снимках тоже были счета, и Пол, ругнувшись, махнул рукой приятелю, а Фил, ехидно усмехнувшись, подчинился. Он наверняка уже разок прошелся по отснятому материалу, и можно было бы сэкономить немало времени, если бы Фил показал лишь то, что сам считал достойным внимания.

Последовали документы, свидетельствующие о приобре-

тении автомобилей, недвижимости, дорогостоящего электронного оборудования. В собственности фирмы было несколько загородных домов, системы наблюдения и сигнализации, обошедшиеся в баснословные суммы, и двадцать процентов акций предприятия, производящего корм для собак. Не было никаких документов, касающихся личной собственности Бултона, а также никаких подтверждений того, что Джону предположительно были выплачены какие-то деньги или что бюджет фирмы время от времени неожиданно пополнялся крупными суммами.

— Твое мнение? — поинтересовался Шорт.

— Очевидно, остальная документация хранится у него на дому, — безразличным тоном ответил Фил, словно не зная, что это означает очередное насильственное вторжение в логово противника, который теперь уже будет начеку.

Фил включил свет и вынул пленку из проектора.

— С остальных я сделал увеличенные снимки.

Фил подтолкнул Шорту черную папку, а сам достал из холодильничка банку пива, сорвал крышку и потянул пиво прямо из банки.

Пол заглянул в папку и присвистнул от удивления: перед ним лежал список клиентов "Профешнл Секьюрити"; против каждой фамилии были проставлены уплаченная клиентом сумма, степень угрожающей ему опасности и количество телохранителей.

— Вот это да! — воскликнул он. — С такой бумагой в руках можно сколотить целое состояние.

— Возможно, кто-то другой тоже до этого додумался, — предположил Фил. Он достал еще банку пива и теперь уже опорожнил ее не спеша. Пола он не угощал, поскольку всегда отличался скупостью и, видимо, полагал, что долг гостеприимства оплачен чаем.

— Выходит, не Бултон стоит за кулисами аферы? — Полу не по душе была эта мысль. — Неужели кто-то другой сумел проникнуть в здание и подобраться к документам так ловко, что Бултон этого не заметил? Исключено!

— Да, трудно представить.

Пол медленно перебирал страницы списка. Фил с гордостью взирал на плоды своего труда. Каждый снимок был выполнен безупречно, даже те, которые он сделал в последний момент, чуть ли не на бегу. Теперь дело Шорта решать, пригодятся ли они ему.

— Кто же станет следующей жертвой? — спросил Шорт, обращаясь не столько к приятелю, сколько к фотокопиям документов. Сейчас, находясь в доме Фила, он не решался обратиться к нему с новой просьбой о помощи. Ошибкой было являться сюда, серьезной ошибкой.

— Любой из них.

— Э-э, нет! До сих пор каждого из похищенных охраняли

минимум двое или максимум четверо "горилл". Здесь же есть клиенты, которых оберегает всего один телохранитель, да и то не всегда, иные просили предоставить им эскорт лишь в отдельных случаях, а некоторых стережет целый отряд.

— Какая тут логика? — В Филе дал себя знать инженер.

— Никакой.

— А сколько таких, кто укладывается в твои схемы?

— Если учесть все требуемые условия, то... — Пол аккуратно откладывал в сторону листок за листком, — то в данный момент нет ни одного подходящего объекта. Если... если только ты не окажешь мне определенную услугу. Но дело это опасное.

Фил вопросительно вскинул брови. Швырнул банку из-под пива в корзину для мусора и не задумываясь снова распахнул дверцу холодильника. Наверняка он скажет потом жене, что сам он выпил только одну, а остальные подал гостю.

— Надо бы подорвать одну автомашину. Хочу припугнуть этого типа.

— Это очередная жертва, что ли?

— Да.

Фил покачал головой, и лицо его враз приобрело трезвое, расчетливое выражение. Перед Шортом вновь сидел образцовый муж и отец семейства, которого грех было втягивать в темные и нечистые дела.

— Можно бы и пальнуть по нему разок-другой, — произнес наконец Фил, и Пол счел за благо промолчать.

26

Задача оказалась труднее, чем предполагали поначалу. Для профессионала — плевое дело подорвать машину, в особенности если она никем не охраняется, ночью стоит в гараже возле дома, днем — в цокольном этаже деловой конторы, куда совсем не сложно проскользнуть мимо сонного сторожа. Но попробуйте взорвать машину так, чтобы при этом никому не причинить вреда! Ведь нужно подгадать, чтобы поблизости не было прохожих. Владелец машины должен находиться в этот момент достаточно близко, чтобы у него не возникло сомнений в подлинности покушения, и достаточно далеко, чтобы не пострадать физически. Однако самым неожиданным для Пола оказался энтузиазм, с каким его приятели ухватились за это задание. Они ни разу не спросили, не передумал ли он, их не интересовало, каких конечных результатов он ждет от этой акции. Было решено, убедительности ради, взорвать машину перед зданием изда-

тельского центра, используя дистанционное управление и незаметно держа окружающих на расстоянии. Для этой операции потребовалось задействовать всю группу.

Ким никак не мог избавиться от чувства досады. Его так и подмывало позвонить Полу Шорту и высказать все, что он о нем думает. Но затем он отказался от этой мысли. Не стоит этот мерзавец того, чтобы уделять ему столько внимания и так терзаться его обидными словами насчет врагов, которые якобы существуют у него, Кима. После их разговора Шорт ушел расстроенный, утративший последнюю надежду... Женский голос по телефону — молодой, интеллигентный — звучал на редкость приятно. Правда, смысл слов был куда менее приятен: некая организация под названием "Солдаты справедливости" за антинародную направленность его издательства приговорила Безила Кима к смерти. Ким не принял этой угрозы всерьез, он привык к оскорбительным письмам, к анонимным или даже снабженным подписью ругательным посланиям.

И все же Ким невольно огляделся по сторонам, прежде чем выйти из лифта на цокольном этаже. На автомобильной стоянке не было ни души, при тусклом свете ламп выстроившиеся в ряд обтекаемой формы машины казались диковинными монстрами. Ким вздрогнул. Он был обут в ботинки на кожаной подошве, и шаги его гулко отдавались на каменном полу. Отбрасываемая им тень осторожно бежала впереди, словно напуганная столь странной, непостижимой тишиной, царившей здесь, в сердце большого, шумного города. У Кима вырвался вздох облегчения, когда он добрался наконец до своей машины и окончательно успокоился, сев за руль. Он ощутил запах дорогой кожи, идущий от сидений новехонького "Пежо-604"; дверца плотно захлопнулась, негромко щелкнув замком, приборная доска со всеми ее кнопками и рычажками послушно ждала распоряжений водителя. Ким включил радио и плавно тронул с места по узкой, окаймленной желтыми полосами дорожке к воротам.

Ворота, как и полагалось, были заперты, вот только охранник не появился, чтобы неспешной, шаркающей походкой прошлепать к воротам и распахнуть их перед шефом. Ким процедил сквозь зубы словцо, которое не доставило бы радости стражнику, и вылез из машины. Теперь самообладание вернулось к нему: за воротами простиралась улица, неподалеку проходила магистраль с оживленным движением, а охранник наверняка зазевался у телевизора, и "пежо" поджидает его, негромко, приятно урча. Ким подошел к воротам и поднял засов.

Взрыв прижал его к воротам, превратив в груду горящих обломков дивную, сверкающую машину, в которой он находился какие-то секунды назад, и Ким, глядя на горящий авто-

мобиль, отчетливо представлял себя в нем. Когда сбежались люди с огнетушителями, когда появился охранник и распахнул ворота, а снаружи собралась толпа зевак, сквозь которую едва смогли пробиться пожарные, Ким, сидя на корточках, выл по-собачьи. Его приговорили к смерти, и, не будь этих спасительных секунд, когда он отошел к воротам, приговор был бы приведен в исполнение.

Шорт стоял в толпе зевак, и при виде скулящего от страха Кима его охватила жалость. Он заставил себя вспомнить, как этот человек использовал его и вышвырнул за ненадобностью, заставил себя думать, какую выгоду извлечет из всей этой истории сам Ким, когда все будет позади, но подобные мысли почему-то не успокаивали совесть. Будь его, Пола, воля, он отменил бы эту тщательно продуманную, блестяще организованную и с такой скрупулезностью проведенную операцию. Но он знал, что это не в его силах. Мак уже выехал, чтобы приступить ко второму этапу акции.

27

Полицейские держались сочувственно и приветливо. Врач сделал Киму укол, и тот, через несколько минут придя в душевное равновесие и борясь с накатившей сонливостью, пытался отвечать на вопросы здоровяка инспектора. Полицейского ни в коей мере нельзя было назвать симпатичным человеком, при иных обстоятельствах Ким отнесся бы к нему с должной неприязнью, но сейчас у него не было другого выхода, кроме как любить этого человека, доверять ему. А от этого все недостатки инспектора Хогарти оборачивались добродетелями. Его развязная заносчивость и безграничная самоуверенность внушали пострадавшему надежду, что преступники будут найдены и что этот полицейский с внушительным животом, огромными, как лопаты, ручищами и массивным двойным подбородком расплющит негодяев в лепешку, точно слон вставшего на его пути охотника. Невежливые, можно сказать, грубые манеры Хогарти не оставляли сомнений, что бандитам при встрече с ним не поздоровится.

— Как вы сказали — "Солдаты справедливости"? — Инспектор почесал ухо кончиком авторучки и занес это название в блокнот. — Не слыхал о такой организации. Впрочем, их развелось, как собак нерезаных. Трое оболтусов сговорятся по пьянке, и вот вам, шайка готова. "Солдаты справедливости"... — Он покачал головой и сунул кончик ручки в ухо, словно там ей было самое место.

— Я тоже никогда с этой организацией не сталкивался, —

предупредительно откликнулся Ким. — А ведь мне по долгу службы приходится следить за террористами.

— Ах, вот оно что?! — гаркнул Хогарти. — Следит он, видите ли. Тогда какого черта, по-вашему, делает полиция, министерство внутренних дел, секретная служба, армейская контрразведка, подразделение по борьбе с терроризмом?.. — Он махнул рукой, словно спохватясь, что Ким — пострадавший, к которому следует относиться с сочувствием. — У вас есть недоброжелатели?

— У кого их нет!

— Я спрашиваю: у вас есть?

— Ну... я не знаю... не думаю...

— Угрожали вам в последнее время?

— Н-нет... — Ему не хотелось пересказывать инцидент с Шортом; после взрыва те запугивания казались ему несерьезными. Но Хогарти, почуяв, что Ким мнется, вцепился в него мертвой хваткой: выспрашивал, допытывался, даже высказывал в завуалированной форме угрозы, а Ким после шока и успокоительных лекарств находился в таком состоянии, что не мог устоять перед натиском. — В общем, один мой бывший сотрудник не то чтобы угрожал, но сказал, что мне может грозить опасность и нелишне будет остеречься.

— Да? И как же зовут этого заботливого коллегу?

Киму не понравилась насмешка в тоне Хогарти, но все же он ответил:

— Пол Шорт.

Глаза Хогарти блеснули. Захлопнув блокнот, куда он до сих пор не записал ничего, кроме поэтического названия безвестной террористической группы, инспектор встал, похоже, вдруг заторопившись. Ким не огорчился таким оборотом дела. Ему хотелось домой, в свое уютное гнездышко, к жене и двум дочкам, к своему бульдогу. Там он наконец-то сможет почувствовать себя в безопасности и расслабиться.

Домой его доставили в полицейской машине, к счастью, без специальных опознавательных знаков. За рулем сидел вежливый молодой сыщик в штатском; машину этот сопляк вел не слишком-то осмотрительно, словно не знал, что везет человека, приговоренного к смерти и чудом оставшегося в живых. Ким успокоился, лишь перешагнув порог дома. Выпил рюмку виски, чтобы как-то взбодрить себя, хотя после лекарств этого делать не рекомендуется, затем попытался изложить бледной от волнения жене случившееся с ним страшное происшествие таким образом, чтобы не привлекать к рассказу внимание дочерей. После этого Ким поднялся к себе в кабинет — просмотреть свои записи, вдруг да найдется какое-нибудь упоминание о "Солдатах справедливости". Упоминания он не нашел, зато его ждало напоминание.

Как вкопанный Ким застыл на пороге кабинета: бежать,

броситься вниз по лестнице не было сил, он стоял и смотрел на раскиданные по полу книги, расшвырянные бумаги и на письменный стол, с которого было сметено все, кроме листка бумаги, белевшего посередине. Не сразу решившись, Ким медленно подошел к столу и прочел отпечатанный на машинке текст: "Один раз тебе повезло. В следующий раз от расплаты не уйдешь".

На ватных ногах он проковылял к телефону. Удивительным образом телефон оказался свободен: ни одна из дочерей не болтала с подругами по параллельному аппарату. Ким сообщил в полицию и сразу же после этого позвонил Полу Шорту. Шорта он не застал дома; хозяйка не знала, где обретается ее жилец, но выразила готовность передать ему, кто звонил.

28

Жизнь стала похожей на прекрасный сон. Старинный обеденный стол даже по будням накрывали как к празднику. Финн переодевался к ужину в темный вечерний костюм, Кристина тоже облачалась во что-нибудь нарядное, а шею ее охватывала тонкая, но явно дорогая цепочка. Полу сослужил службу его хоть и поношенный, но еще вполне приличный, сшитый на заказ костюм. Миссис Лемберт, молча улыбаясь, подавала блюда, всегда начиная с хозяина дома. И так продолжалось каждый вечер. Пол завидовал этим людям, завидовал самому себе, что судьба забросила его сюда и он был принят с таким радушием. При этом он часто ловил себя на мысли, а смог бы он выносить этот непрерывный праздник всю жизнь?

Финн воспринял его появление совершенно спокойно. Коль скоро дочь решила, что Шорт должен поселиться у них, то не имеет ни малейшего значения, нравится отцу это или нет. Об этом Финн заявил в первый же день, когда Пол сделал попытку как-то объясниться. Разумеется, гостю была предоставлена отдельная комната, и, разумеется, большую часть ночи он проводил не там. Кристина оказалась гораздо требовательнее других партнерш, с кем Полу когда-либо приходилось иметь дело, и она явно не собиралась хранить в тайне их отношения, хотя и соблюдала некоторый декорум. Шорт каждый раз вынужден был на рассвете удаляться к себе, чтобы его не застала домоправительница, которая по установившейся традиции будит девушку, подавая ей в постель чашку чая. Вечерами молодые люди учтиво раскланивались и расходились по своим комнатам, а затем, по прошествии получаса, Пол прокрадывался к Кристине, словно каждому, включая миссис Лемберт, самого Финна

и даже соседей, не было известно, чем они занимаются по ночам.

Прошла неделя райского существования, и Пола напугала настойчивая мысль: а согласился бы он прожить так всю жизнь. Еще больше его напугало то, что он не смог ответить на этот вопрос. Именно о такой жизни он мечтал, когда в детстве выслушивал пьяные перебранки родителей, когда дрался с другими уличными мальчишками, когда бежал из дому, когда записался в "Спешл Эйр Сервис" и, как ему казалось, защищал именно эту патриархальную Англию, когда на Фолклендах по ночам выслеживал в темноте незадачливого крестьянского парнишку-аргентинца, облаченного в военную форму и стоявшего на часах. Пол до сих пор помнил движение, которым в последний момент отвел нож, чтобы не прикончить часового. Он и теперь понимал, что совершил безумие. Несколько мгновений, понадобившихся, чтобы оглушить часового ударом рукоятки ножа в висок, вполне хватило бы жертве, чтобы закричать. А тогда — крышка и самому Полу, и его товарищам; Фил так и не стал бы отцом семейства, а Мак не заделался бы лондонским старьевщиком.

И вот теперь, по прошествии всего лишь недели безоблачного существования, ему не достает прежней свободы. Так и подмывает уйти под вечер из дому, перехватить где-нибудь в пивной сандвич и, запивая его пивом, слушать гул благодушных голосов вокруг, обменяться улыбками с незнакомой симпатичной девушкой, изловчиться подцепить ее и всласть подраться, если это вдруг кому-то не понравится.

Ужин был сервирован на французский манер — с красным вином, — и Пол облегченно вздохнул, когда трапеза подошла к концу и ему удалось не закапать соусом накрахмаленную скатерть. В завершение участники застолья выпили по рюмке бренди, после чего Пол, извинившись, прошел к телефону. В эту пору миссис Ипсом обычно закладывает тарелки в посудомоечную машину и на чем свет стоит поносит жильцов, которые не только не объявились к ужину, но даже не сочли нужным предупредить, чтобы на них не рассчитывали.

На третий звонок миссис Ипсом сняла трубку. Поначалу в голосе у нее, как обычно, звучала подозрительность, сменившаяся бурным оживлением, когда хозяйка пансиона узнала звонившего.

— Вас разыскивали десятки людей! Я, конечно, всем объяснила, что, мол, понятия не имею, где вы находитесь. Не по адресу обращаетесь, ответила я им, уж от меня-то мистер Шорт утаил, куда он съехал...

Пол даже не пытался прервать этот словесный поток, а уж тем более объяснениями, почему он вообще никому не

сказал, куда уезжает. Ведь в том и был смысл отъезда, чтобы его на нашли.

— Я сказала, что могу передать, кто звонил, если вы объявитесь, но, возможно, вы вообще не позвоните, и тогда я не несу ответственности...

Терпение Пола было на исходе.

— Кто же меня разыскивал?

— Наведывался ваш симпатичный друг — тот, что был у нас не так давно, молодой человек с курчавыми волосами. Его зовут Джон Дир.

— Джон Дир? — повторил Пол. Ловко связал этот Джон свое скорее всего вымышленное имя с фамилией их общего знакомого.

— Потом заходил некий господин из полиции, — несколько неодобрительным тоном продолжила миссис Ипсом, и Шорт понимал, что, не завоюй Джон столь прочных симпатий пожилой дамы, ему, Полу, сейчас куда больше досталось бы из-за визита полицейского. — Вас спрашивал некий... обождите, сейчас найду его визитную карточку... инспектор Хогарти. Он сказал, чтобы вы сразу же позвонили ему, иначе вас ждут неприятности. Надеюсь, вы не впутались в какую-нибудь сомнительную историю...

— Кто еще был?

— Мистер Ким, собственной персоной. Владелец известного издательства.

Пол только покачал головой. Интересно, откуда бы этой доброй вдовушке знать, кто такой Ким?

— Больше никто меня не спрашивал? — осведомился Пол, даже по телефону явственно ощущая молчаливое неодобрение хозяйки: неужели, мол, этого мало?

— Никто, — отрезала наконец миссис Ипсом, и на том разговор был окончен.

Финн тем временем испарился: почти каждый вечер он сразу же после ужина куда-то исчезал. Кристина, сидя в кресле, изучала журнал мод, но Пол знал, что она ждет его. Девушка была очень хороша собой, и нарядный костюм был ей к лицу, линии стройных ног радовали глаз, бедра не назойливо, но все же заметно вырисовывались под мягкой тканью. Чем больше было надето на Кристине, тем красивее она выглядела, а уж в пальто и вовсе казалась неотразимой. Пол, улыбаясь, подошел к девушке и положил руки ей на плечи.

— Какая ты красивая!

Ответом ему была улыбка, от которой Полу сразу же расхотелось проводить вечера где-то вне этого дома, перемигиваться с незнакомыми девицами, распивать пиво с приятелями. Оба направились было к своим комнатам, когда зазвонил телефон. Трубку взяла Кристина, затем передала Полу, обращаясь к нему кислым и слегка недоброжелатель-

ным тоном, какой появлялся у нее, когда речь заходила о Гвен.

— Это ты, Пол? — Голос Гвен звучал подозрительно весело.

— Кому еще быть?

— Теперь под подозрением остаются три машинистки.

— Замечательно! — Пол все время забывал об этой линии расследования: возможно, оттого, что ничем не мог тут помочь и практически оставался в стороне. Разумеется, он понимал, как важно знать, кто вместо Гвен составил тот список и переправил его служебной почтой в полицию, но это не занимало его по-настоящему. У него хватало ума скрывать свое безразличие и, даже напротив, выказывать к делу живейший интерес.

— И кто же эти трое?

— Выясню в ближайшие дни.

— Умница!

Кристина снова взялась за свой журнал, делая вид, будто этот разговор ее вовсе не интересует.

— Только будь осторожна, — продолжил Пол. — Если одна из них действительно имеет отношение к этой истории, лучше ей не знать, что ты докопалась до истины.

Опять это знакомое хихиканье и подозрительная веселость в голосе.

— Меня есть кому защитить: один твой добрый знакомый. Обожди, я передам ему трубку.

Шорт инстинктивно отстранил трубку от уха, словно желая тем самым держаться подальше от очередного возлюбленного Гвен. Кто бы это мог быть, черт его дери?

— Пол? Рад, что удалось с вами связаться. Дир упоминал, будто вы хотели поговорить со мной.

— Джон... — Шорт сглотнул комок в горле и выдохнул с такой силой, что Кристина, оторвавшись от журнала, вскинула на него вопросительный взгляд.

— Ну конечно, это я, старина. В пансионе симпатичная пожилая дама сказала, будто бы вы уехали, вот я и подумал, что Гвен, должно быть, знает куда.

— Давно вы с ней знакомы? Откуда вы ее знаете?

Пол и сам понимал, что задает дурацкие вопросы. Кем бы ни был Джон, прежде чем встретиться с Полом впервые, он, конечно же, собрал о нем всю информацию, и факт, что секретарша заместителя министра внутренних дел состоит с ним в близкой дружбе, наверняка стал известен Джону одним из первых. Джон даже не стал отвечать на его вопросы.

— В чем дело? Полагаю, вы хотите со мной встретиться.

— Да.

— Где вы находитесь?

Этого, по крайней мере, Гвендолин не выдала, однако

неизвестно, сумеет ли она и впредь держать язык за зубами.

— У одного приятеля. Когда вы свободны?

— Сегодня вечером, скажем, в восемь. Не могли бы вы приехать сюда? Здесь на углу есть премилая пивная.

Нашел кому рассказывать! Пол готов был лезть на стенку: этот пройдоха разговаривает с ним, словно законный муж Гвен, и, как видно, чувствует себя владельцем не только девушки, но и всей округи.

— Буду в восемь. — Он бросил трубку и повернулся к Кристине. Девушка холодно смотрела на него поверх журнала.

— Могу я поехать с тобой?

— Нет! — резко ответил он. — Не стоит, — продолжил он более мягким тоном. — Лучше этому типу не знать о тебе. Лучше, если он и понятия не будет иметь, у кого я живу!

29

Дорога заняла полчаса, и все эти тридцать минут Пол пытался убедить себя, что не стоит злиться на Джона, непременно видеть в нем врага и набрасываться на него. Если Джон приглянулся его бывшей подруге, ничего с этим не поделаешь, ведь между ними, Полом и Гвен, давно все кончено и пора с этим примириться...

Джон уже был на месте, при появлении Пола он встал. Под серым костюмом красовался безвкусный, кричащий жилет. В полумраке продымленной пивной лицо Джона напоминало физиономию веселого, довольного беса, потешающего анекдотами грешников в кипящем котле.

Пол огляделся по сторонам и увидел привычных посетителей: усталых, но хорошо одетых служащих, бизнесменов, отдыхающих после работы за кружкой пива. Как знать, который из них человек Джона.

— Что будете пить?

К удовольствию Шорта, бармен узнал его и подал пиво, не дожидаясь, пока Джон сделает заказ.

— Ах, да... вы ведь, верно, частенько сюда заглядываете. Надеюсь, не сердитесь за мою назойливость, но этот способ отыскать вас показался мне простейшим.

— Полно, о чем говорить...

С кружками пива в руках они пробирались сквозь толпу посетителей к своему столику.

— Так для чего я вам понадобился? — улыбаясь, спросил Джон. — Дир не склонен был выдать ваш секрет, сказал лишь, что по важному делу.

— Мне стало известно, что фирму "Профешнл Секьюрити" рекомендовали Эшфорду вы.

— Да, я. А что тут такого?

— Давно вы его знаете?

— Кого? Эшфорда? Не сказать, что мы близко знакомы. Встречались несколько раз кое-где, ну и стали здороваться...

— Почему он обратился именно к вам?

— Все было не так. — Джон сделал досадливый жест. — Эшфорд обратился за защитой в полицию. Там ему ответили: нужно доказать, что его жизнь действительно находится в опасности. Он, бедняга, не смог представить никаких доказательств; писем с угрозами ему никто не писал, ни один из захваченных полицией террористов не упоминал в своих показаниях, будто бы на Эшфорда готовится покушение. Просто он сам вычислил, что очередь вполне может дойти до него. Не добившись толку от полиции, Эшфорд обратился в министерство... Разумеется, не официально, а пользуясь своими связями.

Джон не сказал, в какое именно министерство, однако Шорт готов был поклясться, что не в министерство внутренних дел. Скорее всего, Джон имеет отношение к военной контрразведке.

— Оттуда Эшфорда отфутболили ко мне, но я тоже ничем ему не помог. В основном по той же причине, что и полиция. Ну а кроме того, какие бы прекрасные связи ни были у Эшфорда с представителями высших кругов, это вовсе не означает, что сам он тоже принадлежит к этим кругам. Я сказал ему, что единственный выход — самому оплачивать собственную безопасность.

— Почему вы рекомендовали именно "Профешнл Секьюрити"?

Взгляд Джона сделался жестким.

— А почему бы и нет? Фирма с хорошей репутацией, располагает профессионально подготовленными людьми и соответствующей техникой.

— И все же клиентов фирмы похищают одного за другим.

— Знаю. На это можно ответить так: каждого из нас может постичь неудача.

— Вы считаете это случайностью? Кем бы ни был похититель, он неизменно выбирает клиентов "Профешнл Секьюрити" и всегда действует наверняка.

— Я не считаю это случайностью. В фирме происходит утечка информации, но убежден, что это продлится недолго.

— Что вы знаете о Бултоне?

Джон закурил сигарету и угостил Пола. Тот не стал отказываться из уважения к самому жесту; сигареты были слабые, чуть ли не дамские, с приторным запахом.

— Бултон — жесткий парень. Дело свое знает.

— Вы вместе работали?

Джон задумчиво рассматривал колечко дыма.

— Бултон разыщет человека, кто так подставил его, и свернет ему шею.

— А кому он свернет шею, если выяснится, что за всем этим стоит он сам? Легче всего организовать покушение самому Бултону.

— Вон оно что! — Джон откинулся на спинку стула, и по его подвижному лицу расплылась широкая ухмылка. — Ясно, куда вы клоните, старина. Мысль недурна: мы спелись с Бултоном, я поставляю ему клиентов и получаю свою долю прибыли. Еще раз повторяю: идея недурна, жаль только, что не пришла мне в голову.

Реакция Джона выглядела естественной, хотя, как знать, что скрывается за его шутовскими усмешками. Пол сделал знак бармену, собираясь расплатиться, однако Джон перехватил его руку:

— Полно, старина, ваша очередь — в следующий раз.

Они уже двинулись к выходу, когда Пол как бы ненароком поинтересовался:

— Как вы поступите, если к вам снова обратятся за советом? Опять порекомендуете "Профешнл Секьюрити"?

— Не знаю... С чего бы менять свои пристрастия? А почему вы задали этот вопрос?

— Просто так. — Пол засмеялся, стараясь воспринимать Джона не как соперника или потенциального сообщника Бултона. — Возможно, к вам снова обратятся. Окажете такую услугу?

Джон утвердительно кивнул и упругой походкой заспешил к дому Гвен. Пол смотрел ему вслед, испытывая мучительную, жгучую зависть.

30

— Это вы, Шорт? Ну, наконец-то! Не могли бы вы заглянуть ко мне, скажем, около полудня?

— Нет.

На другом конце провода воцарилась тишина, пока Хогарти переваривал отказ. Когда он снова заговорил, голос его звучал тише и медленнее, словно инспектор взвешивал каждое слово, однако впечатление было куда более грозным, чем от предыдущего бодрого рявканья.

— Думайте, что говорите! Или предпочитаете, чтобы я объявил вас в розыск?

— Зачем я вам понадобился? Мне кажется, мы сказали друг другу все, что хотели.

— Это вам так кажется, — тон инспектора Хогарти вос-

создавал атмосферу допроса третьей степени. — Вы сказали мне далеко не все, и я хотел бы подкинуть вам парочку вопросов.

Пол стиснул телефонную трубку, точно это была жирная шея Хогарти.

— Ну что ж, можно и встретиться, — проговорил он тоном, не предвещающим ничего доброго. — Через час, там же, где в прошлый раз. — Пол положил трубку и направился в ванную мыть руки.

Было утро. Кристина пять минут назад отправилась на занятия, отец, по обыкновению, подвезет ее до центра. Если бы покушение на Финна было совершено утром, по дороге на работу, то и дочь его тоже попала бы в заложницы. Должно быть, похитители стремились избежать этого: надо было, чтобы на свободе оставался человек, который сумеет незамедлительно и любой ценой собрать выкуп. Пол оставался один в большом доме, лишь миссис Ламберт возилась по хозяйству на кухне, но скоро и она уйдет за покупками, после чего засядет с приятельницей в кино. Какой смотреть фильм — безразлично, лишь бы под конец можно было всплакнуть.

Шорт полюбил тихие, спокойные утренние часы в этом доме. Он неторопливо прихлебывал чай, разбирал свои давние заметки и при этом ни на минуту не забывал, что совсем неподалеку отсюда люди спешат по делам, толкаются, суетятся, что в пансионе миссис Ипсом в эту пору занимается уборкой и сейчас бросала бы на него ледяные взгляды, вздумай он торчать дома. Жаль, что придется покинуть этот островок покоя. Не стоило звонить инспектору Хогарти.

Прежде чем отправиться на встречу, Пол счел нелишним предпринять кое-какие предупредительные меры. После двух телефонных разговоров он с более легкой душой сел за руль.

Конечно, хорошо бы приехать первым и проследить, не притащит ли кого с собой инспектор Хогарти на свидание, однако для этого не оставалось времени. Путь предстоял неблизкий, и, как ни спеши, все равно будешь на месте разве что минут на десять раньше условленного срока. А до тех пор Хогарти вполне успеет расставить своих людей. Пересекая город, Пол прикидывал, как повернутся события, если все же уклониться от встречи. Хогарти, конечно, полезет на стенку, но формально придраться не к чему: назначенное по телефону свидание — это вам не официальный вызов в полицию. Знал он также, какую пропасть уловок способен пустить в ход Хогарти, если очень захочет доставить ему неприятности. В результате Пол все же побрел к пивной. У него не было ощущения, будто за ним следят, но ведь не всег-

да это чувствуешь. Впрочем, не исключено, что он переоценивает Хогарти.

Народу в пивной было полно, все столики заняты, и даже у стойки не было мест. Не увидев Хогарти, Пол собрался было уйти, когда на пороге возникла массивная фигура инспектора. Не давая себе труда закрыть дверь, Хогарти корпусом проложил дорогу к стойке и, прихватив кружку пива, нацелился на столик, который как раз освобождался. Два других посетителя тоже облюбовали было этот столик, однако повернули назад, видя, с какой уверенностью захватывает Хогарти свободные места. Пол сел напротив; его раздражало, что он сидит спиной к залу, а Хогарти — привалившись спиной к стене, и он сразу же постарался придать разговору лапидарный характер.

— Зачем я вам понадобился?

— Что вам известно о "Солдатах справедливости"?

Пол ответил недоуменным взглядом.

— А кто они такие?

— Вопросы задаю я.

Шорт поднялся. Хогарти опустил кружку на стол и с легкостью, неожиданной для его мощного тела, мигом вскочил на ноги.

— Не советую вам уходить.

— А я не советую вам пытаться задержать меня.

Они в упор сверлили друг друга взглядами, и в глазах Хогарти таилась усмешка. Шорт понимал, что играет с огнем. У Хогарти почти нет оснований действовать нахрапом, пока он, Пол, не арестован. Зато, если он сейчас попытается уйти, тем самым оказав сопротивление полицейскому, Хогарти под этим предлогом может его арестовать. Пол поднял руку, словно прося слова, и тотчас же к нему подошел невысокий темноволосый мужчина с бородкой, на вид лет тридцати.

— Что новенького, Пол?

— Хэлло, Питер, — Шорт, не глядя на бородатого, по-прежнему смотрел на Хогарти. — Питер Уэбли — мой адвокат, к тому же идеальный свидетель. А теперь хочу посмотреть, посмеете ли вы меня арестовать.

— Можно доставить такое удовольствие, если вам этого хочется.

— На каком основании? — осведомился Питер Уэбли. Голос у него был низкий, с хрипотцой, слова звучали значительно, словно за ними таился какой-то более глубокий смысл.

— По обвинению в попытке совершить покушение на Безила Кима.

Пол рассмеялся. Тон Уэбли сделался еще многозначительнее.

— Полагаю, вы сумеете доказать свое обвинение?

У Хогарти лопнуло терпение.

— Ну вот что, буквоед паршивый! Не стану я арестовывать вашего приятеля, просто потолкую с ним пару минут, если мне не будут мешать.

— Что скажешь, Пол?

Шорт колебался. Хорошо бы воспользоваться своим преимуществом и уйти, оставив Хогарти с носом. Но, пожалуй, имеет смысл прояснить ситуацию. Любопытно узнать, например, что известно Хогарти насчет истории с Кимом. С чего он вздумал подозревать его, Пола? Сказалась в нем антипатия, или он действительно разнюхал что-то? Пол сел на место, а Питер вновь скрылся в толпе.

— Что вы делали вчера в пять вечера?

Полу оставалось надеяться, что никто не приметил его в толпе зевак.

— Работал.

— Где?

— В Бритиш Ньюспейпер Лайбрэри.

— Та-ак. Есть у вас свидетели?

Пол пожал плечами.

— Вам доводилось когда-нибудь бывать в этой библиотеке?

Но Хогарти и не думал так легко сдаваться.

— С какого и до какого часа вы там находились?

— Пришел около полудня, обедал там же, в буфете, а ушел в семь вечера.

— И я должен верить, будто вы от начала до конца сидели там, не отлучаясь ни на полчасика?

Пол снова пожал плечами, давая понять, что это, мол, его, Хогарти, заботы.

— Полагаю, что должны верить. А если очень хочется, можете и проверить.

Хогарти нервно барабанил по столу толстыми пальцами. Наверняка ему тоже пришла мысль, что Шорту необязательно было самолично взрывать машину Кима, он мог поручить это кому-нибудь другому. Вот только он наверняка не поверил бы, что серьезные, порядочные люди способны оказать такую услугу по дружбе. Хогарти попытался подъехать с другого конца.

— На каком основании вы угрожали Киму?

— С чего вы взяли? — ответил Пол вопросом на вопрос.

— Он сам мне об этом сказал.

— Хм... — Такой оборот дела застал Пола врасплох. — Жаль, если он так превратно истолковал мои слова. Речь шла о личной безопасности, и я посоветовал ему нанять телохранителей. Ким может позволить себе такую роскошь, а при теперешней беспокойной жизни затраты вполне окупаются.

— Какая трогательная забота! — съязвил Хогарти. — Лад-

но, на сегодня хватит, можете идти. Где мне вас искать, если понадобитесь?

— Вы ведь знаете мой адрес, — в тоне Шорта сквозила неподдельная любезность.

Удивляло, что Хогарти удовольствовался столь малым. Еще более удивительным казалось, что он так легко позволил добыче выскользнуть из рук. Шорт отказывался верить, будто Хогарти испугался вмешательства адвоката. Въедливый сыщик не из тех, кто успокоится, не выведав, где обитает подозреваемое лицо, однако Хогарти, рыгнув, поднялся и молча направился в туалет.

Пол огляделся по сторонам. Питера не было видно в толпе посетителей, но он наверняка где-то поблизости и наблюдает за ходом событий. Если Хогарти и прихватил с собою своих людей, им удалось ловко замаскироваться. Соблазн был велик. Конечно, сейчас он обвел Хогарти вокруг пальца, но неприятный привкус все равно оставался. Ведь Пол посулил выбить инспектору зубы, так чего же ради откладывать удовольствие, если удача сама идет навстречу.

Пол двинулся к туалету вслед за полицейским. Бросил взгляд в стекло над стойкой, чтобы проверить, не идут ли за ним. Нет, явно никто не интересовался его персоной. Войдя в туалет, он задержался в умывальной, настороженно прислушиваясь. Шагов не было слышно. Ну что ж, ему достаточно будет провести несколько секунд наедине с этим надутым индюком!..

Шорт вошел в уборную. Хогарти стоял лицом к стене и не обернулся, когда открылась дверь. Пол решил выждать. Он может себе позволить сойтись с противником лицом к лицу. Ему хотелось увидеть на лице Хогарти удивление, уступающее место страху, когда полицейский поймет, что у него нет шансов на победу.

Пол и сам не знал, что заставило его бросить взгляд в сторону кабинок. Даже если там кто-то есть, это ничего не меняет: услышит человек топот ног, звук удара, и все. Много времени это не займет.

Однако все кабинки оказались заняты. Пол увидел четыре пары ног, обутых в крепкие черные ботинки и стоявших подозрительно близко к дверцам. Так вот почему сдался Хогарти: он рассчитал и подстроил эту ситуацию. Потому-то Пол и не засек его людей ни на улице, ни в пивной.

Пол толкнулся было в ближайшую кабинку, но дверца оказалась запертой. Он попытался войти в следующую — разумеется, безуспешно — и так прошелся по всему ряду.

— Тьфу ты, черт! — негромко ругнулся он, поворачивая к выходу. Ничего, можно будет через Гвен узнать домашний адрес Хогарти. Сумеет подловить он этого хитреца в такой момент, когда рядом "заступников" не окажется.

31

Бултон произвел на Кима не ахти какое благоприятное впечатление. Внешность самая заурядная, костюм не отличается особой элегантностью, физиономия сплошь в синяках и ссадинах, явно пострадал в переделке. Переносица крест-накрест перехвачена пластырем, что придавало лицу Бултона угрожающий вид. Однако все, что он говорил, звучало весьма убедительно, а все, что было продемонстрировано потенциальному клиенту, лишь подтверждало сказанное. Ким увидел компактные и элегантные по форме электронные устройства, с помощью которых можно было обнаружить бомбу на расстоянии. Точнее, говоря, только определенные виды бомб, небрежно добавил Бултон, словно имел в виду обстоятельство, которым спокойно можно пренебречь. Ким увидел целый арсенал оружия, тренировочную площадку, выстроившиеся солдатским строем радиофицированные автомашины с мощными моторами и даже вертолет — новейшее приобретение "Профешнл Секьюрити".

— В нашем деле имеет смысл вкладывать деньги только в самое совершенное оборудование, — журчал голос Бултона. — Возможно, вам годами придется платить понапрасну — в том случае, если нападение попросту не состоится, хотя, возможно, и не произойдет оно именно потому, что охрана отобьет охоту у желающих. Итак, повторяю, не исключено, что вам придется годами как бы бросать деньги на ветер. Но зато если на вас хотя бы один раз попытаются совершить покушение, то далеко не безразлично, окажетесь вы в этот момент в одиночестве или под охраной надежных людей.

Бултон вставил кассету в видеомагнитофон, стоявший на подставке возле письменного стола, и одним нажатием кнопки затемнил комнату: массивные металлические жалюзи беззвучно скользнули вниз, плотно закрыв окна.

На экране появился человек средних лет, в приличном костюме, шедший в потоке людей по Трафальгар-сквер. Должно быть, съемки велись скрытой камерой, поскольку прохожие не оборачивались, с любопытством глядя в объектив, как это бывает при обычной съемке. И вдруг весь ритм движения нарушился, какие-то типы выскочили из толпы, человек в костюме испуганно остановился, затем из ниоткуда, а точнее, из той же толпы прохожих внезапно появились еще какие-то люди. Изображение скакало, мешало различить детали в круговерти происходящего на экране; единственное, что разглядел Ким: кто-то выхватил и буквально вынес мужчину из людской сутолоки, а двое других прижали к земле нападающих.

— Желаете посмотреть замедленную съемку?

Ким сглотнул комок в горле и кивнул. Какие-то подозрительные типы в кожаных куртках метнулись к мужчине в элегантном костюме. Один из них уже на бегу занес руку для удара, другой, опустив плечи, весь сжался в броске. Не успели они приблизиться к намеченной жертве, как в действие вступила охрана. Один телохранитель, оттолкнув подопечного в сторону, заслонил его собой, второй подставил подножку гангстеру с опущенными плечами, а третий, вынырнув откуда-то сбоку, отработанным приемом выбил нож из занесенной для удара руки.

К горлу Кима подкатила тошнота. Что и говорить, зрелище было впечатляющим. И все же он не хотел бы оказаться на месте человека, которого в последний момент спасают от удара ножом. Его не покидало ощущение, будто самим этим решением нанять телохранителей он как бы делает уступку насилию. И все-таки, видно, без этой меры не обойтись.

— Разумеется, перед вами всего лишь учебная тренировка. Господин в элегантном костюме — один из наших людей, равно как и оба нападающих. А вот телохранители не знали, когда и как произойдет нападение. Каждый из наших людей должен пройти всевозможные испытания, прежде чем будет допущен к работе. Теперь я покажу вам кое-что другое. — Бултон быстро прокручивал видеозапись и, не прекращая объяснений, следил за таймером. — С той минуты, как вы подпишете контракт, мы гарантируем вам безопасность. Покушение, которому вы однажды подверглись, больше не повторится. Автомобиль ваш мы снабдим ультрасовременной сигнализацией, о которой большинство людей и слыхом не слыхивало. Если охранник вынужден будет покинуть машину, то, прежде чем сесть в нее снова, он проверит все места, куда обычно закладывают взрывное устройство. Разумеется, все это будет проделано до вашего появления, дабы не заставлять вас ждать.

Бултон отыскал наконец нужный фрагмент, и на экране появился мчащийся на полной скорости автомобиль. Ким получил возможность насладиться самыми умопомрачительными трюками, какие до сих пор ему доводилось видеть лишь в приключенческих фильмах. Машина проделывала головокружительные развороты, крутилась на месте, становилась на два колеса, перескакивала через лежащие на дороге бочки.

— Это тоже учебная тренировка? — поинтересовался Ким.

— Не совсем... За рулем находится сам тренер, и такого высокого мастерства мы не вправе требовать от рядовых телохранителей. Впрочем, взгляните, каков их уровень подготовки.

Следующие кадры демонстрировали езду с препятствия-

ми. Всю проезжую часть дороги занял поставленный поперек автомобиль, по обочинам была натянута проволочная сетка. Из-за поворота вылетела машина. Не замедляя хода, она чуть подалась к краю дороги, смела со своего пути стоящий поперек автомобиль и понеслась дальше.

— Экзаменующийся не знал, в каком месте пути его подстерегает препятствие и какого рода оно будет. — Бултон снова погнал запись дальше, отыскивая нужную часть. — А теперь поприсутствуем на занятиях по самообороне.

Ким протестующе поднял руку.

— Нет-нет, благодарю вас! Мне кажется, увиденного вполне достаточно.

Бултон посмотрел на него с некоторым разочарованием. Выключив аппарат, он выжидательно уставился на Кима.

— Я намерен воспользоваться услугами вашей фирмы.

Вскочив с места, Бултон бросился к Киму и пожал ему руку.

— Поздравляю, мистер Ким, это разумное решение. И уверяю, вы не пожалеете. — Он нажал какую-то кнопку у себя на столе и достал из шкафчика-бара бутылку коньяка и рюмки. Он начал было разливать коньяк, когда отворилась дверь и вошли два молодых человека. Оба были довольно высокие, в меру плечистые и хорошо, но не броско одетые. Они с любопытством оглядели Кима, который неуверенно поднялся им навстречу.

— Знакомьтесь: это Энди и Хью. Отныне они обязаны следовать за вами неотступно, как тень. Тот или другой будет неотлучно находиться при вас, поскольку они никогда не отдыхают одновременно. Мы придерживаемся гибкой тактики. Вас будет охранять иногда один человек, иногда двое, а то и трое — пятеро — в зависимости от обстоятельств. Убедительно прошу заранее ставить нас в известность о всех ваших намерениях и планах, какие могут быть сопряжены с риском. Скажем, если вы отправляетесь в путешествие, устраиваете у себя званый вечер, собираетесь посетить футбольный матч, скачки или какое-то другое место с большим скоплением народа. Мне необходимо знать ваш постоянный жизненный распорядок, а также каковы ваши увлечения. Скажем, бегаете ли вы трусцой, есть ли у вас любовница? — Он извиняющимся жестом развел руки. — Поверьте, мы умеем хранить тайны, но нам необходимо знать их. К мужчине легче всего подобраться через смазливую девицу.

— Ясно, — понимающе кивнул Ким. Любовница у него была, но он решил, что подумает, стоит ли сообщать им об этом.

— Далее. Мы должны будем проверить степень безопасности у вас на работе; это потребует нескольких дней и на-

верняка не вызовет восторга у местной охраны, если таковая имеется.

Ким представил себе усталых, неприветливых стражей, околачивающихся у ворот административного здания, и улыбнулся.

— Повторяю: это может занять несколько дней, — продолжал Бултон, — однако самое главное — обеспечить вашу безопасность дома. Эта задача также сопряжена с некоторыми неудобствами, поэтому постарайтесь, пожалуйста, отнестись к происходящему так, словно в вашем доме идет небольшой ремонт.

Ким согласно кивнул. Подписав контракт, он вручил Бултону чек и вышел из офиса "Профешнл Секьюрити" с легким сердцем, впервые за последние дни почувствовав себя в безопасности. Один из молодых людей учтиво распахнул перед ним дверцу новенького "пежо", а другой поспешил к темно-зеленому "остин-принцесс". Поудобнее усаживаясь на заднем сиденье, Ким подумал, что Шорт, в сущности, оказался прав: стоит позволить себе такую роскошь — держать телохранителей. Пусть-ка теперь попробуют к нему подступиться!

Заняв позицию у окна, Бултон смотрел, как Ким и его телохранители рассаживаются по машинам. Удовлетворенно кивнув, он подошел к телефону, снял трубку и набрал всего две цифры.

— Они только что выехали, — спокойным тоном произнес он. — Надеюсь, вы свое дело знаете.

"Пежо-604" мягко набирал скорость. Шофер — надо будет выяснить, который из них Энди, а который — Хью, — вел машину уверенной рукой. "Остин" шел сзади, порядком поотстав: если бы кому-то вздумалось преследовать Кима, злоумышленник оказался бы зажат "гориллами". Водитель "остина" — будь то Энди или Хью — следил за дорогой прямо перед собой и почти не смотрел в зеркало заднего вида. Это облегчало задачу Мака Ирвина, следовавшего за ним по пятам. Лихо оседлав мощный мотоцикл "Ямаха-500", Мак страстно надеялся, что ожидаемое событие свершится во время его дежурства.

32

Гвен пребывала в нерешительности. Раз десять тянулась она к телефону и всякий раз отдергивала руку. Пол ждет звонка Мака, готовый в любой момент сорваться с места и приступить к действиям. Они не имеют права ни на секунду

выпустить Кима из-под наблюдения, так ей вчера растолковывал Пол. Что бы ни произошло, Ким ни в коем случае не должен пострадать. Не то чтобы издатель был так уж дорог сердцу Пола, но ведь именно Пол напугал Кима до смерти, Пол задумал использовать его в качестве приманки, а значит, и вся ответственность лежит на нем. Гвен понятен был такой ход рассуждений, хотя она вовсе не была уверена в том, что Ким станет приманкой. Вполне может статься, что никто не пожелает похищать Кима, — и как тогда быть? Не могут же Мак, Фил и остальные жертвовать своим временем до бесконечности, и через неделю-другую Пол вынужден будет в одиночку висеть на хвосте у Кима днем и ночью, пока хватит сил.

Звонить Полу или нет? По мнению Гвен, раздобытые ею сведения о человеке, составившем список, куда ценнее, чем мифическая приманка под охраной "горилл" из "Профешнл Секьюрити". Весь разговор займет какую-то минуту: "Пол, дорогой, за одной из наших машинисток ухаживает полицейский. В прошлом году он уволился из полиции и поступил на службу в какую-то частную фирму охраны. Нетрудно будет узнать имя этого полицейского, а заодно и выяснить, кто его нынешний работодатель. Если вдруг окажется, что это фирма Бултона..." Однако Пола не удовлетворят такие неполные сведения.

Гвен привела в порядок бумаги на столе и надела пальто. Возможно, за обедом они встретятся с Джоном, и тот посоветует ей, как быть. Дробно стуча каблучками по мраморному полу, Гвен торопливо пересекала вестибюль, радушно здоровалась с коллегами, не без удовольствия ловя на себе восхищенные взгляды мужчин и с еще большим удовольствием — завистливые взгляды женщин. На улице было холодно, однако проглянуло солнце, и под его неяркими лучами искрами вспыхнули ее золотисто-рыжие волосы. Гвен пожалела, что рядом нет Пола, пусть бы полюбовался. Странно, ей до сих пор больше всего хотелось нравиться именно ему. Девушка улыбнулась про себя, когда какой-то мужчина направился было к ней, она привыкла, что с ней пытаются заговорить. Правда, среди англичан не принято заводить знакомства на улице, но Лондон теперь наводнен иностранцами... Вот и этот — черные волосы, пышные усы, — кто он может быть: турок, итальянец?.. И усы какие-то странные, будто накладные...

Гвен поздно спохватилась. Она хотела было повернуться и бежать, скрыться в здании министерства, но тут ее схватили сзади. Девушка почувствовала, что ноги ее болтаются в воздухе, и еще успела увидеть изумленное лицо охранника у ворот... Затем все померкло у нее перед глазами.

33

От Бултона Ким отправился к себе в издательство. Там он пробыл до конца рабочего дня и в пять часов отбыл из офиса вместе со своими подчиненными. Нелегко было держать его в поле зрения. Мак сроду не томился так, как в эти часы, и надеялся лишь, что история не затянется надолго: кто бы ни собирался похитить издателя, он сделает это вскоре. В пять часов Ким вместе со своим эскортом прямиком двинулся домой. Первым снова шел "пежо", за ним, здорово поотстав, — "остин", и, наконец, то удаляясь, то подъезжая ближе, за ними следовал Мак на своем мотоцикле. Расположившись на приличном расстоянии от дома Кима, он проторчал на своем посту еще с полчаса. У дома стоял синий грузовик, облаченные в комбинезоны рабочие сновали по саду и время от времени мелькали в окнах дома. Судя по всему, Ким сегодня не намерен больше никуда выезжать, ну а чтобы напасть на него дома, надо быть сущим идиотом. Успокоив таким образом свою совесть, Мак оседлал мотоцикл и умчался прочь.

Шорт поджидал его в магазине. Опустив жалюзи, он дремал в кресле и вскочил, как только Мак скрипнул дверью.

— Тоска смертная в твоей лавочке.

— Нашел кому говорить! И все же еще паршивее, когда часами торчишь без дела и ждешь, чтобы наконец-то объявился хоть какой-нибудь бандит.

— Завтра заступаю я, — примирительно заметил Шорт.

— Как знаешь. — Мак бросил на него мрачный взгляд. — У меня было время хорошенько обмозговать это дельце. По-моему, мы сваляли большого дурака. С чего ты взял, будто Кима непременно похитят?

— Я ведь уже объяснял. Он в точности укладывается в схему.

— Знаю. Но я о другом говорю. Почему ты так уверен, что его похитят? В том списке фигурировало десять человек, и всех их умыкнули. Даже Эшфорда пока еще держат заложником, так на черта им сейчас связываться еще с кем-то? И если за этим стоит Бултон, думаешь, он ввяжется в очередную авантюру именно теперь, когда знает, что он у тебя на подозрении?

— Ты прав, — нехотя согласился Пол. — Но у меня нет лучшей идеи. Я полагаюсь на этого мерзавца. До сих пор он действовал с такой наглой самоуверенностью, что, надеюсь, и на сей раз не струхнет.

— Но, если Бултон похитит Кима, тем самым он окончательно подорвет свою репутацию. Ведь Ким не станет молчать, он опишет всю эту историю, чтобы извлечь для себя хоть какую-то пользу.

Шорт мрачно молчал.

— Сколько времени ты собираешься выслеживать его — неделю, две недели, месяц?

— Не знаю. — Пол бросил на Мака враждебный взгляд. — Ты волен завязать с этим делом в любой момент, как только пожелаешь. — Не дожидаясь ответа, он подошел к телефону, набрал номер и, когда на другом конце провода никто не отозвался на десятый звонок, в сердцах бросил трубку. Куда, к чертям, запропастилась эта девица? Ведь они условились, что Гвен будет ждать его звонка дома.

34

Гвен пришла в себя в темной, холодной комнате. Пропитанные сыростью, некогда беленные стены, на стене — прямоугольный фонарь, забранный решеткой, выкрашенная в серый цвет металлическая дверь. И притулившийся на скамеечке мужчина — пожилой, седоватый, щуплый, с узким лицом. В темных глазах его не отражалось ни гнева, ни сочувствия.

Девушка лежала на старой, скрипучей кушетке. Голова нестерпимо болела, словно стиснутая стальным обручем, к горлу подкатывала отвратительная тошнота. Юбка задралась выше колен, и не было сил ее одернуть. Впрочем, у мужчины явно не было игривых помыслов, он не сводил глаз с ее лица. Когда Гвен открыла глаза, он чуть заметно улыбнулся и тихим голосом, почти шепотом, произнес:

— Я не хочу мучить вас. Лучше, если вы сами расскажете все, что вам известно.

Гвен заставила себя приподнять голову и попыталась непослушными пальцами одернуть юбку.

— О чем рассказать? — наконец проговорила она.

Вскоре Гвен смогла убедиться, что она не из породы стоиков. Героини Сопротивления из нее явно не получилось бы, ей не выдержать пыток, даже знай она, что такой ценой даст своим товарищам возможность спастись. Первая затрещина скорее удивила ее, не хотелось верить, что этот внешне щуплый пожилой господин способен на такую жестокость по отношению к слабой женщине. При втором ударе по лицу она услышала во рту какой-то подозрительный хруст и почувствовала, как в горло хлынул теплый поток крови; пришлось судорожно проглотить его, чтобы не захлебнуться. Третий удар вызвал у нее истошный крик и инстинктивную попытку заслониться руками. Старик внезапным движением притиснул ее к стене.

— Не вопи и не трепыхайся понапрасну, — прошептал он

ей на ухо. — Я выбью тебе зубы, сломаю нос, исполосую бритвой всю твою смазливую мордашку.

Гвен расплакалась, проклиная в душе Пола, втравившего ее в эту опасную авантюру. Странно, но Пол сейчас был ей ненавистен больше, чем старик, который, внезапно повернув ее лицом к себе, снова ударил. Ну почему Пол не оставил ее в стороне, а если уж вовлек в дело, то отчего не побеспокоился о ее безопасности! Если бы он сейчас был здесь!.. Заманчивая картина: вот Шорт высаживает дверь своим мощным плечом, набрасывается на мерзкого старикашку так, что от того только клочья летят, помогла ей выдержать очередной удар. Ведь охранник видел, как ее схватили, отчего же он не вступился за нее?

— Не бейте меня! — вырвалось у нее помимо воли. Отчего же охранник не вмешался? Очевидно, он сообщил в полицию, и теперь ее уже разыскивают. Наверняка Джон тоже знает, что она попала в беду, и известил об этом Пола.

Старик толкнул ее, и она снова упала на кушетку, а он удобно пристроился на скамеечке и поправил галстук. У него не было сбито дыхание, и собственная жестокость явно не привела его в смущение. А Гвен заплакала еще горше, вспомнив, что не выдала Джону, где скрывается Пол, и не сказала ему номер телефона Кристины.

— Итак, что вы там задумали со своим приятелем? — спросил старик.

Не претендуя на роль героини, Гвен выложила все как на духу. Рассказала, как она сама подкинула Полу эту историю, чтобы помочь ему сделать карьеру. Описала, как Шорт со своими товарищами вторгся в резиденцию "Профешнл Секьюрити", изложила, каким образом Пол пришел к выводу, что похитителям не окупается их затея, поскольку затраты почти равны прибыли, и что было решено подстроить ловушку. И наконец Гвен призналась, что Пол и его друзья взорвали машину Кима, чтобы вынудить его нанять телохранителей, так как Шорт считал, что именно Ким должен стать очередной жертвой.

До сих пор мужчина слушал ее не перебивая. Он молча сидел, уставясь в пространство позади Гвен, словно сообщаемые ею сведения вовсе не интересовали его, и был похож сейчас на печальную старую обезьяну или на давнего учителя пения Гвен. Не испытай она на собственной шкуре его расчетливую жестокость, не напоминай разбитый рот и вспухшее лицо о резких, безжалостных ударах, не отзывайся ноющей болью вывернутые в плечах руки, Гвен и сама приняла бы его за доброго старичка, который и мухи не обидит. Сейчас, когда она упомянула Кима, старик перевел взгляд на нее и заговорил своим странным, больше похожим на шепот голосом.

— Почему Шорт решил, что Ким должен быть следующим?

Тон его не допускал промедления, и Гвен торопливо изложила теорию Пола.

— Сколько людей выслеживают Кима?

— Один человек. Или Шорт, или кто-то из его друзей.

— Не ври! — Старик снова замахнулся.

— Я не вру! — громко воскликнула Гвен. Она давно уже поняла, что шум отсюда не проникает наружу, и старик говорит шепотом вовсе не по этой причине; тут кричи не кричи — помощи не дождешься. И все же, охваченная паническим ужасом, она не могла сдержать крика: — Это правда! Они выслеживают его в одиночку.

— Чего же они хотят?

— Пол хочет выждать, пока свершится покушение, а затем издали следовать за похитителями.

— Врешь!

— С какой стати мне врать? — чуть не плача возразила девушка.

— Ты несешь сущий бред. Разумный человек не станет заниматься такими глупостями.

— Так то разумный человек, а Пол — это... Пол. Он всегда поступает так, как считает для себя лучше. И если он узнает, что я здесь, он разнесет вдребезги этот дом, он свернет шею каждому, кого здесь обнаружит, а уж от вас-то вообще только мокрое место останется!

— Должно быть, симпатичный парень, этот ваш Пол, — сказал старик, и сейчас впервые на лице его появилось выражение ума и живой заинтересованности. Он улыбнулся, и улыбка вышла искренней и дружелюбной. — Ей-богу, я бы не против с ним познакомиться.

35

И снова лил дождь. Пол в душе похвалил себя за сообразительность: отправляясь на "дежурство", он в последний момент отказался от мотоцикла Мака. Воспользоваться своей собственной машиной он не мог, "геральд" был слишком хорошо известен Бултону и его людям, да и Кима он не раз подвозил. Пол одолжил у Кристины ее "ситроен", однако вскоре вынужден был раскаяться. Мотор у машины был слабый, скорости на нем на разовьешь, зато марка — во всяком случае, по эту сторону Канала — приметная. Конечно, надо бы взять на прокат автомобиль с сильным мотором, годный для преследования, но, как знать, сколько еще продлится выслеживание, а с деньгами у него и без того туговато.

Утром, по счастью, все обошлось благополучно. Пол отстал от Кима так здорово, что даже не видел "остин" сопровождения, но он знал, куда издатель направляется, и надеялся, что, если по дороге начнется заварушка, он вовремя подоспеет к месту происшествия. Однако никакого происшествия не случилось. Ким без приключений добрался до издательства и погрузился в работу. Какое-то время Пол околачивался на улице, неподалеку от конторы Кима, а затем решил снова проделать весь путь и попытаться прикинуть, какой участок выбрал бы для нападения он сам, доведись ему быть на месте гангстеров.

Пол ехал медленно — попробуй разгонись на этом драндулете! — и внимательно изучал все естественные препятствия. Поворот, мост, сужающаяся дорога... ни одно из этих мест не казалось ему подходящим. Такой развилки, где было совершено похищение Эшфорда, не попадалось. Доехав до дома Безила Кима, Пол с разочароваием повернул обратно. Хочешь не хочешь, а надо признать, что в организации похищений он не смыслит, его готовили к другой профессии. Встречались совсем безлюдные участки пути, и тут — если следовать здравой крестьянской логике — можно было рискнуть напасть, однако все эти участки были прямые, без развилок, и, если кто-то увидел бы разыгравшуюся сцену хотя бы издали, похитителям было бы нелегко скрыться. В одном месте дорога круто сворачивала, но у поворота стоял дом; засада могла привлечь внимание какого-нибудь любителя поглазеть в окно, и тот, по всей вероятности, сообщил бы в полицию. Нет, этот вариант тоже не годится.

Ну а все же, как поступил бы сам Пол? Нападать по дороге на машину Кима он не стал бы, это совершенно точно. Значит, он либо попытался бы проникнуть к Киму в дом, либо — что казалось проще всего — напал бы на издателя в его собственном офисе. Остановив машину, Пол попробовал восстановить в памяти схему издательских помещений. В кабинет Кима можно попасть лишь через просторную приемную, где сидят секретарши, где всегда многолюдно и шумно. Один из телохранителей, по всей вероятности, занимает пост именно здесь, а значит, у себя в кабинете Ким практически находится в безопасности. Остаются рискованные моменты, когда издатель выходит в уборную или в кафе, чтобы побеседовать с кем-то из посетителей в более доверительной обстановке. Ну и возможны попытки захватить Кима в лифте или на автомобильной стоянке...

Строить подобные предположения — все равно что гадать на кофейной гуще. Полу не остается ничего другого, кроме как следить за Кимом и надеяться, что в критический момент он все же окажется поблизости. Решительно

двинувшись в обратный путь, Пол включил радио. Громко взревел джаз. Пол намеренно запустил приемник на полную мощность, чтобы заглушить надсадный вой хилого мотора. Он уже подъезжал к издательству, когда начали передавать последние известия. Пол слушал вполуха. Какое ему дело до переговоров министров иностранных дел, до стычек в районе Персидского залива, когда мысли поглощены собственными военными действиями с их весьма неопределенным исходом. Он хотел было повернуть рычажок и переключить приемник на другую станцию, когда услышал чудовищную весть. Рука замерла в воздухе, все тело его сковало ужасом. Пол был на волосок от аварии, и лишь в последний момент его спас рефлекс, выработанный за долгие годы водительской практики. Затормозив, он свернул к самому тротуару и здесь дослушал ошеломляющее сообщение.

— По-прежнему нет никаких сведений относительно секретарши сэра Генри Мэнсфилда, заместителя министра внутренних дел. Гвендолин Бирс была похищена вчера средь бела дня, перед зданием министерства, на глазах у охраны. Полиция предполагает, что мисс Бирс оказалась жертвой политической акции, цели которой пока не известны. Будет проведено расследование этого беспрецедентного случая, когда преступникам удалось затолкать женщину в машину и увезти, прежде чем кто-либо успел вмешаться.

Пол выключил радио. Чего тут проводить расследование, он уже сейчас может объяснить, как это получилось. Обычно проходит несколько секунд, прежде чем любой очевидец успевает спохватиться, а за это время пара дюжих молодцов вообще могла связать Гвен узлом и сунуть в машину. Правда, Гвен — девушка сильная, крепкая, но уж Полу-то было известно, что с профессионалами ей не совладать. Что же касается охранника, то не поднимать же было стрельбу посреди оживленной улицы в центре города! В лучшем случае он запомнил номер машины, хотя, по всей вероятности, это мало что даст. Даже если номер известен, попробуй найди эту машину.

Первым его побуждением было броситься в полицию. Пол заставил себя сохранить самообладание и попытался еще раз обдумать случившееся. Что он мог бы сообщить полиции? Он, мол, догадывается, почему похитили Гвен: она установила, кто именно из машинисток напечатал тот злополучный список, а это наводит на след похитителей. Но разве ему поверят? Разве станет полиция тратить время, чтобы прийти к тому же результату, что и Гвен? А главное, если полиция займется установлением личности таинственной машинистки, не подтолкнет ли это гангстеров к ответным мерам? Возьмут да и прикончат Гвен, чтобы избавиться от лишнего свидетеля.

Всю жизнь Пол был человеком действия. Вот и сейчас он

рвался действовать — быстро, решительно, эффективно. Надо взять в оборот Бултона — либо здесь, в Лондоне, либо в каком-то из его загородных домов, адреса которых известны. Если же он не застанет Бултона... Пол с досады стукнул кулаком по приборной доске. Значит, вечером он наведается к Хогарти. Отыщет Джона. Они обязаны помочь, это их долг перед Гвен. Но до тех пор он сам будет делать все, чтобы выйти на след Гвен. Будет следить за приманкой в надежде, что крыса высунет свой хищный нос.

Пол Шорт был бы немало удивлен, знай он, какой легкой задачей считает похищение Кима человек, который до этого захватил Эшфорда. Само похищение не составляло для него особого труда, важно было при этом поставить ловушку и для другой добычи. План похитителей отличался логичностью, простотой и легкостью осуществления. А основывался он на том, что Ким лишь накануне нанял телохранителей и еще не успел к ним привыкнуть. Да и "гориллы" не освоились в новой обстановке...

36

Пол и сам не мог бы объяснить, отчего он так гнал машину, до отказа выжимая педаль. "Ситроен" оказался проворнее, чем он предполагал. На поворотах автомобиль кренился набок, словно мотоцикл, однако и не думал заваливаться. Под конец езда стала доставлять Полу чуть ли не удовольствие. Перед зданием издательства, разумеется, не было свободного места для стоянки. Шорту пришлось совершить три круга, прежде чем удалось втиснуть "ситроен" задом между двумя припаркованными машинами. Зато позиция была очень выгодной — прямо напротив здания, и подъезд был виден как на ладони. Пол включил радио в надежде услышать какие-нибудь новости о Гвен и тупо смотрел на моросящий дождь за окном. Никогда еще ожидание не давалось ему с таким трудом: ни перед выброской десанта, ни перед первым парашютным прыжком, ни перед первым свиданием с девушкой.

Войти в здание, где его знали слишком многие, он не решался; теперь он больше никому не доверял. Затем ему вдруг подумалось, что в его отсутствие Ким мог куда-нибудь уехать, поэтому, подойдя к входу в гараж, он заглянул в ворота. "Пежо" Кима был на месте, и какой-то мужчина, прислонясь к капоту машины, курил сигарету.

Успокоенный этим зрелищем, Пол вернулся к своему "ситроену".

Телохранитель изнывал от скуки. Он знал, какую рекламу

делает им Бултон перед клиентами и людьми несведущими: "гориллы" не ведают, что такое скука, они вовсе не страдают от бездействия, а, напротив, копят силы на случай возможной акции. Он не сомневался, что Бултон и сам не верил в это. Мистификация чистой воды, чтобы произвести должное впечатление на непосвященных. Если Бултон когда-либо был профессионалом, то должен прекрасно знать цену этим мучительным часам бездействия. Не отвернись, не отлучись ни на минуту, не вздумай отвлечься разговором, а уж о том, чтобы пропустить кружечку пива, лучше и не помышляй. И все время будь начеку, не расслабляясь ни на миг, ведь если с подопечным, не дай бог, что-нибудь случится, это может оказаться гибельным и для телохранителя. Но постоянно держаться настороже удается лишь в начале карьеры, первые день-два, когда служба рисуется тебе волнующим приключением, а в каждом встречном мерещится враг. Но потом, когда острота новизны притупляется...

Показался местный страж порядка, облаченный в темную униформу: подволакивающий ногу, худой, болезненного вида мужчина с впалыми щеками. "Горилла" знал, что ему необходимо перезнакомиться со всеми местными охранниками — нечего сказать, хороша охрана! — но помнил при этом, что вступать в разговоры при исполнении служебных обязанностей запрещено.

Колченогий сторож приветственно поднял руку — каким-то странным, неуклюжим жестом, словно не был уверен, заслуживает ли штатское лицо подобной чести. Энди кивнул в ответ и сунул руку в карман, нащупывая пистолет. Конечно, у него и в мыслях не было опасаться этого убогого калеки, но таково служебное предписание.

— Разве вам не известно, что здесь нельзя курить?

— В самом деле? — Телохранитель огляделся по сторонам, однако запретительного объявления нигде не увидел. Впрочем, возможно, в гараже правила действительно строже. А, черт с ним, не станешь же спорить! Энди швырнул на пол сигарету и загасил ее подошвой ботинка.

— Ну что за люди такие неряшливые! — Сторож с трудом нагнулся, чтобы подобрать окурок. — И вообще какого черта вам здесь нужно?

Энди, с отличием окончивший курсы при "Профешнл Секьюрити", устыдился собственной невоспитанности и тоже наклонился за своим злополучным окурком. "Я телохранитель мистера Кима", — хотел сказать он, но не успел, потому что его рывком дернули за ноги. Падая, он не испытал страха, лишь подосадовал на себя, что поддался на такой дешевый трюк. Он согнул колени, чтобы защитить себя и нанести удар в лицо нападающего, однако тот не пытался навалиться на Энди, а, ухватив "гориллу" за щиколотки, сделал бросок в сторону. Энди перевернулся на живот и вытащил

пистолет, но не знал, куда стрелять, и в этот момент услышал топот бегущих людей; он судорожно забился, пытаясь высвободиться. К тому моменту, как это ему удалось, было уже поздно. Он почувствовал острую, резкую боль в затылке и потерял сознание.

Шорт знал, что Ким не мог уехать. Выход из здания был единственным, и Пол не спускал с него глаз. Ну а если Ким оставил машину в гараже, а сам отправился пешком? Пол знал, что с его стороны это всего лишь предлог, чтобы вылезти из машины, размять затекшие мускулы и, глубоко вдыхая пропитанный бензином воздух, перейти на другую сторону улицы и заглянуть в гараж.

Ему пришли на ум слова Бултона об умении притерпеться к монотонности, и он был вынужден признать правоту своего недруга. Хорошего телохранителя из него не получилось бы.

Машина Кима стояла на месте, зато тип с сигаретой куда-то пропал. Проглотив ругательство, Пол осторожно шагнул в гараж. Не видно было и сторожа, который обычно околачивался при входе, прощупывая подозрительным взглядом каждого, кто направлялся к автомобильной стоянке. В конце крутого спуска, призрачно отсвечивая при тусклом освещении аварийных ламп, молчаливыми рядами выстроились машины. Почему здесь такая темнотища? Сделав несколько шагов вниз, Пол недвижно замер. Через стекла "пежо" виднелась макушка телохранителя. Облегченно вздохнув, Пол ретировался. Если "горилла" на месте, значит, и Ким никуда не делся и с ним не стряслось никакой беды.

Хью читал, сидя в приемной Кима. Находиться вместе с ним в его кабинете Ким не позволил, сказав, что это помешает его работе. "Горилле" не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться и занять пост в секретариате, в женском обществе. Тут, по крайней мере, грех было жаловаться на скуку. Хью наслушался разговоров о разводах и болезнях, усвоил несколько кулинарных рецептов и даже получил определенного рода предложение. Правда, оно было облечено в столь завуалированную форму, что Хью не осмелился им воспользоваться, хотя женщина была в его вкусе: стройная и грациозная, вроде породистой борзой, с изящными манерами и элегантно одетая. Она всего на минутку заглянула в приемную, но этого времени ей хватило, чтобы двусмысленным намеком вогнать Хью в краску.

Ким распорядился подать ему в кабинет сандвичи, а Хью решил созвониться с дежурившим в гараже Энди, чтобы тот подменил его, пока Хью выскочит перекусить. Телефон в гараже не отвечал. Хью положил трубку и вновь углубился в

чтение, слушая, как от голода у него урчит в желудке. Выждав полчаса, он опять попытался связаться с напарником.

— Спокойно можете отлучиться, молодой человек. В ваше отсутствие мы сами постережем шефа. — Женщины весело рассмеялись, и Хью понимал, какого они мнения на его счет: здоровенный парень попусту прохлаждается здесь, а шефу это удовольствие влетает в копеечку.

— Да уж, на вас вся надежда, — отшутился Хью и вышел из комнаты. В коридоре он внимательно огляделся, однако не заметил никаких подозрительных или праздношатающихся типов. Телохранителям было сказано, что в служебной клетушке при гараже постоянно кто-то дежурит и отвечает на телефонные звонки. Надо взглянуть, в чем там дело. В лучшем случае сторож заснул или отлучился в пивную напротив. А в худшем... У Хью сжалось сердце. Неужели Энди не слышал его звонков?

Хью вошел в лифт. Кроме него в кабине находилось пятеро: двое мужчин и три женщины.

— Простите, — сказал Хью и, протянув руку через плечо одного из мужчин, нажал кнопку цокольного этажа.

— Пожалуйста, — предупредительно отозвался тот и посторонился. Пальто мужчины распахнулось, и в руке у него появился внушительный длинноствольный пистолет.

— Спокойно! — услышал Хью сзади и почувствовал, как в спину ему уперлось нечто твердое. Он не был трусом, но не был и безумцем и очень хорошо знал, когда нельзя двигаться. Из присутствующих женщин две вообще не заметили случившегося, с задумчивым видом уставясь на стенку кабины — по обычаю большинства пассажиров лифта. А вот третья видела все; рот ее приоткрылся в гримасе немого ужаса, зато глаза засветились любопытством. Хью отвел взгляд в сторону. Хоть бы гангстеры не обратили на нее внимания! Ведь эта женщина — единственный свидетель, который, выйдя из лифта, сразу же может вызвать полицию.

Все три женщины вышли на первом этаже. Та, что заметила сцену в лифте, робко обернулась, и Хью лишь на миг увидел ее лицо, пока дверца лифта не успела захлопнуться. Когда дверца вновь распахнулась — уже на цокольном этаже, — Хью понял, что сейчас — самое время действовать, однако ему не оставили ни единого шанса. Его оглушили ударом — не исподтишка, а в открытую, но он был лишен возможности защищаться.

37

Ким лишь слегка удивился, когда обнаружил в приемной незнакомого молодого человека. Значит, и эти двое сменяют друг друга; Бултон говорил ведь, что один из телохра-

нителей неотлучно будет находиться при нем. Второй охранник — Энди или Хью, Ким так и не успел разобраться, кто из них кто, — будет дежурить в машине.

Этот молодой человек тоже был вежлив и прилично одет. Проворно вскочив с места, он распахнул перед своим подопечным дверь. От внимания Кима не укрылось, что телохранитель незаметно окинул взглядом коридор, прежде чем пропустить туда шефа. Такая предусмотрительность благотворно подействовала на взбудораженные нервы Кима.

В машине никого не было. Ким бросил вопросительный взгляд на своего сопровождающего, но в этот момент вспыхнули фары "остина", и Ким успокоился. Ему нечего бояться, он в руках профессионалов.

Пол как раз переключал станции приемника, когда в дверях гаража появился плоский, широкий нос "пежо". Выпустив рычажок приемника, он поспешно включил мотор и готов был рвануть с места, когда вспомнил про машину сопровождения и нажал на педаль тормоза. "Остин" выехал со стоянки чуть погодя. Пол выждал еще несколько секунд, затем влился в поток машин. Не слишком церемонясь с приближающимся такси, он дал газ. Маленький "ситроен" устремился вслед за "остином". Пола раздражала сложившаяся ситуация, у него было ощущение, будто он беспомощно плетется в хвосте событий, последним звеном длинной-длинной цепочки. Все мысли его заняты Гвен, у него одно желание — отыскать ее, а ему не остается ничего другого, кроме как выслеживать Кима. И если бы он, по крайней мере, следовал за Кимом, а не вынужден был тащиться за машиной сопровождения!

Однако Пол не решался обогнать "остин". О Гвен по радио не передали никаких новых сведений. Не ясно было также, на чем основаны предположения о политической подоплеке дела. Шеф Гвен не был сколько-нибудь значительным политическим деятелем, он не руководил контрразведкой и не имел отношения к борьбе с терроризмом. Размышляя об этом, Пол рассеянно следил за темно-зеленым "остином" впереди. Автоматически двигаясь по направлению к дому Кима, он чуть было не упустил из виду "остин", когда тот свернул влево.

Пол резко затормозил и, пренебрегая дорожными правилами, не обращая внимания на отчаянные гудки водителей, на испуганно шарахнувшихся пешеходов, развернулся и помчал против движения назад, к перекрестку. Ему нужно было свернуть вправо. Навстречу, не замедляя хода, мчался автомобиль, и на мгновение у Пола застыла кровь в жилах. Затем он тоже прибавил газу. Ему знаком был подобный тип водителей, которые предпочитают угодить в катастрофу, лишь бы не уступить своего преимущества. Но на сей раз он тоже не намерен был идти на уступки.

Пол слышал непрерывный рев клаксона, видел приближающийся со скоростью ракеты спортивный "ягуар", чувствовал, как судорогой сводит пальцы, вцепившиеся в руль.

В последний момент он все же крутанул руль в сторону. Мчащийся навстречу лихач сделал то же самое. Послышался скрежет металла, и машины, процарапав друг друга кузовами, разминулись.

Пол, не останавливаясь, помчался дальше. "Остин" скрылся из вида, и у Пола не было другого выхода, кроме как ехать в том направлении, куда свернул зеленый автомобиль. Он отчаянно пытался выжать из "ситроена" бо́льшую скорость. Господи, ну почему он поехал не на своей машине, почему отказался от мотоцикла Мака?

Услышав позади автомобильный гудок, он глянул в зеркальце: "ягуар". Выходит, упрямый водитель не желал считаться с поражением. Пол и не думал уступать ему дорогу; если надо, тот все равно обгонит "ситроен". Водитель "ягуара" так и поступил. Бордовой полоской мелькнул бок автомобиля, затем вспыхнул стоп-сигнал, и "ягуар" встал поперек дороги. Шорт, чертыхнувшись, вынужден был остановиться.

Из "ягуара", потрясая кулаками, выбрался мужчина — плотный, лысеющий блондин в кожаной куртке и брюках со множеством карманов на молниях. Пол потянул на себя ручной тормоз. Мужчина распахнул дверцу "ситроена" и толстыми пальцами ухватил Пола за шиворот. Пол отбросил последние колебания. Вроде бы не выказывая сопротивления, он вылетел из машины и при падении ударил владельца "ягуара" зонтом в поддых. Потом упал на бок и выбросил вперед руку для защиты на случай, если мужчина попытается пнуть его ногой. Но тот оказался слабаком. Пол никогда не мог понять, отчего иные задиры так любят лезть в драку, не освоив даже элементарных приемов. Вскочив на ноги, он обрушил молотоподобный удар на голову незадачливого драчуна, подхватил его, прежде чем тот упал наземь, и затолкал бесчувственное тело в "ситроен". Взяв свою сумку, Пол бегом устремился к "ягуару".

Ситуация резко изменилась. В считанные секунды удалось развить прямо-таки головокружительную скорость. "Ягуар" жадно поглощал милю за милей, и от этой стремительной гонки у Пола быстрее забилось сердце, а в душе пробудился воинственный пыл.

Через несколько минут он увидел впереди темно-зеленый "остин". Теперь уже не оставалось сомнений, что Ким едет не домой. Но по собственной ли воле — вот в чем вопрос. Впрочем, как и когда его могли похитить? Пол сбавил скорость, чтобы держаться не слишком близко к "остину". Маленький караван двигался среди пологих холмов Кента. Хотя Лондон и находился неподалеку, дома стали попа-

даться реже, зато поля сделались обширнее, а аллеи — гуще, чем в тех краях, к которым привык Пол. Вдоль шоссе проходила железная дорога, и Шорт, бросив взгляд в сторону, увидел в окне поезда ребенка, машущего рукой. Он махнул в ответ. Надо бы как-то сообщить Кристине, чтобы та заявила в полицию: у нее, мол, угнали оставленную возле дома машину.

"Остин" свернул на проселочную дорогу, типичную для английского пейзажа, ухоженную, но узкую, ветки деревьев с обеих сторон задевали машину; время от времени попадались небольшие площадки, чтобы можно было пропустить встречный транспорт. Дорога шла легкими изгибами, и, будь сейчас лето, кусты и деревья полностью скрывали бы от Пола "остин", но сейчас ему не составляло труда выхватывать глазом движущееся темно-зеленое пятно среди голых, бурых ветвей.

Вдали показалась небольшая усадьба, вернее, хутор. Над крышей дома вилась струйка дыма; возле главного строения стояла просторная конюшня, а вокруг раскинулись ровные участки пашни. "Остин" направился к дому, а Пол остановил машину у обочины и вылез наружу. Достав из сумки дорогостоящий бинокль с указателем расстояния, он поднес прибор к глазам. Машина Кима припарковалась у дома. Вокруг не было видно ни души, окна дома закрывали плотные тюлевые занавески. Шорт колебался, как поступить. Вызывать полицию не входило в его намерения. Дело это принадлежало ему, и пожинать лавры он тоже хотел сам. С остальными было условлено, что, в случае, если Кима похитят, он не станет вмешиваться, а выследит похитителей и по телефону даст знать Маку. Командос сумеют освободить пленника не хуже полиции. В конце концов, это их профессия, да и полиция в аналогичных случаях обращается за помощью к "парашютистам", если, конечно, полицейское начальство не боится уронить свой престиж.

Но сейчас Пол не знал, как поступить. Он не заметил ничего подозрительного. Правда, Ким, вместо того чтобы отправиться домой, зачем-то приехал в это уединенное место. Ну а если у него здесь свидание с любовницей и в самый кульминационный момент они, забросав дом гранатами со слезоточивым газом и дымовыми шашками, всей группой с автоматами в руках вломятся в окна-двери? Представив себе эту картину, Пол улыбнулся. Но можно ведь поставить вопрос и по-другому. Что если Ким, которого он, Пол, подставил под удар, в данный момент находится в опасности, а он не решается броситься на выручку, боясь попасть в неловкое положение?

Решение было принято. Собственно говоря, Пол прекрасно знал, как он поступит, еще до того как для успокоения совести перебрал в уме возможные варианты. Он поступил

так, как ему хотелось, и был рад, что к тому же нашел для своих действий оправдательный предлог. Оглянувшись по сторонам и окончательно убедившись, что поблизости никого нет, Пол начал раздеваться. Снял свой сшитый на заказ и некогда модный костюм, снял белую рубашку, галстук и достал из спортивной сумки комбинезон защитного цвета. Надел пояс, прикрепив к нему обоюдоострый, с зазубринами, как у пилы, кинжал, сунул в карман несколько метательных дротиков, пристегнул под мышкой кобуру с браунингом и ремешком прикрепил к сапогу небольшую "беретту". Теперь оставалось лишь рассовать по карманам прочие мелочи: запасные патроны, связку отмычек, миниатюрный фотоаппарат, петарды, известные под названием "бенгальские огни"; они вспыхивают необычайно ярко, а затем, рассыпавшись снопом искр, угасают. Если человек застигнут этой вспышкой врасплох и не успевает вовремя зажмурить глаза, то он на несколько минут слепнет.

Затем Пол прихватил с собой пустую сумку, еще раз внимательно проверил, не оставил ли он в машине каких-либо предательских улик, и ровным, размашистым шагом двинулся к хутору.

Тип постройки был знаком Шорту. Не обязательно входить внутрь, он и без того отчетливо представлял себе расположение помещений внутри, двор позади дома, просторную, светлую кухню, а под лестницей — спуск в подвал. Как-то раз именно в таком хуторском доме у них проходили учебные занятия: будущие командос должны были высвободить томившихся там "заложников". Пол и поныне не знал, отчего инструкторы облюбовали именно этот дом под предполагаемую резиденцию террористов. Возможно, причина и в самом деле была простой, как объяснил сержант, когда вечером они споласкивали под душем усталые тела: интендантам удалось по дешевке снять этот дом.

Пол подобрался к дому так близко, насколько позволяла разумная осторожность, а затем, присев на корточки, приготовился ждать. Если Ким действительно похищен, то сейчас ворваться в дом было равносильно самоубийству. Необходимо дождаться, пока стемнеет, хотя бы настолько, чтобы можно было надеяться: его не заметят сразу же, как только он выйдет из-под прикрытия последнего деревца. Он не испытывал волнения. Нервозность держалась лишь до начала действий. А это выжидание уже было частью акции. Любопытно, что теперь оно больше не изнуряло Пола. Он не смотрел поминутно на часы и не чувствовал себя связанным по рукам и ногам.

Выбросив из головы мысли о Гвен, прогнав тревожные предположения о том, что ждет его в доме, он спокойно следил, как растут и исчезают тени. Вот кто-то захлопнул ставни на окнах, затем внутри зажегся свет. Пол встал, потянулся,

размял одеревеневшие суставы и мышцы. Еще раз проверил снаряжение и двинулся к дому.

38

Мужчина, затаившийся в темном чердачном помещении, облегченно вздохнул.

— Ну, наконец-то! — Поднеся к глазам прибор ночного видения, он еще раз оглядел приближающегося человека. Не отрывая бинокля от глаз, левой рукой он потянулся к стоявшему рядом телефону внутренней связи. — Идет! — сказал мужчина в трубку. — Да, — ответил он на какой-то заданный ему вопрос. — Не беспокойтесь, я не спущу с него глаз.

Промчавшись по скользкой, влажной траве, Пол одним прыжком перемахнул через невысокую ограду. Не замедляя темпа, побежал дальше, к конюшне. Прижавшись к стене, он замер, скрытый густым полумраком. Он не чувствовал усталости, но от быстрого бега дыхание все же участилось. Пол ждал, пока дыхание выровняется, и настороженно прислушивался. Не слышно было ни скрипа дверей, ни лая собаки, почуявшей чужого. Теперь уже не было нужды торопиться. Он шел медленным, ровным шагом, вглядываясь в землю под ногами, вслушиваясь в знакомые шорохи близящейся ночи. Отворив трухлявую дверь, он вошел в конюшню. Здесь было пусто, лошадей в стойлах не было, сена в кормушках тоже. Картина была унылая, удручающая. Шорт включил карманный фонарик, чтобы видеть, куда ступает, и, идя вдоль длинной, побеленной стены, почти ощущал характерный конский запах.

Стекло в маленьком оконце на противоположной стороне конюшни было выбито. Шорт сунул в карман приготовленный было алмаз и выглянул в оконце. Нигде ни души. Подпрыгнув, он ухватился обеими руками за балку и, раскачавшись, вылетел в окно ногами вперед. Мягко приземлившись, он замер на корточках, как и в самом начале акции. Выждав несколько минут, двинулся дальше. Пока все шло как по маслу, гораздо легче, чем на учебной тренировке. Возможно, именно это его и смущало. Не было ни охраны, ни сигнализации, ни скрытых ловушек. Возможно также, была еще какая-то причина, но только его не отпускало странное, неопределенное чувство, будто за ним откуда-то следят. Пол еще раз внимательно огляделся. Дом стоял, погруженный в безмолвие. Верхний этаж наглухо закутался в темноту, а на первом этаже сквозь ставни просачивался слабый свет.

Тогда, во время учений, позади дома стояло дерево, с которого можно было перепрыгнуть на крышу. Здесь таких удобств не приготовили. Попытаться проникнуть снизу? Пригнувшись, Пол побежал к дому. До ближайшего окна было далеко, до двери тоже. Зато поблизости оказалась кладовка. В малюсенькое оконце кладовой, конечно, не протиснуться, но можно просунуть руку и проволокой открыть задвижку задней двери.

Пол вытащил из кармана небольшой, размером с тюбик губной помады, флакончик и сбрызнул заржавелые петли. Снова пришлось ждать. Настороженно прислушиваясь, он все пытался определить, что же не дает ему покоя. Может, повернуть назад, пока не поздно?

Конечно, он не поддался соблазну убраться восвояси, а вместо этого подошел к оконцу и посветил внутрь кладовки. Тонкий, но сильный луч фонарика позволил разглядеть сквозь запыленное стекло пустые банки из-под варенья, две-три жестянки консервов и несколько канистр для бензина. Ничего особенного, если... если не считать странным отсутствие в таком большом доме соответствующего запаса консервов и обычных хозяйственных средств. Наложив на стекло небольшой резиновый кружок, Пол обвел алмазом его контуры, вынул вырезанный кусок стекла и осторожно положил рядом с собой на землю. Расправив "проволоку" — тонкий, но прочный стальной стержень, — он завинтил крохотным гаечным ключом винтики и приладил к концу стержня крючок. Просунул в отверстие руку и отодвинул засов.

Растворяющий ржавчину распылитель сделал свое дело: дверь распахнулась без малейшего скрипа. Прежде чем войти в кладовку, Пол приготовил браунинг. Тревожное чувство в нем все усиливалось, и он несколько успокоился, когда ладонь привычно сжала рукоятку пистолета.

Изнутри кладовка оказалась не запертой. Шорт очутился в пыльном коридоре. В кухне горел свет, но голосов не было слышно. Из комнаты доносился приглушенный гул, слишком равномерный, чтобы быть разговором. Скорее всего там попросту был включен телевизор.

Прижавшись спиною к стене и осторожно переступая, он прокрался к кухне. Дверь была полуоткрыта, и первой его мыслью было проскользнуть мимо нее так, чтобы изнутри его не заметили. Но в следующую секунду он передумал и ворвался в кухню, держа перед собой пистолет наготове, чтобы с ходу начать стрелять, броситься на пол, метнуться в сторону.

Все эти меры оказались излишними. Кухня была пуста. Горели все лампы, однако не было ни малейших следов хоть какой-нибудь стряпни; похоже, здесь даже чая не кипятили. И снова это напомнило Полу учебную тренировку, ког-

да инструкторы сочли излишним придать обстановке правдоподобие — скажем, насытив кухню запахами отварной баранины.

А здесь скорей пахло засадой. Пол резко повернулся к двери. До сих пор он слишком часто позволял застать себя врасплох, слишком часто попадал в лапы противника, подобно наивному дилетанту. На сей раз он не может этого допустить.

В кухне никто его не подстерегал, но Полу пришлось преодолеть немалое внутреннее сопротивление, чтобы заставить себя идти дальше.

Во время тренировки они всегда знали заранее, в какой части дома находится противник. А сейчас? В комнате они затаились, что ли? Полу, как всегда в подобных ситуациях, вспомнился собственный дед, который во времена завоевания колоний безо всякой специальной подготовки и сложных технических ухищрений врывался в подозрительные дома.

— А-а, черт! — ругнулся Пол. Подскочив к двери, он распахнул ее резким толчком ноги, метнул вперед петарду и, крутнувшись через правое плечо, влетел в комнату.

39

События разворачивались не совсем так, как они предполагали. Подбиравшийся к дому Шорт скоро скрылся за стеной конюшни, и оставалось только гадать, когда он проникнет в дом. Как проникнет — было ясно: через одно из окон нижнего этажа. Хозяева хутора нарочно закрыли ставни неплотно, чтобы в щель было видно: внутри никого нет. В кухню и комнату он, конечно, заглянет, а вот куда проследует потом? В подвал либо на второй этаж. Но, скорее всего, он станет искать пленника в подвале. Тогда дело уладится наиболее простым способом: достаточно будет снаружи запереть дверь подвала. Ну а если незваный гость предпочтет начать со второго этажа, там ему приготовлен другой сюрприз.

Теперь Шорт был абсолютно уверен, что угодил в западню. Он не мог понять, откуда гангстеры узнали, что он появится здесь; впрочем, возможно, встреча подготовлена не ему лично, а просто тут применяется иная система охраны. Ведь за всей литературой не уследишь, и не исключено, что теперь такая мода: вместо стражников, не пускающих вас на порог, непрошеному посетителю дают войти в дом, а затем, улучив удобный момент, набрасываются на него. Хозяева дома знают, что он здесь, и, затаившись в засаде,

выжидают момент, чтобы с наименьшим риском захватить его. Иначе какой смысл было оставлять в комнате свет и включенный телевизор, перед которым выстроились в ряд пустые кресла? Как объяснить отсутствие каких бы то ни было следов стряпни на кухне и зловещий мрак и тишину в остальных уголках дома?

Выключив свет, Пол метнулся к окну, распахнул его и выскочил наружу. Едва коснувшись земли, он со всех ног помчался прочь и удовлетворенно улыбнулся, услышав, как одинокий, заброшенный дом вдруг сразу ожил. Скрипнули открываемые окна, прогремел выстрел, донесся какой-то выкрик, но слов он не разобрал. Добежав до купы деревьев, Пол бросился на землю и обернулся назад. Дверь дома была распахнута настежь, оттуда выбегали одетые во все темное люди, направляясь прямиком к тому месту, где он залег. Пол дважды выстрелил наугад, просто чтобы задержать их. Откуда же за ним наблюдают? Обшарив взглядом фасад дома до самой крыши, он обнаружил слуховое окошко. Охотнее всего он дал бы сейчас хорошего пинка самому себе: надо же было допустить такую оплошность! Под прикрытием кустарника он сделал рывок в сторону. Темные фигуры, залегшие было под выстрелами, короткими перебежками подались за ним вслед.

Все ясно, подумал он, выбирая такую позицию, чтобы из чердачного оконца его не было видно. Теперь он целился тщательно и долго, словно в тире. Ветки розового куста подрагивали на ветру. Прицелясь в середину оконца, Пол сделал один-единственный выстрел, после чего вскочил и помчался прочь. Петляя, он отбежал метров на сто от хутора и оглянулся. Преследователи рассыпались цепочкой, пытаясь охватить его с флангов. Теперь, когда человек на чердаке, отчетливо видевший каждое его движение, перестал наводить их на след, у Шорта появилась надежда из дичи превратиться в охотника, даже несмотря на неравные силы. Подпрыгнув, Пол ухватился за толстый сук дерева и подтянулся на руках. Сунув пистолет в кобуру, он затаился на дереве, готовый к прыжку.

40

Дело оборачивалось куда как скверно. Дичь попала было в капкан, но тотчас выскользнула оттуда. Мужчина, поставивший этот капкан, не привык ругаться, но сейчас на язык просилась грубая брань, усвоенная еще в далекой молодости. Правда, он не привык и к другому: чтобы его выставляли на посмешище, срывая планы. Сбежав по ступенькам в под-

вал, дрожащими от волнения руками он отпер замок. При виде его пленники испуганно забились в угол.

— А ну, выходи! — скомандовал он. — Марш!

Жертвы не двигались. Мужчине хотелось заорать на них во всю глотку, но именно этого ему не было дано: лет сорок назад в поножовщине его полоснули бритвой по горлу, и с тех пор он разговаривал только шепотом. Это было его особой приметой. Он понимал, что Кима теперь придется убрать, и на миг почувствовал искушение не оттягивать конец. Но затем в нем все же возобладал здравый смысл. Эта парочка представляет ценность, лишь покуда жива. Рыжая бабенка напичкана информацией, которая может стать жизненно важной, пока не изловили ее растреклятого приятеля. Ну а другой... тот принесет как минимум сто пятьдесят тысяч чистыми и превосходную рекламу. Надо быть сущим идиотом, чтобы пренебречь такой возможностью.

Подойдя ближе, он сунул дуло пистолета Киму под подбородок.

— Я сказал: выходи отсюда! — грозным шепотом повторил он и подтолкнул пленников к лестнице. Расстояние от дома до машины они преодолели бегом. Надо смыться, пока не нагрянула привлеченная выстрелами полиция или не подоспели союзники этого полоумного Шорта — словом, пока путь свободен. Пятерка его людей уж как-нибудь справится с одним налетчиком или, во всяком случае, задержит Шорта, давая время угнать машину с заложниками. Затем останется перенести в "остин" труп бедняги Айвора, после чего можно будет сматывать удочки и всей команде. А Шорту он подготовит новый капкан — понадежнее, из него добыче не выскользнуть. Мерзавец, опрокинул все его расчеты, убил Айвора и принудил к бегству его самого! Ничего, Шорт за это жестоко поплатится.

Пол видел, как на пороге дома появились люди и бегом устремились к "пежо". Вроде бы их было трое. Затем открылась дверца машины, и даже при неярком внутреннем освещении Пол узнал стройную фигуру Гвен и ее рыжеватую гриву. Едва удержавшись от вскрика, он ухватился за ветку, чтобы не упасть.

Конечно, если бежать что есть мочи, то можно домчаться до "ягуара" минут за пять. Взревел мотор "пежо", и машина, взвизгнув колесами, с места взяла высокую скорость. Промчав метров двести, водитель включил фары. Нет, бежать не имеет смысла: за пять минут "пежо" укатит бог знает куда. Да и до "ягуара" ему добежать не дадут — сразу же всадят пулю в спину.

Трудно было удержаться, и все же Пол не двинулся с места. Напрягая зрение, он высматривал врагов в сгустившемся сумраке. Их было четверо или пятеро. Пол сосредо-

точил внимание на том, кто находился к нему ближе других. Гангстер подбирался осторожно, держа оружие наготове, и непрестанно вертел головой из стороны в сторону. При каждом шорохе он вздрагивал, подозрительно вглядываясь в заросли кустов и деревьев. Зрелище льстило самолюбию Пола: никак не скажешь, будто бандиты его не боятся.

Шорт рассчитывал, что противник пройдет вблизи дерева, на котором он затаился, и можно будет сверху броситься на него. Но его расчет не удался. Это лишь в приключенческих фильмах героям всегда везет, ну и на тренировках этот трюк отрабатывал с ними инструктор, который, вероятно, в юности увлекался приключениями Робин Гуда.

На сей раз прием не сработал. Гангстер прошел метрах в четырех от него. Шорт дождался, пока тот скроется за деревьями, и мягко скользнул вниз. На мгновение он повис на руках — ведь, соскочи он сверху, шум был бы услышан, — затем выпустил ветку. Бросившись на живот, он откатился в сторону. Пол старался проделывать все бесшумно, однако все же привлек внимание врага. Обернувшись на шорох, тот прочертил карманным фонариком неуверенный круг и тотчас выключил свет. Его страх был на руку Шорту. Даже если предположить, что Шорт не намерен перестрелять их всех поодиночке, то все равно ясно: человек с зажженным фонариком в руках представляет собой отличную мишень. Противник осторожно приближался. Кроме темноты, Пола сейчас ничто не скрывало. Пол был не трусливого десятка, но сейчас он чувствовал, как внутри все захолонуло и капли пота выступили на лбу и на затылке. "Отличная психологическая ловушка, — так отзывались об этом тактическом решении специалисты. — Но для этого требуются крепкие нервы". До сих пор Пол считал, что нервы у него в порядке, но сейчас усомнился в этом. Нужно замереть неподвижно и прикрыть лицо рукавом — тогда полностью растворишься в темноте. Противник мог бы тебя заметить, смотри он в твою сторону, но он смотрит не на тебя, а туда, где стал бы прятаться любой нормальный человек. В данном случае это было чахлое деревце с высокой травой у подножия — предполагаемое укрытие напротив того места, где лежал Пол. Мужчина с пистолетом наготове сделал неуверенный шаг вперед.

Пол чувствовал, что больше не выдержит ни секунды. Ведь стоит ему чуть шевельнуться или хотя бы вдохнуть поглубже — и в него всадят пулю, а он лишен малейшей возможности защититься. У этого типа от страха душа ушла в пятки, и он, конечно же, пальнет не раздумывая.

Их разделяло расстояние метра в два. По инструкции полагалось бы сейчас запустить камешком в дерево напротив, чтобы еще больше отвлечь внимание противника, но на

практике это не так легко осуществимо. Попробуй тут бросать камешки, когда до противника — рукой достать...

Подходить ближе проклятый малый не захотел. Повернув, он зашагал в противоположном направлении; возможно, его успокоила тишина, а может, напротив, он побоялся, что если продолжит поиски, то, чего доброго, наткнется на затаившегося противника.

Оставался последний шанс настичь врага, пока тот находился близко. Последний отчаянный шанс: и шума больше, и риска, но Пол с радостным облегчением воспользовался им. Поджав под себя ноги, он оттолкнулся и рыбкой бросился вперед, еле-еле успев схватить мужчину за щиколотки. Рывок — и противник упал, но при падении выстрелил из пистолета. Полу теперь уже было все равно. Навалившись на врага, он ударил его по запястью, чтобы выбить оружие, а другой рукой, ухватив за волосы, резко запрокинул ему голову. В тот же миг, выхватив широкий, острый, как бритва, нож, приставил лезвие к горлу противника. Оба затихли, и в наступившей тишине явственно были слышны приближающиеся шаги и оклик.

— Скажи им: "Все в порядке, вышла ошибка", — чуть слышно прошептал Пол. — Или... — в дальнейшие объяснения он не стал вдаваться и чуть ослабил хватку, чтобы противник смог выдавить из себя нужную фразу.

— Простите, ребята, — крикнул тот вполне убедительным тоном. — Мне показалось, что я его обнаружил.

Шаги удалились. Дилетанты, презрительно подумал Пол, а строят из себя суперменов... Возможно, в чем-то другом они и сильны, но в тактике борьбы под открытым небом — сущие профаны. Ни один из командос не поддался бы на такую уловку. "Видно, с нервами у тебя плоховато", — шутливо откликнулись бы они, а сами бесшумно поползли бы к тому месту, где прозвучал выстрел. А может, и эти поступят так же? Никаких подозрительных звуков не было слышно, однако надо было спешить. Пол снова запрокинул голову мужчины так, что острый кадык, казалось, пропорет кожу, и приставил ему к горлу нож.

— Куда повезли заложников?

— Не... знаю.

— По два раза переспрашивать не стану. Сейчас ты смолкнешь навеки, зато кто-нибудь из твоих дружков окажется разговорчивей. Подыхать никому неохота.

Пол с такой убежденностью произнес эти слова, что и сам почти поверил в них. Перерезать глотку беспомощному человеку... Конечно же, ему это претит, но стоило Полу вспомнить про Гвен, и он перестал считать свою угрозу пустой.

Человек, к горлу которого был приставлен нож, ничуть не сомневался в том, что Пол свою угрозу осуществит.

— Наверное, в дом на Бейкер-Хилл. Или в лондонскую резиденцию.

— Адрес?

— Эмбер-стрит, 3.

— А на Бейкер-Хилл?

— Кинсвуд-Менор.

Пол отвел нож от горла противника и рукояткой ударил его по голове. Конечно, за этот удар пострадавший его тоже не поблагодарит, зато останется жив. Через день-другой даже голова болеть перестанет, но сейчас на какое-то время он выведен из строя.

Скользнув в сторону, Пол растворился во мраке. Ему удалось побороть желание бежать отсюда сломя голову. Бежать теперь бесполезно: у "пежо" преимущество в добрых десять минут, его не догнать. И вообще следует держаться так, словно имеешь дело с профессионалами. Пол прижался к стволу дерева, решив выждать еще пять минут, а потом не спеша удалиться. Но ему не пришлось ждать так долго. Не прошло и минуты, как он услышал легкий шорох. Звук был едва уловимый, и Пол не услышал бы его, если бы в это время двигался сам. Человек приближался почти бесшумно — насколько это под силу европейцу, одетому в городской костюм и пробиравшемуся в темноте среди деревьев. Но это явно был профессионал, и Шорт с благодарностью вспомнил инструктора, внушавшего ученикам, что ни при каких обстоятельствах нельзя недооценивать противника. Слова эти принадлежали не Диру — тот как раз недооценивал противника, а японцу-полицейскому, который в течение месяца вел у них на курсах занятия. Демура — вот как его звали. Курсанты думали, что он будет обучать их различным приемам, однако щуплый, седовласый и скромно одетый мастер преподал им основы стратегии и тактики, облеченные в афористичную форму восточных сентенций.

Ясно одно: вздумай Шорт сразу же не спеша удалиться, этот неслышно подкрадывающийся человек услышал бы его шаги, и Пол снова превратился бы в выслеживаемую дичь. Шорт полез в карман за дротиком. Ему вспомнилось еще одно поучение японца: вступай в борьбу лишь в том случае, если без этого не обойтись. Чужое обидное слово, наглый взгляд, дурное настроение — все это не повод для схватки. Но уж если вступил в борьбу, то пощады не давай. Пол понимал, что Демура абсолютно прав. Нельзя же иначе обезвредить этого типа без шума, кроме как метнув в него дротик! Но ведь он-то, Пол, — европеец, черт побери! Выпустив нож, он набрал в грудь побольше воздуха. Если его сейчас застрелят — поделом ему.

Отделявшее их расстояние Пол преодолел в три шага. Мужчина насторожился при втором его шаге, а при третьем обернулся к нему лицом. Но Пол уже настиг его. Он не стал

выхватывать у противника пистолет — его слишком долго муштровали, чтобы он мог допустить такую грубую ошибку. Широким, размашистым движением, вложив в него всю силу плечевых мышц, инерцию своих восьмидесяти пяти килограммов — словом, все тело и душу, — он нанес противнику удар в висок. И когда тот мешком рухнул на землю, Пол медленно выпустил воздух из легких. Вот теперь можно было не спеша ретироваться.

41

Пол не сомневался, что "ягуар" уже объявлен в розыск, но другой машины у него не было. Выбравшись с проселочной дороги на шоссе, он, немного поколебавшись, свернул к Лондону. Если его не обманывает память, то где-то здесь неподалеку должна быть бензоколонка. Память его не подвела. Бензоколонка уже закрылась, и все же Пол не рискнул подъехать слишком близко к слабо освещенному домику. Не хватало еще, чтобы его заметили ненароком и дали знать в полицию. Пока объяснишь что к чему, "пежо", считай, и след простыл.

У бензоколонки Пол отыскал телефонную будку и позвонил Маку. У того, естественно, оказалась под рукой карта, и он мигом растолковал Шорту, где находится Бейкер-Хилл: в каких-то восьмидесяти километрах от того места, откуда сейчас звонил Пол. Для спортивного автомобиля — плевое дело, если, конечно, не задержит полиция. Мак вызвался прощупать обстановку в лондонском логове бандитов и лишь недобро рассмеялся в ответ на просьбу Шорта вести себя осмотрительно.

Мак всегда отличался излишней дерзостью поступков, но сейчас некогда было раздумывать над этим. Шорт бегом помчался к машине, припаркованной метрах в ста от бензоколонки, и немедля двинулся в путь. Лишь теперь он по-настоящему обрадовался тому, что удалось сменить машину. Ему еще ни разу не доводилось иметь дело с таким быстрым и мощным автомобилем, и поначалу он вел очень неуверенно. Он не знал, на какой скорости брать поворот, тормозил слишком поспешно, с запозданием переключал скорость, не решаясь выжать из спортивного, обтекаемой формы "ягуара" все, на что тот был способен. Но сейчас, похоже, Пол стал к нему привыкать.

Движение на шоссе было небольшое, так что можно было включить фары и не щадить лошадиных сил. Проезжая через отходящие ко сну городки и вымершие селения, Пол слегка замедлял ход. Он улыбнулся при мысли, какую реакцию у людей он мог вызвать, если бы ему пришлось где-

нибудь остановиться. В пропыленном комбинезоне, с боевым кинжалом у пояса, с карманами, битком набитыми опасными игрушками, и за рулем шикарной машины он мог бы произвести на обывателей впечатление спятившего миллионера, которому захотелось поиграть в войну. А каждый полицейский при виде него тотчас схватился бы за оружие.

Бейкер-Хилл совсем не отвечала своему названию, никакого холма и в помине не было. Маленькая деревушка, по сравнению с которой Менсток, где жил Дир, можно было счесть мегаполисом. Дома стояли вразброс и на приличном расстоянии один от другого, а посередине находилось нечто вроде центральной площади с почтой, питейным заведением, аптекой и церковью. Пол замедлил ход; ночью, при свете фар допотопные домишки выглядели зловещими декорациями к фильму ужасов.

На площади не было ни души, лишь распивочная была открыта, но Полу не хотелось появляться на людях в таком виде. Выключив мотор, он распахнул дверцу машины. Странно действовала эта внезапно наступившая тишина, нарушаемая мирными деревенскими звуками: отдаленным, чуть слышным лаем собак, неумолчным треском сверчков. Холодный, напоенный влагой воздух хлынул в машину, прогоняя усталость. Пол какое-то время выждал, однако прохожие не появлялись; все жители деревушки, кому вздумалось сегодня заложить за воротник, уже сидели в распивочной и пока не собирались ее покидать. Отстегнув кинжал и пистолет, Пол швырнул их на заднее сиденье. Без оружия он, пожалуй, не вызовет особого переполоха.

В распивочной прохлаждалось всего лишь несколько человек. Не пивная, а жалкая дыра: обшарпанная деревянная стойка — ни намека на надраенную до блеска медную обшивку; добродушного бармена, разливающего по кружкам десятка два сортов пива, нет и в помине, да и несмолкаемого гула человеческих голосов здесь не услышишь. Словом, эта забегаловка ничем не напоминала уютные пивные, к которым привык Пол. На металлических стульях, обтянутых красной искусственной кожей, неудобно примостились несколько бедолаг, которых занесла сюда злая участь; один из посетителей, ткнувшись головой в пластиковую столешницу, спал. Расплывшуюся вокруг его головы лужу, будь она покраснее, можно было принять за кровь, однако, судя по запаху, это было бренди. За стойкой торчала высохшая старушонка, облаченная в халат не первой свежести. Она была занята тем, что переливала какую-то жидкость из большой бутылки в маленькую, и даже не взглянула на нового посетителя.

"Господи, куда это меня занесло!" — подумал Шорт, а вслух, обращаясь ко всем присутствующим, произнес:

— Добрый вечер!

Ответа не последовало. Пол подошел к стойке и уже готов был по привычке облокотиться на нее, однако его вовремя удержали застарелая вонь пролитого алкоголя и липкие разводы.

— Не скажете, где здесь Кинсвуд-Менор? — спросил он.

Старуха отставила в сторону свои бутылки и обратила на него взгляд. Зря только снимал оружие, подумал Пол, заявись я сюда с пулеметом на плечах, тут и глазом не моргнули бы.

— Кинсвуд-Менор? — переспросила бабка, выговаривая это название как "Кенсуд"; возможно, таковы здешние нормы произношения, но, скорее всего, по-иному ей и не выговорить своим беззубым ртом. — Пойдете вон туда, наверх, значит, к каштановой роще, а там свернете направо и прямо упретесь.

Шорт знал цену подобным указаниям. "Прямо упретесь" — но до тех пор надо будет раз десять свернуть вправо-влево и миновать пяток дворов.

— Как он выглядит, этот дом?

— Дом как дом. Стены, крыша. И зеленью зарос.

— Благодарю! — Шорт поднял руку, словно отдавая честь. По крайней мере здесь хоть отвечают на вопросы.

— Вы небось из полиции? — радостно заверещала старушенция. — Сколько раз я говорила, да только никто мне верить не хотел. Так им и надо, наконец-то достукались! Значит, пойдете во-он туда, к каштановой роще, а как направо повернете, прямо в тот дом и упретесь. Тут мудрено заблудиться.

Пол уже двинулся было к двери, но замечание бабки вызвало в нем любопытство, и он замешкался.

— Чем вам эти люди не угодили? Почему вы говорите "достукались"?

— Плохие они люди, я всегда это говорила.

— А чем они плохие?

— Не нашего поля ягода. У нас тут совсем другой народ живет, мирный. А до них давно пора добраться! Так вы ступайте себе, мистер, как я вас научила, и не заблудитесь.

Пол вышел из распивочной. Машина поблескивала во тьме, словно загадочный аппарат из другого века. Прежде чем тронуться в путь, Шорт вновь нацепил оружие: ведь он решил наведаться к "плохим людям". Поднявшись по улице вверх, он увидел каштановую рощу и легко нашел узкую дорогу, сворачивавшую вправо. Спортивная машина низкой посадки не приспособлена для таких дорог. Даже "пежо", должно быть, намучился здесь. Сюда бы устойчивый, с высокой посадкой, старомодный рыдван, а еще лучше "джип" или "лендровер". Он ехал очень медленно, стараясь маневрировать между выбоинами и ухабами так, чтобы днище машины не задевало за колдобины. Проехав с километр, он

увидел дом. Тут действительно нельзя было заблудиться. Здание выглядело уродливо: башенки, миниатюрные бастионы и прочие архитектурные выкрутасы крайне уродовали его пропорции. Этакий уменьшенный в масштабах и встроенный в английскую усадьбу обвитый плющом замок Дракулы, как его представляет себе третьеразрядный голливудский режиссер. Во всех окнах горел свет. Гвен, конечно же, томится в башенной комнате; в разорванной ночной рубашке она отбивается от посягательств злодея, вынашивающего гнусные помыслы. А Ким ждет своего конца, прикованный к сырой стене подвала. Отважного освободителя подстерегают стаи летучих мышей и потайные люки.

Его игривые мысли вмиг как ветром сдуло, когда он увидел на дороге брошенный "пежо". До дома оставалось еще добрых две сотни метров, да и перед самим зданием места было предостаточно. Отчего же машину оставили здесь?

Держа браунинг наготове, он вылез из машины. "Пежо" оказался пуст, а дверца его была не заперта. Пол отворил ее, и вспыхнувшая лампа осветила темно-зеленую кожу сидений. У заднего сиденья что-то блеснуло. Пол пригляделся внимательнее: это была сумочка Гвен, наполовину затолкнутая между спинкой и сиденьем, и лишь отблеск медной застежки выдал ее. Сердце Шорта дрогнуло. Не раздумывая, он нагнулся, чтобы поднять сумочку. Однако тотчас в сознании мелькнуло, что этого не следовало делать.

— Не двигаться! — было произнесено шепотом. Тихий, хриплый шепот. Однако звучал он убедительно. Пол удержался от соблазна предпринять хоть какую-то попытку сопротивления. Согнутый в три погибели, всей верхней частью туловища затиснутый между двумя сиденьями — куда уж тут сопротивляться! Резким пинком ему подбили обе ноги, так что он вынужден был опереться руками о сиденье. В спину ему уперлось дуло оружия. Кто бы ни находился сзади, этот человек знал свое дело. Пол валялся в машине на животе чуть ли не враскорячку. Из такого положения даже не размахнешься, чтобы нанести удар ногой. Пол был вне себя от злости. И снова ему захотелось как следует пнуть самого себя за то, что свалял такого дурака. Ему не пришлось трудиться, за него это сделали другие. Удар пришелся между раздвинутых ног, и у Пола искры из глаз посыпались, хотя под комбинезоном у него был поддет суспенсор: проложенный губкой, упругий пластиковый панцирь, изготовленный специально для подобных ситуаций.

Пол решил притвориться, будто ничем не защищен и в полной мере испытал удовольствие от классического удара по самому чувствительному месту. Он взвыл от боли и разразился проклятиями; ни то ни другое не составило ему труда. Не обращая внимания на приставленное к его спине оружие, он поджал под себя ноги и весь съежился. Послышался

тихий смех. Но противник, к сожалению, действовал как профессионал. Он не знал, что его пытаются провести, и все же вел себя с учетом этой возможности: отступил назад и взял на прицел, прежде чем Шорт успел бы броситься на него.

— Вылезай!

Пол выбрался, по-прежнему старательно прикидываясь, будто вот-вот свалится без чувств. Держась за живот руками и нагнувшись вперед, он пошатывался, надеясь улучить момент, когда он из этого положения сможет броситься головой вперед. Улучить момент не удалось. Пока он разыгрывал пантомиму, противник взмахнул ногой, и удар пришелся Полу в висок. Голову словно разнесло взрывом, цветные круги мелькнули перед глазами, и Шорт мешком рухнул наземь. На сей раз ему не пришлось притворяться.

42

Полу вовсе не хотелось приходить в себя. Забытье, подобно омуту, снова и снова затягивало его, и Пол блаженно отдавался этому сладостному бесчувствию. Секунды, когда сознание урывками возвращалось к нему, причиняли неимоверные страдания. Однако его упорно не оставляли в покое. Кто-то тряс его за плечи, похлопывал по щекам, пытаясь привести в чувство, звал по имени. Голос был женский, мягкий, и все же при каждом его звуке Полу казалось, будто над ухом у него стреляют из пушки, а снаряды разрываются в голове. Такую муку долго не выдержишь. Если эта женщина не замолкнет, голова его попросту расколется от боли.

Пол открыл глаза и увидел склонившуюся над ним Гвен; лицо ее было залито слезами. Гвен виделась ему и прежде, в минуты блаженного беспамятства, но тогда она не плакала, а, наоборот, смеялась и звала его к любовным утехам. Ему же было не до любви, он бежал, мчался куда-то, а на него из-за деревьев, с крыш домов, отовсюду набрасывались враги, и он из последних сил отбивался от них. А Гвен, сняв с себя одежду и распустив свою роскошную рыжую гриву, с насмешливой улыбкой смотрела на него и делала призывные жесты.

— Пол! Пол!

Шорт снова открыл глаза. Он валялся на каком-то дурно пахнущем диване, к горлу подкатывала тошнота, и, чтобы побороть приступ рвоты, он сел. Гвен стояла на коленях возле его ложа. В нескольких шагах позади нее Пол увидел Кима — лицо его было озабоченным — и еще одного мужчину, которого он сразу узнал, хотя видел всего лишь какие-то считанные секунды.

Пол вскочил на ноги. Все вокруг закружилось и поплыло,

колени подгибались, дальние углы комнаты тонули словно в тумане, однако мозг работал. Пол знал, что в таком состоянии у него нет никаких шансов одолеть серьезного противника — даже десятилетний ребенок без труда справился бы с ним. Он знал также, что мужчина вооружен, и все же не мог совладать с собой. Конечно, сотрясение мозга оглушило его, но резкая боль в голове подстегивала к борьбе. С гневным криком он метнулся вперед.

Реакция его оказалась замедленной. Мужчина спокойно отступил в сторону, а в руке у него мелькнул пистолет.

— Спокойно! — послышался знакомый, характерный шепот. — Пора бы вам поостыть.

С трудом переводя дыхание, Пол остановился. Огляделся по сторонам. Большая комната, сплошь заставленная столиками, креслами, стульями, пуфиками, повсюду множество ковров и картин. Насколько Пол мог судить, здесь их всего четверо. Он знал, что еще с неделю его будут мучить головокружения и приступы тошноты, что височная кость долго будет отзываться болью при каждом прикосновении, но знал также, что через несколько минут к нему вернется боеспособность.

— Можно глоток воды? — спросил он.

— Нет, нельзя, — отрезал мужчина. — Опасно давать вам лишнюю свободу, так что извольте сесть и держите руки на затылке.

Шорт подчинился. Он занял неудобное кресло с высокой спинкой, однако чувствовал, что тело благодарно даже такой передышке.

— Вы убили одного из моих людей и, сверх того, нанесли мне бог знает какой урон, — сказал мужчина. Он не выказывал признаков гнева и все же производил впечатление куда более устрашающее, чем если бы бесновался с пеной у рта. — Придется заняться вами вплотную. Однажды вам удалось застать меня врасплох, но больше этот номер не пройдет.

— Кто вы такой?

Мужчина пожал плечами.

— Отчего бы и не представиться? Я — Говард Грин, — он рассмеялся. — Фирма "Говард Грин" гарантирует вам полную неприкосновенность. Не на ту лошадку поставили, приятель!

— Значит, это вы... вы похищали их...

— Интересуетесь подробностями? — усмехнулся Грин. Этакий щуплый, седенький пожилой человечек... Однако на его счет у Шорта не было иллюзий. — Могу рассказать. Или вы попросту тянете время, чтобы собраться с силами? А может, надеетесь, что ваши дружки подоспеют? — Он посмотрел на часы. — В детективных романах преступник под занавес всегда старается улучить момент, чтобы в дружеской

беседе с сыщиком разъяснить все загадочные обстоятельства дела. А сыщик, подлюга, платит черной неблагодарностью: тем временем исподтишка перепиливает наручники, подает полиции тайные знаки и так далее...

— Хи-хи, — у Гвен вырвался нервный смешок. Пол взглянул на нее. Лицо девушки распухло, под глазом расплылся огромный "фонарь". Ему с трудом удалось подавить гнев.

— Ну, что скажете? — воззвал к нему Грин.

— А вы что скажете? — дерзко переспросил Пол.

— На что надеетесь? Кого вы призвали на подмогу — полицию или своих дружков? Не вынуждайте меня прибегать к другим формам допроса!

На лице Пола, как всякий раз, когда ему угрожали, появилась недобрая усмешка.

— Впрочем, нет, — задумчиво проговорил Грин. — Вы решили действовать в одиночку, это на вас больше похоже. Ну что ж, тем хуже для вас. Располагай вы какой-нибудь ценной информацией, я бы дал вам еще немного пожить...

— Как вы узнали, что я сюда приеду? — перебил его Пол.

Говард Грин засмеялся, и от этого хриплого смеха с пришепетыванием мороз продирал по коже.

— Значит, настаиваете на классическом варианте детектива? Ладно, будь по-вашему. Даю вам еще пять минут. — Он засек время. — Хочу, чтоб вы лопнули с досады, узнав, на каком пустяке провалились. Тот из моих людей, у которого вы допытались, где я нахожусь, пришел в себя после вашего удара и позвонил мне по телефону.

Ошибкой было оставлять его в живых, подумал Пол, старый японец был прав. И все же он не жалел о случившемся. Одно дело убить противника в схватке на равных и совсем другое — хладнокровно перерезать глотку беспомощному человеку.

Говард Грин оказался человеком основательным. Он забрал у Пола браунинг, прикрепленную к сапогу "беретту", отстегнул с пояса кинжал, изъял дротики и вытащил из карманов все, что можно было бы использовать в качестве оружия. И все же ситуация не казалась Шорту совсем уж безнадежной. Противник чувствует себя весьма уверенно, и это может обернуться против него же. Зато есть свои преимущества и у Пола: ему терять нечего, а значит, руки у него развязаны.

— Итак, клиентов Бултона похищали вы. Но чего ради? — поинтересовался он. — Если мои подсчеты правильны, вы почти ничего не зарабатывали на этом.

— Положим, выгода кое-какая была... правда, небольшая. Неужели вы не поняли главного? Тогда придется объяснить. В Англии немало фирм, занимающихся личной охраной, но крупных только две: моя и Бултона. И у меня не было ни ма-

лейших шансов когда-либо обскакать "Профешнл Секьюрити". Где уж там тягаться с бывшим полковником контрразведки! — Он горько рассмеялся своим страшным, хриплым смехом на шепоте. — Политические деятели, бизнесмены, артисты рекомендовали его своим друзьям и знакомым. Пользоваться услугами Бултона вошло в моду. Фирма его процветала. Он открыл собственную школу, приобрел самое дорогое оборудование и всерьез уверовал, будто может защитить своих клиентов.

— А вы решили доказать обратное?

Грин покачал головой, словно сожалея, что вынужден растолковывать тугодумам такие простые истины.

— Неужели непонятно? Я хотел подорвать доверие к Бултону и тем самым разорить его фирму. Клиентов "Профешнл Секьюрити" похищают одного за другим, и люди перестают пользоваться услугами фирмы. Потому и выкуп запрашивался умеренный: надо было пощадить курицу, несущую золотые яйца. Мне было достаточно хотя бы не быть в убытке.

— А как вы узнавали...

— Как узнавал? — В шепоте Грина звучали торжество и раздражение. — Решив заняться охраной профессионально, я первым делом внедрил к конкуренту своего человека. В контрразведке я служил не полковником, а всего лишь рядовым, у меня не хватало средств на новейшую электронику и на то, чтобы по нескольку лет готовить собственные кадры. Я избрал иной подход. Лишних денег у меня не было, однако я готов был отказывать себе во всем, никогда не скупясь на оплату информаторов.

Полу в основном стала ясна картина.

— Не понятно только, отчего вы делали это втихую. Ведь вам нужна была реклама, не так ли?

— Вы-то сами кого подозревали, не Бултона разве? В том-то и дело! Еще немного, и старине Бултону пришлось бы ставить на своей карьере крест. Когда фирма не слишком эффективно защищает своих клиентов — это еще куда ни шло. Но чтобы владелец сам же организовывал похищения собственных подопечных — такого ему не простят. Поэтому я и не стремился к огласке и смотрел сквозь пальцы, если кто-то из потерпевших старался сохранить дело в тайне. Ведь я знал, что слухи о похищениях расходятся все шире. Но когда дошло чуть ли не до десятого случая, а фирма Бултона все еще держалась на плаву, я решил, что неплохо бы привлечь какого-нибудь журналиста. Но как? Сочинить анонимное письмо, позвонить в редакцию? Тогда нетрудно было бы сообразить, что сигнал последовал от раздосадованного конкурента, а отсюда один шаг до догадки, что за кулисами этого дела стою я. Нужно было подобрать какого-нибудь отчаянного парня и подстроить так, чтобы тот своим

журналистским чутьем уловил перспективность темы и ухватился за нее.

— Благодарю, — буркнул Шорт.

— Вот я и дал распоряжение своим людям подыскать молодого журналиста, который мечтает сделать карьеру, который не успел облениться и не из тех, что собственной тени боятся. Ну и желательно, чтобы у этого журналиста были какие-нибудь связи с полицией или министерством внутренних дел. Один из моих агентов на следующий же день подобрал подходящий вариант, — Грин насмешливо улыбнулся. — Его приятельница работает в том же министерстве, только несколькими этажами выше и в секретаршах не у такого важного начальства, как наша прекрасная Гвендолин.

— Я довольно быстро напала на ее след, — вмешалась Гвен, которой присутствие Пола придало храбрости.

— И поступили весьма неосмотрительно, милочка! — оборвал ее Грин.

Шорт помалкивал, прикидывая, сколько понадобится шагов, чтобы добраться до массивной вазы на ближайшем столике. Ким тоже не раскрывал рта. Бледный как смерть, он, судя по всему, был совершенно парализован страхом. Вероятно, до его сознания даже не доходил смысл разговора. Шорт почувствовал угрызения совести. До вазы три шага, но и после этого я остаюсь без прикрытия, подумал он. Нет, надо искать другой путь.

— И Пол Шорт действительно ухватился за эту историю. Все развивалось в точности по моему плану, пока мисс, — он насмешливо кивнул в сторону Гвен, — не затеяла частное расследование. А мистер Шорт тогда же подбросил приманку и стал выслеживать похитителей. Пришлось вмешаться... И я вынужден довести свое дело до конца. Не повторять же мне вашей ошибки — когда вы пожалели охранника, вместо того чтобы прикончить его.

— У меня к вам одно предложение, — произнес Пол.

— Сожалею, но... — Говард Грин не успел продолжить фразу, поскольку Пол резко откинулся на спинку кресла. Кресло с грохотом упало, а Шорт, прижав подбородок к груди, сделал кувырок назад.

Раздался выстрел. Пуля Грина просвистела у него над головой: при таком внезапном повороте событий возможны промахи даже у опытнейших профессионалов. Откатившись в сторону, Пол услышал вскрик Гвен и топот ее каблучков, когда она бросилась на Грина. Судя по шуму, тот свалил ее ударом, но Пол за эти секунды успел укрыться за массивным письменным столом. По давней привычке у него было запрятано в поясе несколько патронов. Один из них Шорт положил на пол и поднес к нему зажигалку. Раздался хлопок, по силе напоминающий выстрел, и уверенно приближающиеся шаги Грина смолкли. Быстрый шорох, грохот

опрокинутого стула свидетельствовали о том, что он подыскивает себе убежище. Шорт осторожно протянул руку и нащупал на столе нож для разрезания бумаги. Нож оказался совершенно тупым по бокам, зато с длинным и заостренным кончиком. Что ж, на безрыбье и рак рыба. Пол прикинул нож на ладони. Конечно, он попробует метнуть, но мало вероятно, что угодит в цель именно острым концом. Положив рядом с собою оставшийся второй патрон, Пол вскрыл ножом ящик письменного стола и чуть не заплакал от радости при виде старенького кольта с деревянной рукояткой. Правда, в следующий момент он готов был заплакать от огорчения, обнаружив, что кольт не заряжен. И каково было не расплакаться от бессильного гнева, когда снаружи послышался шум подъезжающих автомобилей и скрип тормозов. Мак с ребятами не успели бы за это время добраться из Лондона, значит, это могут быть только люди Говарда Грина.

Выходит, им троим крышка. Жаль! Но мозг не сдавался, продолжая лихорадочно искать выход. Пол приметил, где затаился Грин. Естественно предположить, что он тоже прислушивается к шуму снаружи и вряд ли пойдет сейчас на излишний риск, охотясь за Полом, когда вот-вот подоспеет подмога. Значит, надо подпалить последний патрон, чтобы противник не поднимал головы, и броситься в атаку. Если ему повезет, то он пробежит эти три метра быстрее, чем Грин опомнится. Ну а если крупно повезет, то он успеет пустить нож в ход раньше, чем Грин выстрелит. Очень мало надежды на такую крупную удачу, но другого выхода Пол не видел.

Пол поднес было зажигалку к патрону, когда снаружи прогремел громкий, усиленный мегафоном голос:

— Грин, сдавайся! Дом окружен, у тебя нет шансов улизнуть. Выходи добром, тогда останешься цел.

Послышалось хлопанье дверей, затем — топот ног. Пол осторожно выглянул из укрытия.

— Сдавайся, Грин!.. — надрывался голос в мегафоне.

Распахнулась дверь в комнату, и Грин выстрелил. Шорт мгновенно подключился к событиям. Он поджег патрон, и Грин вынужден был на миг обернуться в его сторону. Этого момента нападающим оказалось достаточно, чтобы ворваться в комнату.

Перестрелка длилась недолго.

Через несколько секунд все стихло, лишь со стороны дивана слышалось учащенное дыхание Кима: тот пребывал в таком страхе, что даже не в состоянии был подыскать себе укрытие. Шорт выпустил нож для разрезания бумаги. Лишь сейчас он почувствовал, что даже пальцы заболели — с такой силой стискивал он свое ненадежное оружие.

— А ну, вылезай! — услышал Пол чей-то не слишком дружелюбный окрик и неуверенно выпрямился. Перед ним

стоял Бултон — в сером костюме и пестром галстуке, с легким, короткоствольным автоматом в руках. Его переносицу украшал наклеенный крест-накрест пластырь, щека распухла, глаз почти совсем заплыл...

— Я очень сожалею... — растерянно проговорил Пол.

Похоже, Бултон тоже был смущен.

— Мы как раз совещались, как бы нам проникнуть в дом незаметно, когда услышали выстрелы...

Пол подошел к Грину. Сразу было видно, что тот мертв. Он лежал на боку, съежившись в неестественной позе, пуля попала ему в живот. Шорт почувствовал горькую жалость. Правда, этот человек собирался его прикончить, но поначалу, когда только затевал всю эту авантюру, у него и в мыслях не было становиться убийцей, он всего лишь хотел слегка повернуть к себе колесо удачи.

— Все живы? Где Гвен? Что с ней? — на пороге появился Джон. Не обращая внимания на убитого Грина и стоявшего рядом с ним Шорта, он бросился к девушке, которая без чувств лежала на полу. Шорту сделалось стыдно, что сам он не вспомнил о Гвен сразу же, и он хотел было тоже подойти к ней, но было уже поздно. Опустившись на колени, Джон бережно приподнял голову девушки и тихим, ласковым голосом выспрашивал ее:

— Как ты себя чувствуешь, родная? Ты не ранена?

Ответов Гвен Пол не слышал, говорила она тихо, да и Джон заслонил ее собою, но о смысле ее слов можно было догадаться по следующей реплике Джона:

— С ним все в порядке, думай лучше о себе!

Пол вздохнул и повернулся к Бултону.

— Как вы узнали, что мы находимся здесь?

Бултон ухмыльнулся. Его грубоватое лицо, изуродованное побоями, на миг сделалось озорным и лукавым, и Шорт впервые почувствовал, что они могли бы найти общий язык.

— Не только вы следили за Кимом, мы тоже установили за ним наблюдение. Я понял, что мне удастся изловить преступника лишь в том случае, если поставить ему ловушку. Для видимости Кима охраняли только двое, поскольку он и нанял двоих. Практически же были задействованы чуть ли не два десятка людей, то есть весь незанятый состав наших телохранителей. И все же мы чуть не проморгали опасность, спохватились, лишь когда после отъезда Кима из офиса наш человек не сообщил по радио, куда они направляются. К тому времени "пежо" и "остина" уже и след простыл. Мы были вынуждены следовать за вами.

— Ну а он?.. — Шорт кивнул в сторону Джона.

— А он разыскивал девушку. Ворвался ко мне в невменяемом состоянии. Какой-то кретин внушил ему, будто бы я сам похищаю собственных клиентов. Мы с Джоном давние приятели, так что он, хоть и не совсем поверил в эту неле-

пость, все же призвал меня к ответу. А я как раз готовился выехать на операцию, мои люди доложили, что вы на угнанном "ягуаре" подкатили к какому-то хутору. Джон вызвался ехать со мной... Это была его идея использовать мегафон и отвлечь внимание Грина, а тем временем ворваться в дом.

— Ну и как же быть дальше? — задал вопрос Пол, адресуя его скорее самому себе. Гвен теперь на попечении Джона, Кима заботливо опекают люди Бултона, обращаясь с ним как с тяжелобольным. Лишь до него никому нет дела... Пол снова подошел к Грину. Позади стула, на котором во время их разговора сидел Грин, Пол обнаружил свою сумку, куда были сложены все отобранные у него при обыске вещи. Он не смог сдержать облегченный вздох. Повесив сумку через плечо, он направился к двери.

— Постойте! — окликнул его Бултон.

Обернувшись, Пол бросил на него недоверчивый взгляд. Неужели Бултон решил сейчас свести с ним счеты?

— "Ягуар" оставьте здесь. Домой вас отвезет один из моих людей. В полицию обращусь я сам, и, по всей вероятности, они захотят сегодня же побеседовать с вами. Тогда имейте в виду, что вы действовали по моему поручению.

Шорт призадумался. Бултон оказывает ему немалую услугу. Конечно, полиции не понравится, что какой-то дошлый журналист в погоне за сенсацией намеренно подвергает опасности весьма почтенного человека и ведет свою войну с преступниками. Ну а уж если полицию будет представлять инспектор Хогарти!.. Он, Пол, в свою очередь окажет услугу Бултону: фирма сама разоблачает преступника, похитившего десяток ее клиентов. Тем самым репутация "Профешнл Секьюрити" не только не пострадает, но, напротив, утвердится. Шорт согласно кивнул.

— Значит, договорились, — улыбнулся Бултон. — А если вам понадобится работа, обращайтесь ко мне.

Пол махнул рукой и вышел из комнаты. Он очутился в небольшом вестибюле с крохотным мраморным бассейном посередине: струйку воды извергал из себя маленький мраморный амур. Крыльцо в пять ступенек вело в парк, заставленный машинами. Какой-то молодой человек поманил рукой Пола и распахнул перед ним дверцу машины.

"Вот и мне удалось кое-чего добиться в жизни, — подумал Шорт. — Ехать домой в сопровождении телохранителя! Домой — к Кристине".

Перевод с венгерского
Татьяны Воронкиной

Владимир Лазарис

БУНКЕР

Владимир Лазарис — журналист, писатель, поэт и переводчик. Родился в Москве в 1947 году. Получил юридическое образование. С 1977 года живет в Израиле. Постоянный сотрудник радиостанции "Голос Израиля" на русском языке. С 1982 по 1986 год сотрудничал в американских русскоязычных изданиях, где опубликовал более ста очерков и статей об Израиле. В.Лазарис — автор сборника стихотворений "Проводы" (1979), публицистической книги "Диссиденты и евреи" (1980), антологии переводов "Еврейская поэзия средневековой Испании" (1981), документального дневника-репортажа "Моя первая война" (1984), документальной повести "Сонет для статуи Свободы" и составитель сборников "В отказе" (1986), а также "Ученые" (1988), "Инженеры и техники" (1989) и "Врачи и медсестры" (1990) — из серии "Место работы".

Мыши приходят к вечеру, когда все уже забираются в свои койки. Сутулые, как старушонки, и совсем белые. Я не знал, что в пустыне водятся мыши. Да еще белые. Они забираются всюду, нагло шуршат в песке среди выброшенных кусков хлеба и жестянок с протухшими сардинами, удивленно обнюхивают жестянки и бегут дальше: заглядывают в сваленные у входа каски, шныряют по мешкам с одеждой, заползают на спальники. К ним привыкли и только изредка, для развлечения, швыряют в них ботинками. Один раз такой ботинок угодил несчастной мыши в голову. Мышиный трупик пролежал в палатке до утра — никому не хотелось вылезать из теплого спальника и пачкать руки. За ночь мышь присыпало налетевшим песком, и спросонья я чуть не наступил на нее босой ногой.

Света в палатке нет. Правда, к опорному шесту, на котором она крепится, прикручена автомобильная фара от грузовика, и если удается задержать какую-нибудь машину с базы, то к ее аккумулятору подсоединяют электрический провод, и фара вспыхивает мутным глазом больного циклопа. Тогда у подножия шеста расплывается белый круг, а по брезентовым стенам мечутся бесформенные тени.

В палатке нас восемь человек. Четверо "садирников"* и четверо резервистов. Главный — сержант Цвика Бергер. Ему осталось служить еще год.

Палатка стоит посреди пустыни. Рядом — ворота в колючей проволоке, за ними, в бункерах, склады боеприпасов. В случае учений или маневров мы должны обслуживать артиллеристов, а потом принимать у них неотстрелянные снаряды. "Бункер" — так называют на базе наше место. От него до базы полчаса езды. Рядом с палаткой стоит 50-литровая цистерна с водой — хочешь пей, хочешь умывайся. Туалета нет — за большими делами уходим в пустыню, а малые делаются прямо вокруг палатки, от чего песок побурел и слипся. Воду в цистерне не меняют по неделе, а то и больше. От дневной жары она почти вскипает, и от нее тошнит, но другой воды нет. Сентябрь только начался, и вокруг настоящая геенна огненная с перерывом на ночной холод и озноб. Хамсины** приходят волнами, тогда кожа на голове начинает стягиваться, а в ушах, волосах, ноздрях, на зубах хрустит песок. Им набиты все поры, одежда, койки и спальники. Доходит до того, что временами кажется, будто и ты сам состоишь из песка, как окружающие дюны и холмы.

Под ногами попадаются медлительные черные скорпионы, соседнее шоссе несколько раз перебегали жирные дикие зайцы, а ночью прилетают летучие мыши, уродливые, как новорожденные младенцы.

Цвика, наш сержант, привязал к пружинам верхней койки ремень от ранца, удобно положил ноги в образовавшуюся петлю и подтянул к себе полевой телефон. У него роман с телефонисткой Рути. Поэтому начальство никогда не может дозвониться в бункер, и Цвике не раз грозили военным трибуналом. Но ничего не помогает.

— Это кто? Рути? Ага, это я. Что слышно? Что так, вообще? Кто поел? Я? А у нас нет ничего. Ни одна зараза пожрать не привезла. А что было на завтрак? Творог? У нас даже кофе нет. Эй, как тебя зовут, русский, у тебя кофе есть? Русский!

— Запомни, Цвика, меня зовут Арье. А-рь-е. А кофе у меня нет.

Но я знаю, что у запасливого Сильвио кофе наверняка есть. Цвика это тоже знает. Прикрыв трубку рукой, он изображает широкую и искреннюю улыбку:

— Сильва, у тебя, может, кофеек найдется? Я в "Шекеме" куплю — тогда отдам.

— Купишь ты, как же! — меланхолично бурчит себе под

---

* Садир — действительная служба (*ивр.*).

** Букв. "пятьдесят" Сухие, жаркие ветры. Обычно дуют весной в течение около 50 суток (*араб.*).

нос узколицый Сильвио, но кофе все-таки достает. Он копается в сумке и вдруг ударяет по ней кулаком:

— Транзистор забыл! А может, Фреди взял? Я ведь ему, паршивцу, тысячу раз говорил, чтобы ничего из сумки не брал, когда отец в армию идет. У кого тут радио было?

Цвика, продолжая хихикать в трубку, вытаскивает из спальника маленький транзисторный приемник и кидает на койку Сильвио. Приемник весь в песке, треснувшая мембрана забинтована синей изолентой, но он работает.

Сильвио смотрит на часы.

— Новости уже были. Ладно, послушаем "Армейские волны".

От шума радио и запаха кофе начинают просыпаться остальные. Первым с верхнего яруса спрыгивает толстый малый со взъерошенной курчавой шевелюрой. На нем оранжевые плавки. Он зевает, обнаруживая несколько золотых зубов, почесывает живот, потом, откинув брезентовый полог, шлепает босиком из палатки. До нас доносится плеск тугой струи и довольное кряканье.

Цвика, не отрываясь от телефона, жестами просит налить ему кофе.

Толстяк устремляется к кофейнику. Но там — только гуща.

— Эй, Авраам! — окликает его с койки щуплый парень. — Ты мои ботинки не видел?

— Пошел ты со своими ботинками! — Авраам сосредоточенно разглядывает гущу. Потом швыряет кофейник в песок и начинает разлеплять пластмассовые тарелки. Он выуживает оттуда полпомидора и два куска хлеба, пропитанные жиром, запускает их в рот и быстро чавкает. Жир течет по подбородку и капает на грудь. Авраам хватает транзистор и, крутанув до предела регулятор громкости, сует его прямо под ухо тому, кто еще не вылез из спальника. Раздается вопль, транзистор летит на землю, а из спальника выныривают заплывшие глаза.

— Ури, я тебе голову оторву!

— С ума сошел? — хмыкает Ури, он нашел ботинки. — Это Авраам, ему и отрывай.

— Ты, сосиска! — орет Авраам. — Заткни пасть!

Того, кто проснулся последним, зовут Эзра, и если Ури щуплый, то этот кажется совсем прозрачным и немощным. Это впечатление усиливается запавшими щеками, тонким носом и глазами навыкате.

Хорошо лежать на койке и прихлебывать горячий кофе. В прошлом году, когда не было учений и начальство не мозолило глаза, Цион целыми днями читал какие-то толстенные религиозные книги, Сильвио писал письма брату в Румынию и морочил голову по телефону своему биржевому маклеру,

а я учил французский по самоучителю Може и каждый вечер звонил жене.

Сильвио успел задремать, продолжая сжимать в руке пустую кружку.

Ко мне подсаживается Цион. На этот раз от него сильнее обычного несет рыбой.

— Слушай, Арик, а правду говорят, что в России теперь продукты по карточкам выдают?

— Нет там никаких карточек. Но с едой туго. Очереди. В Москву за продуктами из других городов приезжают. Вот как если бы ты из своего Бней-Брака в Иерусалим за мясом ездил.

Цион смеется. Зубы у него порченые, да и тех совсем мало осталось, верхняя губа чуть приподнята, и в уголках рта скапливаются пузырьки слюны. Волосы у Циона выбиваются неровными стружками из-под маленькой вязаной ермолки, чуть завиваются на висках и оттуда переходят в редкую, седую бороду, которую он все время пощипывает. Занимаясь в ешиве, Цион испортил зрение и теперь носит темные очки в старомодной круглой оправе с металлическими дужками. Говорит он тихо, медленно и всегда улыбается. У нас хорошие отношения: Цион не донимает меня своей верой, а я не лезу к нему со своим неверием.

— А вот если бы я жил в России, у меня какая зарплата была бы?

Я зеваю во весь рот.

— Или вот, скажем, доллары в банке я мог бы купить?

— Нет, — я прикрываю глаза, — долларов там нет. И банков нет.

Цион потрясен.

— Как же так? Банков нет, чеков нет, биржи нет. Как же там с инфляцией?

— Тоже нет.

— Как нет? — шепчет Цион. — Совсем нет?

— Совсем.

Цион всерьез разволновался.

— Вот бы съездить туда. Посмотреть, как там живут. Ты бы со мной поехал, а, Арик?

— Нет, не поехал бы.

— Почему?

— А я уже знаю, как там живут. Поэтому я оттуда и уехал. Теперь смотрю, как тут живут.

— Ну и как? — подходит толстый Авраам. — Отсюда тоже уедешь? А, Брежнев?

"...Уедем отсюда, милый!
Ты только реши..."

От смеха и кашля смуглое лицо Авраама побагровело и раздулось. Откашлявшись, он закуривает.

— Много куришь, — улыбается ему Цион и грозит пальцем.

Авраам плюхается на койку и задирает ноги на перекладину. Сигаретный дымок обвивается вокруг шеста.

— Слышь, Брежнев, вот я бы хоть сейчас уехал. В Америку. Были б деньги, сразу же рванул бы. У меня уже трое друзей уехало. В Нью-Йорке таксистами. Пишут, житуха там — обалдеть! А тут все — говно! Да еще русские понаехали! И чего сюда этих олим все зовут и зовут? Тут нам самим скоро жрать нечего будет!

— Да куда тебе еще жрать, — не выдерживаю я, — лопнешь! А люди сюда не за жратвой едут.

— А за чем еще? За сионизмом, что ли? Так мы тут все сионисты. Чего ж это тебе и квартиру дают, и ссуды, и что хочешь, а мне — ничего? А? Ты что, больше меня сионист, да? Ну, чего вытаращился? Скажи, скажи, ты больше меня сионист, а?

— Нет, не больше. Даже меньше. Почему мне квартиру дают? А где ты мне жить прикажешь, если я из другой страны приехал? Тут, в пустыне? В такой палатке? С женой и с детьми?

— Сколько у тебя детей? — вежливо интересуется Цион.

— Много, — выдавливаю я это слово, как пасту из тюбика.

Где-то я вычитал, что если к сорока годам комната мужчины не наполнится детскими голосами, она наполнится кошмарами.

— А как мои родители жили? — все еще орет Авраам. — Их в Димоне с грузовика сбросили и сказали: "Живите тут!" Вначале в палатке, потом в бараке. Понял? И с вами так надо. Коммунисты паршивые!

И он изо всех сил ударяет ботинком по пружинной сетке верхнего яруса.

— Сейчас палаток нет, — отвечает ему Цион. — Сейчас дома строят.

— А почему *мне* в этих домах квартиру не дают? — койка под Авраамом ходит ходуном. — Почему все — русским? А я, что, не человек?

— Ты — микроб! — хохочет Шуки.

У Шуки почти лепное лицо с удивительно тонким, прямым носом. Над верхней губой небольшой вертикальный шрам, и, когда Шуки улыбается, кажется, что кто-то дергает его рот за ниточку. Глаза темно-карие с длинными ресницами, а под глазами — набрякшие мешки. Заговорить может насмерть и еще все время за руку хватает: "Ты понял?" Псих он, этот Шуки. Начал с ним как-то спорить, так он за нож схватился. Всегда с собой его носит, палочки всякие стругает и ногти чистит.

— Я три года в боевых частях был, в Синае служил, — Шуки садится на койку и начинает натягивать штаны, — курс "маким"* окончил. Мне за это что-нибудь дали?

Парни по три года в армии торчат. Кончают службу — и кто они? Кому они нужны? Двадцать один год, у него уже девчонка есть, а он еще с родителями живет, и пять братьев-сестер рядом, пойти некуда, бабу к себе привести нельзя. Где ее трахать — на улице, в автобусе? Кол ха-кавод** всем олим, что в Израиль приезжают, но почему им положены и квартиры, и ссуды, и машины, а ребятам нашим не положено? Я вас спрашиваю, почему? Парни тут родились, в армии служили. Им что, помочь не надо? Скоро они воровать пойдут или вообще сбегут из государства этого вонючего.

Мне уже тут все — вот так! — он проводит рукой по горлу. — Радио не могу слушать, газеты не могу читать, телевизор этот сраный не могу смотреть. Люди друг друга жрут. Отсюда мотать надо! И мне тоже. Потому что я хочу человеком быть, чтобы ко мне как к человеку относились. А тут с этой бюрократией ты — нуль, и к тебе относятся как к нулю.

Не могу больше — в ресторан, в кафе войти нельзя. Напротив кто-то сидит и треплется: сколько в месяц заработал, сколько на бирже выиграл, сколько от налоговых инспекторов спрятал. Спекулянты, бюрократы, гашишники! Не могу рожи эти видеть! Если ты не воруешь и не врешь — сожрут!

Я вам расскажу историю. Недавно со стариком одним говорил. Он меня с детства знает. У него завод свой в Афуле, сыновья — в деле. "Шуки, — говорит, — я привык быть честным человеком, а мне не дают. Дети говорят: "Ври, обманывай, приписывай". А я не могу. Вот умру, пусть делают, что хотят. А пока я жив — не могу. И все равно не верят. Я налоговому инспектору книги показываю, вот, говорю, мой доход, а он не верит. Что мне делать?"

Не дают быть честным. Почему про это в кнессете не говорят? Потому что там паразиты сидят, которые за наш счет жрут, пьют и языками чешут. А евреи все стерпят, все съедят. Дело Ядлина было, Офера, Рехтмана, потом — Флатто-Шарон, Абухацира, и все — взяточники, воры, жулики. И что? Ничего. Потому что вокруг — все такие же, только о них пока не знают. При МААРАХ'е одного Ядлина схватили, а скольких не схватили? Я вам говорю, в государстве этом больше жить нельзя. У кого есть закурить?

— А где можно? — спрашиваю я. — В Галуте? С гоями? С антисемитами?

Шуки ловко перехватывает пачку, которую ему бросил Эзра, и длинным ногтем мизинца подцепляет сигарету

---

* "Маким" — младший сержантский состав (*сокр. ивр.*).

** Почет и уважение (*ивр.*).

— Ты ведь с ними в России жил — не умер. Чем тебе там плохо было?

— Потому и уехал, что плохо было.

— Ты уехал, а другие остались. Значит, им хорошо.

— Да что ты знаешь?..

— А что? У меня брат сейчас к родственникам в Марокко ездил. Хорошо живут. Король Хасан всех евреев назад зовет: приезжайте, говорит, я вам условия дам, работу.

Проснувшийся Сильвио смотрит на Шуки и кивает головой, как китайский болванчик.

— Да, да, все правильно, — вступает он в разговор. — Трудно, трудно жить стало. Анекдот хотите? Сабра уезжает из Израиля. Друг его спрашивает: "Ты почему уезжаешь?" Тот говорит: "По двум причинам. Во-первых, при Ликуде жить нельзя: все прогнило". Друг говорит: "Да ты что, с ума сошел? Оставайся — сейчас МААРАХ к власти вернется..." А тот отвечает: "А это — вторая причина".

Отсюда мотать надо, говоришь? Интересно: то же самое я слышал от своего приятеля Бори Аксельбанта. Только он это о России говорил, а Шуки — об Израиле. Что же получается — оттуда надо мотать, отсюда надо мотать... И кто это говорит? Шуки, который здесь уже тридцать лет прожил! Столько же, сколько я в России.

После семи лет в Израиле я уверяю себя, что перестал быть русским евреем. В то же время я определенно знаю, что израильтянином не стал. Да никто из сабр и не примет меня за своего. В каком-то смысле, обретя под ногами национальную почву, я утратил привычное ощущение незыблемости, прочности своего бытия. Мне все кажется, что я не доехал до того Израиля, в который направлялся. Первые годы я пытался пить, но при здешней жаре водка вызывала только отвращение и не давала забытья. Хотел было завести какой-нибудь романчик, но здесь и женщины были другие. Такие красивые и вроде бы доступные, они вовсе не горели желанием знакомиться со мной, а тем более — спать. Начал исповедоваться в письмах к друзьям, но скоро бросил, потому что с ужасом понял, что на самом деле писал все эти письма самому себе. Себе — русскому израильтянину? Себе — русскому еврею? Себе — ни русскому, ни еврею?

Мы с Авраамом лежим у противоположных стен, и я вижу только подошвы его ботинок и темный холм живота. Над ним, как из кратера, поднимается сигаретный дым. Авраам поет:

Тыща пожарников
Не сумела погасить меня,
Тыща парикмахеров
На сумела постричь меня...

Тут на Авраама нападает кашель. Он переваливается на бок и выплевывает окурок под койку. Потом подмигивает мне:

— В карты играешь? Нет? И правильно. Этот, — он тычет пальцем в сонного Ури, — у меня вчера 500 лир выиграл. Эй, Ури, играть будешь?

— Жарко... — вяло цедит Ури.

Я пытаюсь заснуть, но сон не идет. Я просто не умею спать в такую жару. Хочется есть, и голова начинает ныть. Хамсин еще не начался, но уже появились мухи — его авангард. Вот одна садится на Авраамов ботинок и ползет по рифленой подошве из колеи в колею. Десять волнистых линий. Если долго в них всматриваться, то начинает казаться, что это — телевизионные помехи. Цвика опять треплется по телефону с Рути, бормочет ей какую-то бесконечную ахинею и качается в своем подобии гамака. На меня нападает знакомое отупение: нет больше ни проблем, ни интересов. Организованный и налаженный мозг разъедается этим отупением, как ржавчиной. Все исчезает, и ты просто убиваешь время одним-единственным способом: лежишь вот так плашмя среди жара и всяких дурных разговоров.

К полудню наваливается полная тишина. Появляется наш старшина Ицхак, которого все зовут Цахи, без всякого чинопочитания. Ему двадцать восемь лет, но выглядит он на все сорок. В местном климате люди вообще рано начинают казаться старыми, и тут возраст черта с два угадаешь. Что же касается Цахи, то похоже, что Господь Бог взял в руки кусок глины, смял и получилось сизое, бритое лицо, вырастающее, как некий искусственный придаток, из жесткой черной щетины, которой Цахи зарос до самого горла. Он любит посмеяться шутке и заботится о подчиненных. Цахи — сверхсрочник и зарабатывает в армии хорошие деньги. Резервистов он любит, потому что среди них, по его словам, "есть люди умные и даже профессора". От нас он многого не требует. Самое главное — чтобы мы не валялись на койках при высоком начальстве.

— Доброе утро! Давай, давай вставай, кончай спать! — Цахи тормошит Эзру и пихает в бок Сильвио. — Работать давай, работать!

— Вали отсюда со своей работой! — ласково отвечает Авраам. — Мы тут без завтрака сидим и кофе еще не пили. Я без кофе работать не могу.

Цахи только ухмыляется.

— Меньше дрыхнуть надо. Встали бы, как все люди, в шесть часов...

— "В шесть часов!" — передразнивает Авраам. — Чего это я буду в такую рань вставать?

— Так и не жалуйся, — обрывает его Цахи. — Тебе бы месяц не есть, герой был бы, на тебя бы девушки заглядывались!

—Ну, ты! — обижается Авраам. — На себя посмотри, вон какой живот отрастил. А девушек у меня и так навалом.

— "Девушек у меня навалом!" — басит Ури, и все покатываются со смеху. Он здорово копирует голоса, этот Ури, и пугает телефонисток, подражая командиру базы.

Цахи выгоняет всех из палатки, я разматываю на воротах грязную цепь, и туда въезжает грузовик. Мы плетемся за ним, лавируя между дюнами. Нахлобучиваем шапки, расстегиваем рубашки. Сейчас будем грузить пустые снарядные гильзы, сваленные на самом солнцепеке. Единственную тень отбрасывает грузовик, под которым уже сидит шофер и пьет из канистры воду. Мы тоже пристраиваемся к канистре, а потом Авраам и Ури забираются в тень и начинают скандалить из-за вчерашней игры в карты. Сильвио уже залез в кузов, и я подаю ему первую раскаленную гильзу. Эта штука весит килограммов пять, хватать ее нужно одной рукой за круглое дно, а другой — за головку и сразу закидывать наверх.

— Давай, давай, Брежнев! Вперед! — хихикает из тени Авраам.

Шофер смотрит на меня и тоже смеется.

— Из России? А? Оле хадаш*? Ты чего, глухой, что ли? Ты из России?

— Нет, — отвечаю я, — из Израиля.

— Да я...

— Кончай болтать, — кричу я, — работать давай! И ты вылезай, слышишь, Ури, а то мы сейчас все бросим и тоже ляжем!

— А чего? — отзывается Ури. — Ложись, тут места хватит!

Сильвио в сердцах сплевывает, и плевок, не долетев до земли, испаряется. Гильзы выстроились вдоль борта, как пингвины. Сильвио перевешивается через борт и, сделав мне знак отойти в сторону, сталкивает вниз несколько штук. Грохот, крики... Авраам, Ури и шофер с ругательствами выскакивают из-под машины и орут на Сильвио.

Тот с улыбкой разводит руками.

— Случается...

Рубашку я повесил на колючую проволоку. Я еще не вошел в ритм, и одна гильза вырвалась из рук и больно ударила по ноге.

Мы — в эпицентре хамсина. Тени нет. Красок тоже. Желтизна превращается в белизну, и глазное дно заполняется кипящей лавой. Жар входит в ноздри, и слизистая оболочка

---

* Новый репатриант (*ивр.*).

начинает терять чувствительность. После часа работы кузов забит снарядными гильзами, а все шесть органов чувств постепенно перестают функционировать. Над головой — гигантская лупа, наподобие той, через которую мальчишки в детстве палили мух и прожигали дерево.

Пить!

— Сейчас закончим грузить, и назад, — уговаривает неутомимый Цахи. — Ну, давай, давай, еще немного!

Все матерятся и требуют воды.

Я даже не услышал, как подъехал джип. Это — наш комвзвода, унтер-офицер Шауль. Канистра, которую приволок Цион, вся в грязи, пьем прямо из горлышка. Вода воняет хлоркой, и пустой желудок конвульсивно сжимается. У меня в армии желудок вообще перестает работать. Тут у многих бывают недельные запоры, от которых спасаются таблетками. Говорят, что это психологическое явление.

Даже песчинки не движутся, они слиплись в могильные холмы, под которыми похоронено все живое. Мозг разлагается на отдельные клетки, и то же самое происходит с мышлением: никакие осмысления и обобщения уже невозможны, остаются самые примитивные, бессвязные посылки, из которых не получается никаких выводов. Поднимаю голову и, как через дно стакана, вижу нашего унтера. Он размахивает руками и что-то кричит. Ты кричи, кричи, на то тебя командиром и сделали, а я только на три недели пришел, я тебя в гробу видел с твоими приказами.

— Б-р-е-з-е-н-т! — доносится до меня. Надо перетаскивать брезент.

Эзра и Шуки заходят с одного края, мы с Сильвио — с другого. Каждый берется за свой угол, и мы складываем огромное брезентовое полотнище вдвое, потом — вчетверо. Потом вшестеро. На лице у меня как будто маска: песок, склеенный пóтом, обложил лоб, нос, глазные впадины, лег в складки у губ, замуровал рот. Я без конца сплевываю, но это уже не слюна, а тот же песок.

Сильвио медленно наклоняется и валится на меня, как столб. В тень его! Скорее! Где тень? Где вода? Где вода, унтер? Что это за кровь? У него кровь на лице, у Сильвио! Да нет, это моя кровь. *Моя кровь.* Идет из носа и капает на Сильвио. Унтер, гнида, где вода? В-о-д-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

В затылок с нарастающей силой ударяют две кувалды, большая и маленькая. Как в кузнице: тук-тук-тук, ба-бах! Тук-тук-тук, ба-бах! Я закидываю голову, чтобы остановить кровь и вдохнуть воздух, но в глаза изо всех сил ударяет солнечный кулак, а горло заливает свинец. Я чуть не захлебываюсь кровью и спотыкаюсь о Сильвио. Он все еще без сознания. Примчался унтер с канистрой. Испугался, сволочь, что мы тут окачуримся. Лей, лей на Сильвио воду, лей еще и мне дай, дай мне, вот, а-ах...

Теперь мне с тобой и ругаться не хочется.

— Ну, Сильвио, дружище, как ты? А?

Сильвио мычит что-то неразборчивое по-румынски.

— В госпиталь его надо! — подскакивает Цвика Бергер.

— И я с ним поеду! — вызывается Шуки.

Давай, давай, Шуки, затаскивай Сильвио в "джип" — я подержу за голову, ты — за ноги. Арье, у тебя кровь из носа капает! В тень, скорее, в тень! Возьмите русского в госпиталь!

— Не нужен мне никакой госпиталь!

— Ладно! — бросает унтер уже из "джипа". Бледный Сильвио похож на восковую фигуру из "Колбо Шалом"*. — Этого я сам отвезу, а за вами сейчас пикап пришлю. Только чтоб все были в касках.

Пикап приехал через полчаса и забуксовал. Еще полчаса мы вытаскивали его из песка. Иду в палатку за автоматом.

— Да сунь его под матрас! — кричит Шуки. — Чего с ним таскаться?

— А если украдут?

— Да вон Эзра постережет. Эзра, сторожить останешься?

— А вы мне обед привезете?

— Привезем, привезем!

Ури садится за руль, и только мы успеваем сесть на скамейки и нахлобучить каски, как он рвет пикап с места и гонит на третьей скорости по шоссе. От встречного ветра легчает, перестает идти кровь. Мы проскакиваем лагерь танкистов, взлетаем на гору и пикируем в низину. Я вцепляюсь в Циона.

Скоро появляются деревянные домики, хилые деревца, мастерские соседнего артиллеристского батальона, а еще минут через пятнадцать на шоссе начинают мелькать одинокие фигуры. Каждой встречной девушке-военнослужащей Авраам и Шуки орут: "Эй, красотка, тремп** хочешь?" На базе полно девушек, и после отшельнического бункера глаза разбегаются. Все они в серых обтягивающих брючках; смеются, когда с ними заговаривают, и ходят в обнимку с солдатами, а я трогаю свою недельную щетину, и мне хочется приключений.

Мы выпрыгиваем из пикапа и уговариваемся встретиться на этом же месте после обеда. Водянистый суп, холодные макароны, пупырчатая куриная нога. Я уже берусь за апельсин, и тут осеняет: я еще не проведал несчастного Сильвио! Иду искать госпиталь. По дороге забредаю в шикарный офицерский сортир и с наслаждением усаживаюсь на белый

---

* Крупнейший универсальный магазин в Тель-Авиве, на верхнем этаже которого размещается музей восковых фигур.

** Здесь в значении "попутной" (*англ.*).

унитаз. От своего подлого желудка я ничего хорошего не дождался, но было приятно просто посидеть в прохладе и чистоте. На двери, на уровне глаз, красуются две чернильные строчки:

If you want to have your brother,
Put your father on your mother*.

Сопроводительный рисунок наглядно поясняет эту мысль.

В госпитале тихо, в нос сразу ударяет специфический запах нашатырного спирта, йода и еще каких-то неведомых лекарств. Сильвио лежит в отдельной палате, закутанный в простыню, и придерживает на голове мокрое полотенце. Рядом сложена его одежда.

— Вот, — он снимает полотенце, — солнечный удар получил. И давление подскочило.

— У меня тоже, и кровь из носа пошла.

— Да ну? — оживляется Сильвио. — Так ты давай сразу к врачу, он тебя точно положит. Газетки тут есть, в шахматы поиграем, а? Тут такая медсестричка — у-у-а!

Сильвио чмокает губами и просит попить.

Я захожу в соседнюю комнату и на столике, рядом с чайником, вдруг обнаруживаю книгу Бабеля "Избранное". Оглядываюсь и вижу полусидящего на кушетке бородатого мужчину с большим голым животом, на который свешивается изящный маген-давид. Короткие волосатые руки ритмично вращаются, как бы вспенивая невидимое мыло, а из-за толстых линз, как из-за стенки аквариума, смотрят сонные глаза.

— Кто это читает? — спрашиваю я на иврите.

— Я, — отвечает мужчина тоже на иврите.

— А вы что, из России? — перехожу я на русский.

— Из России, — тоже по-русски отвечает он.

— Больной?

— Нет, доктор. А вы откуда?

— Из Москвы.

— Да что вы! — Доктор сползает с кушетки и, подхватив короткие форменные штаны, тянется за чайником. — Земляки, значит. Тут из Москвы еще никого не было.

— Москвичей никакая зараза не берет!

— А вы что же сюда пришли? — улыбается доктор.

— Я? Товарища пришел проведать. Он тут у вас лежит.

— А-а, румын этот? Гипертоник, как и я.

Доктор энергично потирает руки.

---

* Если ты хочешь иметь брата,
Положи папу на маму (*англ.*).

Я отношу Сильвио воду и возвращаюсь. Доктор перелистывает томик, пока не доходит до заложенной страницы.

— Вот, — говорит он, — читаю Бабеля, чтобы русский язык не забывать. Ах, какой у него язык, какой умнейший человек! И все-таки, — доктор поднимает указательный палец, — я с ним не согласен. Вот, послушайте: "Но разве со стороны Бога не ошибкой было поселить евреев в России, чтобы они мучались, как в аду, — читает он раскатистым баритоном. — И чем было бы плохо, если бы евреи жили в Швейцарии, где их окружали бы первоклассные озера, горный воздух и сплошные французы? Ошибаются все, даже Бог". А я вам скажу, что Бог не ошибся. Потому что, если бы Он поселил евреев в Швейцарии, то они были бы швейцарцы или французы, но уж никак не евреи. Да-с.

— А разве в России евреи не стали русскими?

— А им не дали, — спокойно замечает доктор. — И я повторяю, что Бог не ошибся: он поселил евреев в России, чтобы они там остались евреями. Вы посмотрите, где сейчас еще есть настоящие евреи? В Америке? В Европе? Их даже в Израиле нет! Только в России и сохранились.

— Так, по-вашему, им, что же, и ехать сюда не стоит? Получается, там они — евреи, а тут — вообще никто?

— Почему не стоит? Стоит. Вот мы с вами приехали, и хватит.

— Ну, это уж совсем свинство! Что значит "хватит"? А других вы что, в Израиль не пустите?

— Каких "других"? — горячится доктор. — Эти "другие" уже в Америке сидят! И слава Богу, я вам скажу, что есть "нешира"*. Без нее тут бы конец света был. Вы только подумайте, разве Израиль может принять два миллиона русских евреев? Это с нашим-то экономическим положением? Куда их деть? В Синай послать? Так мы уже и Синай отдали. Вот это была ошибка, я вам скажу. — Указательный палец снова взлетает вверх. — Это была трагическая ошибка!

Доктор толкает ногтем свой маген-давид, который начинает качаться над его животом, как маятник.

— Да, — вздыхает он, — если бы Бог захотел, он из Ближнего Востока рай сделал бы, сады Эдема! С арабской нефтью и еврейскими мозгами тут бы такое было!

— Рай — не рай, зато нет антисемитов. И, если бы нас было не три, а пять миллионов...

— А, бросьте, — перебивает доктор, — это все пропаганда. Дело не в количестве. Какое население в Монако? Или в Люксембурге? А как они живут? А?

Я не успеваю ответить, как в дверь заглядывает Цвика и устремляется ко мне.

— Ну, как ты? Жив? А где Сильвио?

---

* "Отсев" — здесь: эмиграция советских евреев не в Израиль (*ивр.*).

Я тычу через плечо большим пальцем.

— Спит.

— Тогда пошли, — торопит Цвика, — а то машины не будет.

— Заходите, — говорит доктор по-русски. — Может, у вас что почитать найдется?

— Только по-английски.

Доктор разводит руками:

— Еще не научился. Ну, все равно заходите. Поболтаем.

В палатке я сметаю с койки песок, и вместе с ним со спальника срывается крупный скорпион. Автоматы валяются на койках и торчат из-под матрасов. В углу, открыв рот, спит Эзра: ни дать ни взять — мертвец.

Цвика накручивает номер своей Рути, а я валюсь на койку. Снять ботинки — подлинное блаженство. Расшнуровать их, сбросить носки, вытянуться и пошевелить пальцами ног. Еще, еще и еще раз, пока затекшая ступня не отойдет. Уверяю вас, что это и есть блаженство. Если не верите, попробуйте сами, а потом скажете, прав я или нет.

Надо мной дыра в брезентовом конусе. Я почему-то вспоминаю купол римского Пантеона, который мы с женой осматривали в прошлом году. Через большое отверстие в куполе проходят солнечные лучи и наискось разрезают полутемный зал, ударяясь о гулкий, каменный пол. Как хорошо было в Риме, среди высоких зданий, площадей, мостов, соборов и музеев, гранита и мрамора! Как радостно было хоть на несколько дней вернуться в мир памятников, статуй, колонн и барельефов. В Израиле нет даже гипсовых уродов, населявших в Москве все порядочные скверы и парки.

За этими воспоминаниями я незаметно задремал. Меня разбудил громкий спор. Рядом со мной стоит Авраам и втирает в волосы какую-то мазь.

— Ты их бензином трави! — внушает ему Шуки.

— Знаешь, сколько такая мазь в городе стоит? — ухмыляется Авраам. — Тыщу лир! Понял? А мне доктор бесплатно дал!

— Выкинь ты эту мазь! — настаивает Шуки. — Я тебе говорю, что вшей только бензин берет!

— Да где я тут бензин возьму? — отмахивается Авраам.

— Вечером ужинать поедем — сходи к заправщикам, они тебе отольют.

— Ссаки они ему отольют, а не бензин! — раздается голос Эзры. — Они вечером все закрывают и к девкам из военной полиции идут. Ух, какие там "куски" есть!

— Эй, джинджи*, — окликает Ури Циона, — который час?

---

* Рыжий (*ивр.*). В Израиле — дружеская форма обращения независимо от цвета волос.

Цион не отзывается. Он вынимает из сумки маленький молитвенник, выходит из палатки, внимательно осматривается и поворачивается в сторону Иерусалима.

Через несколько минут он уже качается в нарастающем трансе, бормоча себе под нос неразборчивые слова. Среди этой протяжной мелодии я различаю только одно — АДЕНОЙ* — которое Цион выделяет, переливая его из строки в строку и повышая голос. Кончив молиться, он целует твердый, кожаный переплет, сует молитвенник в сумку и тихо ложится на свою койку.

— ...как вернусь, так сразу к ней пойду, — заканчивает свой рассказ Авраам.

— Куда ты ей такой вшивый нужен? — поддевает его Ури. — Я вместо тебя пойду.

Авраам проворно бросается на Ури и придавливает его своей тушей.

— Я тебе этих вшей сейчас в рот засуну! — орет он и трясет Ури вместе с койкой. — У меня жопа чище твоей поганой рожи, понял? Гашишник несчастный!

Цвика отрывается от телефона и кричит, чтобы ему не мешали разговаривать. Авраам слезает с растерзанного Ури и примирительно спрашивает:

— Играть будем?

— Будем, будем, — отзывается Шуки и стаскивает на пол матрас, вокруг которого усаживаются все игроки. Ури вытаскивает из мешка продолговатую коробку "реми", три маленьких подставки и высыпает горку разноцветных костяшек.

— Арье, кто сейчас на ворота идет? Ты? — спрашивает Цион.

— Я...

— По два часа будем дежурить или по три?

— Давай по три, как раз до полуночи будет. Ты меня в девять сменишь.

— Ладно.

Я подошел к Цвике, разбиравшемуся в своих любовных делах.

— Я приемник возьму. Слышишь?

Я взял приемник, надел пояс с полными обоймами, зарядил автомат и пошел к воротам.

Небо из голубого стало палевым, и дымные полосы облаков сложились в странный узор, напоминающий отпечаток гигантской человеческой пятерни. Мне четко видны фаланги всех пальцев и даже сплетение линий на ладони. Я посмотрел на свою правую руку и вспомнил, как когда-то мне гадала цыганка. Она объяснила, что по количеству скла-

---

* Правильная форма идеограммы АДОНАЙ (*ивр.*) — досл. "Господь", "Мой господин".

док на внутренней стороне запястья можно определить, сколько лет человеку суждено жить. Надо только вытянуть руку и согнуть ладонь. Каждая складка — 25 лет. Я согнул ладонь. На левой руке получилось две с половиной складки, а на правой — три. Если цыганка не соврала, то в любом случае мне осталось прожить еще с полжизни. Я проделал этот номер еще несколько раз, но получилось меньше — на обеих руках образовалось всего по две складки.

С заходом солнца появилась разная живность, которая радостно приветствовала наступление ночной свежести. Я уже давно заметил, что в Израиле нет сумерек — темнота обрушивается сразу, как обвал. Где-то высоко над головой шелестели невидимые птицы. Одна кричала что-то вроде "у-ду-ду-ду-ду", другая — "тиль-ти-ти-тиль". Некоторое время они оживленно перекликались, а потом и "ду-ду", и "ти-тиль" куда-то улетели.

Даже птичий говор здесь похож на иврит. Я бы не удивился, услышав, что они кричат "кум-кум"* или "галь-галь"**, "пар-пар"***, "хен-хен"****, "тус-тус"*****, "буль-буль"******. Есть даже певчая птичка, которую так и зовут — "буль-буль".

Я включил радио, и сразу — тр-р-р-р-р-р-р! тс-с-с-с-с! — затрещали, зацыкали легионы сверчков. Они были возмущены тем, что мне недостаточно их музыки.

Из палатки вышел Ури, открыл капот пикапа и начал подсоединять электропровод. В палатке зажегся свет. Потом вышел Цвика и, спросив у меня, как дела, помочился на ворота, стараясь попасть в один из прутьев. Застегнув штаны, он посмотрел на звезды и спросил:

— Пароль на сегодня знаешь?

— Нет.

Цвика покрутил головой.

— "Костюм на Пурим". Запомнил?

— Да.

— А что будешь делать, если человек идет и пароль не говорит?

— Стрелять буду.

— Куда?

— Да хватит тебе, Цвика! Что я, первый день в армии?

— Я тебя проинструктировать должен, понял? Если что случится, первым отвечаю я.

— Ну, давай, инструктируй.

— Так, значит, вначале стреляешь в воздух. Понял? Если он не останавливается, стреляешь по ногам...

---

* Чайник (*ивр.*).

** Колесо (*ивр.*).

*** Бабочка (*ивр.*).

**** Спасибо (*ивр.*).

***** Мотороллер (*ивр.*).

****** Пипка (*ивр. простореч.*).

— А если он ползет?

Цвика на минуту задумывается.

— Все равно, вначале — по ногам. Как в инструкции. А потом — по корпусу.

— По чему?

— Ну, в грудь, понял? Убить!

— Убить?

— Да.

— Ладно, убью.

— В порядке. Тебя кто сменяет?

— Цион.

— Вы тут смотрите в оба, а то проверка может быть. Если меня спросят, скажешь, на базе крутится. Понял?

— Понял.

Цвика ушел. Из палатки доносятся голоса спорящих картежников. Потом все залезают в пикап и отправляются ужинать. Тихо. Даже сверчки замолкают, словно прислушиваясь к чему-то. Над темным силуэтом палатки кружится летучая мышь — странная помесь ласточки и лягушки. Она описывает круг за кругом, задевая крыльями брезент и противно попискивая. Рядом на стуле бубнит транзистор, но, как и все прошлые ночи, я слышу только один голос — голос пустыни. Под этими звездами на меня вдруг накатывает чувство полной бездомности и до того страшной неприкаянности, что хочется плакать. Так, верно, чувствовал себя самый первый человек — нагое и дикое существо, еще не умевшее надеяться, верить и любить.

По шоссе с нарастающим ревом пролетали военные "джипы", и в темноте казалось, что это — гоночный марафон, на котором по кругу проносятся одни и те же машины. Потом со стороны базы по горизонту полоснул мутный луч, послышалось тарахтенье мотора и чьи-то голоса. Машина начала тормозить и, переваливаясь на откосе, свернула к палатке. Фары облили меня светом, и я зажмурился.

— Стой! — закричал я. — Гаси свет!

Свет погас, и с машины спрыгнули двое.

— Пароль! — крикнул я тем же дурным голосом.

— Чемпион Израиля по шеш-беш! — засмеялись из темноты, и я узнал голос Эзры. Вторым был Цион, который привез мне ужин. Шофер попил воды из цистерны и уехал.

— А остальные где? — спросил я Эзру.

— В кино пошли.

— А чего же ты не пошел?

— А чего идти-то? — зевнул Эзра. — Я этот фильм уже три раза видел. Одно старье привозят.

Цион извинился, что не раздобыл чая, и сменил меня на посту. В палатке была полная темень, поэтому уж лучше было есть под открытым небом. Я сел на стул у ворот и начал

жевать холодную яичницу, заедая ее помидором. Потом съел кусок хлеба с сыром, напился воды и нырнул в палатку. Только я начал снимать ботинки, как из-под самых ног шмыгнула мышь, а за ней — другая. Я залез в спальник не раздеваясь и еще накрылся сверху одеялом.

Эзра тоже лег, подтянул к себе телефон и начал звонить на коммутатор. Чертыхаясь, он набирал номер до тех пор, пока не дозвонился. Рути на месте не было, она, наверно, гуляла с нашим Цвикой. Другую телефонистку звали Мазаль, и Эзра начал объяснять ей, что он — товарищ Цвики и что его, Эзру, все девушки очень любят, потому что у него всегда есть деньги. Дальше потянулся один из разговоров.

— ...Подсоедини к кому-нибудь. Конечно, скучно... А ты вчера в кино была? А чего делала? А какие в Беер-Шеве фильмы идут? А сколько там кинотеатров? Сколько? Семнадцать? Сказала бы — двадцать. Слушай, я хочу домой позвонить, с сеструхой поболтать. 055-32944. Мерав? Ага, это я. Чего делаю? Ничего не делаю — с тобой вот разговариваю. Слушай, поставь у телефона пластинку. Ага, из моих. В красном конверте "Пинк-Флойд" называется. Эй, Мазаль, ты нас слушаешь? Сейчас сеструха моя поставит пластинку. Там начало такое — сдохнешь! Жизнью клянусь! Так, бум-бум-папара-ра и... вот, начали. Эй, Мерав, ты погромче сделай! Мазаль, эй, Мазаль, слышишь?.. Мерав, скажи матери, я завтра приеду. А мне наплевать, что не положено. Я устрою. Ага, так и скажи, звонил Эзра и сказал, что придет в четвертый день*. Кто звонил? Йоси? Какой Йоси? Йоси Таль? Если еще позвонит, скажи, в пиццерии "Лас-Вегас" встретимся. Ага, которая у Национального банка. Кто? Ципи? Нет, я с ней уже не гуляю. Пусть Йоси с этой сукой гуляет...

Чтобы скорее заснуть, я закрываю глаза и начинаю вызывать из памяти прошлую жизнь. Так же, как есть сердечные приступы, есть и приступы памяти — так, по крайней мере, я называю то состояние, в которое впадаю в результате своих заклинаний. Оно всегда начинается одинаково.

Перед глазами встает дом на Ленинском проспекте, где я вырос, и родительская квартира из двух смежных комнат. Если бы в самом деле существовал аппарат, позволяющий проецировать на экран мысленные образы, я без конца смотрел бы один и тот же фильм. Большой грязно-серый девятиэтажный "сталинский" дом. Внизу — магазин "Рыба". Крупный план: белые пластмассовые буквы Р-Ы-Б-А. Камера чуть удаляется, и в кадре возникают два окна на втором этаже: маленькое — над буквой Р и побольше — над Ы. Сно-

---

* Отсчет дней в еврейской неделе начинается после субботы, и воскресенье — это "первый день", понедельник — "второй день" и т.д.

ва наплыв: за углом дома полукругом разлегся газон, а за ним начинается липовая аллея, ведущая в Нескучный сад. Первый же поворот направо — в наш двор. А налево — в Анечкин. И вот ее балкон — огромный, квадратный. Таких больше не строят. На Анечкином балконе 8-й класс "А" собирался на вечеринки. Там пили купленный в складчину лимонад, красное болгарское вино и танцевали. Особой популярностью пользовались две заграничные пластинки — "16 тонн" и "Голубые канарейки". Когда музыка подходила к концу, кто-нибудь из ребят быстро переставлял иголку, и танцы продолжались. Я тоже танцевал, чтобы подольше подержать за талию Раю Дичинскую, в которую был тогда ужасно влюблен. "16 тонн" пел могучий бас, и через много лет я очень удивился, увидев в журнале снимок певца — щуплого, коротконогого человечка с плоским лицом. Слов никто из нас не понимал, но из названия и мрачного тона было ясно, что парню тяжело. Из "Голубых канареек" мы хором выкрикивали припев — "Блю-блю-блю, канари", и мне в голову лез адмирал Канарис, о котором я читал тогда книгу "Сатурн почти не виден".

Из лимонада, разлитого по стаканам, выдыхался газ, скользила игла по заезженным пластинкам, звонко хохотала Раечка, снизу поднимался терпкий липовый дух, дома меня ждала толстая книга про разведчиков — и только сейчас я понимаю, что это и было абсолютное счастье, беззаботное и безмятежное.

Меня иногда спрашивают, тоскую ли я по России. Нет, не тоскую. Я ведь *России* почти и не знал: ездил в Литву, на Кавказ, служил в Карелии, да еще проездом побывал в Ленинграде и Кишиневе. Я тоскую по Москве. Это и есть мой дом, мое Отечество. Я тоскую по магазину "Рыба" и Анечкиному балкону. Я тоскую по своему детству.

Снова жужжит кинокамера, и я брожу по Нескучному саду, под ногами шуршат разноцветные листья, и выплывает моя читальня — чудный домик на горке, бывшая загородная усадьба графа Воронцова: псевдоантичные колонны, уютные балкончики, просторный флигель и мансарда. А внизу, под горкой — пруд и чайный домик Екатерины, где "императрица изволила чай кушать". Шапочка-купол, как крошечная церквушка без креста, и перед домиком — плотина, где мы загорали. В центре пруда — островок, поросший высокой травой, и на нем заплесневевшая бронзовая "Купальщица", на которой мы выцарапывали свой запас новых слов.

В соседней Москве-реке вода пахла бензином, а в этом пруду всегда стоял запах осени. Даже в разгар лета. Здесь я учился рисовать, и "Купальщица" была моей первой "натурой". У нее были покатые плечи и выбитые глаза, но изгибалась она очень соблазнительно, и на моем рисунке ее бедра заняли почти половину островка. Учительница рисования

очень удивилась и сказала, что у меня еще нет чувства пропорции. По-видимому, я с детства был склонен к монументальности, поэтому у меня гораздо лучше получился огромный гипсовый бизон, сооруженный рядом с беседкой в честь 800-летия Москвы. Наверное, бизон имел какое-то отношение к этой дате. Он был грозен и угрюм, но первое свидание я назначил Рае Дичинской именно "у бизона". Она не пришла, и с тех пор я возненавидел бизона, хотя продолжал рисовать "натуру". Я настолько обнаглел, что даже послал свои рисунки в "Пионерскую правду" и, к своему удивлению, получил ответ, который выучил наизусть. "Дорогой Лева, — говорилось в нем, — у тебя интересный выбор сюжетов. Больше рисуй окружающие тебя предметы: стаканчик для карандашей, горшок с цветами, вазу. Это научит тебя чувству формы. С пионерским приветом — Б. Вайнштейн". Я так и не узнал, Б.Вайнштейн — это был мужчина или это была женщина, и тем более, уехал(а) ли он(а) в Израиль или по-прежнему пишет письма другим пионерам. Я перестал рисовать и начал писать стихи, но, по-видимому, то же отсутствие у меня чувства формы приводило к отказам в тех редакциях, куда я их носил.

Но вернемся к нашим бизонам. В Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, с которым граничил Нескучный сад, тоже был большой пруд с островом. На этом острове несколько лет подряд держали павлинов. Отдыхающие культурно катались на лодках вокруг острова, а павлины медленно и торжественно шуршали своими шелковыми хвостами и кричали тонкими, жалобными голосами. Казалось, что они плачут. Потом их не стало, и отдыхающих допустили на остров, где от павлинов остался только засохший помет и волшебные перья с фиолетовыми и агатовыми зрачками. Однако такое перо долго лежало у меня в какой-то книге, пока его не вытряхнул таможенник, шаривший в моем скудном багаже. Перо вспорхнуло и плавно опустилось на большие товарные весы. Пленка в моей голове обрывается, я поворачиваюсь на другой бок. Перемотка. Пуск.

В Израиле мне часто снятся сны. Может быть, потому, что это — единственное убежище, где можно остаться самим собой. Хотя, с другой стороны, что значит "самим собой"? Я ведь себе иногда снюсь таким, каким давно перестал быть, или таким, каким вообще никогда не был. В этих снах такие же трансформации происходят с моими родными. Мой покойный отец, который никогда не мог говорить об Израиле без раздражения, вдруг оказывается прямо тут, в пустыне, в караванчике для репатриантов. Он сидит в жаркой тени и ругает караванчик, пустыню, репатриантов, израильское правительство и председателя парткома своего института, который вынес ему строгий выговор с занесением в личное дело за то, что он дал своему сыну разрешение на

выезд в Израиль. "Вот, — говорит отец и вытирает со лба обильный пот, — мне с моей гипертонией только Израиля не хватало. Они хотят, чтобы я тут умер!"

Я не успеваю понять, кто эти таинственные "они", как перед глазами вдруг медленно проплывает слово "умер", оно вспыхивает и переливается огнями, и я обнаруживаю, что стою перед зданием "Известий", по крыше которого бежит, гаснет и зажигается снова это бесконечное "умер", "умер", "умер". Загорается свет и бьет прямо в глаза. Я прищуриваюсь и отгораживаюсь ладонью. Что это? *Что это? Кто это?* Глаза мои слезятся от света. А может, я плакал во сне?

Ури, Шуки и Авраам вернулись из кино и наладили лампочку, чтобы играть в карты. Цвики еще нет.

...Умер...

В один и тот же день я получил одновременно два письма из Москвы: от матери и от приятеля. Первым я вскрыл письмо приятеля и, посмеиваясь, пробежал глазами по всяким мелким новостям, сплетням, анекдотам, привычным жалобам и кряхтенью. В самом конце, после подписи, приятель сообщал, что ему только что звонила моя мать... и он просит меня принять самые искренние... у него самого еще никогда, но он понимает мое... Я уже знал, *о чем* письмо от матери. "Дорогой мой сынок, решила не посылать тебе телеграмму — ты ведь все равно не сможешь..."

Когда-то я читал в автобиографии Грэма Грина, что он получил две телеграммы, прибывшие с интервалом в один час и в обратном порядке. В первой сообщалось, что его отец умер, а во второй — что он серьезно болен. Но, как бы то ни было, Грин приехал на могилу своего отца. А может, даже успел на похороны: в наш самолетный век это немудрено. Мне же не дано ни то, ни другое. Есть у меня маленькая фотокарточка надгробия, на котором прежде значились только имена сестры моей бабушки с мужем, а теперь к ним (за недостатком места) добавилась и фамилия моего отца. *Моя* фамилия. Вроде бы и я там похоронен. Говорят, что в старину испанские евреи, изгоняемые из страны, увозили с собой надгробные плиты с могил своих предков. А мне вот лишь эту карточку разглядывать — единственное, что у меня осталось от Кригера-старшего, которого больше нет. Есть только Кригер-младший, да и тот, строго говоря, уже не Кригер, а Шамир.

От всех этих размышлений становится тоскливо и муторно, и где-то в тайниках сознания сама по себе открывается дверца для детского утешения: отец не умер, он просто не пишет. Он никогда не любил писать писем. Их всегда писала мать, а от отца передавала приветы.

Отец был по-житейски умен и трезв, удовлетворялся ма-

лым, и я не помню за ним никаких страстей. В своем мировоззрении он сохранил какую-то удивительно светлую наивность, продолжая верить, что даже в отъявленном мерзавце есть некое доброе начало. Отец был незлым человеком, но чужие беды его мало расстраивали. Окружающий мир вообще занимал его гораздо меньше, чем собственная семья. Дома он постоянно утверждал свой авторитет, но делал это как-то нерешительно. Он любил раз и навсегда заведенный порядок вещей и, когда этот порядок нарушался, выходил из себя. Отец был домоседом: люди его вообще не интересовали, а гости, в частности, утомляли. По той же причине он с большой неохотой навещал своих немногочисленных родственников и знакомых. Единственной темой, которая мгновенно возбуждала его интерес и любопытство, были болезни. Он мог слушать о них часами и любил, когда о них расспрашивали его. Книг он не читал (по крайней мере, я всегда помню его только за газетой) и дома держал лишь "Краткую историю Отечественной войны", "Книгу о вкусной и здоровой пище" и второй том из собрания сочинений болгарского писателя Ивана Вазова.

Все это было тем более странно, что в юности отец пописывал стихи (не бог весть какие, правда, но вполне в духе времени) и всю войну был редактором армейской газеты, где регулярно печатал статьи и репортажи. Вообще, мне теперь кажется, что вторая мировая война окончилась в 1945 году для всех, кроме моего отца. До начала японской и финской кампаний отец был заурядным выпускником захолустного техникума, а после войны превратился в такого же заурядного экономиста. В войну же он дослужился до майора, имел денщика и личный "оппель" с шофером, повидал Европу и насобирал семь альбомов фотоснимков, которые я должен был разглядывать с почтительным восхищением и задавать дурацкие вопросы, вроде: "А это кто такой? Вот этот генерал?" или "А эта красивая женщина, она кто: немка или русская?"

Тридцать лет подряд отец собирал, сортировал, подшивал, вклеивал и хранил все, что *у него* было связано с *войной*. Похоже, что он был женат на войне, а не на моей матери.

Раз в год из отцовских сундучков и шкафчиков выплывали на свет божий галстуки немыслимых расцветок, трикотажные кальсоны, большие серебряные монеты с орлом, подвязки для носков, запонки, узкие лакированные туфли, портсигары, мыльницы, опасные бритвы из знаменитой золлингеновской стали и другие трофеи из Германии и Австрии. Верхом роскоши было коричневое кожаное пальто, доходившее мне до щиколоток. Поскольку отец не носил хороших вещей, а донашивал плохие, это пальто было отдано

мне, когда я вырос. Дети в нашем дворе сочинили по этому поводу частушку и пели ее при каждом моем "кожаном выходе":

Здрасьте, дети, я — ваш папа,
Я приехал из гестапо!

Только сейчас, когда отца уже нет, я понимаю, что он был ко мне очень привязан и по-своему сильно любил. Он выстаивал многочасовые очереди, чтобы среди зимы побаловать меня душистым апельсином или — в конце весны — первой клубникой. Когда я был уже в третьем классе, он чистил за меня ботинки, и я, как сейчас, помню карикатуру в школьной стенгазете: два урода, большой и маленький, и подпись — "Отец Льва Кригера чистит за него ботинки! СТЫД И ПОЗОР!". Так и было — большими буквами.

Армия выработала у отца соответствующий взгляд на жизнь и окружающих: по его мнению, отношения между людьми состояли из приказов, которые можно было отдавать другим или надо было исполнять самому. Словом, отцовская жизненная философия была удивительно проста, и он формулировал ее так: *не крутите мне бейцим.* Под этим подразумевалось: оставьте меня в покое; бросьте эти сложности; надо жить как все.

Его привычка к приказам отразилась в многочисленных белых тетрадных листиках, специально нарезанных в четверть ладони, на которых отец *предписывал* нам с матерью, что надо делать, и такие же памятки заготавливал для себя самого. При этом он обращался к себе в третьем лице. Помню, как в Москву должен был прилететь из Фрунзе мой дядя Саша, родной брат отца. Утром того дня на столе у отца появилась записка: "Фиме (моего отца звали Ефим): не забыть встретить его брата Сашу!". В другой раз отец написал нам с матерью: "Лева + Лиза, будьте осторожны. Ножи заточены!" ...и сам порезался. На его орфографии и произношении лежал сильный отпечаток украинского местечкового детства, и он просил меня купить не арбуз, а "гарбуз" и взять котлеты в "мыске".

Отец никогда не ругался матом, хотя, по всей вероятности, знал его. Самым сильным выражением по отношению ко мне был "говнюк", произносившийся с неподражаемо презрительной интонацией, которая обычно оскорбляла меня больше, чем само слово. И еще отец при мне никогда не кричал на мать. А мать почти всегда начинала кричать на меня, если я пытался перечить отцу или спорить с ним. "Ша! — возникал материнский голос. — Тихо! Лева, выйди из комнаты! Фима, береги свои нервы!" Если бы кто-нибудь подсчитал, сколько раз я выходил из комнаты, он мог бы подумать, что я только этим и занимался. Мать всегда держала

сторону отца и уверяла, что он прав, а я — нет. При этом она подмигивала мне, цыкала, шипела и всевозможными знаками давала понять, чтобы я заткнулся и не укорачивал больному отцу жизнь.

"Отец болен" — эти слова были главными вехами моей юности. Отцу становилось то лучше, то хуже, но у него было постоянно подавленное настроение, а стол его был завален лекарствами и всяческими инструкциями по их приему. Отец пил, глотал, жевал лекарства, делал компрессы, ставил клизмы, прикладывал горчичники, мерил давление и жаловался на боли в затылке и в сердце. Он часто повторял "Когда меня не будет..." и "Сколько мне осталось?", но никто не принимал его слов всерьез. При всей своей мнительности и замкнутости отец не думал о смерти. По-настоящему он начал ее бояться после первого инфаркта.

Я думаю, что стало бы с моим отцом, успей он закончить, скажем, какой-нибудь технический институт или, еще лучше, — гуманитарный, если бы он пристрастился к книгам или, допустим, к картам, вину, к сигаретам, по крайней мере. Но он не пил, не курил и даже табачного дыма не переносил, так что наши редкие гости тоже воздерживались от курения. Я уверен, что в той же армии отец научился ценить две самые главные вещи для каждого солдата: еду и сон. Он "регулярно и калорийно питался", а после воскресного обеда обязательно спал. Его покой был священным, и мать была Главной Хранительницей этой святыни. В те часы, когда отец отдыхал, мне запрещалось громко говорить, петь, бегать, смеяться — вообще издавать какие-либо звуки. Наши трапезы тоже были священнодействием. Я должн был есть в гробовом молчании, не звякать вилкой, не скрести ножом по тарелке, не болтать ногами и — верх неприличия! — не чавкать. Чавкать я, вероятно, научился у самого отца, когда он забывался и упоительно, со свистом втягивал любимый фасолевый суп (теперь я понимаю, что это был еще один армейский атавизм). Вкусы у него были незамысловаты: кроме супа, он любил пирожки с картошкой (которые, как и многое другое, восхитительно готовила моя мать), украинский борщ, ржаной хлеб и чай. Он мог пить чай ведрами на протяжении многих часов, прикусывая кусочки рафинированного сахара, печенья или мацы. Отец любил мацу. Это было, пожалуй, единственной ниточкой, которая связывала его с историей многострадального еврейского народа, — разве что народ ел мацу во время Пасхи, а отец — еще много месяцев после нее.

Отец никогда не говорил со мной о евреях. Все мои отрывочные познания были добыты из случайных книг — от Шолом-Алейхема до Фейхтвангера. В конце концов я пришел к окончательному убеждению, что "нас все преследуют и никто не любит". Я не вполне осознавал, почему все

должны нас любить, но нелюбовь казалась мне явной несправедливостью. "Слушай, пап, — спросил я однажды отца, — а в Советском Союзе антисемитизм?" Мне было тогда пятнадцать лет, и я готовился поступать в радиомеханический техникум. Отец отложил очередную газету и спустил на нос очки. "Есть или нет?" — нетерпеливо повторил я. "Есть, — неожиданно ответил отец. — Ну и что?"

Я опешил.

Отец почесал за ухом и, опершись локтем о стол, забарабанил пальцами по лысине.

— Это наша страна, — сказал он. — Я за нее сражался, и меня контузило. Если бы не началась кампания против "космополитов", я дослужился бы до полковника и получал бы сейчас военную пенсию, как Бобиренко из отдела кадров. Есть антисемитизм. А где его нет? Скажи мне, где его нет? И ничего, живем не хуже других. Ты поступишь в техникум, потом в институт. Что тебе антисемитизм! Подготовишься и поступишь. Нечего себе голову всякой ерундой забивать.

У нас дома говорили только по-русски, но было несколько слов на идише, смысл которых я рано научился понимать. Эти слова всегда произносила мать, и у нее они звучали таинственно и сурово. "ГЕНУК!"* — строго говорила мать, и отец проглатывал недоговоренную фразу, как будто наткнувшись на невидимую стенку. "ГИБА-А-КУК!"** предназначалось для привлечения отцовского внимания к тому, как я делал домашние уроки, или к мелким пакостям, необходимым для самоутверждения. И, наконец, "АЗОХЕН АЗ ВЕЙ!"***, сопровождавшееся вздохом и скорбным поджатием губ. Если рядом находился отец, он всегда добавлял "пел соловей" и смеялся.

Просматривая газету, отец любил делать вырезки или пометки. Когда я заинтересовался Израилем, перед моими глазами замелькали сообщения о "новых происках израильской военщины" и "сионистских провокаторах из Тель-Авива", а красным карандашом были отчеркнуты статистические данные о самоубийствах тех немногих советских евреев, которые доехали до Израиля. Об уехавших отец говорил: "Те, кто уезжает, портят нам жизнь. На нас начинают косо смотреть, о нас говорят по телевизору. Это плохо. Меня уже спросили в Красном уголке, не собираюсь ли я в Израиль. Что я ответил? Я — кавалер семи орденов и медалей. Я? В Израиль? Эта старая сволочь Бобиренко спросил. Я ему сказал, чтоб он сам туда ехал. Неплохо ответил, правда?"

---

* Хватит! (*ид.*).

** Посмотри! (*ид.*).

*** Непереводимое полифоническое восклицание.

Однажды я показал отцу затертое и надорванное на сгибах письмо из Израиля, попавшее ко мне через четвертые руки. В нем, насколько мне помнится, рассказывалось о том, что Тель-Авив расположен прямо у моря, что по городу ходят люди в плавках и едят апельсины. Сочетание далекого, желанного моря и дорогих апельсинов вызвало во мне бурный восторг, но отец хладнокровно прочитал письмо, посмотрел его на свет, и тихо сказал: "Ты что, не понимаешь, что все эти письма пишет израильская разведка? Какое море, какие апельсины? Там люди живут в бараках и мрут от жары, как мухи. Вот, почитай "Известия".

Ах, Израиль, апельсиновая страна! Я поверил тому письму, влюбился в тебя, и у меня стало спокойно на душе, потому что я понял, что это — единственное на земле место, где нет антисемитизма. А еще я понял, что хочу жить именно в *этом* месте, купаться в *этом* море и есть *эти* апельсины.

Израиль оказался последним рубежом, за которым мы с отцом, в буквальном смысле слова, потеряли друг друга. Первый раз я видел своего отца плачущим, когда прощался с ним и с мамой в то последнее утро, перед вылетом из Шереметьево. Он плакал горько и громко, его плечи ссутулились, руки повисли вдоль туловища, веки с нашим фамильным конъюктивитом совсем разбухли и побагровели, а в глазах было страдание старой, больной птицы, у которой злые мальчишки разгромили палками гнездо.

Прости меня, папа, что я не плакал тогда — вот я плачу сейчас, и меня слушают только бессонные мыши, сверчки и Бог. Через две недели Он откроет свою регистрационную книгу, найдет мою фамилию и занесет над ней перо. "Хатима това!"* желают друг другу евреи в Судный День. Что Ты запишешь мне, Бог? Обманула ли меня цыганка, или, правда, у меня есть еще полжизни?

В палатке нас осталось семеро. Дошлый Сильвио, отдохнув в лазарете, получил справку и отчалил домой. Сегодня так же жарко, как вчера, как и неделю назад. Даже Цахи не приехал. Эзра спит. Цвика болтает по телефону. Звонить домой еще рано — жена на работе. Ури, Авраам и Шуки играют в "реми". Цион молится. Я промокаю полотенцем пот и читаю американский детектив под названием "План Моссада".

...Египет напал на Израиль. Посол Израиля в США проводит ночь у известной американской тележурналистки. Послу звонят из Иерусалима, но ответа нет. Египтяне давят, израильская армия отступает, резиденцию правительства срочно переводят из Иерусалима в Тель-Авив. А посол все не отвечает на звонки. Шикса-журналистка уговаривает его остаться до утра, но долг прежде всего. По дороге в посольство на него нападают

---

* "Хорошей записи!" (*ивр.*).

неизвестные арабы. Тренированный посол перепрыгивает через машины и за считанные минуты пересекает Сентрал-Парк. Телефон еще звонит — на другом конце провода сам премьер-министр. Судя по описанию, Бен-Гурион. "Слушай меня внимательно..."

Господи, за что же нам такое пекло? Вся эта пустыня похожа на операционную. И солнце-прожектор, чтобы Ему было лучше видно, что у нас в мозгах делается. Хотя, что там может делаться — все слиплось в один потный комок. И что там Цион бормочет, за что славит Всевышнего, что просит у Него? Простынку в цветочек себе постелил, чтобы на грязном спальнике в трусах не валяться. Как ему сейчас не тошно языком ворочать? Чешет, как пулемет, как будто у него в голове магнитофон вмонтирован. Если смотреть на него не моргая, почувствует или нет?

...Ай, русский опять на меня смотрит! Нехорошо: все время смотрит и смотрит. Чего он меня разглядывает? Смешной он, говорит смешно, с ошибками. А вчера проснулся и что-то по-русски мне кричит. Я говорю, не понимаю, а он снова свое. Оказалось, время спрашивал, думал, что на иврите говорит. А про Россию интересно рассказывает. Говорит, что там евреи в Бога не верят, обрезание не делают и кашрут не соблюдают. Тогда какие же они евреи? Они вроде как гоим. Так получается, безбожники! Ашкеназим — они такие, вон до чего государство наше довели! Сукины дети, прости Господи, на все воля Твоя и разумение! Вон, опять красоту наводит, как кот лапой — по своим усикам! Ишь ты — в зеркальце смотрит! И все у него в пакетиках да в мешочках. Ничего не скажешь — аккуратный. И вежливый — при мне в субботу не курит. А в душевой вон спиной ко всем поворачивается — сам-то необрезанный, небось! И жену у него как странно зовут — Генья! Может, и нееврейка вовсе? Понавезли сюда гоек, поди за каждой уследи! А потом ее мамзер на моей дочери женится, прости Господи! Тьфу!

Цион сплевывает — наверно, в горле пересохло. У меня тоже. Попить что ли кипятку из цистерны? Да нет, лень вставать.

...Израильский посол получил приказ привести в действие суперсекретный план. Международный шантаж: Израиль давит на Америку, Америка — на Советский Союз, Союз — на арабов. Арабы охотятся за израильским послом. Засада. Нет, он не может просто так спать с журналисткой — он обещает на ней жениться. Правда, у него в Израиле жена, но с ней он уже не спит. Еще одна засада. "Посол вытащил пистолет с глушителем и спрятался в кустах у дороги, по которой должны проехать преследователи. По другую сторону дороги его шофер перезарядил свой автомат и потрогал шрам на щеке, оставшийся с

последней войны. Посол успел выстрелить первым и увидел, как пуля вошла в лоб одному из арабов..."

— Эй ты, тупица, — кричит Ури, — что ж ты двойку не выложил?

— Какую двойку? — удивляется Авраам.

— Синюю, болван!

— А я...

— Ты, ты! Дурак ты, вот ты кто! Плати теперь 200 лир! Все, я ложусь.

Авраам, чертыхаясь, лезет за деньгами, Шуки принялся за вчерашний хлеб, а Ури наполняет канистру, выливает воду в спальник и ложится туда, как в ванну. Увидев мое изумление, он смеется.

— Вот как надо, понял? Вместо душа.

Я держусь еще полчаса и решаю испробовать метод Ури. Беру канистру и медленно наклоняю ее над спальником. Скоро там набирается на два пальца воды. Плюхаюсь на койку и в первую секунду в самом деле верю, что вхожу в ванну. Прохладнее не стало, а от кипящего воздуха вода быстро начинает испаряться. Появляется странное ощущение, будто я просто лежу на мостовой в грязной луже. Еще через полчаса спальник девственно сух, а я — снова облит потом.

В песке под койкой сосредоточенно возится муравей. Он тащит за собой длинную былинку и никак не может развернуться, чтобы обогнуть мой ботинок. Я беру оба ботинка и наступаю на муравья, окружая его с флангов. Он бросает свою ношу и с ненавистью пятится назад. Тогда я выкапываю авторучкой ямку у самой ножки кровати и начинаю теснить муравья, пока он туда не сваливается. Дальше происходит бесконечное разыгрывание мифа о Сизифе. Муравей карабкается по осыпающимся стенам ямки, но наверху его ждет неумолимая авторучка, он срывается вниз и снова начинает свой подъем. Муравья хватило на двадцать четыре попытки. А на сколько хватило бы меня? Чтобы доказать себе свое превосходство, я сгребаю ботинком кучу песка и засыпаю муравья в ту минуту, когда он готовится к двадцать пятой попытке.

...У-тро, твое пересохнет лицо,
Солн-це, как крутое яйцо,
Когда ты плачешь,
Ты не-краси-вая,
Перестань плакать,
Девочка моя...

— Приглушите радио, — мычит Цион.

— А тебе что, песня не нравится? — спрашивает Цвика, ковыряя пальцем в зубах.

— Ай, разве это песня? Разве это музыка? — кривится Цион. — Это для ашкеназим музыка да для марокканцев.

— А ты чего, арабскую хочешь? — спрашивает Авраам. — Сейчас сделаем.

Он находит какую-то арабскую станцию и, кривляясь, громко объявляет: "Жена Циона просит передать для него "Песню про хрен" в исполнении известной певицы Фархи эль-Куси".

Остальные с восторгом ждут продолжения. Авраам под заунывную мелодию, дрожащую на одной ноте, прыгает вокруг шеста, виляя задом и имитируя танец живота. Шуки и Цвика одобрительно хлопают в ладоши, а Ури хохочет так, что чуть не падает с койки. Цион поправляет очки, возмущенно сплевывает и, отвернувшись, бормочет что-то себе под нос. Это только увеличивает общее веселье.

Запыхавшийся Авраам садится рядом с Ционом и толкает его в плечо.

— Эй, Цион, ты что, обиделся, что ли? А?

— Оставь его! — не выдерживаю я.

— Да что на тебя, дурака, обижаться! — Цион поворачивается к Аврааму. — Я тебе в отцы гожусь! Язык у тебя грязный, вот что я тебе скажу!

— А что я такое сказал? — выпячивается Авраам. — Это про хрен, что ли?

— У верующих про это дело говорить нельзя, — вступает Шуки. — Они все в темноте делают и через простыню.

— Как это через простыню? — удивился я.

— Есть такая простыня с дыркой, — поясняет Шуки. — Женщина накрывается, а он туда...

— А зачем нужна простыня?

— Потому что нельзя верующему еврею на голую женщину смотреть. Запрещено.

— Точно, — добавляет Эзра, — так в Торе записано!

— ... поэтому они в простыне дырку и делают, — заканчивает Шуки.

— Брось заливать! — вопит Авраам. — У меня отец верующий, и все у них с матерью, как у людей. Я у нас в доме ни одной дырявой простыни не видел. Все целые!

— Да хватит вам! — Цион вскакивает с койки. — Что вы мелете? Тьфу на вас, тьфу, тьфу, тьфу! Безбожники! А ты, — он поворачивается к Шуки, — как тебе не стыдно? Э-эх ты, какая простыня, какая дырка? Да я... да мы...

Он огорченно машет рукой и выходит из палатки.

...Журналистка знакомит израильского посла со своим прежним любовником, имеющим доступ к президенту США. "Если нас к этому вынудят, — сказал посол, отпив из своего бокала, — то вместе с нами взлетит на воздух и Америка. И еще кое-кто, — добавил он, глядя на Кэти стальными глазами". Президент

США не верит и требует доказательств. Времени в обрез: египетская армия рвется в центр страны. Израильские потери превысили все предварительные расчеты. Израильтяне приглашают журналистку в свое посольство и дают ей сфотографировать план, на котором красными кружками обведены пять самых крупных городов Америки. "Что? — воскликнул президент. — Неужели эти еврейчики..?" "Но как вы сможете ударить по этим мишеням? Самолеты? Ракеты?" "Нет, — улыбнулся посол, — на этот раз не будет ни самолетов, ни ракет. Наши дипломаты уже давно доставили атомные бомбы в своем багаже, и я просто дам команду их взорвать". Президент США срочно звонит советскому премьеру по прямому проводу. Разговор идет через переводчика, хотя советский премьер хорошо знает английский язык. (Какой же это советский премьер знал английский язык?) Русские надавили на арабов. Израиль еще раз не погиб. Вторая Моссада больше не падет! "Я все время знал, что ты за нами шпионишь", — сказал посол, и Кэти узнала в его глазах то же самое выражение, которое она видела в то утро, когда он застрелил в парке двух арабов. "Но как же секретный план "Моссада"? — почти крикнула она. "Какой план? — медленно переспросил посол. — Я не знаю никакого плана". К-О-Н-Е-Ц.

После обеда мы снова лежим. У приемника подсели батареи, но он еще держится. Несколько дней нет газет, и без них мир суживается до радионовостей, врывающихся в уши каждый час. Я уже выучил наизусть все рекламные песенки. Сон не идет. Опять лезут мысли о прошлой жизни. Жизни или жизне? О ком — о чем, дательный падеж. Или винительный? Господи Боже мой, я теряю русский язык! Какое ударение, склонение, спряжение, какой синоним? Куда пропадают слова, с которыми прожил всю жизнь? Я уже и сам не замечаю, как разговариваю одновременно на двух языках. Доктор вот читает Бабеля, чтобы не забыть русский. А я? Газеты — на иврите, книги — на английском. Русские книги не покупаю, да и те, что у меня есть, почти не перечитываю.

Когда я уезжал из Москвы, передо мной в таможне проверяли библиотеку пожилого интеллигентного еврея. "И куда вы все это везете?" — спросил таможенник. "Дети будут читать!" — уверенно ответил пожилой. Теперь я знаю, что он ошибался. Дети читать не будут. Да и мы-то уже не вернемся к этим книгам, которые когда-то составляли чуть ли не смысл и основу нашего существования. Как это ни парадоксально звучит, но, став народом Книги в Израиле, евреи здесь же, в Израиле, перестали им быть.

— Эй, Ури, — просыпается Авраам, — сгоняй в "Шекем" за "колой", а?

— Сам сгоняй! — отзывается Ури, и на этом беседа заканчивается.

Авраам с трудом разлепляет потрескавшиеся губы и вожделенно облизывается.

— При такой жаре, — рассчитывает он, — бутылка "колы" в Эйлате сейчас 300 лир может стоить! А туристы, знаете, сколько платят? Три доллара за бутылку!

— Потому что они фраеры, вот и платят, — бросает Шуки. — Я бы на их месте не платил. И чего они вообще сюда лезут? Из своего Техаса приезжают на развалины смотреть. На пустыню. У вас, говорят, такая замечательная пустыня! Камней им в Америке не хватает. И песка. Так я бы им отдал. Берите!

— Опоздал ты, парень, — вворачивает Цвика. — Бегин уже все отдал — и камни, и песок! Только не американцам — они хоть заплатили бы, — а египтянам! От этих мы не только денег, но и спасибо не дождались!

— Ладно, хрен с ней, с "колой"! — отступает Авраам. — Давайте хоть кофе попьем!

На семь человек у нас одна пластмассовая чашка без ручки, захваченная из столовой. Кто пойдет ее мыть?

— Города! — предлагает Ури и первым начинает. — Афула...

Эту игру я помню еще с детства. Каждое название города должно начинаться на последнюю букву предыдущего. Как-то я рассказал об этой игре ребятам, и с тех пор мы стали разыгрывать все, что можно: от мытья посуды до дежурства у ворот. Проигрывает, естественно, тот, кто не может придумать названия на заданную букву.

— Ашкелон! — продолжает Цвика, и эстафета переходит ко мне.

— Нетания! — перебрасываю Циону.

— Яффо!

— Офира!

— Акко!

Авраам замялся, сопит и ерзает на койке.

— О-о-о... э-э-э...

— У-у-у! — дразнит его Ури, и все хором кричат:

— Ав-ра-ам, лех л'шам!*

Авраам плюет и идет мыть чашку.

Варка кофе — это особый ритуал. Вначале наполняется водой эмалированный финджан. От одного этого слова уже пахнет кофе. Потом финджан ставят на специальную газовую горелку: пузатый баллон с металлической "лапкой". Шипит газ, подкручивается ручка, зажигается огонь, и все зачарованно рассаживаются вокруг. Когда вода закипает, на глаз засыпается не меньше трехсот граммов кофе и полпакета сахара. Так получается гремучая смесь, которую здесь называют "боц". Горелку всегда прихватывает из дому кто-нибудь из резервистов. На этот раз — запасливый Сильвио.

---

* Иди туда! (*ивр.*).

Единственная чашка идет по кругу, как трубка мира.

— Мужчина должен быть, как кофе — крепок, сладок и горяч! — залихватски скандирует Цвика и вздыхает. — Так Рути говорит.

— Ну, чего у вас с ней? — интересуется Эзра. — Когда свадьба-то будет?

— Какая там свадьба? Поругались мы.

— Поругались-помирились! — чашка переходит к Шуки, он держит ее за донышко, покуривая сигарету. — Мы с женой каждый день ругаемся, а вот скучаю по ней. На прошлой неделе два дня дома был — два дня ругались, а сейчас опять домой хочу.

— Еще чего! — вступает в разговор Цион и отмахивается от табачного дыма. — Мы все уже по одному разу были, и Сильва вон еще не вернулся.

— А что мне Сильва? — вскидывается Шуки. — Плевать мне на него! Чего это я две недели без отпуска буду?

— Тебе бы в советской армии послужить, — говорю я. — Ты бы вообще забыл, что такое отпуск.

— А сколько дней там дают? — интересуется Ури.

— Могут вообще не дать.

— Это как же?

— А так. Будешь два года служить и ни разу домой не съездишь.

— Вот это да! — ахает Авраам, и все переглядываются.

— А если очень повезет, — продолжаю я, довольный произведенным эффектом, — может, один раз и получишь отпуск на две недели. И все.

— И все! — повторяет за мной Авраам.

— Там тебе не Израиль, где все в часе езды от дома. Пошлют на север или на юг — пять часов лету до дома, понятно?

— А в резерв там на сколько берут? — спрашивает Шуки.

— Ни насколько. Отслужил свои два года, и кончено. Может, раз в пять лет на какие-нибудь сборы позовут дня на два.

— В Израиле положение другое, — говорит Цион. — Тут без резервистов нельзя.

— Конечно, нельзя, — соглашается Шуки. — У срочной службы на одного солдата по десять офицеров и по три генерала. Если бы не резервисты, тут и воевать бы некому было.

— А я бы поменялся, — тянет Авраам. — Чтоб два года без отпуска отслужить — и кончено! И ни в какой резерв больше не ходить.

— Еще чего, — хихикает Ури. — Два года без отпуска? Да я бы уже сто раз сбежал из такой армии!

— Слушай, Арик, — Цион заводится на любимую тему, — а как в русской армии дисциплина, а?

— Дай Бог, чтоб здесь такая была! Там ты перед офицером или сержантом рта не раскроешь, не то что по имени его называть! По стойке "смирно" будешь стоять, пока...

— Подумаешь, — перебивает Цвика. — А у нас зато демократия!

— Ну и что нам их дисциплина? — косится на меня Эзра. — Мы бы русскую армию двумя танковыми бригадами сделали. Они и не знают, что такое война, а у нас она раз в пять лет. Вот если взять тыщу русских солдат, отобрать так со всех войск, и тыщу израильских, как думаешь, кто победит? Конечно, наши победят!

Третья чашка кофе завершает круг, и мы еще раз играем на дежурство. На этот раз я проигрываю и бреду к воротам.

От нечего делать я решил себя обыскать. Во время дежурства это хоть как-то убивает время. В левом брючном кармане — белый носовой платок в коричневую клетку, в правом — пуговица от ширинки цвета "хаки", коричневая аптечная резинка и две семечки; в левом кармане рубашки — авторучка фирмы "Глобус", бумажник с военным билетом, двумя расписками в получении амуниции и оружия и 650 лир. Старый паспортный снимок жены. Все-таки зря она сейчас так коротко постриглась. В правом кармане — пластмассовая расческа в засаленном футлярчике с изображением яхты под парусом и ключи от квартиры. Верчу их в руках и в очередной раз недоумеваю. Здесь, в пустыне, они выглядят совершенно ирреально, точнее, сюрреалистически, как картинка в старом журнале, на которой изображена дверь в центре пустыни. Именно так: дверь, открытая в никуда. В пустыню. Я подозреваю, что художник по какому-то наитию увидел наши ворота. Те самые, у которых я сейчас сижу с ключами от своей квартиры и с фотографией жены.

Я всегда таскаю с собой этот снимок, потому что вот такой она и была в то лето нашего нечаянного знакомства. Мы возвращались с приятелем с какой-то вечеринки и ехали в совершенно пустом троллейбусе, пока на одной остановке не вошла... Даже в состоянии приличного подпития я понял, что такая женщина может только присниться.

Ей было лет двадцать пять. Есть много женщин, на которых начинают смотреть снизу вверх. На эту женщину я невольно посмотрел сверху, потому что... да, ее волосы. Густые, черные пряди, нет, потоки с частыми серебряными ниточками, были стянуты сзади в узел, казавшийся особенно тяжелым для такой хрупкой шеи. Из-за этого голова была немного откинута назад, что придавало ей выражение некоторой надменности. Лицо напоминало старинную камею, которую моя бабушка прикалывала к выходному платью. Крутые дуги бровей сходились на переносье, а под ними щурились медового цвета глаза с зелеными искорками. Жен-

щина была, наверное, близорука, но скрывала это. Губы были чуть приоткрыты, как будто она ждала, что ее сейчас поцелуют. На лице не было никакой косметики, но мне казалось, что она загримирована под ту бабушкину камею. На ней было свободное светло-голубое платье без рукавов с черными контурами каких-то фантастических растений с осыпающимися листьями.

Я до сих пор не знаю, почему она села наискосок от нас, хотя весь троллейбус был пуст. После пошлых и лобовых заходов типа "Девушка, а куда вы едете — может, нам по дороге?", я неизвестно зачем спросил ее, была ли она когда-нибудь в палеонтологическом музее. "Нет, — сказала она, — не была". "Так вы ни разу не видели птеродактиля?" — делано ужаснулся я. "Не видела. А кто это такой?" "Это такая страшная птичка..." — я вскочил с места, чтобы предельно точно изобразить птеродактиля, но в эту минуту троллейбус качнуло на повороте, и я рухнул прямо к ее ногам. Приятель собрался меня поднять, но я ему сказал, что мне там очень хорошо лежать и чтобы он оставил меня в покое, если не хочет схлопотать по физиономии. Незнакомка хохотала, закинув голову. Под самым горлом, в маленьком углублении, виднелась крошечная черная родинка, как некий тайный знак, которым была отмечена эта женщина.

Потом приятель вышел на своей остановке, и мы остались вдвоем. Теперь мы сидели друг против друга.

— Так как зовут это страшилище... ну, из музея? — улыбнулась она.

— Его зовут Лева, а вас?

— Женя.

— Скажите, Женя, вы не боитесь разговаривать с посторонним мужчиной?

— А вы уже не посторонний. Вы — Лева. И, кроме того, вы пьяны, слабы и неопасны.

— Кто слаб? — я хотел встать, но испытал состояние очень близкое к морской болезни. — Слаб, — согласился я, — слаб и неопасен. Так неопасен, что могу даже назначить вам свидание. Придете?

— Приду.

— Серьезно?

— Серьезно.

— Так давайте завтра в шесть, у памятника Пушкину.

— Нет, лучше прямо в музее.

— В каком музее?

— Как в каком? В палеонтологическом. Я же должна познакомиться с вашей птичкой...

Убираю фотокарточку в бумажник и смотрю на часы. Еще полчаса тут торчать.

На кольце — всего три ключа. Маленький — от почтового ящика. Опять достану какой-нибудь дикий счет за электриче-

ство или письмо из банка с просьбой зайти и поговорить о превышении кредита. Потом открою верхний замок. Два оборота. Потом — нижний. Два с половиной оборота и еще чуть поднажать снизу на ручку. Дома пусто и прохладно. В душ! Сброшу форму и развешу ее на балконе. По этим штанам и рубашкам всегда можно безошибочно определить, что их владельцы прибыли в увольнительную. Когда жена придет с работы, соседки покажут ей на мои штаны и скажут: "Твой вернулся".

Сажусь на наш единственный стул-креслице. Его правая ручка сделана в форме небольшого столика. Такие стулья стоят в университетах и всяких лекционных залах, чтобы удобно было конспектировать. Но кто его сюда приволок? Опять сюрреализм. Конспектировать мне нечего. Но на таком стуле невольно чувствуешь себя как за партой. Ах, какие у нас в школе были парты — эти темно-зеленые гробы из мореного дерева, на которых так хорошо вырезались фамилии и всякие неприличные слова. Крышки так оглушительно стучали, когда мы вскакивали с мест! Как это у Киплинга: "Они быстро на мне поставили крест, в первый день, первой пулей в лоб, дети любят в театре *вскакивать с мест* — я забыл, что это — окоп". Если хотите ответить или спросить что-нибудь, поднимите руку — так нас учили в школе. А мои ученики в Израиле поднимают указательный палец. На четыре пальца легче.

Никакого отчества у меня больше нет. Я для них — просто Арье. Директор школы с самого начала попросил меня сменить имя, чтобы ученикам было легче запомнить. "И потом, — сказал он, — надо кончать со всеми этими галутскими именами и фамилиями. Мы ведь еврейское государство строим, а тут не разобрать, где имя, где фамилия". Я с ним не спорил. К тому же во всех анкетах есть параграф "какую фамилю носили раньше".

Ключом от почтового ящика выцарапываю на ручке стула пять еврейских букв своей бывшей фамилии. Получилось на одну букву меньше, чем по-русски. И вдруг слышу голос Раечки Дичинской: "Ты парту испортил!" Боже мой, сколько лет назад это было?

В Израиле я потерял чувство времени. Здесь как будто вытравлены, высушены все приметы проходящей жизни, смещены и смазаны все точки отсчета. Остаются только такие вехи, как войны и рождение детей.

Уже шесть лет я в резерве, два раза в год хожу на сборы и учения с одними и теми же людьми. Я знаю все о них, они — все обо мне. В армии без разговоров совсем свихнуться можно. Какая-то массовая бесплатная психотерапия. А во всем мире люди платят психиатру деньги (и какие!) только за то, чтобы выговориться.

Шуки уверяет, что для него сборы — это разрядка после завода и семьи. "В армии, — объясняет он, — ни о ком заботиться не надо. Тут тебе ни жены, ни детей. Думай только о себе и о том, чтобы не работать". В батальоне он каждую собаку знает, и все у него в друзьях-товарищах ходят. Вот и Сильвио ближе к нему, чем ко мне. И я знаю почему. Потому что они вместе были на войне, а я нет. Не сидел с ними в траншее, не был под обстрелом. У нас нет общего прошлого. Может, поэтому меня и не зачисляют в израильтяне. По сравнению даже с самой короткой войной шесть лет резерва — ничто. Неужели снова будет война? Сильвио сказал: "Конечно, будет". Хорошо ему, он сейчас дома.

Вот и кончилось мое дежурство.

Пикап уехал обратно на базу, и в палатке темно, как в пещере.

— Все закрыто было, — рассказывает Эзра, — только у арабов открыто. Но к арабам я не пошел, я у них в кафе никогда не ем: брезгую. Грязно у них. Если бутылка запечатанная, тогда я еще, может, выпью, а если что открытое — никогда!

— Арабы! — раздельно произносит Шуки и долго затягивается сигаретой. В темноте красная точка пульсирует, как огонек ночного самолета.

— Не любишь ты арабов, а, Шуки? — подначивает Авраам.

— Я их ненавижу! — злобно цедит Шуки. — Не-на-ви-жу! Раньше я их вообще не замечал. Так, бегут себе, как собаки по улице. А после Йом-Кипур стал их ненавидеть и скажу почему. Две причины. Первая. Дружок мой, товарищ близкий. Мы с ним в Суэце были. Уже после прекращения огня. Помнишь, Цион?

— Конечно, помню! — отзывается невидимый Цион. — С нами Цемах был. И Моше Лейбович, благословенна его память!

— Вот я про него и говорю. Сидели мы тогда с ребятами все вместе, мясо жарили. А Моше и говорит: "Хочу лука". Не может, понимаешь, мясо без лука есть. Ну и полез он по ступенькам на крышу — там лук лежал. Мы внизу сидим, разговариваем, вдруг слышим — очередь автоматная, и еще одна. Вскочили, а там темно было, ничего не видно. Пока вылезли из дома, пока поняли, что случилось, дружок мой Моше уже мертвый был. Его египетский снайпер из "калачникова" пополам разрезал. Вот так, как ножом, на две половинки. И это после прекращения огня! Вот тогда-то я арабов и возненавидел. И вторая причина. Племянник мой, Хананья. Встретились мы с ним во время войны на переправе, обнялись. Я ему говорю, теперь уже недолго осталось, я тебе после войны позвоню — увидимся. Прихожу через месяц

домой, а мне говорят: убили Хананью, нет его больше. Вот откуда моя ненависть. Мне бы только дали власть, я бы тут всех арабов перестрелял! Всех до единого. И детей тоже. Сегодня они дети, а завтра у Арафата служить будут. С арабами только так и надо. Они только силу и признают. Знаете, как говорят: "Не верь арабу, даже если он пятьдесят лет в гробу".

— Сорок, — авторитетно поправляет Цион. — Написано в Гемарре: "сорок лет в гробу пролежал". Эта история случилась с рабби Меиром. Он в канун Субботы проходил мимо кладбища, и был у него с собой мешочек с деньгами. Чтобы в Субботу деньги не носить, он решил закопать их до следующего вечера. А ночью дух араба, который был там захоронен сорок лет назад, явился арабову сыну и рассказал, что в таком-то месте еврей закопал свои деньги. "Пойди и возьми!" — сказал дух сыну. Хорошо, что рабби Меир вовремя вернулся! Такая вот история.

— Арабы, сукины дети! — снова вступает Шуки. — Я их знаю, рос с ними, работал вместе, от них арабскому научился. Сам не говорю, но понимать — понимаю. Меня они не проведут! Я тут в одном арабском духане недавно был и так просто хозяина спросил: куда он все заработки девает? А у него мальчишка — сын лет пятнадцати — говорит по-арабски: "Вашему правительству налоги платим, а оно на них оружие покупает, чтобы нас убивать!" Я к нему — ты, говорю, что сейчас сказал? Повтори — я все понял! А он сразу же: а что, мол, ничего я такого не говорил, сказал, что много налогов платим. Я его чуть не прибил! Я, когда в солдатской форме, так хоть оплеуху могу арабу дать, если он, к примеру, на дороге у меня стоит или сказал мне что-нибудь. Прямо вот так дам по морде, и все — и поверят *мне, меня* оправдают! Хоть так с ними посчитаться!

— У арабов психика такая, — говорит Эзра, — что они только кулака слушаются. Вон ихние полицейские в Шхеме сразу их по головам дубасят — не то что наши, все с уговорами, да с уговорами.

— А мне арабы не мешают, — полусонно бормочет Цвика. — Мне бы поскорее из армии освободиться и жить как человек.

— Молодой ты еще, Цвика, — смеется Шуки и швыряет в него тлеющим окурком. — Какая это жизнь? Только тихо стало — и опять война! Все, что я помню, это — война, война, война!

"Тут все время война, милый, я больше так не могу. Все время в таком напряжении, столько смерти вокруг, и каждый раз, когда ты уходишь на свои сборы, я места себе не нахожу, все думаю, а вдруг с тобой что-нибудь случится! Давай уедем, Левушка, я тут в банк пошла работать и там тоже устроюсь, а ты с твоим английским — тем более! Тетка моя поможет, и брат

все время зовет, говорит, что там хорошие люди живут. Ты же сам говорил, что в Америке врачи лучше. Мне операцию сделают, и у нас будет ребенок. Это тут на меня смотрят как на больную, как на прокаженную, а там мне помогут, только, ради Бога, давай уедем! Пожалуйста, Левушка, ну, пожалуйста! Я все понимаю, я тебя жалею, милый, но и ты меня пожалей!"

Господи Боже мой, за что Ты меня так мучаешь? Ты не дал мне покоя там, не даешь его и тут. Я совсем уже запутался, не знаю, чего Ты от меня хочешь. Хочешь, чтобы я остался? Но ведь Женя уедет одна, а без нее я умру. Хочешь, чтобы уехал? Тогда какой же Ты еврейский Бог? И кто тогда я сам?

Распугивая сверчков, надрывается приемник. Цвика ругается с Рути.

— Цвика, — прошу я, — скажи Рути, чтоб дала мне линию, мне срочно домой надо позвонить. Слышишь, Цвика?

— Ну и дура ты, ясно? Не хочешь — не надо, только я тебе больше звонить не буду, поняла?

— Цвика, дай мне позвонить!

— Вот тут одному резервисту позвонить надо. Дай ему линию! Что? Ты подумаешь? Думай-думай, если у тебя есть чем думать!

Длинные гудки и наконец голос жены, даже еще не голос — откашливание и протяжное: "К-е-е-н"*.

— Это я, милая.

— Левушка? Это ты?

— Да. Ты долго не подходила.

— Я заснула немножко. Пришла усталая, даже телевизор не включала. Сразу легла и...

— Как ты?

— Все в порядке. А как ты?

— Тоже в порядке. Я...

— Ты решил? Почему ты молчишь? Я спрашиваю, ты решил? Лева?

— Нет.

— Но ведь мы договорились, что ты позвонишь, если...

— Вот я и звоню.

— Но ведь ты ничего не решил!

— Нет.

— Левушка, почему ты так со мной говоришь?

— Как?

— Холодно. Там, что, кто-нибудь понимает по-русски?

— Нет, никто не понимает.

— Хорошо. Осталась еще неделя. Если ты вернешься из своей армии и ничего мне не скажешь...

---

* Да (*ивр.*).

— Женя, не надо ультиматумов.

— Это не ультиматум, милый. Я просто устала тебя уговаривать.

— Эй, джинджи, — кричит Цвика, — кончай болтать, мне тоже звонить надо!

— Кто это там, милый?

— Есть у нас один крикун. Прости, но тут нужен телефон.

— Спокойной ночи, Левушка. И, пожалуйста, я тебя очень прошу...

— Спокойной ночи, милая. Я тебя очень люблю, и мне очень плохо без тебя. Целую тебя, целую...

— Ну, что дома? — спрашивает Цион. — Все в порядке?

— Все в порядке, — автоматически повторяю я.

Осталась еще неделя. Осталась всего неделя. Сегодня — второй день. Или третий день? Без газет все дни перепутались...

Напротив меня раскашлялся во сне Авраам. Он кашляет долго, залпами, с какими-то рвотными судорогами, а затихая, всхлипывает и причмокивает, будто ест суп. Цвика опять забыл выключить приемник. Вылезаю из спальника и шарю в темноте вокруг его койки, пока не нахожу этот чертов транзистор в одном из ботинков.

У ворот, скрючившись на стуле, спит Ури. Автомат он сунул под ноги.

Лежу с полузакрытыми глазами и смотрю, как Цион вытаскивает из футляра очки, потом расправляет дицит* и натягивает штаны. Гудит голова, болят бока, хочется спать. Пять часов утра. Цион выбирается из палатки, закутывается в талит, и на фоне бесконечного песка его одинокая фигура превращается в большую белую птицу с черными полосками. Наверно, вот так и выглядели наши прадеды в земле Ханаанской. Заунывный мотив молитвы с ее монотонным "ай-яй-яй" разбудил каких-то мелких птах, и они взлетают из-за дюн парами, как боевая эскадрилья.

Цион скатывает талит и вынимает из сумки огурец, кусок хлеба и кефир в пластмассовом стаканчике. С ужина припас, думаю я.

— Спасибо, Господь, — бормочет он, — что послал нам еду и дал поесть в мире...

Он взбалтывает кефир и тут замечает, что я не сплю.

— Огурец хочешь?

— Давай.

Цион разламывает огурец пополам.

— А в России огурцы есть?

---

* Четыре кисти нательного молитвенного одеяния.

Песок вкраплен в огурец, как дробь. Песок царапает горло. Песок под ногтями.

— Цион, почему ты в синагоге не молишься?

— Идти далеко.

Ах да, сегодня — Суббота. Значит, Цион не поедет с нами в столовую и до вечера будет лежать и читать свои книги.

Я один раз был в нашей полковой синагоге. Небольшой такой домик с надписью "Синагога". Когда проходил мимо, меня ласково окликнул раввин: "Молиться идешь?" — "Нет". — "А книга? Это не Танах?" — "Нет, американский роман". Раввин пожевал губами и отвернулся.

Из любопытства я зашел внутрь. Там было несколько солдат, в основном — пожилых резервистов. Автоматы лежали на скамейках рядом с молитвенниками. Но самым поразительным была картина на стене, написанная маслом и пристроенная с правой стороны от Арон ха-Кодеш*. На этом полотне, разделенном по диагонали черной линией, были грубо намалеваны танк (внизу) и пушка (наверху). Этот шедевр батальной живописи сопровождала витиеватая надпись, выведенная крупными желтыми буквами "ЛО Б'ХАЙЛЬ В'ЛО Б'КОАХ!"**

— Красиво, а?

Я оглянулся и увидел того же раввина в чине капитана.

— А как же это, картина — и в синагоге висит?

— Это не картина, — вздохнул раввин, — а эмблема! Можно сказать, лицо полка!

Вспомнив этот разговор, я спрашиваю Циона, что он думает о синагогальной картине. Он уже в молитвенном трансе и не сразу из него выходит. Повторяю вопрос. Цион трогает ермолку и морщится.

— Плохо, очень плохо! У сефардов запрещено. Совсем запрещено, чтобы во время молитвы других мыслей не было, чтобы ничего другого глаза не видели. А у ашкеназим можно. Это ж надо — в синагоге пушки с танками рисовать! Тьфу, прости Господи! Да это наверняка ашкеназим и нарисовали, тайманцы*** и рисовать-то не умеют! В скольких синагогах в армии был — нигде такого не видел!

— Слушай, Цион, а вот надпись...

— Какая надпись?

— На картине этой. ЛО Б'КОАХ... и как там раньше?

— ЛО Б'ХАЙЛЬ!

— Да, хайль! Что это значит?

— А то и значит, что мы не только силой берем, не только танками.

---

* Скиния Завета.

** "Не воинством и не силой..." (Захария, 4:6).

*** Тайман — библейское название Йемена (*ивр.*).

— А чем же еще?

— Вот в этом-то все и дело, — усмехается Цион и собирает в щепоть свою бороденку. — Написано в Танахе: "Не воинством и не силой, но Духом моим"! Вон что они с Божьим словом делают! Где же Дух-то, а? Я тебя спрашиваю, куда они Дух подевали?

— Кто "они"?

— Ашкентозим*, кто же еще? Когда мы приехали, они над нами смеялись, что у нас детей много; что старухи наши в штанах ходили и на свадьбах улюлюкали; что мы раввину руку целуем. Варварами нас называли. Они из нас второсортных ашкеназим хотели сделать, а мы первосортными тайманцами хотим быть, понял?

Монолог Циона прерывает появление Цахи.

— Кто завтракать едет? — весело кричит он.

— Хватит тебе орать! — высовывается из мешка Цвика. — Спать хотим!

— Я поеду.

— Этим лентяям ничего из столовой не привози, понял? — Цахи шлепает меня по спине жирной ладонью. — Пусть худеют! — и хохочет.

После завтрака оказывается, что у пикапа полетела ось, а наш "джип" приедет только через час. Узнав об этом, я захожу в офицерский сортир и иду поболтать с доктором.

Он сидит в своем кабинете в одних трусах и читает приложение к пятничному выпуску газеты "Маарив".

— А-а, земляк, Шаббат шалом! — радуется доктор. — Сейчас чайку соорудим! А то, может, спиритус вини желаете, а? Что, с утра не пьете? И правильно, я вот тоже не могу — сердце не позволяет, а раньше, бывало... Ах, что там говорить, что было, то было!

Он помешивает в стакане крепкий чай и рассматривает меня через очки-колеса.

— Так как думаете, война будет?

— Надеюсь, что нет. А вы?

— Будет. Как мы себя ни уговариваем, что, мол, с Египтом перемирие, Иордания держит нейтралитет, в Иране — хаос, а я думаю, что против нас они всегда сговорятся.

— Я не верю. И потом, наша армия — самая сильная на Ближнем Востоке.

— Красная армия всех сильней! — фальшиво пропел доктор, и мы оба засмеялись. Он отхлебнул из стакана и почесал колено. — Армия разрушается, как и все остальное.

— Но ведь все говорят, что во время войны...

— Во время войны — да! А между войнами? И если ме-

---

* Издевательская вариация "ашкеназим".

жду войнами в армии — бардак, что будет на войне? Чудо? Вы верите в чудеса? Я больше не верю!

— А во что вы верите?

— В дружбу. Да, да, не смейтесь. В Израиле солдаты сражаются не за Отечество. Тут и слов-то таких не употребляют, и на знамени "За Родину!" не пишут. Вот, мой товарищ в бой идет. Я его по резерву десять лет знаю и всех офицеров — тоже. Так что же, он пойдет, а я нет?

Доктор снял очки.

— Я в Риме был, когда в Йом-Кипур война началась. Так в аэропорту очередь была — 800 офицеров. *Дрались* за право первыми вернуться и идти на фронт! Вначале только летчиков брали. Я, врач, еле пролез: знакомый генерал за меня похлопотал. А в Лоде нас уже с формами ждали, мы там же переодевались — и на фронт. Знаете, когда в полк приехал, мне прямо-таки легче стало. А ведь даже семью не видел — сразу к ребятам! Вот так-то, земляк!

В дверь постучали. Доктор обернулся.

— Открыто!

Вошел фельдшер-аргентинец, сказал, что в столовой опять плохо вымыли посуду. Доктор выругался; вначале на иврите, потом по-русски.

— Ну, я им покажу! Я им за такие дела неделю внутри* сделаю! Дай мне халат! Вы извините, земляк, не знаю имени-отчества.

— Просто Лева, — жму пухлую докторову руку.

— А меня Аркадий. Аркадий Самуилович по-старому. Ей-Богу, Лева, заходите, а то я тут и по-русски разучусь говорить.

— А как же Бабель?

Доктор гулко хохочет и шутливо грозит мне пальцем.

— А вы зубастый, а?

В палатке Арваам, Шуки и Ури уже режутся в "реми", а нагрянувший Шауль взывает к сознательности Эзры, стоя у его койки.

— Эзра, прими этот грузовик!

— Не приму.

— Я с тобой как с человеком, а ты...

— А, пошел ты...

— Заткнись, сука! Я тебе — не товарищ!

— Да у меня и нет таких товарищей!

— Ты у меня домой не уедешь, понял? Под суд пойдешь!

— А я твою мать...

— Я тебя последний раз спрашиваю, ты идешь работать?

— А я не хочу работать. Н-е х-о-ч-у! Понял?

---

* Неделя гауптвахты (*арм. жаргон*).

Вспотевший Шауль выскакивает из палатки и мчится на базу.

— Сейчас мем-цадиков* приведет! — пророчески заявляет Авраам.

— Никого он не приведет, — возражает Ури и отпивает из канистры. — Слышь, Эзра, двигай лучше к нам. Мы сейчас из толстого еще пару сотен вытрясем!

Шуки перемешивает костяшки и выстраивает их столбиками.

— Пас!

— Куда ты пятерку суешь?

— А куда мне ее, в задницу тебе засунуть?

Цион отрывается от молитвенника и укоризненно смотрит на троицу.

— Ай-яй-яй, а в азартные игры играть — грех! Да еще в Шаббат! Бог все видит!

Ури торжественно выкладывает сразу четыре комбинации и кричит Циону:

— Так пусть Бог отвернется! Шуки, гони еще 100 лир!

Ури достает из кармана рубашки тонкую пачку денег, бережно вкладывает туда две новенькие бумажки и еще раз пересчитывает. При этом он медленно шевелит губами и после каждой сотни рисует на песке черточку.

В следующую субботу я уже буду дома.

Ты решил?..

Мухи...

Откуда здесь столько мух? И как только они в такую жару не дохнут?

Буду дома. "Мне хочется домой, в огромность квартиры, наводящей грусть. Войду, сниму пальто, опомнюсь..."

Я в Израиле ни разу пальто не носил.

Наводящий грусть...

— **Кто там?** — Это я!

— **Левушка!.. Решил?**

— ...Брось, Авраам, — уговаривает Шуки. — Цион тебя не трогает, и ты к нему не лезь!

— Не трогает?! — взвивается Авраам. — Пусть и не суется со своим Богом! Плевать я хотел на Шаббат: хочу играть — и играю! Хватит с меня, понятно? Я у родителей в Эрэв-Шаббат только телевизор включу — уже соседи идут, у нас полный дом верующих. Ты, говорят, не можешь телевизор потише сделать? А я назло — еще громче врубаю! Я у себя дома! Что хочу, то и делаю!

Странно, если я открываю глаза, то разговоры проходят передо мной, как газетный текст, я их не столько слышу,

* Аббревиатура слов "миштара цваит" (военная полиция. —*ивр.*).

сколько вижу. А если закрыть глаза, то голоса отдаляются и тускнеют, забиваемые всякими мыслями.

"...пла-а-а-а-чу
О те-бе,
пла-а-а-а-чу
О те-бе..."

Дон Маклин на шестом месте. Какой подъем — всего за неделю с двенадцатого места! Следующая песня...

— ... Да кто в твоем Ликуде есть? Давид Леви? Рабочий! Ха-ха-ха! Этот рабочий давно забыл, как молоток выглядит!

— А в МААРАХе кто? Абба Эвен, да? Три подбородка, как у индюка, только и знает, что ими трясти — бу-бу-бу и бу-бу-бу! А Бар-Лев! Как говорить начнет, так можно спать ложиться — утром встанешь, он еще не кончит!

Это Ури с Цвикой опять сцепились. Цвики — потомственный маарахник, в киббуце вырос.

Мы, когда только приехали, хотели в киббуце поселиться — не приняли. Десять лет женаты, обоим за тридцать, а детей нет — подозрительно! Вежливо так поинтересовались, почему, мол, может, кто из вас болен? Попросили справку от врача. Мы больше туда не вернулись.

Надо было с собой больше книг взять. И белья не осталось — кто же знал, что я за две недели ни разу домой не съезжу? Придется трусы постирать — тут в минуту высохнут.

Сегодня я дежурю с десяти до полуночи. После обеда обычно удается уснуть хотя бы на час. Тяжелая лень в голове. Каждая капля пота весит килограмм. Серые полосы. Потом черные. Потом зеленые. Дом на Ленинском. "РЫБА" — аллея — балкон. Полный сбор нашего класса. — Ребята! Кригер! Левка Кригер приехал из Израиля!

Меня обнимают и целуют, и я обнимаю и целую. Да ведь это... Ну, конечно, Анечка! Анечка, Бог ты мой, неужели это ты? Эй, Левка, у тебя уже лысина! Ой, не могу! У Кригера — усы! Ты что, по туристической? Что? Да, по туристической! На две недели. Смотри, смотри, какой Левка заграничный стал! От него пахнет по-иностранному. Да что вы, ребята, ничем от меня не пахнет! Сидите, я открою. Кто, милиция? Ребята, к нам — милиция!

Я почему-то стою один посреди комнаты, а все молча торчат у стен, как на танцах, только вокруг очень тихо. Проверка документов. Предъявите ваши документы, гражданин! Это что за буквы такие? Ах, израильский! Турист! Ну-ну, это вы в отделении расскажете — пройдемте с нами! А если сами не пойдете, мы и под ручки можем!

Ребята, да что же вы на меня так смотрите, это же явная ошибка! Я же по туристической! Ре-бя-та! Мы вам, гражда-

нин Кригер, не ребята, а сотрудники Комитета государственной безопасности, и по Указу Президиума Верховного Совета СССР ваш иностранный паспорт аннулируется. Распишитесь вот тут.

Нет, нет, нет, н-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-т!

— Эй, Арье, Арье, ты чего? — вонзается встревоженный голос Циона. — Приснилось что, а?

Приснилось? Да, приснилось.

— "Ньет" это по-русски что значит?

— Значит "Ло".

— А как будет "Кен"?

— Да.

— А что тебе приснилось?

— Так, чепуха всякая. Глупости!

Цион садится на свою койку, выковыривает из песка пулю и долго ее разглядывает.

— Вот ведь какая маленькая, а сразу человека убивает, наповал!

— Теперь другие пули есть, — сообщает Шуки, — с осколками или с песком. Убить-то просто: труп он и есть труп, лежит себе на поле. А раненый — он кричит, панику наводит, и, главное, с ним еще один-два человека возятся. Его спасать надо, выносить, понятно?

— Чтоб нам этого не знать! — вздыхает Цион.

Я снова задремал и проснулся от короткого звяканья разбитого стекла. Это Ури отбил горлышко у маленькой бутылки из-под "кока-колы" и вставил в него картонный фильтр, разорвав для этого сигаретную коробку. Потом он высыпал на ладонь табак из трех сигарет, размял большим пальцем и смешал с порцией белой пыли из холщового мешочка. Мешочек Ури замотал бечевкой и повесил на шею. Приготовленную смесь он затолкал в отбитое горлышко, стараясь не порезаться об острые края, поджег ее спичкой и припал к пыльному ободку горлышка. Жадная затяжка, еще одна и еще. Кадык у него задергался, по горлу прокатилась судорога. Он оторвался и медленно выпустил изо рта сиреневый дым. Цвика выругался и замахал руками, разгоняя это облако.

К вечеру ветер усиливается и вместе с песком заносит в палатку всякий мусор, валяющийся вокруг. На колючей проволоке звенят бутылочные горлышки, в которые мы на спор швыряем камнями.

— Как бы палатку не снесло, — опасается Цион.

— Подумаешь, ветерок подул! — дурашливо смеется Ури.

— Давайте колья укрепим, — предлагает Цвика, но никто не отзывается.

Хлипкие стены палатки проваливаются от каждого порыва, и кажется, что кто-то с размаха бросает в них огромный

мяч. Удары повторяются каждые несколько секунд, и Ури с Авраамом переползают в угол, заслонившись мешками со снаряжением.

— Шуки! — зовет Авраам. — Тащи сюда "реми"!

— Толстый отыграться хочет, — говорит Ури возбужденно и резко. Его губы подрагивают, как будто он собирается заплакать, смуглое лицо растворяется в полутьме, и только зрачки матово отсвечивают стеклянными шариками.

— Ну, ты, — парирует Авраам, — опять своей отравы насосался! Играть-то можешь?

— Да я тебя во сне обыграю, — тянет Ури и неловким движением рассыпает стопку костяшек.

— Во сне! — хмыкает Шуки. — Уже кейф словил! Как тебя еще старшина не застукал? Посадят тебя, Ури, это я тебе точно говорю — посадят.

— Отвяжись! — Ури снова начинает складывать кости. — Я с пятнадцати лет этим балуюсь, понял? У нас даже в учебной роте курили: как шесть часов вечера — так все лежат, балдеют! А тут, в бункере, кто меня застукает?

Опорный шест качается, и палатка резко перекашивается.

— Держите шест! — вопит Цвика. — Я же сказал, что надо колья закрепить!

Удар. Одна стенка взлетает и полощется, как белье на веревке.

— Смотрите! — кричит Цион. — Мыши!

В этот раз мыши не бегали, как обычно, под койками. В этот раз они искали не пищу, а убежище. Мыши не прятались, но жались к нам — серые, дрожащие комочки, с писком громоздившиеся друг на друга, обезумевшие строители рассыпающейся пирамиды. С каждым ударом ветра мышиная пирамида перекатывалась из угла в угол. Авраам брезгливо сбросил с ботинка одну мышь и со всего маху вдавил ее в песок.

— Ты что? — ахнул Цион. — Это же тварь живая!

Ури мрачно наблюдал за мышиной возней, и глаза его помутнели. Он отшвырнул кости и привстал.

— Ты куда? — спросил Шуки.

— Никуда, — пробормотал Ури и, покачиваясь, влез на койку. Его начало знобить, он натянул на себя одеяло и заскрипел зубами, перемалывая какие-то непонятные и бессвязные слова. Потом замолчал и отчетливо прошипел: "М — ы — ш — и".

Песок был взболтан в воздухе, как взвесь в химическом растворе. Все замолчали, и в это короткое мгновение вдруг раздался привычный и четкий щелчок передернутого затвора. Я только подумал — *кто?* Мы не успели даже переглянуться, как грохнула автоматная очередь, и мышиная куча распалась, оставив на песке десяток окровавленных трупиков.

В следующую секунду Цвика перемахнул со своей койки прямо на Ури, одной рукой перехватил автомат, а другой изо всех сил ударил его в лицо.

— Сукин сын! Гадина! Подонок!

— Дай ему еще! — испуганно орет Авраам. — Дай сильнее, пока он тут нас всех не перестрелял! Гашишник проклятый, тебя в тюрьму посадить надо!

Цион оцепенело смотрит то на меня, то на Авраама, то на растерзанных мышей, то на хохочущего Ури, который не чувствует ударов Цвики и не слышит наших голосов.

Я смотрю на свою потную ладонь и вытираю ее о рубашку. Согнуть кисть. Три складки. Пальцы еще дрожат. А если бы он меня сейчас убил? Почему меня? Не знаю.

— Отнимите у него все обоймы, — просит Цион.

— И автомат, — добавляет Авраам. По выпученным глазам и синеве на щеках видно, что он здорово перетрусил. — На базу надо позвонить, чтобы этого придурка от нас убрали!

Шуки подходит к Ури и заглядывает ему в глаза. Потом слегка шлепает по щеке. Ури вяло поводит рукой, как бы отмахиваясь от мух, и дергает головой, пытаясь встать.

— Нечего звонить! — Шуки трогает его лоб. — Очухается, тогда поговорим. Я с ним сам поговорю. Слышь, Цвика, не звони!

Цвика швыряет на рычаг телефонную трубку.

— Тебе что? Ты через неделю домой уйдешь! А мне с ним еще год вместе быть, понял? На кой он мне тут нужен!

Он тянет носом. Я тоже принюхиваюсь и вместе с песком и пылью чувствую накатывающую тошноту — глаза мои напарываются на разбросанные за койками мышиные части.

— Выкинуть! — командует Цвика. — Арье, давай быстро!

Я вытаскиваю из мешка саперную лопатку и, нагрузив ее мышиными останками, выношу наружу на вытянутой руке. За мной выходит Шуки.

— Глубже рой, — говорит он и вытряхивает из пачки сигарету, — тогда вонять не будет.

Песчаная буря ушла на запад, небо очистилось для первых звезд. До моего дежурства остается шесть минут — как раз, чтобы вымыть руки, надеть пояс с обоймами и взять у Цвики радио.

Арабская музыка. Арабская речь. То ли наши вещают на врагов, то ли враги — на нас. Амман передает старые шлягеры "Битлз". А вот и Израиль. Всплеск пианино и опоясывающий каскад барабанной дроби:

Господин Почти любил госпожу Уже,
Сказал почти об этом он, но все же не сказал,
Холодною зима была и вот уже прошла
Для господина Почти и госпожи Уже...

Цвика начистил ботинки и пошел голосовать на шоссе.

— Если меня кто спросит... — кричит он снизу.

— На базе крутится, — ору я.

Цвика поощрительно смеется, а я пытаюсь представить, как выглядит его Рути. Такая стройная, смуглая марокканка, волосы мелкими колечками, блестящие коричневые глаза, длинные ноги, маленькая грудь.

...Госпожа Уже в маленьком доме жила,
Там проживал почти и господин Почти,
Теперь никто там не живет,
Ни госпожа Уже, ни господин Почти*.

Прямо про нас песня. Женя — "Уже", а я — "Почти". Так было и с отъездом в Израиль. **Ну какие они нам братья, эти черные? Ты только послушай их музыку.** А я уже привык и к музыке, и к черным, и к белым. Привык к жаре, ивриту, восточной лени, ежедневному напряжению радионовостей, Пуриму и Песаху, партийным склокам и политическим скандалам, всеобщей крикливости, перченой еде, разноязыким иммигрантам, религиозным соседям, зимним дождям и государственному гимну с его задунайской мелодией. Вот только к апельсинам не привык. Когда они созревают, у меня начинается аллергия от этого запаха, который висит над Страной Израиля три месяца. И все-таки, если бы я оказался сейчас в Канаде или в Америке и увидел во сне пардес** рядом с нашим домом, я бы, наверно, умер с тоски по нему.

Я встал со стула и прижался к воротам.

...Ты решил?..

Да, я решил. Я решил! Я решил! Я решил!

— Ты чего тут бормочешь? — неожиданно окликает меня Шуки. — Молишься, что ли?

С ним пришел Цион.

— Слушай, Арье, — предлагает Шуки, — бросаем жребий!

— На что?

— Шауль звонил, — объясняет Цион. — Один из нас троих получает отпуск. Вместо Субботы.

— На сколько?

— На сутки. Завтра ехать — послезавтра вернуться.

Шуки возбужденно хлопает в ладоши.

— Бросаем? Ну, что ты, домой не хочешь?

— Давай!

Шуки отрывает три клочка бумаги, перечеркивает один из

---

* Баллада Ханоха Левина в переводе автора.

** Цитрусовая роща (*ивр.*).

них крестом, скатывает три шарика и бросает их в свою шапку.

— Тяни!

— Пусть Цион тянет! — отодвигаюсь я.

Цион улыбается и запускает руку в шапку. Шуки грызет ноготь, пока тот разворачивает бумажку.

— Ну, есть?

— Нет!

— Теперь ты! — Шуки сует мне шапку. Два белых шарика едва различимы в лунном свете. Левый или правый? Левый!

Шуки глазеет, приоткрыв рот, а я нарочно медлю. Тогда он не выдерживает и хватает оставшийся шарик. Мы разворачиваем их почти одновременно и смотрим друг на друга.

— Есть!

Шуки разочарованно вздыхает, а Цион хлопает меня по плечу.

— С женой повидаешься!

По шоссе проходят несколько трайлеров. На их платформах выступают бесформенные горбы зачехленных танков.

— К учениям готовятся, — сообщает Цион. — Вчера в столовой говорили.

И, как бы отзываясь на его слова, из темноты пустыни доносится отдаленный грохот, накатывающийся мерными волнами прилива.

Цион зевает.

— Вон, уже поехали. Приятного дежурства тебе.

— Спокойной ночи, Цион.

Пустыня преобразилась. Она больше не походила на неподвижное мертвое тело. Из тайных укрытий выползли грозные стальные чудища. Их рык отдавался эхом, которое то ударяло в барабанные перепонки, то уходило куда-то за горизонт. Бесшумно взлетели две белые ракеты и на мгновение повисли, как две маленькие луны, осветив вдалеке широкое пространство между холмами. Сразу же донесся гулкий звук первого выстрела, и снаряд красной ниткой рассек темноту. Казалось, невидимый дирижер взмахнул палочкой, и в ответ грянула могучая симфония войны: загрохотали гусеницы, заухали танковые орудия, началась атака. Снаряды чиркали, как спички, и красные рубцы еще дотлевали в темноте какую-то тысячную долю секунды. Время от времени взлетали ракеты — теперь уже желтые, — волоча за собой распатланные хвосты. Замолчали перепуганные сверчки, притихли беспокойные ночные птицы. Гул и грохот уходили в песок, и земля начала подрагивать под ногами. Танков не было видно, и это зрелище походило на кинофильм, в котором вдруг пропало изображение и остался только звук. К

полуночи все затихло, и на шоссе снова засуетились работяги-трайлеры.

Со стороны базы затарахтел мотор. Авраам, который вышел меня сменять, встревоженно обернулся.

— Начальство чешет. Сейчас проверку устроит.

У спуска к палатке мотор заглох. Послышался громкий женский смех, и строгий голос спросил:

— Где часовой?

Я двинулся к цистерне, предоставив Аврааму объясняться. На заднем сиденье "джипа" устроились двое младших офицеров, а между ними — девушка-военнослужащая. Лица ее не было видно. Тихо бормотала рация. Удочки двух антенн расскачивались от ветра. Третий офицер вылез из-за баранки и подошел к Аврааму.

— Пароль на сегодня знаешь?

— Чего?

— Пароль?

— Какой пароль?

— Хватит дурака валять! Не знаешь! Расстегни патронташ. Сколько у тебя обойм есть? Где жетон?

Офицер присмотрелся.

— А где твой автомат?

— Да я только встал!

— Садись в машину — поедешь с нами на базу!

— Чего это я поеду? — вскинулся Авраам. — Я сейчас дежурить должен!

— Он подежурит, — кивнул офицер в мою сторону.

— Да ты что! — не выдержал я. — Я только сменился.

— Заткнись, понял? Пароль знаешь?

— "Костюм на Пурим".

— В порядке. Кто у вас старший?

— Цвика.

— Какой Цвика?

— Сержант Цвика Бергер.

— Разбуди его!

— А он...

— Ну?

— Он... на базе крутится.

— Что? В двенадцать ночи? Ладно, с ним я завтра поговорю. Ты! — крикнул он Аврааму. — Садись в машину быстро!

— Да куда он сядет! — недовольно прогудели с заднего сиденья.

— Толстяк какой! — хихикнула девушка.

— Потеснитесь! — отрезал дежурный и завел мотор.

Я проторчал у ворот еще час, пока не приехал наш пикап. Из кабины вылез Цвика, а в кузове зашевелился кто-то еще.

— Кто это с тобой? — поинтересовался я.

— Рути!

Счастливый Цвика юркнул в палатку и вернулся со спальным мешком и двумя одеялами. От моего рассказа он сразу скис и длинно обругал Авраама.

— Цвика, — спросили из кузова, — у тебя сигареты есть?

Цвика пошарил по карманам и снова полез в палатку. Вышел с нераспечатанной пачкой и засмеялся:

— Толстому теперь не скоро понадобится!

— Слушай, — сказал я, — кто меня сменять-то будет? Что я тут всю ночь, что ли, буду торчать?

— Разбуди Ури.

— Нет уж, ты сам его разбуди.

Цвика раздраженно покосился в сторону машины.

— Ладно, сейчас я его подниму.

На это ушло еще минут десять.

— "Костюм на Пурим", — втолковывал Цвика полусонному Ури. — Понял? Пурим! Ты меня слышишь или нет?

— Слышу.

Ури шмыгнул носом, сел на стул и, зевнув, стал зашнуровывать ботинки.

— Открой ворота, — сказал мне Цвика.

— Что?

— Что-что! Я сказал, открой ворота — потом снова закроешь.

— А если дежурный...

— Они два раза не приезжают. Вперед!

Пикап, сверкнув фарами, въехал в ворота, обогнул цепочку бункеров и пропал в темноте.

Я отключился сразу, как только дополз до койки. Снов не было. Лишь черный колодец беспамятства и душный мешок. Голос Цвики зубилом ударил в голову.

— Арье, вставай!

— Что? Что случилось? Который час?

— Четыре.

— Четыре? — Я еле разлепил глаза. — Ты что, чокнулся?

— Слушай, ты сегодня домой едешь?

— Ну, еду, а что?

— Сейчас хочешь ехать?

— Сейчас?

— Рути надо на коммутатор вернуться, — возбужденный Цвика, как всегда, проглатывал окончания слов, и спросонья я с трудом его понимал. — А ты можешь до главных ворот доехать и там ждать. В пять тридцать первый автобус в город проходит. Ты так четыре часа выиграешь, понял? Ну, едешь?

Я не стал умываться, только сунул в ранец грязное белье, зубную щетку, книгу и две пачки армейской халвы, припасенной для жены.

У раскрытых ворот Цион прохаживался вокруг пикапа и

зевал. Знаменитая Рути оказалась маленькой, пухлой девчушкой, закутанной в Цвикину куртку. Вся она, улыбающаяся и черноглазая, излучала какое-то особенное женское тепло и притягательность.

— Доброе утро! — она посмотрела на мою помятую, небритую физиономию и засмеялась.

— Доброе утро! — Я машинально проверил, застегнуты ли штаны.

За рулем уже сидел злой Ури, которому Цвика что-то втолковывал, показывая пальцем на Рути и на меня.

— ...и сразу назад, — закончил Цвика, — понял? Приедешь — отоспишься!

Он хлопотливо обнял Рути и снял с нее куртку. Потом достал Авраамову пачку, в которой осталась последняя сигарета, и ухватил ее одними губами. Сделав несколько затяжек, Цвика сунул сигарету Рути. Она засмеялась и закашлялась, а я тихонько стукнул ее по спине.

— Эй! — делано возмутился Цвика. — Ты с моей девушкой не заигрывай!

— Арье, — крикнул Цион, — привези газету свежую, ладно?

— Ладно.

Выехав на шоссе, Ури разогнал машину и на полной скорости повел ее к базе. Рути от тряски сползла на пол и сидела в уголке, держась руками за огромную каску и стараясь не выронить изо рта сигарету.

Я закрываю глаза и думаю, что успею застать жену дома. Открою дверь... или лучше позвонить? — **Кто там?** — Это я! — **Левушка!**

Ури тупо уставился в знакомую дорогу и встряхнул головой, чтобы не заснуть. Хриплый вой вползающего на гору трайлера он различил лишь тогда, когда увидел контур огромной машины, заполнившей узкое шоссе. От неожиданности Ури закричал. Трайлер, набирая скорость, уже катился с горы, и его обезумевший от ужаса водитель, забыв об инструкции, резко нажал на тормоз, увидев налетавший снизу пикап. Ури, продолжая кричать, вывернул руль вправо, и последнее, что он увидел, была нависшая гусеница, в которой не хватало двух болтов, и вздернутая к небу пушка.

Платформа трайлера накренилась, пушка сокрушила кабину пикапа, и тут же — медленно и жутко — шестидесятитонная махина танка сползла на пикап, вдавив его в землю. Больше не было ни криков, ни шума. Только молоденький водитель трайлера сидел в своей кабине и, вцепившись в руль, беспрерывно икал.

Февраль — июнь 1981 г.

Борис Руденко

НА БИЛЬЯРДЕ ИГРАЮТ В ОДИНОЧКУ

Во дворе ждал Ярик. Он сидел на скамейке возле песочницы, аккуратно поддернув отглаженные брючки в крупную клетку. Вокруг копошилась и галдела малышня. Ярик наблюдал за ней с благосклонным интересом и казался полностью поглощенным этим занятием, но Пашку заметил сразу же, едва тот появился из-за угла.

Внутри у Пашки что-то дрогнуло, он сбился с шага, но тут же взял себя в руки, изобразив на лице нечто вроде радостной улыбки.

И Ярик улыбнулся в ответ.

— Ты куда пропал, сынок? — слово "сынок" Ярик произносил не насмешливо, а как бы с искренней заботой, хотя едва ли был старше Пашки более чем на два года.

— Я не пропал, — быстро возразил Пашка. — Тренировки у нас часто... и экзамены вот-вот начнутся.

— Тренировки, да-а, — задумчиво и протяжно повторил Ярик. — Нехорошо так пропадать. Может, ты спрятаться решил?

И снова волна страха накатила на Пашку. Он ничего не мог с собой поделать.

— Зачем мне прятаться? — попытался он искренне удивиться. — Какой смысл?

— Смысл? — снова повторил за ним Ярик. — Тебе Леха говорил, чтобы ты к "аквариуму" подошел?

— Ну, говорил...

— Вот видишь! — в голосе Ярика звучала укоризна. — А ты не пришел.

— Я же объяснил Лехе. Тренировка ведь...

— Это все не в кассу, сынок. Ты вчера нам выступление сорвал. Вартан на тебя очень обиделся. Просто так звать не будут, ты же знаешь, — Ярик сощурил слегка выпуклые голубые глаза. — Может, ты и вправду отвалить решил? Странно ты себя ведешь в последнее время. Так ты скажи. А мы обсудим. А то Вартан обижается...

Сердце у Пашки отчаянно заколотилось.

— Почему отвалить? Почему обязательно отвалить? Я же объясняю, Ярик, не мог, ну!..

Некоторое время Ярик любовался достигнутым эффектом, потом резко встал.

— Ладно, бог с тобой. Выступление перенесено на сегодня. Учти: из-за тебя. Пошли!

Пашка чувствовал себя невыносимо, но деваться было некуда.

— Я... только сумку... Сумку домой закинуть надо. Куда с сумкой-то...

— Сумку? Давай, — разрешил Ярик, снова расслабленно опускаясь на скамейкv. — Только быстро!

Клиентов было двое. Один — тощий и голенастый, как кузнечик, в тесном джинсовом костюмчике, пасся у дверей комиссионки, высматривая и подбирая покупателей. Другой — наоборот, гладенький, с круглой головой и пухлыми губами, похожий на отличника-переростка, с большой сумкой в руках скромно стоял на уголке и даже не смотрел в сторону толкучки. Через какое-то время "кузнечик" вынырнул из толпы с покупателем — веснушчатым пареньком явно не городского вида. Азартно объясняя что-то на ходу, "кузнечик" повел покупателя от комиссионки. Подождав немного, "отличник" вперевалочку двинулся следом и догнал удалявшуюся пару лишь у самой арки. Они еще постояли несколько минут, озираясь по сторонам, прежде чем скрыться во дворе.

— Пошли! — скомандовал Ярик и быстрым шагом пошел через улицу.

Леха и Аким за ним. Пашка чуть приотстал, ему было гадко и боязно.

Двор за аркой был пуст. Ярик на секунду задумался, а потом решительно рванул дверь ближайшего подъезда. Те трое деловито суетились в тусклом свете запыленного окошка. Веснушчатый покупатель потряхивал в руках новенькие джинсы, готовясь к примерке. На хлопанье двери все они повернулись и замерли в нерешительности. Ярик подошел вплотную к "отличнику".

— Я тебя предупреждал, козел? — спросил он тем вкрадчивым тоном, которого Пашка всегда боялся. И тут же, не дожидаясь ответа, лениво ткнул кулаком в испуганное толстое лицо.

Пашка увидел, как крупными брызгами разлетелась кровь — на руке у Ярика был кастет. "Отличник" тоненько вскрикнул, и Ярик ударил еще раз, злее и жестче. "Отличник" упал. Леха уже держал "кузнечика" за отвороты джинсовой курточки и, придыхая, деловито бил коленом в низ живота.

— Ребята, вы чего! — в ужасе бормотал веснушчатый по-

купатель, пытаясь протиснуться между Пашкой и Акимом к выходу.

"Кузнечик" тоже свалился на грязный пол. Леха распаленно добивал его ногами, целясь в лицо, но Ярик его отдернул.

— Хватит! — приказал он, и Леха послушно шагнул в сторону.

Оправляя на руке кастет, Ярик повернулся к покупателю.

— Ты не бойся, чего трясешься? — сказал он совершенно по-дружески. — Это наши дела. Ты бабки им отдал? Нет? Это точно? Да не дрожи ты!

Ярик поднял с пола джинсы и сунул покупателю в руки.

— Не надо, — отказывался тот, и Ярику это не понравилось.

— Бери! Тебе что, тоже объяснять надо? Сколько они с тебя хотели слупить?

— Сто восемьдесят.

— Давай сюда полторы сотни. И иди спокойно, не дергайся. Ты меня понял? Стой! Вместе выйдем. Леха, забери у клиентов остальной товар.

Пока Леха вытряхивал сумку "отличника" и очищал его карманы, Ярик счет возможным провести воспитательную беседу.

— Ну что, вонючки, теперь доехало? Предупреждаю; в следующий раз, если без спроса сюда сунетесь, ходить уже не будете. Унесут.

На площадке щелкнул замок, молодая женщина в халатике вышла из квартиры, увидела ворочающиеся на полу тела, пятна крови на ступенях, охнула и мгновенно скрылась.

Ярик довольно усмехнулся.

— Все. Рвем отсюда!

На улице они сразу же разошлись в разные стороны, будто и знакомы не были...

Видимо, телефон звонил очень долго, прежде чем вырвал Денисова из сладкого и душного утреннего сна. Разлепив глаза, он взглянул на часы — половина двенадцатого — и лишь после этого нехотя поднял трубку.

— Это ты? — спросила Лариса, как обычно не называя себя и не здороваясь.

Поэтому Денисов сразу ее узнал.

Со своей бывшей женой он не разговаривал года три. По сути, оба они испытали одинаковое облегчение, когда наконец разъехались. Кроме квартиры, делить им в жизни было нечего.

— Как живешь? — Поскольку эта фраза Ларисы должна была изображать некоторое внимание к Денисову, он сразу догадался, что его о чем-то станут просить.

— Нормально, — сказал Денисов. — Подожди минуту, я сейчас чайник выключу.

Он заскочил в ванную комнату и прополоскал рот, избавляясь от отвратительного металлического привкуса. Не стоило так много курить накануне.

— Я тебя слушаю, — сказал он спустя минуту.

— Нам надо поговорить, — объявила Лариса.

— Конечно, — немедленно согласился Денисов, хотя требовательность ее интонации его обеспокоила. — А о чем?

— Речь пойдет о твоем сыне.

— Что-нибудь случилось?

— Объясню при встрече. Кстати, я недалеко от тебя. Минут через пятнадцать буду на бульваре.

— Ты зайдешь?

— Это лишнее, — усмехнулась Лариса, давая понять, что любой коварный замысел Денисова она видит на десять шагов вперед.

— Хорошо, — с облегчением сказал Денисов. — На лавочке, напротив трамвайной остановки.

Денисов не был хорошим отцом и сознавал это, надо сказать, без особых угрызений совести. Но и плохим он тоже в общем не был. Правда, встречались они с сыном редко, однако Денисов оправдывал себя тем, что Лариса от их встреч была не в восторге, что могло отрицательно сказываться на самочувствии сына. Зато деньги он переводил вполне регулярно и звонил Пашке, как ему представлялось, частенько...

Позавтракать он, конечно, не успевал. И побриться — тоже. Так и пошел на бульвар в истертых домашних джинсах и стоптанных кроссовках, чем доставил Ларисе повод для очередного маленького торжества. На его невзрачном фоне Лариса в облегающем шелковом темно-вишневом платье, с идеальной, отлакированной прической смотрелась исключительно выигрышно. Каждому взглянувшему на эту пару сразу становилось ясно, кто есть кто.

— Ты прекрасно выглядишь, — честно сказал Денисов, а Лариса сделала вид, что ей это безразлично.

— Кажется, ты давно не видел Павла? — спросила она.

— Пожалуй, — смущенно подтвердил Денисов. — Но по телефону мы с ним на прошлой неделе...

— Он, кстати, уже девятый класс заканчивает.

— Я знаю, — нетвердо сказал Денисов, а сам подумал: надо же, уже девятый!

— У нас возникли некоторые проблемы, — Лариса достала из сумочки длинную сигарету. — У тебя нет спичек?

Денисов похлопал себя по карманам, протянул коробок. Спохватившись, зажег спичку.

— Надеюсь, ничего серьезного?

— Это... — Лариса длинно выдохнула дым, — связано с некоторыми переменами в моей личной жизни.

— Я слышал, ты собираешься замуж, — сказал Денисов.

Ничего такого он не слышал — не от кого, просто решил ей немного помочь.

— Это тебя удивляет?

— Отчего же? Нет! — искренне сказал Денисов и не угадал.

Лариса ждала от него эмоций. Огорчения, например. Однако досады она внешне не показала, просто сделалась несколько суше.

— В общем, случилось так, что мне на несколько месяцев придется уехать за границу. Взять Павла с собой я просто не могу. Видишь ли... помимо чисто объективных обстоятельств... Он многое воспринимает просто в штыки. Хотя ровным счетом никакого повода...

— С твоим приятелем он, значит, не поладил. Не в стрóку пришелся, — не удержался Денисов.

— Ты всегда был невыносимо вульгарен. — Лариса дернула плечом и уронила столбик пепла на тонкую ткань юбки. — Мой приятель, как ты выражаешься, очень чуткий, интеллигентный человек. С Павлом он всегда предельно деликатен. Вероятно, влияет переходный возраст, определенные черты характера...

Разумеется, она имела в виду черты характера, унаследованные Пашкой лично от Денисова.

Мимо их скамейки прошла старушка в черном костюме. Волосы ее были выкрашены в молодой, ярко-рыжий цвет. Густым и звучным голосом она сказала: "А где моя Бабетта? Куда же она подевалась?" Бабетта — толстая одышливая сука неопределенно-приземистой породы никуда не делась и деться не могла. Она неотрывно семенила рядом со старушкой на коротком поводке. Услышав свое имя, подняла грустную морду, вздохнула и вновь опустила к самой земле. По меркам короткой собачьей жизни Бабетта была ровесницей своей хозяйке. Денисов глядел вслед удалявшейся паре, а Лариса тщательно стряхивала с подола пепел.

— За Павлом нужен надзор, — сказала она. — Было бы неплохо, если бы это время он пожил у тебя. Начинаются каникулы, а в лагерь он отказался ехать наотрез.

— Почему бы и нет, — рассеянно согласился Денисов. — Конечно, пусть поживет.

Не очень высокий, зато крепкий, совершенно мужского телосложения Пашка выглядел старше своих шестнадцати. Спортивные секции, в которые его пихали с пятилетнего возраста, свое дело сделали. Только лицо оставалось по-мальчишески нежным, со смешным пушком над верхней губой. На переезд к Денисову он согласился легко и даже с

удовольствием. Только отчего-то сразу попросил: "Пап, можно я не буду на практику ходить?"

— Не ходи, — немедленно согласился Денисов, а сам подумал: что за практика такая?

В тот вечер Денисов не пошел в Дом офицеров, хотя там должна была состояться неплохая игра. Он испытывал несколько странные ощущения, внезапно оказавшись в положении отца-одиночки. Ужин, гляди ты, пришлось готовить, и он взялся жарить картошку, чего не делал уже несколько лет. Но хлопоты эти Денисову неожиданно оказались не в тягость. Они сидели за столом и разговаривали о каких-то пустяках, и Денисову было хорошо оттого, что они с Пашкой не разучились друг друга понимать. Жаль, правда, что Денисов слабо разбирался в современной молодежной музыке, хотя на его японском двухкассетнике и была записана какая-то модная мура. Эту муру Пашка оценил высоко, что Денисову было весьма приятно. Потом они просто смотрели телевизор: показывали церемонию водружения очередного ордена на грудь престарелого вождя, и его неразборчивое бормотание нагоняло сладкую дремоту.

Наутро, правда, домовитости Денисову не хватило. То есть он мог, разумеется, зажарить или сварить яйца, однако решил повести сына завтракать в ресторан, куда ходил все эти три года.

К величайшему сожалению, его привычный столик с утра обслуживал не Виктор, с которым у Денисова установились в некотором роде сердечные отношения, а его сменщик — Сергей, довольно заурядный хапуга, которому было совершенно плевать, с кем пришел Денисов — с сыном, подругой или римским папой. Сергею всегда было всего важнее, сколько ему от этого перепадет на лапу. Он вообще, по наблюдениям Денисова, своих клиентов узнавал только по чаевым. Денисов Сергея презирал, но в этот раз постарался, чтобы тот его не только узнал, но и запомнил.

— У тебя какие планы на сегодня? — спросил Денисов сына.

Планов у Пашки не было, и Денисова это несколько смутило. Дело в том, что сейчас ему непременно надо было идти в Дом архитекторов. Он обещал, и его ждали, а брать Пашку с собой Денисов не хотел: игра предстояла серьезная, требующая предельного сосредоточения.

— Тогда вот что, — Денисов вытащил из кармана пятерку. — У меня сегодня неотложные дела, а ты пока можешь в кино сходить. Не возражаешь?

Пашка не возражал.

— Пап, а ты где работаешь? — внезапно спросил он.

— Я-то? Как тебе сказать... В общем, сейчас я занимаюсь как бы литературной работой, — осторожно произнес Дени-

сов. — В двух словах не объяснишь. Знаешь, давай как-нибудь потом, если хочешь...

Но они уже стояли возле киноафиши, и Пашка мгновенно потерял к своему вопросу всякий интерес.

— Во! "Спартак"! Хороший фильм?

— Отличный, — одобрил Денисов. — Керк Дуглас, Тони Кертис и даже Лоуренс Оливье. Суперзвезды! Я этот фильм в твоем возрасте смотрел раза четыре.

— Так я пойду, — Пашка махнул Денисову рукой и бросился к остановке, чтобы поспеть на подошедший автобус.

Народу в бильярдной Дома архитекторов в этот час было немного, и почти всех Денисов хорошо знал. На одном из столов Ганс и Якубик — игроки довольно сильные, Денисов никогда не давал им более десяти очков форы — лениво гоняли шары. Сразу было видно, что игра у них идет несерьезная, по-маленькой, просто чтобы занять время. Они слишком хорошо знали сильные и слабые стороны друг друга. На другом столе играл Валентин с незнакомым Денисову высоким парнем в джинсах и легкой курточке. Валентин играет плохо, но в бильярдные ходит вовсе не для того, чтобы играть.

Парень с треском положил шар в угловую лузу и негромко произнес:

— Партия.

Валентин поставил кий в стойку и флегматично достал из нагрудного карманчика рубашки две полусотенные купюры.

— Ну, держи, Юрик.

Денисов понял, что незнакомый парень и был тем самым Юриком, который специально приехал откуда-то с Урала, чтобы сразиться со столичными асами. Он пожалел, что не пришел хотя бы десятью минутами раньше. Неплохо было бы присмотреться предварительно к игре этого Юрика.

— А вот и Седой, — увидел Денисова Валентин. — Тут пока тебя дожидались, я этому юноше три сотни просадил. Ты, пожалуйста, не опаздывай, дорогой, от твоих опозданий очень большие убытки.

Сочувствия к Валентину Денисов не испытал. Тому три сотни было что Денисову трояк.

Парень со спокойным интересом смотрел на Денисова.

— Ты Седой? Третий день тебя ищу.

— Да я вроде не прятался, — пожал плечами Денисов. — Вообще, вежливые люди прежде всего здороваются, ну а потом, может быть, и переходят на "ты".

Намерением Денисова было сразу же слегка вывести парня из равновесия. Не зная силы противника, он не желал рисковать. Однако тот лишь усмехнулся.

— Здравствуй. Ты, говорят, тут первым номером выступаешь?

— Лучше бы ты конкретно сказал, чего хочешь, — Денисов продолжал следовать избранной тактике, тоном придавая словам довольно обидное звучание.

— Играть, — кратко сказал парень.

Ганс и Якубик одновременно положили кии и подошли поближе.

— Играть? Очень хорошо. Скажи, пожалуйста, собственно, кто ты такой? Почему желаешь играть именно со мной? И с какой стати я должен тратить на это время?

Парень и глазом не моргнул. Нервная система у него была в полном порядке.

— Если ты — первый номер, то не откажешься.

— Надеюсь, Юра, вы понимаете, — интеллигентно сказал Денисов, — я свое время ценю весьма дорого и на пустую не играю...

— Нет вопросов, — перебил парень, впервые проявив некоторые признаки нетерпения. — Играем на интерес.

— И каков будет интерес?

Парень достал несколько купюр и помахал перед Денисовым.

— Я тут три сотни только что взял. Могу добавить две своих. Нормально?

— Тебе помочь, Георгий? — немедленно спросил Валентин, но Денисов отрицательно мотнул головой.

— Одна партия?

Парень слегка удивился.

— Пять партий. Каждая в сотню. Но если ты хочешь...

— Нет-нет, — быстро сказал Денисов. — Только не пять партий, а три. Все вместе в пять сотен. А то у меня со временем не очень.

Парень кивнул не раздумывая. Эти пять сотен у него явно были не последними.

Играли в "семьдесят одно очко". Разбивать пирамиду выпало уральцу. Он ударил хлестко и расчетливо: биток откатился в самый угол, и Денисову бить оттуда было неудобно. Уже по этому первому удару было понятно, что парень далеко не новичок. Пришлось играть без "выхода" — без акцентированного намерения положить шар. Денисов постарался лишь не сделать явной подставки.

Уралец немного подумал, а потом вполне грамотно положил "восьмерку" от борта в центральную лузу. Не оценить этого удара Денисов также не мог — "кладка" у Юрика была весьма уверенная. Собираясь закрепить успех, Юрик заказал "тринадцатого" от "четверки" в угол, но недокрутил биток, и "тринадцатый" с силой врезался в борт, а потом задел еще два шара, существенно изменив позицию на бильярде. Этим тут же воспользовался Денисов, положив подряд "туза" и "тройку". Юрик не смутился и, дождавшись своей очереди, красиво вогнал в угол "десятку", однако сле-

дующим ударом, прекрасно задуманным, распорядиться вновь не сумел — у него опять не получился верхний левый винт.

В принципе Денисову все было ясно. Первую партию он завершил довольно быстро — на столе кроме битка оставалось еще три шара. Огорчения Юрик не выразил, быстро составил пирамиду, и игра продолжалась.

Денисов ощущал подъем, играл раскованно, шары катились точно по намеченным траекториям. Вначале он намеревался поскорее закончить игру и отправиться домой, но постепенно его все более забирал холодный азарт профессионала, поэтому вторую партию он очень аккуратно, с разрывом всего в несколько очков проиграл. Зрители были этим несколько удивлены, и только Валентин, отлично понимавший тактику Денисова, холодно усмехнулся. Это Валентина устраивало, он тут же поставил на Денисова из расчета два к одному. Ставку принял Якубик и даже завсегдатай бильярдных Чива, лысый мужик лет шестидесяти с безволосым бабьим лицом. Хотя Чива был типом опустившимся, почти алкашом и вряд ли мог выставить больше червонца, Валентина это не смутило. Он не брезговал никакими ставками, а в данном случае ему был важен факт выигрыша, а не сумма. Если бы Денисов взял и вторую партию, Чива не пошел бы и на один к пяти.

Воспользовавшись тем, что Юра отлучился в клозет, Денисов подошел к Валентину.

— Валентин, что это за клиент?

— Не сомневайся, Седой, клиент упакованный, — заверил Валентин. — Играй спокойно.

— Откуда он взялся?

— Говорит, что с Урала — пусть будет с Урала. Не смущайся, это я его привел.

— Так это твой дружок? — удивился Денисов. — Зачем же я его раздеваю?

— Играй спокойно, — настойчиво повторил Валентин. — Разве я сказал "дружок"? Он попросил, и я его привел. Ты его деньги не считай, он за них не горбатился и сейчас за удовольствие платит. А я удовольствие бесплатно имею.

Юрик вернулся, и игра продолжалась. Теперь Денисову понадобилось все его искусство. Он набирал очки синхронно с противником, не отпуская его от себя, но и не опережая намного, постоянно маня надеждой. Из-за этого приходилось класть сложные шары, изображая при этом удивление успеху или сильную досаду запланированной неудаче. В общем, Денисов Юрика заманивал, и тот постепенно покупался на этот нехитрый спектакль.

Когда на столе кроме битка остались только "тройка" и "десятка", Юрик набрал шестьдесят четыре очка. Денисов приотстал чуть больше, чем намеревался, — у него было

только пятьдесят четыре. Хочешь не хочешь, а заканчивать игру придется последним шаром. И тут он ошибся. Может быть, впервые за всю сегодняшнюю игру. То ли глаз сморгнул, то ли рука дрогнула, но вместо полноценного удара по "тройке" вышла слабенькая мазка. "Тройка" поднялась к длинному борту, отразилась и встала точно против угловой лузы. Даже пятиклассник забил бы сейчас этот шар, а уж Юрик тем более. Ударил он без малейшего волнения, и "тройка" чисто скатилась в сетку.

А позиция на бильярде сложилась отвратительная. "Десятка" стояла вплотную к губке угловой лузы, а биток откатился к противоположному короткому борту. Мало того, что из такого положения "десятка" просто не забивалась — дело было не в том. Практически любой вариант удара Денисова мог так изменить расположение шаров, что Юрик однозначно получал крупный шанс на победу. В любой другой ситуации Денисов бы не стал рисковать, а просто отдал бы пять очков в виде штрафа, легонько коснувшись кием битка. Однако сейчас это означало проигрыш: Юрику тех самых пяти очков до семидесяти одного как раз и не хватало. Зрители молчали — кто нервно, кто злорадно, — в зависимости от сделанных ставок. Якубик что-то громко шептал Гансу, но смолк под угрюмым взглядом Валентина.

Денисов не спеша помазал мелом наклейку кия, потом стер ладонью и снова помазал. Теоретически он знал, что следует делать. Но удар требовался ювелирный. Даже у Денисова такие удары получались не всякий раз. Но сегодня у него все должно выходить, как ему хочется. Денисов еще раз прочертил взглядом предполагаемый путь битка и прицелился. В тишине бильярдной удар прозвучал звонко и отрывисто. Закрученный биток пролетел по сукну, глухо ткнулся в длинный борт, тут же легко коснулся "десятки", а затем, продолжая ломаную кривую, рикошетируя от бортов, вернулся почти в точку удара. "Десятка" же, приняв вращательное движение битка, плавно отошла от лузы и встала на короткий борт. Оба шара теперь стояли практически на одной прямой у противоположных концов бильярда. Денисов выдохнул и фальшиво сказал:

— Вот черт, не лезет в лузу. Не хочет!

Обычная холодноватая усмешка скривила губы Валентина, но Денисов понимал, что тот взволнован. Валентин наслаждался спектаклем, мастерски разыгранным на зеленом сукне. С нескрываемой, жадной завистью смотрели на Денисова Ганс и Якубик. Только Чива — прозевавший или просто не понявший смысла происшедшего, равнодушно хлопал красноватыми веками без ресниц. Но Денисову было плевать на Чиву. Лишь настоящие знатоки могли оценить красоту и тактический замысел этого удара.

Теперь уже Юрик должен был сильно думать, и при всем

желании Денисов не смог бы подсказать ему выход. Дальше все случилось, как и было до́лжно. Нечеткий удар Юрика выкатил оба шара к центру, и Денисов завершил партию эффектным абриколем от борта в середину.

Юрик спокойно положил кий и достал из толстого бумажника деньги.

— Не повезло, — сказал он без сожаления. — Может, еще раз?

Денисов ждал этого предложения, поэтому нарочито вяло пожал плечами.

— Не знаю, что сказать. Вообще-то у меня сегодня есть кое-какие дела...

— Я удваиваю. На штуку пойдешь? — тон Юрика сделался почти категорическим, и Денисов понял, что как следует его зацепил.

Денисов улыбнулся и впервые с начала игры жестко взглянул в глаза партнеру.

— Отвечаю! — сказал Денисов.

Играть кончили лишь спустя час после официального закрытия бильярдной. В общей сложности Денисов вынул у Юрика почти три тысячи. Тот был заметно огорчен, но отнюдь не потерянной суммой, а проигранными партиями. Юрик тоже любил бильярд по-настоящему.

Буфет, разумеется, уже не работал, но Денисов щедро оплатил буфетчице Алефтине сверхурочные и выставил пару коньяка. Юрик пить не стал. Едва пригубив стакан, поднялся.

— Надеюсь, мы еще сыграем? Я в столице буду через пару месяцев. Где тебя найти?

— У бильярда, сынок, — влез Чива, успевший высосать свою порцию и мгновенно захмелеть. — У бильярда его всегда и найдешь.

— Хорошо, — Юрик коротко наклонил голову, потом оглядел компанию и внятно сказал — вроде бы только для Чивы, а на самом деле для всех:

— Я не сынок. Счастливо!

Чива сообразил, что лучше в данном случае не возражать. Он попытался исправить свою ошибку извиняющимся хихиканьем и первым полез было жать руку Юрику, но тот только брезгливо смерил его взглядом.

— Много их развелось, сопливых, — изображая из себя мудрого старика, прокомментировал Чива, когда убедился, что Юрик ушел насовсем. — Скажи, Седой: как сопливый, так сразу лезет в короли. Да, Валентин, скажи?

Но никто не собирался ему отвечать. Чива давно уже был на закате, хотя все еще не желал примириться с этим. Выпив, он жаждал общения, но понимал, что не прогоняют его лишь из жалости. В конце концов после одной-двух попыток влезть в разговор Чива затих и просто угодливо моргал

глазками, сосредоточив внимание лишь на том, чтобы не оказаться обойденным, когда будут разливать выпивку.

Пашки дома не было. Это обеспокоило Денисова, но он все же решил ложиться: специально поджидать сына у окошка ему казалось неприличным — большой ведь уже парень. Засыпать, конечно, он не собирался и ворочался в постели до часу ночи, пока наконец не услышал, как Пашка осторожно царапает ключом, отыскивая в лестничном полумраке замочную скважину. Денисов сделал вид, что спит, а сам наблюдал сквозь полуприкрытые веки, как Пашка, стараясь не шуметь, но все время наталкиваясь с непривычки на мебель, прокрался в кухню, грохнул там чайником, всполошенно замер и, повозившись там еще немного, вернулся в комнату на свое кресло-кровать, заранее разложенное для него Денисовым.

Просыпался Денисов обычно поздно. Девять часов для него была рань несусветная, встать в такое время — подвиг невероятный. Однако, будучи теперь действующим отцом, он намеревался подвиг этот совершить и был немало удивлен тем, что, проснувшись, застал Пашку уже на ногах. Сын его был одет, умыт и даже успел скипятить чайник.

— Ты чего так рано? — смущенно спросил Денисов.

— В спортшколу надо сходить. Мы в августе на сборы поедем.

— А! — сказал Денисов. — В спортшколу — это хорошо. А вчера чего так поздно пришел?

— Мы с ребятами на пруды купаться ездили.

— Понятно, — сказал Денисов, совершенно не понимая интереса к купанию с ребятами по ночам.

Ему хотелось порасспросить Пашку подробнее, но он чувствовал, что навязываться не стоит, и лишь поинтересовался:

— Ты когда придешь?

— Часа через два.

За эти два часа Денисов задумал самостоятельно изготовить домашний обед. Не обнаруженные прежде качества семьянина вдруг заговорили в нем во весь голос. В принципе он все умел, хотя кухонными делами занимался крайне редко. Надо было купить чего-нибудь мясного, нажарить картошки с луком, накрошить салат из свежих овощей, да побольше сока на стол — отличный обед получится. Но для этого надо было идти в магазин.

Выбрав самую вместительную сумку из имевшихся в доме, Денисов вышел во двор. Утро стояло ясное и теплое — в точности под настроение Денисова. И специально, чтобы настроение это испортить, навстречу шел участковый Гуськов.

— Денисов, ну-ка иди сюда! — строго сказал Гуськов,

хотя Денисов шагал прямо на него и сворачивать никуда не собирался.

"С какой стати он мне "тыкает"?" — вяло возмутился про себя Денисов.

Гуськов работал здесь участковым всего год. Ходили слухи, что на эту должность его переместили с гораздо более престижной и вроде бы за чрезмерное пристрастие к спиртному. Впрочем, это могли быть только слухи. Пахло от Гуськова всегда очень крепко, но не алкоголем, а исключительно дешевым одеколоном. Лицо у него было широкое и красное, подстриженные под "польку" густые пепельные волосы тщательно зачесаны назад, и весь он — плотный, налитой — крепко и уверенно попирал коротковатыми ногами землю.

— Денисов, ты когда мне справку принесешь с работы? — требовательно спросил Гуськов.

— Я уже приносил. Три месяца назад, — промямлил Денисов.

— Так то три месяца. А у меня сведения, что ты целыми днями в бильярдных ошиваешься. Почему ты сейчас не на работе? Мне на участке тунеядцы не нужны.

— Отгул у меня, — с отвращением сказал Денисов.

— Я проверю, какой у тебя отгул. Смотри, Денисов, доиграешься, — лениво цедил Гуськов.

"Сейчас дам ему червонец, и он заткнется, — подумал Денисов. — Или лучше — полсотни".

— Что значит "доиграешься"? — сказал он. — Бильярд никем не запрещен. Весьма достойные люди любили бильярд. Буденный, например. Или Ворошилов.

— Достойные? — Гуськов вытащил из кармана платок и начал усердно тереть им лицо. Так протирают лобовое стекло автомобиля. — Ты порядочных людей с тунеядцами не равняй. Значит, так: завтра ты мне приносишь справку с работы. В противном случае я тебе делаю официальное предупреждение. Под расписку. И будем решать. А как ты хотел?

— Я попрошу мне не "тыкать", — Денисов попытался стать оскорбительно вежливым. — Мне не нравится ваша манера разговаривать.

— Да я тебе в отцы гожусь, сынок, — тон у Гуськова действительно сделался отечески-укоризненным. И сразу получалось, что не из хамства природного Гуськов так говорил, а исключительно по причине человеколюбия. — Ради тебя же стараюсь. Ну в самом деле: молодой, здоровый — работать бы и работать. А он с утра до вечера шары катает. В общем, завтра, — Гуськов снова стал строг, — ко мне в опорный пункт со справкой.

В итоге настроение у Денисова было испорчено. Три месяца назад справку ему сделал приятель из любителей бильярда — директор учебно-производственного комбината. Все было по закону: Денисова оформили на работу, выдали

справку, а через три дня уволили по собственному желанию. Давно бы надо было найти по примеру многих такое место, где можно было бы числиться, отдавая кому-то зарплату, да Денисову все не подворачивался подходящий случай. Впрочем, Денисов не слишком-то утруждал себя поисками. Совесть его была чиста, он не крал, не спекулировал. Он честно зарабатывал своим искусством на хлеб с маслом, а если кто считает, что это так просто, пусть сам попробует.

Денисов сделался профессиональным игроком в бильярд лет двадцать назад, когда ушел без сожаления с четвертого курса института, хладнокровно рассудив, что ни в одном КБ ему не станут платить в месяц столько, сколько он способен без всякого напряжения зарабатывать за неделю. Правда, официальным тунеядцем он стал не сразу, числясь несколько лет ассистентом оператора на киностудии. Эта непыльная работа оставляла достаточно времени для основного занятия, и на зарплату Денисову было вообще наплевать. Тем более что хватало ее только на сигареты.

Но иногда шевелился у него в душе некий червячок: кто ты, собственно, Денисов, есть на этом свете? Кто тебя уважает, кто любит? Кто знает о твоих талантах и ценит их, кроме завсегдатаев бильярдных?

Вначале ему удавалось легко прогонять подобные мысли. Знали его многие. Среди его знакомцев были крупные специалисты, известные литераторы и просто большие начальники. Даже один замминистра был, хотя и республиканского значения. Все они самозабвенно любили бильярд и даже оказывали Денисову — из уважения к его искусству — некоторые услуги, вроде путевки в престижный пансионат или авиабилетов в разгар курортного сезона. Не надо было тревожить их слишком часто. Однако увлечение бильярдом отнюдь не мешало им, кроме того, ходить по улицам, не оглядываясь на участковых, расти в должностях и получать юбилейные награды. Денисов же во все времена оставался просто игроком, нелегалом-профессионалом полузапрещенной игры. Об этом неизбежно приходилось помнить, потому тот червячок со временем рос, формируясь в изрядного гада.

Особенно противно было Денисову, еще до развода, ходить с Ларисой в гости к ее бывшим однокашникам. Любой стотридцатирублевый инженер, одетый в мятые штаны и стираную-перестиранную нейлоновую рубашку, мог поставить Денисова в тупик вопросом: а кем вы, собственно, работаете? Денисов в этих случаях что-то врал, а у Ларисы делалось такое лицо, будто она с Денисовым не знакома. Лариса всегда с презрением относилась к его занятию и с годами перестала это скрывать. Хотя деньги тратить ей нравилось. Миллионером Денисов, конечно, не был, но получал все же поболее своего дружка-замминистра.

Хочешь не хочешь, а с ощущением своей социальной неполноценности приходилось мириться. В конце концов деньги были, проблем, напротив, почти не было. Тем более что после развода Лариса над ухом уже не зудела. Но вот теперь в его дом вошел почти взрослый сын, и все снова переменилось. И размахивая сейчас хозяйственной сумкой, Денисов с горечью думал о несправедливости мира, в котором ему, Денисову, не находилось места по достоинству.

Настроение его несколько улучшилось после посещения мясного магазина. Тут он взял некоторый реванш сразу и у судьбы, и у Гуськова. Дело в том, что Денисов окончательно решил готовить цыплят-табака, для чего, естественно, прежде всего требовался исходный продукт. На витрине же, естественно, кроме пары посиневших от времени курей, от которых давно отвернулся даже наш неизбалованный покупатель, ничего не было. Зато за прилавком стоял мясник Алик, и для Денисова все тут же нашлось. Гуськов в этой ситуации цыплят мог бы и не получить. Тем более так быстро.

Денисов вернулся домой и принялся за стряпню. Случайно вспомнилось, что перед жаркой цыплят-табака полагается хорошенько отбить. Вспомнилось также, что в последний раз Денисов видел кулинарный молоток, кажется, в кладовке.

Тесная кладовка была завалена всяким хламом, которому, по чести, давно уже место было в мусорном ведре, да у Денисова все руки не доходили. Хлам этот — наследственный, не выброшенный прежде, да так и перевезенный по инерции на новую квартиру, тихо лежал здесь, никому не мешая. Денисов никак не мог взяться за решительную расчистку, оттого всякий раз, залезая в кладовку за чем-либо, ему приходилось последовательно перекладывать из угла в угол почти все содержимое. Вот и теперь молоток на глаза сразу не попался, а значит, лежал где-то в самом низу.

Денисов переставил лыжи, откинул в сторону пару картонок и неожиданно наткнулся на спортивную сумку веселого голубого цвета. Такой у Денисова никогда не было, это он помнил точно. Заинтересованно вытащив сумку, он удивился ее тяжести и потянул язычок молнии.

Несколько мгновений Денисов растерянно смотрел на содержимое, а потом вынес сумку на кухню и не спеша выложил на стол три небольшие иконы, массивный серебряный складень, полиэтиленовый пакетик с кольцами, сережками и желтыми цепочками, крохотный портативный диктофон и три толстые пачки денег, перехваченные медицинскими резинками. Во рту разлилась вселенская сушь.

"Что же это такое? — подумал он с тоской. — О господи!" Денисов вдруг ощутил, что должен немедленно сесть: за несколько секунд невероятно устали ноги. Он рух-

нул на табуретку и уставился пустым взглядом на разложенные в аккуратный ряд предметы. У него не было иллюзий: вещи, конечно, краденые. Денисову казалось, что он имел достаточное представление о преступном мире. Мир этот всегда присутствовал рядом — играть в бильярд воры любили не меньше всех прочих, а Денисову было плевать, откуда берутся деньги у тех, кто желает их проиграть.

Но почему это случилось именно с Пашкой? Как же так? Неужели он мог?.. Нет, конечно же, нет. Он придет и все объяснит. Где же он шляется, черт возьми!

Денисов принялся собирать вещи и вдруг, повинуясь безотчетному порыву, подошел к окну. И немедленно отпрянул. Двое во дворе — один в милицейской форме, другой в штатском, с короткой уставной прической — смотрели на его окна. То есть Денисов не мог бы сказать с уверенностью, что именно на его, зато убежден был, что появились они здесь не случайно.

Он перебежал в комнату и выглянул в щель между шторами. Те двое уже заходили в подъезд. Обратившись в слух, Денисов ждал. Хлопнула дверь лифта, и все надолго смолкло, а потом дверной звонок по-дурному заголосил, требуя внимания.

Милиция не дремлет, со злой растерянностью подумал Денисов. Быстро же они работают. Но еще не вечер. Все-таки сумку он обнаружил раньше их...

Он снова бросился в кухню, торопливо побросал барахло в сумку и слегка приоткрыл окно. Если будут ломать дверь, он вышвырнет во двор проклятую сумку. Пусть потом доказывают. Черта с два у них получится!

Однако до этого дело не дошло. Погремев еще немного, звонок утих, опять загудел лифт, а еще через минуту милиционеры вышли из подъезда.

У Денисова слегка отлегло от сердца. Теперь нужно как можно скорее унести вещи из квартиры. Второй раз его никто не застанет врасплох. Куда? В подвал? На чердак? Чушь собачья! Лучшее место — на вокзал, в автоматическую камеру хранения. Ищите потом, ищите. Просто так я сына вам не отдам...

Схватив сумку, Денисов бросился к двери. Остановился. Вернулся в кухню и запихнул сумку вместе со всем содержимым в большой и непрозрачный полиэтиленовый пакет.

К остановке трамвая шел дворами. Яркий солнечный свет раздражал его невыносимо. Денисову хотелось сумрачного холодного ненастья, загоняющего всех под крыши. Но пока, к счастью, навстречу не попалось ни одного знакомого лица. Он вышел к хоккейной коробке — четырехугольнику утоптанной до булыжной твердости земли, обнесенному дощатым заборчиком с проволочной сеткой по верху. Впритык к забору рос колючий кустарник, такой густой, что в него ни-

когда не лазили даже мальчишки и алкоголики, прячущиеся от назойливых чужих глаз.

До трамвая оставалось два шага — обойти коробку и миновать помойку, но именно оттуда навстречу Денисову шел участковый Гуськов с двумя милиционерами. Сердце екнуло и остановилось. Подавив первый порыв броситься бежать, Денисов понял, что ни Гуськов, ни его спутники пока не видят Денисова сквозь два слоя частой проволочной сетки. Они беседовали о чем-то своем и глядели в основном под ноги, чтобы не споткнуться о куски ржавого железа, валявшиеся возле мусорных баков. Бежать было нельзя, бежать было глупо. Денисов быстро осмотрелся — никого и сунул пакет сквозь тесное сплетение ветвей вплотную к заборчику. Отступил на шаг — пакета не было видно. Денисов пошел прочь, все еще напряженно ожидая окрика. Он отходил от кустов все дальше, и напряжение сменялось досадой: чего он испугался? Что ему мог сделать Гуськов? Нет ведь таких законов, чтобы хватать и обыскивать людей на улице ни с того ни с сего. Но все эти мысли без задержки скользили в мозгу, а ноги несли сами по себе. Денисов сейчас, может быть, впервые ощутил, насколько он боится милиции, Гуськова, от которого нет у него никакой защиты. И не было сил преодолеть глупый темный страх, охвативший Денисова.

"Ничего, — успокаивал и оправдывал он себя, — пусть полежит до вечера, так даже лучше".

Он вернулся домой, разыскал кулинарный молоток и вновь занялся цыплятами. Порезал, отбил, промыл, натер чесноком и полил уксусом. Нехитрая работа отвлекала от всяких мыслей, и это было хорошо.

Когда наконец вернулся Пашка, цыплята доходили на сковородке. Они сели обедать, и, к своему удивлению, Денисов обнаружил, что ему без особого труда удается вести какой-то пустяковый разговор. Проклятая сумка была далеко, и вместе с ней опасность и беда словно ушли из дома. В какой-то момент Денисову даже показалось — насовсем.

Потом Пашка сам взялся мыть посуду, а Денисов с книгой в руках растянулся на диване, убеждая себя, что целиком поглощен чтением. Пашка гремел тарелками, а потом сквозь шум льющейся воды Денисов услышал, как скрипнула дверь кладовки. Ему не надо было видеть, что делает сейчас Пашка. Он все чувствовал и так. Вот Пашка передвинул коробки и замер в короткой растерянности. Вот начал перекладывать старую обувь, зацепил и поймал в последний момент заскользившую по стене связку лыж. Снова остановился, тихонько прикрыл дверь кладовки, завернул кран и вошел в комнату. Денисов увлеченно перелистнул сразу несколько страниц своей книжки. Пашка тихо сел в кресло, потянул со стола заграничный бильярдный журнал, раскрыл его наугад

и тупо уставился в центр страницы. Тогда Денисов захлопнул книгу.

— Не нашел? — поинтересовался он.

— Ч-что? — Пашка вздрогнул и вскинулся.

— Сумку свою.

— Какую сумку?.. Где она?

— Откуда у тебя эти вещи?

— Это не мое... Пап, где она? — на побледневшего и съежившегося Пашку жалко было смотреть.

— Нет ее здесь.

— Отдай мне ее, — тоскливо стонал Пашка. — Я должен вернуть... Это не мое.

Денисов подошел к столу и положил руку на плечо сына.

— Что случилось, Паша, расскажи мне.

Пашка совсем плохо соображал со страха, он не слышал Денисова и тянул свое.

— Ну, пожалуйста, пап, отдай сумку...

Все это походило на тихую истерику, и Денисов постепенно сам начал пугаться. А Пашка вдруг вскочил и с силой отбросил руку Денисова.

— Отдай! — заорал он. — Где сумка?!

Он смотрел на отца с такой ненавистью, как смотрят только на злейшего врага, и, поняв это, Денисов содрогнулся.

— В милиции твоя сумка! — тоже заорал он, опасаясь сейчас более всего, что Пашка наговорит, натворит такого, чего исправить уже будет нельзя. — Я ее в милицию отнес!

Пашка сразу обмяк, глаза у него сделались тусклыми, челюсть отвисла, как у старичка.

— Ка-а-к? За-а-чем? — сказал он совершенно неживым голосом и почти свалился обратно в кресло. — Знаешь, что теперь будет?

— Ничего не будет, — нарочито грубо возразил Денисов. — Успокойся и расскажи, в чем дело. И не выдумывай лишнего.

Пашка, обыкновенный перепуганный насмерть мальчишка, молчал страшно долго.

— Короче... убьют меня теперь за это... Ты не знаешь... От них не спрячешься.

Денисов слушал его сумбурный рассказ и постепенно осознавал, что его Пашка серьезно влип. Он оказался членом уличной шайки и несколько раз участвовал в делах, за которые по головке не гладят. На одном таком деле и взяли иконки с деньгами и стекляшками. Пашка в тот раз сам не грабил. Он стоял на стреме, когда старшие чистили квартиру какого-то фарцовщика. Кстати, в присутствии самого хозяина. Они были убеждены, что фарцовщик в милицию жаловаться не станет, но на всякий случай велели Пашке подержать вещички у себя некоторое время...

— Ясно, — проговорил Денисов, когда Пашка замолк. — Ладно, все еще не так страшно. Насчет милиции я пошутил. Сейчас пойдем и принесем твою сумку. Но с одним условием, отдавать ее я буду сам. Договорились? И на этом мы со всеми подобными делами покончим. Навсегда.

— Они тебя и слушать не станут, — возразил Пашка, а в глазах и в голосе его так и полыхала надежда.

— Посмотрим, — сказал Денисов. — В общем, это мое дело. Разберемся. Одно я тебе обещаю твердо: больше ты их никогда не увидишь. Но и ты должен так же твердо обещать...

Не дослушав, Пашка отчаянно закивал головой, замычал даже в приступе чувств, а у Денисова от жалости на глазах выступила влага. Бедный Пашка!

Через десять минут они были во дворе, рядом с хоккейной коробкой. Вокруг по-прежнему было пусто и тихо. Даже пенсионеры никогда не сидели здесь на скамеечках. Двор этот, вероятно, казался им неуютным. Денисов подошел к тому месту, куда он засунул сумку, и, оглянувшись, полез в кустарник.

Сумки не было.

— Сейчас-сейчас, — пробормотал Денисов, ощупывая соседние кусты.

Пашка нетерпеливо топтался на асфальте.

— Сейчас. — Денисов полз на четвереньках вдоль забора, словно еж в сухой листве. За ворот рубашки на вспотевшую шею ему сыпалась какая-то труха, битое стекло раскровенило ладонь.

— Чего хулиганите! — крикнул со стороны злобный голос. — Не са́дили, не ро́стили, а ломать — все мастера. Щас милицию вызову!

От неожиданности Пашка едва не подпрыгнул на месте. С тротуара на них с ненавистью смотрела крепкая усатая старуха.

— Никто ничего не ломает, — устало сказал Денисов, вылезая из кустов.

— Ломать-то каждый сумеет. Хулиганье! — не унималась старуха, готовая излить на них весь запас раздражения, накопленный за долгую жизнь. — И молодого тому же учит!

— Чего вы кричите? — обиженно сказал Пашка, но Денисов потянул его за собой.

— Пошли!

Старуха не переставая ругалась им вслед, и даже когда они свернули за угол, еще слышали некоторое время ее пронзительный голос. Шли молча, и только у самого подъезда Пашка потерянно спросил:

— Куда же она делась?

— Черт ее знает, — пожал Денисов плечами. — Сперли сумку. Нет ее.

— Что же теперь делать?

— Ничего, — ответил Денисов уверенным тоном, который, однако, совершенно не соответствовал его настроению. — Все будет нормально. Твои дружки знают, где ты сейчас живешь?

— Я никому не говорил. То есть сказал, что буду жить у отца, но адреса они не знают.

Денисов подумал, что надо было бы предупредить Ларису, если она не уехала еще со своим приятелем, чтобы ненароком не проболталась. Поэтому он сразу потянулся к телефону, едва они вошли в квартиру, но аппарат ожил прежде, чем Денисов успел к нему прикоснуться. Они с Пашкой переглянулись, захваченные одной и той же внезапной мыслью, а потом Денисов снял трубку.

— Будьте любезны, Пашу позовите, пожалуйста.

Вежливый юношеский баритон должен был вызывать безусловное доверие. Именно поэтому Денисов насторожился.

— Вы ошиблись. Здесь таких нет, — ответил он и ясно услышал, как собеседник ухмыльнулся.

— Передайте ему, что звонил Ярослав, — сказали на том конце телефонной линии и повесили трубку.

— Кто такой Ярослав? — спросил Денисов сразу побледневшего Пашку.

— Это Ярик... Значит, теперь они меня найдут... Ну кто тебя просил брать сумку!

Пашка вновь возвращался к исходной точке их разговора, и Денисов постарался этого не допустить.

— Все-все. Хватит. Мы это уже проехали. Пойми ты, чудак, нет никакой разницы... Представь себе, что мы просто вышвырнули эту дрянь с моста в реку. Нет ее и никогда больше не будет. Вот отсюда и следует исходить, а все прочее абсолютная ерунда...

Он говорил долго, очень убедительно и совсем было успокоил сына, если бы не проклятый телефон, начинавший звонить аккуратно каждые пятнадцать минут. Денисов вначала просто пережидал этот трезвон, не снимая трубки, а потом выдернул шнур из розетки.

Утром следующего дня все происшедшее воспринималось намного легче. Таково уж замечательное свойство каждого утра. Пашка выглядел куда бодрее и даже первым вызвался готовить завтрак. Умываясь, Денисов с удовольствием слушал, как Пашка ворочает в кухне кастрюльки, хлопает дверцами шкафов, но вдруг звуки эти разом смолкли, а когда Денисов завернул водопроводный кран, в квартире вообще наступила странная и тревожная тишина.

Денисов вышел на кухню. На столе была рассыпана мука, и руки у Пашки были в муке, и даже лоб измазан. А Пашка

стоял у окна и смотрел во двор. Там на длинной скамейке в ленивых позах сидели три парня — Пашкины ровесники или слегка постарше.

— Вон они, меня ждут, — тоскливо сообщил сын. — Вон тот, слева, — Ярик. С ним Данила и Трактор.

— Трактор? Почему Трактор? — удивился Денисов.

— Он картавит, — объяснил Пашка, — вот его и прозвали. Быстро они меня нашли. Мать, наверное, сказала.

Настроение у него совершенно упало. А Денисов, наоборот, едва не развеселился. Вот, оказывается, кого так испугался его сын. Ярик, Трактор — чушь какая-то. Обыкновенные сопляки. Денисов, конечно, представлял, что и такие сопляки в определенной ситуации могут оказаться опасными, но только не теперь. А сейчас он их просто задавит.

— Не волнуйся. Ты давай, завтраком займись. А я схожу с ними потолкую.

Все же он прихватил на всякий случай турник — массивную заднюю часть своего составного кия, сунул его в рукав рубашки — кто их знает, сопляков, как разговор сложится — а то еще полезут сдуру с ножами...

Он бодро вышел из подъезда и направился как бы мимо скамейки, но, поравнявшись, внезапно остановился.

— Чего ждете, ребята?

Денисов спросил напористо, нахально и пристально вглядываясь в лица юнцов, и те в первое мгновение растерялись.

С минуту они молчали, а потом Ярик осторожно сказал:

— Сидим просто.

Но уже через несколько секунд добавил, обретая вновь нагловатую уверенность.

— А в чем дело?

Им было лет по семнадцать-восемнадцать. Довольно крепкие, спортивного вида ребята. Если такие в темном подъезде навалятся втроем, отмахнуться будет непросто. Но что с некоторым удивлением отметил Денисов — опрятные и чистенькие, аккуратно подстриженные и в меру модно одетые. Во времена юности Денисова шпана выглядела совершенно иначе.

— Вы ведь Павла ждете? — без предисловий начал Денисов. — Не ждите, ребята, не надо. Ничего хорошего не получится. И так уже дело дрянь, а может быть намного хуже.

— Пугаешь, папаша, — лениво сказал Ярик.

А дружки его молчали угрюмо и настороженно.

— Зачем? — удивился Денисов. — Я объясняю. Ты и сам сообразишь, что к чему. Ты же за сумочкой пришел, верно?

Денисов сразу решил разговаривать с одним Яриком, понимая, что он в этой тройке за главного.

Ярик не ответил. Не то чтобы смутился. Скорее, просто ждал, что скажет Денисов дальше.

— А пришел ты зря, — продолжал Денисов. — Сумка-то уже в милиции.

Какая-то тень пробежала по лицу Ярика. Не страх, но определенно беспокойство. Он коротко переглянулся с дружками.

— Я сумку в милицию отнес, — Денисов внимательно следил за реакцией собеседников. — Пока просто сказал, что нашел. На улице подобрал. Но это пока, понимаешь? А что завтра скажу — это видно будет.

— В каком смысле? — заинтересовался Ярик. Спеси у него заметно поубавилось.

— В самом прямом, — голос Денисова зазвучал теперь жестко. — Увижу, к примеру, еще хоть раз, что ты тут под окнами ошиваешься. Или дружки твои подойдут еще хоть раз к Пашке ближе, чем на километр — вот тогда я объясню, откуда взялась сумка. И тогда, дорогой, — тюрьма.

— И Пашке вашему тоже, — буркнул Ярик.

— Вот в этом я не уверен, — улыбнулся Денисов. — Пашка-то всего-навсего на стреме стоял. Да к тому же сдаваться пойдет сам. Неприятностей, конечно, не избежать — но что ж тут поделаешь! Неприятности — они разные бывают. У кого мелкие, а у кого и покрупнее. Вот ты, например, где тогда был?

— Я дома сидел, — сказал Ярик довольно нервно.

— Они разберутся. Им за это деньги платят. — Денисов взглянул на часы, заторопился. — Так, ребята, мое время истекло. Дальше вы все сами додумаете. Но помни, что я сейчас сказал, Ярик, или как тебя там. Не дай бог мне тебя здесь еще увидеть.

— Не выступай особо, мужик, — огрызнулся Ярик, но Денисов видел: это он только чтобы не потерять уж совсем лица перед своими дружками.

На самом деле Ярик был изрядно смущен. Можно было бы, конечно, еще добавить, но Денисов решил не пережимать.

— Будь здоров, — сказал он и пошел домой.

Дверь квартиры Пашка распахнул, едва кабина лифта с Денисовым остановилась на площадке.

— Ну вот, а ты боялся, — весело сказал Денисов, предупреждая рвущиеся с губ сына вопросы. — Все в порядке. Я же говорил тебе, что все будет нормально.

— Что ты им сказал, пап? Ну, чего они?

— Просто объяснил, что, если к тебе кто-нибудь хотя бы подойдет, будет очень плохо. Мне кажется, они поняли меня правильно.

Если бы все неприятности в жизни разрешались так просто! Пусть эта маленькая психологическая победа была одержана всего лишь над сопляками, шпанятами, Денисов был очень доволен. Он вспоминал эпизоды происшедшего и

сам себе нравился. И все же в глубине сознания гнездилась тревога. Интуиция игрока шептала ему, что в данной ситуации возможны продолжения. Но Денисов сегодня не хотел прислушиваться к своим сомнениям. Они с Пашкой провели отличный день — ходили в кино, катались на речном трамвайчике и просто гуляли по городу. Денисов все время разговаривал с сыном, и тот слушал его с вниманием и интересом. Правда, однажды Пашка снова спросил, кем работает Денисов, и тогда ему пришлось плести что-то насчет киностудии, а потом довольно неуклюже переводить разговор на другую тему.

В этот вечер Денисов вновь не пошел в бильярдную. Они поужинали остатками цыплят, после чего сыто и покойно смотрели в ожидании спортивных новостей и сводки погоды телефильм о военных подвигах дряхлого вождя.

Продолжение последовало уже назавтра. Денисов отправился после обеда в "академию" — бильярдную центрального парка, а Пашка остался дома. Не пойти Денисов не мог — он пропустил уже два дня, а его профессия расслаблений не допускала, требуя ежедневных тренировок.

Серьезных соперников в бильярдной не было, и Денисов играл по-маленькой с кем придется. Он только что положил шара красивым карамбольным ударом, как кто-то бесцеремонно взял его за плечо.

— Эй, начальник, поговорить надо.

Денисов изумился: мешать игре — бестактность вопиющая. Он стряхнул чужую руку с плеча и повернулся. Перед ним стояла наглая, сытая рожа. Рядом еще одна. Парни лет двадцати пяти. В бильярдной они были чужими.

— Что вам угодно? — в минуты крайнего раздражения Денисов изъяснялся с несколько старомодной вежливостью.

— Дело к тебе есть. Пойдем, поговорим.

Денисов сокрушенно развел руками.

— К сожалению, не могу. Мне необходимо окончить партию. Вам придется подождать.

— Потом окончишь, — парни вели себя вызывающе: вежливость Денисова они приняли за испуг, что характерно для тупого быдла, каковыми они и являлись. Да к тому же прежде они никогда не бывали в бильярдных. Они не замечали, что к разговору все с бóльшим интересом прислушиваются окружающие.

И партнер Денисова тоже подошел поближе. Здесь все его звали Квадрат. Это был здоровенный мужик лет пятидесяти с начинавшим выпирать брюшком. Он работал мастером на механическом заводе и уже много лет дважды в неделю аккуратно приходил поиграть в бильярд перед ночной сменой.

— Вон там посидите, ребята, погрейтесь на солнышке, —

показал Квадрат толстым пальцем на дверь. — А сейчас валите. Не видите: люди делом заняты.

Безусловно, Квадрат должен был производить внушительное впечатление, но парни его не послушались. То ли запасы наглости у них были чрезмерные, то ли просто понесло их и остановиться уже не могли, но советов они не воспринимали.

— Гуляй, папаша, — начал один, — а то схлопочешь...

Договорить ему Квадрат не дал. Он вообще не любил долгих разговоров, поэтому без лишних слов въехал парню огромным кулаком в ухо. Того унесло под стол, но парень был крепкий, из-под стола тут же вылез и принял боевую стойку, готовый схватиться с обидчиком. И приятель его тоже полуприсел, растопырив локти, однако драк в бильярдной не терпели. Парней немедленно схватило множество рук, их легко и небрежно проволокли по ступенькам и вышвырнули за дверь, крепко пнув каждого для скорости под зад.

Квадрат моментально забыл об инциденте.

— Твой удар, — нетерпеливо напомнил он Денисову.

Этот удар Денисов замазал, шара ему положить не удалось, и хотя партию он в конце концов выиграл, стоило ему это немалых усилий. Но не предстоящий разговор с Наглыми Рожами его беспокоил, а то, где сейчас Пашка.

Не выдержав беспокойства, позвонил между партиями домой.

— Как дела? — спросил у сына.

— Нормально, — в голосе Пашки Денисов услышал неуверенность.

— Тебе кто-нибудь звонил?

— Звонки были, я снимал трубку, но там никто не отзывался.

— Из дома не выходи, никому не открывай, — скомандовал Денисов. — Я скоро буду.

— У тебя что-нибудь случилось, пап? — в свою очередь заволновался Пашка.

— Все нормально. — Денисов положил трубку и побежал доигрывать.

За весь день выигрыш собрался небольшой — чуть больше полусотни. Основная игра должна была, как обычно, начаться вечером, но Денисов решил не задерживаться до темноты.

— Тебя проводить, Седой? — предложил Квадрат, но Денисов отрицательно покачал головой.

— Сам разберусь.

Развинтив кий, положил в тубус только тонкую часть. Турник, как и вчера, укрыл в рукаве.

Парни нетерпеливо курили на скамеечке. Увидев Денисова, вскочили. Заждались, значит, совсем. Денисов подошел

уверенно и остановился, сохраняя стратегическую дистанцию, метрах в двух. Он видел, что парни разозлены, но и несколько растеряны и не намерены немедленно начинать драку. Они убедились, что Денисов — человек из системы. Система эта была им совершенно незнакома, и парни не желали больше совершать ошибок.

Инициативы Денисов решил не отдавать. Для начала он приятно улыбнулся.

— Вот теперь я готов вас выслушать. Так в чем дело?

— Короче, так, — мрачно сказал тот из двоих, на чьей морде отчетливо проступал отпечаток Квадратова кулака. — Или шмотки гони, или бабки.

— Я извиняюсь, мужики, — удивленно возразил Денисов, — разве ваши шестерки вам не сказали, где вещи?

— Про то, как ты им лапшу на уши вешал, они рассказали, — заверил второй парень. — Только нам эту туфту не гони, не нужно. Мы проверили. Не был ты в конторе. И шмотки туда не носил.

— Вы что, официальный запрос сделали? — попытался сыронизировать Денисов.

Парни иронии не поняли.

— У нас там концы есть, понял?

Это прозвучало для Денисова неожиданно. Он хотя и не поверил, но как-то сбился.

— Значит, так, парни, — сказал он, собираясь с мыслями, — шмоток ваших нет. С этим придется смириться. За ошибки нужно платить. Разойдемся тихо. Допустим, я в конторе не был, но ведь это дело исправить нетрудно. Что касается вас, могу в качестве компенсации выдать по куску на брата. Но к Пашке чтобы больше никто из ваших никогда не подходил.

— Он нам по куску дает, — нехорошо ухмыльнулся второй парень. — Эти бумажки ты знаешь куда засунь?

Он сделал шаг вперед, и в ту же секунду из рукава Денисова выскользнула и удобно улеглась в ладонь его дубинка.

— Спокойно, молодой, не надо нервничать, — он обозначил турником легкое вращательное движение.

— Кончай, кончай, — остановил своего приятеля тот, что с побитой рожей. — Не время.

— Короче, слушай, шарогон, — обратился он к Денисову. — Своими двумя кусками можешь подтереться. С тебя двадцать пять кусков или вещи. И учти: сроку три дня, а на четвертый включается счетчик. Пять процентов в сутки — это как обычно.

Они повернулись и пошли к выходу. А Денисов зашагал в противоположную сторону. Он решил выйти из парка через другие ворота. Так было ближе к дому — Денисов сейчас хотел поскорее увидеть сына.

Но Пашки дома не было.

В эту ночь сон так и не пришел к Денисову. Шаги во дворе, хлопок двери подъезда, гудение лифта — любой из редких ночных звуков заставлял Денисова вскакивать с постели, вслушиваться, всматриваться через открытое окно в темноту. А когда эти звуки ночь полностью растворила в себе, он просто ходил кругами по комнате, снова смотрел в окно и курил без перерыва. Тяжелый, беспокойный полусон, похожий больше на оцепенение, схватил его, лишь когда совсем рассвело. Впрочем, Денисов так и не понял: спал он или просто грезил, что спит, беспрерывно продолжая диалоги с Пашкой, Яриком, Наглыми Рожами и самим собой.

Резкий телефонный звонок разом прервал все эти галлюцинации. Сердце мгновенно заколотилось с такой частотой, словно Денисов только что взбежал на десятый этаж. Он даже не сумел от волнения сразу ухватить телефонную трубку, а когда сорвал ее с рычага, то закричал, не дожидаясь вопроса:

— Павел! Это ты, Пашка?!

— Георгий Сергеевич, если не ошибаюсь, — спросил вежливый мужской голос.

— Да, — приходя в себя, Денисов провел ладонью по лицу, мокрому от пота. — Кто это?

— Это неважно. Зовите меня, допустим, Егор.

— Ага, — сказал Денисов, — я — Георгий, ты — Егор. Чего надо, Егор?

— Вы не очень-то вежливы, Георгий Сергеевич, — отметил голос.

— С какого хрена мне с тобой быть вежливым. Говори, что надо, и отваливай.

— Думаю, вы и сами уже догадались. Я только хотел напомнить, что до истечения контрольного срока у вас остается два дня с небольшим.

— Где мой сын? — сказал Денисов. — Я вас, гадов, всех разнесу. Это ты, что ли, Вартан?

— Я не Вартан, я — Егор, — поправил голос. — Давайте поговорим спокойно...

Но Денисов не в силах был сдерживаться.

— Слушай ты, Егор, или как тебя там, — яростно перебил он, — вы все будете сидеть. Это я вам гарантирую. Я сейчас, немедленно, иду в милицию. Если Павел через полчаса не будет дома...

— Кому он нужен, твой Павел, — тоже перебил голос, но сразу же сбавил тон. — Вы заблуждаетесь, Георгий Сергеевич. Я не занимаюсь похищением младенцев. Да и на младенца ваш сын совершенно не похож. Но об этом после... Собственно, что вы скажете в милиции, мне просто интересно? Что кто-то кого-то ограбил? Так ведь не было этого. Это же просто смешно. Вообще — не было. Но это только одна

сторона. Кто, собственно, станет вас слушать, дорогой мой? Вас, тунеядца с двадцатилетним стажем.

— Не болтай, чего не знаешь, — грубо и бессмысленно сказал Денисов.

— Продолжаете хамить, — укоризненно констатировал голос. — А я слышал о вас как о человеке, претендующем на интеллигентность. Но вы ошибаетесь. Я о вас все знаю. Когда, кстати, вы в последний раз работали? Не числились, а именно работали? Вот видите, по действующим законам вы самый настоящий тунеядец. Законы могут не нравиться — вам, мне, но они существуют. И в вашем отделении о вас хорошо знают. Догадываетесь, почему за вас еще не взялись по-настоящему? Да у них просто руки не доходят. Но в принципе им можно помочь. Общественность разве будет терпеть, что милиция даром ест свой хлеб? Напишут ведь, Георгий Сергеевич. Да еще куда-нибудь повыше. И все, аут. Или вы немедленно грузчиком в магазин пойдете? Вряд ли. Значит — крупные неприятности.

Тут Денисов не выдержал и захохотал.

— Ты чем меня пугаешь? Ментами? Это ты, бандит!

— Ну, хватит, — голос приобрел раздраженные интонации. — Я, чудак, хотел с тобой по-хорошему. Вот что, Седой, ты не выеживайся. Я тебя как вошь придавить могу. А ты меня — нет. Ты кто? Директор магазина? Может, в крайнем случае, передовик производства, депутат райсовета? Ты — шарогон. Мне даже руки пачкать не надо, тебя любой мент из шкуры вытряхнет за пятерку. А теперь запомни, шарогон, я жду три дня. Потом счетчик поедет. И через двадцать дней тебе придется уже пятьдесят кусков готовить. Или тебя самого на куски разделают. Все понятно?

— Где мой сын, ты, гнус! Скотина! — Денисов затрясся от крика. — Если его через полчаса здесь не будет!..

— Теперь насчет твоего щенка, — абсолютно спокойно продолжал голос. — Я тебе уже сказал: никому он не нужен. Шляется, наверное, где-нибудь с девками. Думаешь, я его заманил? Ошибаешься, Седой. Он сам от тебя ушел. Он, чудак, верил отчего-то, что папа его уважаемый человек и чуть ли не главный режиссер на киностудии.

— Что ты ему наговорил?

— Да ничего, Седой, — удивился собеседник. — Просто объяснили, где ты себе авторитет делаешь. Где бабки себе на жизнь достаешь. Чтобы у него иллюзий не было. Иллюзии — они мешают. Ну а если он обиделся на тебя — то я тут ни при чем. Никогда нельзя своих детей обманывать, разве ты не знаешь? Так что сам себя вини.

— Слушай... — у Денисова сдавило горло, и голос подвел его, дрогнул, — ...пока я его не увижу, не получишь ни копейки.

— Ну, хорошо, я попробую его разыскать, — хмыкнул со-

беседник. — Может, ты думаешь, я его на ошейнике держу? У него, вероятно, свои дела. Единственное, что могу для тебя сделать, — попрошу передать, чтобы тебе позвонил. Если кто его увидит. Но дела это не меняет. Кстати, из чистого любопытства. Ты что, вещички уже толкнул, что ли?

— Пошел ты... гад! — крикнул Денисов, швыряя трубку.

Состояние Денисова не позволяло ему сидеть дома, дожидаясь исхода событий. Он принялся искать Пашку.

Начал со звонка Ларисе, хотя надежда на успех тут была слабая. Квартира, как и ожидалось, была давно пуста, Лариса где-то далеко устраивала свои личные дела. Тогда Денисов побежал в школу, где учился Пашка, вспомнив, что тот говорил о какой-то там практике. Но дверь школы была заперта, вероятно, до первого сентября, и тут Денисов сообразил, что надо бы поговорить с Пашкиным тренером. Спортшкола — единственная в районе — была здесь же, неподалеку.

Тренер Пашки — невысокого роста человек с мощной фигурой борца — имел привычку часто морщить лоб, и тогда начинали двигаться его уши, изрядно деформированные в многочисленных схватках на ковре.

— Денисов? Паша? Вчера его не было. И сегодня... Я думал, что он захворал...

— А с кем он тут дружит? Может, кто-нибудь из ребят знает, где он?

Тренер собрал кожу на лбу в толстые складки и пошевелил ушами.

— Спросим сейчас. Ионов! Пойди-ка сюда!

Подошел Ионов, худой и грустный.

— Ты Денисова давно видел?

Ионов тоже сразу наморщился, неосознанно подражая своему тренеру.

— Да еще на прошлой неделе.

— А после не встречал? Вчера или сегодня? Где он может быть, ты не знаешь?

— Не-е, Сергей Иваныч, он вроде ничего не говорил.

— Ладно, иди работай, — отпустил его тренер. — В общем, если он тут появится, то домой придет обязательно. Это я точно могу обещать. У вас что-то случилось?

— Случилось, — сказал Денисов. — Толком не расскажешь.

— Понимаю, — тренер сочувственно подвигал ушами. — В этом возрасте все они бешеные. Но Павел ваш неплохой мальчишка, способный. Работает от души. Натура в человеке всегда видна в деле. Да вы не расстраивайтесь. Плохого с ним не случится. Побегает немного, остынет и появится.

— Да, да, — сказал Денисов. — Если он сюда придет, вы уж, пожалуйста...

— Это ясно, — тренер снова поморщил лоб. — Я и ребят предупрежу... Эй, Крапивин! Глубже приседай, глубже. А захват выше к плечу делай. Я же тебе показывал!

— Я пойду, — вздохнул Денисов. — До свидания.

— До свидания. Вы не переживайте, все будет нормально... Вот сейчас правильно, Крапивин. Умеешь, когда хочешь. Повтори еще пару раз, потом поменяйтесь...

Час или два Денисов без надежды бродил по дворам. Домой пришел усталый, вконец опустошенный. Завалился на диван, не снимая башмаков, но тут же был словно подброшен очередным телефонным звонком.

— Да! Да!

— Это я, — замкнутым голосом сказал Пашка.

— Паша! Ты где?

— Тут... у приятеля.

— Слушай, Павел, нам с тобой надо поговорить.

Пауза.

— Зачем? — спросил Пашка.

— Мне кажется, нужно кое-что выяснить. Расставить все на свои места.

— Какие места? — не понимал или притворялся Пашка.

— Ты приходи, и мы поговорим, — Денисов старался, чтобы голос его звучал спокойно и убедительно, только что-то не слишком хорошо получалось. — По телефону многого не объяснишь.

— А чего объяснять-то, — грубо сказал Пашка. — Все и так понятно. Ты же мне все время врал. "На киностудии работаю". А ты сам такой же, как они. Все время врал. Не пойду я к тебе.

— Паша! Паша! Нам обязательно надо поговорить. Я тебе все объясню, ты же просто ничего не понимаешь, — волнуясь, зачастил в трубку Денисов. — Приходи сейчас, немедленно, ты же не знаешь ничего!

— Не приду! — Пашка бросил трубку.

Денисов еще с минуту тупо слушал короткие гудки, ощущая, как накатывает отчаяние. Он не знал, что делать дальше. И снова звонок. Пашка?!

— Алло, Седой, — сказал знакомый уже вежливый голос. Впрочем, теперь уже совсем не вежливый. — Есть изменения. Должен тебя огорчить. При подсчете произошла ошибка. С тебя, оказывается, не двадцать пять кусков, а сорок. Ты меня слушаешь?

— Ты что, свихнулся? — от наглости собеседника Денисов даже растерялся. — Ты по какому курсу считаешь? Да там за все про все и на три куска не потянет.

— Это кому как, — возразил голос. — По-твоему — три, по-моему — сорок. Только мой счет вернее, как ты можешь догадаться. Спорить тут не приходится: я — хозяин, мне и виднее.

— Хозяин! — иронически сказал Денисов, но собеседнику плевать было на его иронию.

— Впрочем, у тебя остается право выбора. Можешь отдать вещи. Тогда платить почти не надо. Разве что за моральный ущерб моим ребятам. Все по справедливости.

— Не получишь ни копейки, — объявил Денисов. — Еще один твой звонок, и я в контору пойду.

— Иди, — разрешил голос. — Своими руками своего сына к хозяину и оформишь, если считаешь, что в тайге климат ему на пользу. Кстати, чуть не забыл. Есть еще одно изменение. Пашку ты тоже пока не увидишь. Он в одном месте посидит. До тех пор, пока ты не рассчитаешься. Ему там будет хорошо. А будешь дергаться — ему отзовется. Напоминаю: на все дела тебе осталось два дня. Успевай. Все, будь здоров!

— Ах ты!.. — заскрежетал Денисов в умолкшую трубку.

Ясно было, почему этот Егор так обнаглел. Они вытянули из Пашки, что сумка с вещами пропала. Денисов не знал, как теперь быть. К кому идти, что делать.

Он схватил записную книжку и принялся лихорадочно листать. Фамилии, имена, телефоны — все не то. Вот! Если уж этот не сумеет помочь...

Торопясь, накрутил номер. Гудок. Гудок. Слава богу, сняли наконец трубку.

— Виталий Иванович? Это я, Георгий. Что-то давно не виделись. Ты куда пропал?

— А, Георгий! Рад тебя слышать. Дела, старик. Но я не забываю. В субботу собираюсь в Дом архитектора. Ты будешь?

— Конечно.

— Вот и ладно. Там поболтаем. Извини, старик: у меня тут народ...

— Виталий, у меня к тебе дело. Очень важное. Я тебя редко о чем просил, ты знаешь, — заторопился Денисов.

— Ты попозже мне можешь перезвонить? У меня тут...

— Пять минут, Виталий, я в двух словах. Сын у меня пропал, понимаешь... Да не пропал. Дружки его где-то спрятали, шпана, бандюги. Что делать, Виталий, к кому идти? У тебя, я знаю, в эмвэдэ концы какие-то есть...

— Подожди, подожди. Я ничего не понял. Говорю тебе: попозже перезвони. Через полчаса. У меня тут люди...

Эти полчаса Денисов просидел у телефона не сводя с него глаз. А когда позвонил снова, писклявый голосок секретарши сообщил, что Виталий Иванович уехал и сегодня уже не вернется.

Денисов — в который раз за день — швырнул трубку и несколько минут бессильно ругался грязными словами. Может быть, Виталий действительно уехал по делам, но Денисов сейчас никому не верил. Его заботы никому не нужны, и сам он никому не нужен со своими заботами. Не было боль-

ше никакого выхода. Вернее, оставался всего один, последний.

В дежурке отделения милиции было прохладно и неожиданно пусто. Лейтенант с красной повязкой на рукаве заполнял какой-то длиннющий бланк с множеством полочек-позиций.

Денисов сунул голову в окошко над барьером.

— К кому тут можно обратиться? Сын у меня пропал.

Дежурный обрадовался поводу отложить хоть на время надоевшую бумажку.

— Большой сын-то?

— В общем, да... Шестнадцать лет уже. Но он не совсем пропал.

— Что значит "не совсем"? — удивился лейтенант. — Частично, что ли?

— Да нет же, — с досадой мотнул головой Денисов. — Я думаю, что его где-то специально задерживают против его воли. То есть я точно знаю, что это именно так.

Тут у лейтенанта на столе затрещал один из четырех телефонов, на которые Денисов теперь не мог смотреть иначе, как с ненавистью. Лейтенант снял трубку, сказал: "Дежурный слушает", и действительно слушал очень долго. Так долго, что про Денисова забыл. А когда положил трубку и вспомнил, мысли его уже были занятым другим.

— Вы поднимитесь в двадцать третью комнату, — сказал дежурный, с отвращением придвигая к себе все тот же лист бумаги. — Там инспектора по розыску, они у вас заявление примут.

— А! Вот он где, — раздалось за спиной. — Сам пришел. Очень хорошо. А я за ним собирался сегодня наряд посылать.

Денисов недоуменно обернулся. Участковый Гуськов, сняв фуражку, старательно тер платком красное лицо.

— Ну что, принес справку?

— Какую справку? — не сразу переключился Денисов. — Нет еще, не принес. Завтра принесу...

— Не надо! — властно сказал Гуськов. — Хватит завтраками кормить. Тунеядцев на участке не потерплю. Народ не позволит. Вас учить надо. Делаю тебе первое официальное предупреждение.

Он мгновенно вытащил из своей папки заготовленный бланк и положил перед Денисовым на барьер.

— Распишись!

— У меня сын пропал, — сказал Денисов.

— Еще бы! — кивнул Гуськов. — У такого отца это не удивительно. Странно, что он раньше не сбежал. Расписывайся, Денисов. И запомни: после второго предупреждения мате-

риалы направляю в суд. Мы тебя быстро окоротим. Подписывай!

Денисов озадаченно смотрел то на бумажку, то на Гуськова, а потом вдруг взорвался.

— Не буду! — злобно заорал он.

— Ах не будешь! — брови Гуськова поползли вверх, к козырьку фуражки. — Очень хорошо. Тогда мы по-другому разговаривать станем. Это знаешь, как называется? Злостное неповиновение сотруднику милиции при исполнении служебных обязанностей. Поляков, дай-ка мне ключ от камеры. Пусть-ка он до утра посидит, а завтра в нарсуд. Для начала оформим его суток на пятнадцать.

Денисов испугался. Он понимал, что Гуськов не имеет права этого делать, но никто во всем свете не смог бы сейчас Денисову помочь. Для всякого представителя власти, будь то судья, прокурор или кто другой, Денисов был тунеядцем, сволочью. Никто и слушать его не станет, закатают на пятнадцать суток... А Пашка? Что станет с ним за эти дни?

От унижения, бессилия и страха противно защемило сердце.

— Давай бумажку, я подпишу, — хрипло сказал он.

— А нам одолжений не надо, — куражился Гуськов.

— Я же сказал: подпишу... Давайте бумагу.

— То-то же! — Гуськов удовлетворенно помахал пальцем у Денисова перед носом. — Берись за ум, я тебя по-хорошему предупреждаю...

Денисов выскочил из отделения, обливаясь потом, долго разжигал в дрожащих пальцах сигарету. Сделав пару затяжек, смял и швырнул на тротуар.

— Очень красиво, — укоризненно заметила проходившая мимо дама, которой окурок едва не попал на ногу. — И это называется культура!

— Иди ты!.. — гаркнул на нее Денисов, радуясь сомнительной возможности хоть немного отвести душу.

Дама вздрогнула и, презрительно поджав губы, проследовала своим путем. Но Денисов уже забыл о ней.

— Гады! — проталкивал он свистящие слова сквозь перехваченное горло. — Гады проклятые!

Нужно было обязательно успокоиться. Надо было взять себя в руки. Денисов умел это делать. Иначе он не стал бы никогда тем Седым, которого знали во всех бильярдных страны. Он снова закурил сигарету и вновь отбросил ее, едва затянувшись. Потом прыжком выскочил на мостовую, подзывая такси.

Ни в Доме офицеров, ни в "академии" Валентина не было. Денисов нашел его в Доме писателей. Но не в бильярдной, а в ресторане. Валентин сидел за столиком вместе с

Поэтом, самозабвенно любившим бильярд и в принципе неплохо игравшим. Денисов подозревал, что если бы Поэт не тратил столь много времени на писание рифмованных строк, а всерьез занялся бы бильярдом, то вполне был бы способен войти в первый десяток игроков страны.

Поэт с Валентином вдвоем пили водку. Денисов не знал, сколько они приняли, но Поэт был уже изрядно на взводе, хотя Валентин, напротив, выглядел совершенно трезвым. Впрочем, начинать они могли и порознь.

— Гоша! — громко сказал Поэт, увидев Денисова. — Вот кого мне не хватало. Садись к нам, милый!

Обслуживающий персонал здесь хорошо знал Денисова. Тут же появился официант, который притащил третий стул и приборы.

— Мы с Валентином как раз беседовали о тебе, — порадовал Денисова Поэт.

— Вот как! — сдержанно удивился Денисов.

— Не конкретно о тебе, но о тебе — в принципе. Мы, Гоша, говорили о профессионалах. Профессионалы — единственно, кто достоин уважения в этой стране, погибающей от непрофессионализма.

Последнее слово далось Поэту с некоторым напряжением.

— Ведь ты, Гоша, — не просто игрок. Ты — Седой. Суперпрофессионал. И за это я тебя уважаю вне зависимости от количества выпитой водки. Я хотел сказать, что уважаю тебя независимо от факта употребления мной водки именно сегодня.

Поэт почувствовал, что несколько запутался, на короткое время задумался и быстро нашел выход из ситуации.

— Выпей с нами, — сказал он.

Снова появился официант и, наклонившись к Денисову, спросил:

— Заказывать что-нибудь будете?

Денисов пожал плечами, потом махнул рукой.

— Давай еще бутылку и что-нибудь закусить. На твое усмотрение.

Обычно он никогда не пил в это время: но сегодня играть явно не придется.

— Все население мира, Гоша, делится на три категории, — поучал Поэт. — Я только что объяснял это Валентину, однако он со мной не желает соглашаться.

— Я согласен, — меланхолично махнул вилкой Валентин. Он жевал антрекот и спорить не хотел.

— Наконец-то! — обрадовался Поэт, но тут же нахмурился. Ему хотелось продолжения полемики, и, к счастью, Валентин это понял.

Валентин проглотил антрекот и хлебнул минералки.

— Но я согласен отнюдь не во всем.

— Вот, пожалуйста, — азартно огорчился Поэт. — Тогда ты, Гоша, изложи свое мнение.

— Я пока не в курсе, о чем идет речь.

— А я тебе объясню, — Поэт положил вилку и сел поудобнее. — Весь бильярдный мир, как я уже сказал, делится на три категории: любителей, дураков и профессионалов. Любители играют в свободное от своей основной деятельности время и исключительно ради отдыха, чтобы снять напряжение. Вот, например, Черчилль. Отдыхал за игрой после ежедневной двенадцатичасовой напряженнейшей работы.

— Черчилль играл не на бильярде. Он играл в бридж, — поправил Валентин, — и, говорят, весьма профессионально.

— А я знаю, — возмутился Поэт. — Разве я сказал: на бильярде? Он действительно был классным бриджистом, но человек, который понимает толк в бридже, просто обязан любить бильярд. Но я отвлекся. Итак, вторая категория. Она самая большая. Это — дураки.

Поэт остановился, ожидая реакции, но ее пока не последовало. Валентин уже слышал все прежде, а Денисову сейчас было не до дискуссий.

— Да, дураки, — повторил Поэт. — Это наши собратья-обыватели, которые не сумели найти себя ни в чем. Или не пожелали. По глупости и природной лени. В жизни их ничто не состоялось. Они не стали ни докторами наук, ни партийными работниками. Они, бедняги, даже не сумели никого полюбить. И поэтому, отсиживая часы на ненавистной службе, протирая на задницах штаны, они весь день мечтают лишь о звонке, который освободит их от присутственного места и позволит заняться любимым делом. То есть им так кажется, что любимым. А в сущности, они просто прячутся от жизни возле бильярдного или карточного стола, альбома с марками или какими-нибудь дурацкими этикетками. Но самое главное, что и этим заниматься они толком не умеют и никогда не научатся.

— Ну а третья категория? — спросил Денисов.

— Самая маленькая и — самая главная. Это — профессионалы. Ты, Гоша, единственный среди нас представитель этого племени. Я, кстати, не понимаю, почему ты не пьешь. Давай, Гоша, выпьем за профессионалов.

— Я с тобой с удовольствием выпью, — Денисов поднял рюмку. — Только объясни, пожалуйста, какое место ты отводишь профессионалам? Непосредственно перед дураками или сразу после них?

— Над, Гоша! Только над! — страстно воскликнул Поэт. — Профессионалы, если быть до конца точным, это даже не категория. Это привилегированный класс, который существует за счет дураков и отчасти любителей. Только первые отдают деньги в силу природной глупости, а вто-

рые — совершенно осознанно. Из эстетического чувства. Полагаю, ты меня понимаешь?

— А меня к кому ты относишь? — внезапно спросил Валентин.

Поэт посмотрел на него удивленно, а потом засмеялся и погрозил пальцем.

— Ты — ни то, ни другое, ни третье. Ты, Валентин, делец. Эстетические чувства тебе чужды. Впрочем, в своем роде ты тоже профессионал.

— Вот как, — Валентин явно обиделся. — Ну а сам ты кто такой?

Поэт задумался и погрустнел.

— Кто? Скажу тебе честно: черт его знает. Я завидую Седому. Для него нет загадок в его ремесле, ибо он — профессионал. Он мастер и может все. А мое ремесло для меня сплошь в загадках. Почему у меня не получается гениально, даже если очень хочется? Скажи, почему? Вот и я не знаю. Но при всем при том я живу именно за счет своего ремесла. Так что я не знаю, Валентин. И не понимаю, какого черта ты мне задаешь такие вопросы!

Он взволнованно плеснул из бутылки себе в рюмку, едва не промазав.

— Гоша, ты опять не пьешь? У тебя что, игра сегодня?

— Что-то вроде того.. — Денисов внезапно понял, что испытывает сейчас отвращение к спиртному.

— В таком случае не настаиваю. — Поэт хлопнул рюмку и сосредоточился на закуске.

— Валентин, мне надо с тобой поговорить. Можно тебя на пару минут? — попросил Денисов.

Через прокуренный насквозь, вопящий буфетный зал они прошли в холл.

— У меня тут некоторые проблемы возникли, — сказал Денисов.

— Мой бумажник всегда к твоим услугам, — немедленно отреагировал Валентин.

— Дело не в этом... Хотя и это тоже, может быть. Если действительно понадобится, ты мне сможешь тысяч сорок одолжить?

Валентин вытащил сигарету и задумчиво помял в пальцах.

— Это немалые деньги.

— Ерунда, — нервно сказал Денисов. — Пару месяцев хороших гастролей по южному побережью. Ты же знаешь!

— Я знаю, — кивнул Валентин. — Так это все проблемы? Мне показалось, ты начал не с того.

— Верно. Деньги — в крайнем случае. Ты помнишь тех орлов, что вчера в "академию" приходили? Чьи они? Ты их знаешь?

— Лично я их не знаю, — от усиленного разминания си-

гареты в пальцах Валентина была уже не сигарета, а одна бумажка — весь табак высыпался. — Да и чего их знать. Это шестерки какие-то. Но в принципе выяснить можно. А в чем дело?

— Давай-ка присядем, — сказал Денисов.

Ему очень не хотелось рассказывать все именно Валентину, но Денисов надеялся на его помощь. Да и выговориться, в конце концов, требовалось непременно. Какая, в сущности, разница кому.

— Сына мне надо найти, — закончил Денисов свой рассказ. — Помоги мне, Валентин.

Валентин методично разминал очередную сигарету. Он почему-то никак не мог избавиться от этой привычки, хотя все время, что знал его Денисов, курил исключительно американские, которым такая операция не только не помогала, но совсем даже наоборот.

— Хреновое дело, Седой.

— Это я и без тебя понимаю, — грубо перебил Денисов. — Помочь сможешь?

— Тут обещать трудно... Но я попробую. Можно кое-кого поспрашивать. Без гарантий, конечно, но все же... Я тебе завтра позвоню.

— Хорошо, — Денисов поднялся с мягкого дивана, на котором когда-то сиживали многие литературные знаменитости. — Я буду ждать.

Тем же вечером Денисов сделал то, чего не позволял себе уже много лет. Вернувшись домой, он напился. Пренебрегая закуской, опрокидывал в себя рюмку за рюмкой и добился в какой-то момент иллюзии того, будто оглушенный алкоголем мозг освободился от тоски, терзавшей его все эти дни. Роняя стулья, Денисов ходил из комнаты в кухню и обратно, словно пытался отыскать нечто очень важное, потом долго щелкал выключателем телевизора и все удивлялся тому, что не загорается экран, пока не обнаружил выдернутую из розетки вилку. Но в этот момент ему было уже не до телевизора. Хватаясь за стенки, Денисов тащился в туалет, сдерживая изо всех сил мучительные позывы рвоты...

Кажется, перед тем как окончательно рухнуть на диван, он догадался выключить в квартире свет.

И вновь из состояния сна его вырвало ощущение давящей тревоги. Сердце быстро и гулко колотилось о ребра. Денисов вскочил и тут же со стоном согнулся из-за головокружения и резкой головной боли.

Было утро или уже день, а в дверь кто-то звонил длинно и настойчиво. Денисов потащился к двери и заглянул в глазок. На площадке нетерпеливо переминался незнакомый парень. Парень был оттуда, от тех, кто отнял у него сына, — так сразу решил Денисов и налился холодной злобой.

— Сейчас, — крикнул Денисов, — одну минуту!

Метнулся в кладовку и вытащил из инструментального ящика первое, что попало под руку, — остро отточенную стамеску. Сунул ее сзади за ремень штанов.

— Очень хорошо, — бормотал он, — вот и отлично.

Отступив на шаг, распахнул дверь.

— Вам кого?

— Вы Денисов?

Парень в квартиру заходить не торопился. Интересные у него были волосы — совершенно белые, словно у альбиноса, и очень курчавые, уложенные в жесткую, короткую прическу. Ощущения опасности парень не вызывал, и Денисов немного расслабился.

— Ну, я, — сказал он.

Тогда парень полез в карман куртки и вытащил красное удостоверение.

— Я из милиции. Можно с вами поговорить?

— Как вежливо, надо же, — буркнул Денисов, но посторонился, впуская парня в квартиру.

Коротким взглядом парень окинул пустые бутылки, набитую окурками пепельницу и весь похмельный беспорядок дома, после чего без приглашения опустился в кресло. Денисов тоже плюхнулся было на диван, но принужден был немедленно вскочить: стамеска больно уперлась в поясницу.

— А, ч-черт! — он вытащил стамеску и швырнул в угол.

Парень невозмутимо проследил за ее полетом.

— Ну, давайте, давайте, — раздраженно заговорил Денисов. — Начинайте. Вернее, продолжайте.

Гость молча изобразил удивление.

— Собственно, можете не беспокоиться. Только вчера я подал заявление о приеме на работу. Завтра принесу справку.

— Да я не об этом, — остановил его парень. — Скажите, Георгий Сергеевич, у вас ведь сын пропал?

— Да, — выдохнул Денисов, впиваясь в гостя налитыми кровью глазами. — Вы что-нибудь знаете? Где он? Где Пашка?

— Кое-что, — сдержанно сказал парень. — В отделении я случайно услышал...

— Где он?

— Пока не знаю. Но надеюсь, что скоро...

Денисов встал и пошел в кухню. Открыв кран, напился жадными, длинными глотками.

— Так в чем же дело? — равнодушно спросил он, вернувшись в комнату. Он почувствовал, что толку от этой беседы не будет.

— Вы знаете, с кем ваш сын связался? С ним беда может случиться.

— Пугать меня не надо, я и сам догадываюсь. Лучше бы найти его помогли.

— Я как раз для того и пришел, — парень провел рукой по своим жестким волосам. — Вам без помощи не обойтись.

— Какая еще помощь? — презрительно сказал Денисов. — Что вы мне голову морочите.

— Мальчишка ваш к Вартану попал.

— К Вартану, — повторил Денисов. — Кто такой Вартан?

— Преступник.

— Так посадите его. Чего же вы ждете? Может, по-вашему, я этим заниматься должен?

Утихшая было боль вновь залила мозг жгучей волной. Дергало виски, лоб и затылок. От боли Денисова стало подташнивать.

— Давно бы посадил, если бы мог. Но это не так просто. Вартан сам на дело не ходит. Для этого у него другие люди. Вот и ваш сын вполне может ему понадобиться.

— Тогда этих других посадите, — Денисов с трудом понимал, о чем говорит его собеседник: изнутри по черепу лупили острые молоточки.

— Тоже не просто. Они не всякого грабят. Предпочитают спекулянтов, валютчиков, торгашей потрусливее — словом, всяких подпольных дельцов. Тех, кто жаловаться в милицию не пойдет.

— И правильно сделает, — пробормотал Денисов, и непонятным осталось, к чему именно относится его одобрение. Собственно, Денисов и сам сейчас не ответил бы на этот вопрос.

— А вы бы пошли? — внезапно спросил милиционер.

— Я не спекулянт и не делец... Хотя что вам объяснять! Для вас я все равно тунеядец. Антисоциальный элемент. Нет, не пошел бы я к вам.

— Вот видите! А почему, собственно?

— Не доверяю я вашей конторе. Не люблю, — Денисов понимал, что таких слов гостю говорить не следует, но головная боль была так сильна, что просто глушила самоконтроль. — Вот сейчас, впервые в жизни, мне ваша помощь потребовалась. А где она, эта помощь?

— Ну хорошо, — спокойно сказал парень. — Оставим пока это. Хотя, согласитесь, причины для нелюбви могут быть и у другой стороны.

— Да бросьте вы! Какие еще причины? Я что — ворую? Спекулирую? Отнимаю у кого-то хлеб? Я — бильярдист, и, если вы хоть немного интересовались моей биографией, должны это знать. Это и есть моя работа, нравится вам это или не нравится. Или человек должен обязательно у станка вкалывать? А Третьяк и Харламов — они разве у станка? Чего

же вы у них справок не требуете? Они, по-вашему, тоже тунеядцы?

— Законы не я устанавливал, — сказал парень несколько неуверенно.

— Какие еще законы, — отмахнулся Денисов. — Смех один. Какому-то кретину пришло в голову объявить бильярд чем-то вроде игры в очко, вот вы меня и трясете, как тузик шапку. Но это все пустые разговоры. Так чего вам от меня надо?

— От вас? — несколько мгновений парень смотрел на Денисова, словно размышляя о чем-то. — В одиночку вам своего сына у Вартана не отнять. И мне в одиночку с Вартаном тоже тяжело справиться.

— Почему в одиночку? — удивился Денисов. — Вас там вон сколько.

— Это все верно, — слегка поморщился парень, — много нас. Да вот толку от этого не всегда... В отличие от вас Вартан законов не нарушает. Даже если и не очень их уважает. Да и друзья у него имеются... — парень ненадолго замялся, — ...всякие. В общем, надо бы, чтобы ваш сын со мной обязательно встретился. И поговорил. Ему кое-что известно... Только чтобы об этом поменьше народу знало, понимаете?

— Что такое? — насторожился Денисов. — Я вижу, вы не слишком доверяете своим коллегам. Это как же?

— Не в этом дело, вы не поняли, — неубедительно сказал парень, и тут Денисов, несмотря на свое похмелье, понял, что собеседник его совершенно не умеет врать.

Парень снова потрогал волосы, и Денисов вдруг осознал, что уже минут десять пытается вспомнить, где он прежде видел эту короткую курчавую стрижку.

— Постойте, — сказал он. — Вы когда-нибудь раньше ко мне приходили?

— Нет, — удивился парень, подумал и поправился: — Правда, в вашем доме был позавчера.

Он хмыкнул и качнул головой.

— Хотел с одним заявлением разобраться. Тут у вас на лестничной площадке семья одна есть скандальная. Друг на друга заявления строчат. Да не застал никого.

— И в мою квартиру звонили? — спросил Денисов.

— Наверное. Собственно, я и с соседями поговорить хотел. Вы, кстати, не в курсе? Я насчет их скандалов.

— Вот оно что! — на какое-то мгновение Денисов даже забыл о своей головной боли. — Скандалы, значит... Вот ведь как бывает. Вы не представляете, молодой человек, как портят жизнь эти скандалы.

Он попробовал рассмеяться, но утихшая было боль вновь полоснула бритвенной вспышкой.

Парень недоуменно смотрел на него.

— Не понимаю.

— Это я так просто... Нет, я не в курсе... кстати. Кстати! Я вам хочу сообщить, что Вартан там у вас имеет уши, — вернулся Денисов к оставленной теме скорее для того, чтобы поглядеть на реакцию гостя.

— А кому принадлежат эти уши, вам известно? — мгновенно отозвался тот.

— Нет.

— Тогда с чего вы взяли?

— У меня есть основания.

— Понятно, — сказал парень, — не хотите говорить.

— Я действительно не знаю, — Денисов сильно сжал голову руками, потом встал и подошел к окну: хотелось свежего воздуха.

— Зато вот что я знаю наверняка: я буду последний дурак, если в ваши дела стану путать родного сына. Разбирайтесь сами, вы за это деньги получаете. А я свои проблемы решу как-нибудь сам. Все, разговор окончен!

Прежде чем подняться, парень черканул что-то в записной книжке, выдернул листок и положил на стол.

— Вот мой телефон. Всякое может случиться.

Заперев за ним дверь, Денисов вернулся в комнату и взял листок. "Сметанников Олег Васильевич" — значилось в нем. И номер телефона. Денисов повертел листок и сунул на полку между книг.

"Не надо было так с ним разговаривать, — подумал он, — и чего это меня так понесло..."

Во всяком случае, определенную пользу из этого визита Денисов извлек. Когда позвонил Валентин и начал туманную, полную недомолвок речь о том, кто держит интерес в деле, Денисов его довольно бесцеремонно перебил.

— Это я уже знаю. Его зовут Вартан. Что это за человек?

Своего удивления осведомленностью Денисова Валентин не сумел скрыть даже по телефону и стал выражаться гораздо определеннее.

— Могу тебе сказать, Жора, что это очень солидный человек. Я с ним поговорить, конечно, могу, но вполне возможно, что он меня не послушает... Это я тебе откровенно. Он крутится с такими людьми, что нам с тобой там делать нечего.

— В каком смысле?

— Во всех смыслах, Жора. Сколько ты времени со своей женой квартиру разменивал? Даже с хорошей доплатой. А Вартан в городе появился и через пару месяцев ордер получил. А когда с женой развелся — еще один ордер, на квартиру для жены. Кто-то из местных властей попытался его пощупать, да быстро отступился: не дали. Сверху не дали...

— Чем же он заслужил такую любовь? Наверху-то? —

насмешливо спросил Денисов. Он не верил Валентину, подозревая, что тот либо откровенно привирает, либо просто передает чьи-то сплетни для пущей значительности.

Валентин почувствовал его недоверие и оскорбился.

— Напрасно ты так, Жора.. Тут все просто и сложно одновременно. Дело в том, что Вартан как бы коллекционер антиквариата и авторитет в этом деле имеет большой. Кроме того, есть у него своя клиентура, кому он оказывает разные услуги. Чьей-то супруге — погребец хлебниковской работы, чьей-то дочке — кулончик Фаберже. А жены и дочки — ты понял чьи?

Некоторое время Денисов молчал. Молчал и Валентин.

— Если он такой деловой, чего ему от мальчишки понадобилось? — спросил наконец Денисов.

Валентин тяжело вздохнул.

— Да не от мальчишки — от тебя. А вообще он на принцип пошел. Для таких людей принцип бывает поважнее всего прочего. Он ведь деньги от зарплаты до аванса не считает. Хочешь совет? Не вяжись ты с этим. Отдай ему, что должен.

— Я понял. Где его найти? Хотя бы это ты мне можешь сказать?

— Жора, это очень серьезный человек.

— Слушай, Валентин, — проговорил Денисов, едва сдерживаясь. — Я тебя просил мне помочь. Если не можешь или не хочешь — так и скажи. Обойдусь своими силами.

— Ну, хорошо, хорошо, — уступил Валентин. Портить отношения с Денисовым ему было невыгодно. — Я просто хотел предупредить, что тут надо с умом...

— Где его найти?

— Пельменную на Бороховской знаешь? Там и найдешь.

— Любитель пельменей? — усмехнулся Денисов. — Он что, там обедает?

— Крыша там у него, — досадуя на несообразительность Денисова, пояснил Валентин. — Он там директором или заведующим числится. Но помни, я тебя предупредил!

Замысел Денисова нельзя было назвать хитроумным или расчетливым. Нет, Денисов собирался действовать намеренно прямолинейно и, главное, быстро. Из-за паршивой сумки с краденым барахлом или из-за своих паршивых принципов Вартан взялся играть жизнью мальчишки. Ладно же! Пусть теперь Вартан почувствует, что есть пределы, которые переступать не следует никому. Пусть сам оценит серьезность намерений Денисова идти на все, а потом решит еще раз насчет своего принципа. Денисов не надеялся сильно напугать Вартана, но был убежден, что тот примет правильное решение, хорошенько взвесив все "за" и "против". Хотя бы только на сегодняшний день. Конечно, нет сомнений, что потом Вартан непременно попытается взять реванш, но это все

потом, а уже завтра Денисов с Пашкой будут далеко, туда руки у Вартана не дотянутся, а если и дотянутся, то их и обломать недолго.

Потому к своему визиту Денисов готовился достаточно тщательно. На помойке возле хоккейной коробки подобрал арматурный прут длиной по локоть и обмотал его сверху донизу резиновым бинтом, особо отделав ручку. На скорую руку нашил на куртку изнутри узкий карман из полоски материи, куда и засунул свое оружие.

Некоторое время после этого он тренировался перед зеркалом в выхватывании прута, отгоняя совершенно неуместные, но назойливые воспоминания из западных боевиков. В наружный карман куртки Денисов к тому же положил нож с выкидным лезвием, выигранный им у кого-то из парковской шпаны год назад в "американку". Ножик был паршивенький, самодельный, из мягкого железа и тупился даже на колбасе. Однако из рукоятки вылетал исправно со зловещим лязгом и соответствующее впечатление производил. Собственно, только поэтому Денисов тогда и согласился на него играть, поставив, со своей стороны, на кон ужасно много против такой дряни — кажется, четвертак.

Экипировавшись таким образом, он вышел на улицу. Такси, как назло, пролетали мимо, а частники наотрез отказывались ехать на Бороховскую — это им казалось слишком близко. Наконец на призыв Денисова к тротуару подрулил светлый "жигуленок". В салоне были двое. Пассажир, сидевший рядом с водителем, высунулся в окошко.

— Куда ехать?

— На Бороховскую.

Тот на секунду повернул голову к водителю, потом снова к Денисову.

— Садись! — и щелкнул замком, отпирая заднюю дверцу.

Ехали молча. Водитель сосредоточенно вертел баранку, пассажир рядом с ним смотрел в лобовое стекло, а Денисову оставалось таращиться в их аккуратно подстриженные затылки, вроде совсем одинаковые, если бы не круглая — с донышко от стакана — лысинка у водителя.

— Тебе куда? — снова спросил почему-то именно пассажир, когда машина выехала на Бороховскую. Головы он не поворачивал.

— Возле пельменной остановите, — попросил Денисов, протягивая над плечом водителя трояк.

Сразу за дверями пельменной вокруг стоек плотно стоял народ. Протискиваясь к неприметной дверце в дальнем углу маленького помещения, Денисов вдыхал довольно вкусные запахи, вспомнив, что со вчерашнего дня он так и не ел. За дверцей открылся коридор, короткий и узкий, из которого вели еще две двери: одна — битая и обшарпанная, а другая

красиво обшитая дерматином. Стиснув челюсти, Денисов рванул дерматиновую дверь, как занозу.

В небольшом кабинете — узкий книжный шкаф, пара треугольных вымпелов на стене да письменный стол, за которым сидел чернявый мужчина, примерно одних с Денисовым лет. Мужчина был занят тем, что листал какой-то толстый и яркий заграничный журнал. Когда распахнулась дверь, он поднял голову и с гораздо меньшим интересом посмотрел на Денисова.

— Вартан, — утвердительно сказал Денисов.

Хозяин кабинета ничего не ответил, только сузил и без того раскосые глаза.

— Вот что, Вартан, — со злобным торжеством заговорил Денисов, — я тебе сейчас объясню кое-что, и ты...

Позади раздался неясный шорох, Денисов хотел обернуться, но не успел. Его схватили за плечи и запястья, профессионально ударили под коленки, и Денисов оказался на полу в невыносимо унизительной позе. Грубая и сильная рука ощупала его карманы и вытащила нож.

— Вот!

Вартан с интересом осмотрел оружие, щелкнул лезвием, закрыл и снова щелкнул.

— Красиво, — похвалил он.

— Дешевка, — возразил один из тех, кто держал Денисова. — Самодел. Такие в зоне лепят на продажу. Он что, у хозяина побывал?

— Насколько я знаю, он еще не успел, — ответил Вартан. — Ну, Седой, что же ты хотел мне сказать?

Денисов рванулся, но те, кто держал его, завели руки далеко за спину, заламывая в суставах. Денисову сделалось очень больно, и он не сумел сдержать короткого стона.

— Не хочешь говорить? — удивился Вартан. — А я слышал, ты разговорчивый. Может, ты мне бабки принес? Нет? А зачем тогда пришел? Разбираться? Но я знал, что ты придешь разбираться. Видишь, что из этого получилось? Я тебя уже сейчас похоронить могу. Но пока не буду. Сейчас мне некогда разговаривать: ехать надо. А ребята — они с тобой поговорят, раз ты так хочешь. Ну а потом ты мне бабки принесешь. Только учти: я жду до послезавтра. Потом — сам знаешь, что будет. До свидания, дорогой.

Он неторопливо вышел из-за стола и надел пиджак, аккуратно висевший на плечиках у двери.

— Здесь не надо, — сказал он телохранителям. — Лучше там, во дворе.

Денисова рывком подняли с пола и швырнули из кабинета в конец коридора, потом через обшарпанную дверь во двор с глухими кирпичными стенами, заставленный бачками с мусором и пустыми фанерными ящиками. Страшный удар в живот заставил Денисова согнуться. Тут же его ударили

ногой в лицо. Он сумел немного смягчить удар, успев каким-то чудом подставить руку, но все-таки упал на асфальт, покрытый застывшими помоями. Теперь его били со всех сторон, Денисов извивался, закрываясь одной рукой, а второй лихорадочно выдергивал из куртки свою дубинку, так и не замеченную телохранителями Вартана. А когда у него наконец это получилось, не глядя, на удачу махнул дубинкой что было сил. Дубинка врезалась в живую плоть, град ударов стих, и Денисов вскочил на ноги, впервые взглянув в лица своих врагов.

Нет, не впервые. Это были те двое, что привезли его к пельменной, кто следил за ним с самого утра, а может, и раньше по приказу своего хозяина. А сейчас водитель "Жигулей" корчился со стонами, ухватившись обеими руками за колено, а второй пассажир, отшатнувшийся в короткой растерянности к стене, шарил у себя за пазухой, вытаскивая, по-видимому, какое-то оружие. Денисов не дал ему этого сделать. Он просто швырнул с трех шагов тяжелую дубинку ему в лицо. Тот не ожидал и не смог увернуться. Дубинка врезалась ему в лоб, пассажир икнул и грохнулся во весь рост оземь. Денисов вновь подхватил дубинку и повернулся ко второму врагу, но водитель "Жигулей" поспешно уполз в подворотню на четвереньках, волоча поврежденную ногу.

Они больше не интересовали Денисова. Ему нужен был только Вартан. Он вновь ворвался в коридорчик и распахнул дверь в кабинет. Пусто. Сжимая дубинку, Денисов выскочил в зал пельменной. Какая-то женщина, взвизгнув, отпрянула, едва не уронив поднос, и Денисов опомнился. Спрятал прут и, проталкиваясь сквозь толпу, выбрался на улицу. Напряжение спало, и он почувствовал, как саднит лицо. Потрогал и скривился от боли — кожа над правым глазом содрана, и бровь, наверное, рассечена — на пальцах кровь. Он закрыл рану платком и нагнул голову, но снующих мимо людей не интересовали его ссадины и синяки. Толпа одиночек, населяющих огромный город, брезгливо обтекала Денисова, такого же одиночку, одного из миллионов одинаково равнодушных друг к другу сограждан.

Итак, он проиграл первый же раунд, а значит, вообще все безнадежно проиграл. Вартан оказался не только сильнее — это и так было ясно с самого начала, — он опережал Денисова, не оставляя ему никаких шансов. Теперь Денисов ясно понимал, почему так случилось, и клял себя за то, что оказался настолько глуп. Его продал Валентин. Может быть, уже через минуту после вчерашнего разговора в ресторане.

Иначе быть и не могло. И Валентин, и Вартан были не просто людьми одного круга. Они — из одной системы, они свои. Да и не стал бы Денисов обращаться к Валентину, если бы не рассчитывал именно на это. Не оценил он лишь того

очевидного обстоятельства, что ворон во́рону, как правило, глаз не клюет. А кем был для Валентина Денисов? Призовым рысаком, ставка на которого гарантированно приносит навар? Платным актером? Крашеным цыганом ресторанных подмостков — червонец за песню для любого гостя?

Денисов сжал кулаки и бессильно скрипнул зубами. Ладно, Валентин, сочтемся, придет время...

Но именно сейчас без Валентина Денисову было не обойтись. Пашку надо было спасать, вытаскивать любой ценой и как можно скорее.

Он схватил телефонный аппарат и принялся накручивать диск, опасаясь лишь того, что Валентина вдруг не окажется дома.

Но Валентин был у себя. Видимо, Денисов застал его сразу после очень вкусного обеда: голос Валентина был сыт и мягок, как свежий плавленый сыр. Даже интонации участия и интереса удавались ему с большим трудом, когда он говорил, что рад слышать Денисова, и спрашивал, как у него дела.

— Я тебя очень прошу, Валентин, — запинаясь, начал Денисов, — скажи ему: я на все согласен. Только скорее, сейчас же.

— Кому? — не понял или притворился Валентин.

— Разыщи Вартана. Пусть отпустит Пашку. Завтра вечером деньги будут. Но Пашка должен быть дома.

— Разве его найдешь так сразу, — промямлил Валентин.

— Я знаю, ты можешь. Я тебя умоляю, Валентин!

— Ну хорошо... я попытаюсь, — согласился Валентин, и Денисов понял, что был прав в своих догадках.

— И еще одна просьба, — продолжал Денисов гораздо спокойнее. — Мне нужны эти деньги.

Теперь Валентин обдумывал ответ намного дольше.

— Это большие деньги, Седой.

— Ты меня знаешь.

— Это будет очень сложно для меня.

— Короче, ты мне отказываешь?

— Я этого не сказал, — поспешно возразил Валентин. — Но хочу, чтобы ты понял: я сам попаду в очень сложное положение.

— Ты хочешь проценты? Говори прямо. Твои условия?

И снова Валентин надолго замолчал, однако Денисов уже чувствовал, что пауза эта — лишь игра. Валентин отлично знал, чего хочет.

— Я бы попросил тебя вот о чем, — заговорил он, начав со вздоха. — Но ты должен понять мое положение.

— Хватит, Валентин, говори прямо, что тебе нужно.

Валентин опять громко вздохнул в трубку, что должно было означать тяжкие колебания, а потом соизволил объясниться.

— Я хочу долю, Седой.

Нельзя сказать, что Денисов этого не ждал. Уже года два под разными предлогами Валентин навязывался ему в компаньоны.

— Сколько?

— Пятьдесят копеек.

Это означало, что теперь Денисов должен платить Валентину половину любого выигрыша. Это означало также, что до полной выплаты долга Денисов обязан играть там и тогда, где и когда захочет Валентин. Правда, со своей стороны, Валентин возмещал бы ему и половину проигрыша — участие в доле несло известный коммерческий риск. Но лишь теоретически. Валентин не допускал, чтобы в делах теория воплощалась в практику таким нежелательным образом.

— На какой срок доля?

— Пять лет. Я думаю, это справедливо.

— Ты с ума сошел, Валентин. Что же я пять лет буду на тебя ишачить?

Голос Валентина сделался холоден.

— Ведь ты сам мне позвонил, Седой, правда? Ты же сам ко мне обратился. Это ты задаешь вопрос о том, какие у меня условия. Так чего же тебе еще нужно?

— Ты прав, — хмуро сказал Денисов. — Я согласен. Но Пашка должен быть дома уже сегодня. А потом мы решим остальные вопросы.

— Ну и ладненько, я очень рад, — отвечал Валентин, и было ясно, что это действительно так. — Все будет нормально, Жора. Я тебе такие гастроли организую — будь здоров. У тебя еще будет возможность убедиться, как правильно ты поступил.

— Ладно, ладно, — пробормотал Денисов. — Учти: главное сейчас — это Пашка.

— Все будет как надо, — заверил Валентин. — Пока!

— Пока, — сказал Денисов. — Стой! Скажи, Валентин, а Ираклик и Воробей — они тоже на тебя работают?

— Некорректный вопрос, Жора, — сказал Валентин. — Я на такие вопросы не отвечаю.

И положил трубку.

Ираклий и Воробей были блестящими игроками того же класса, что и Денисов. И хотя в их многолетнем споре за бильярдным столом Денисов брал верх несколько чаще, давалось ему это невероятным трудом и напряжением. Уважая друг друга, они никогда не конкурировали в бильярдных, но регулярно сходились в борьбе по "гамбургскому счету", бескомпромиссной и исполненной уважения к мастерству соперника. Это были своего рода неофициальные чемпионаты, на которые ежегодно съезжались лучшие игроки со

всех концов страны, чемпионаты — увы! — неизвестные никому, кроме узкого круга знатоков.

Ираклий — плотный, медлительный с виду и удивительно спокойный грузин — обладал совершенной техникой удара и в классических позициях не имел себе равных. Ему, пожалуй, чуть-чуть недоставало фантазии и склонности к риску. Зато Воробей в избытке владел этими качествами. Маленький, сухой и подвижный до суетливости, Воробей действительно был очень похож на птицу, от которой и получил в бильярдных свое прозвище. Воробей неизменно ставил в тупик и соперников, и зрителей непредсказуемыми, порой абсолютно сумасшедшими, но вдохновенными решениями игровых ситуаций. Да, Воробей был игроком интуиции и в минуты озарения играл виртуозно.

В последнее время Денисов встречал их не часто, а недавно узнал, что оба вовсю ударились в гастрольные поездки по городам и весям. Это было странно. Ни Ираклий, ни Воробей не отличались страстью к деньгам. Ираклий, кроме того, был домоседом и путешествий просто не любил. Воробей же — что весьма часто сопутствует таланту — был откровенно ленив. Только теперь Денисов понял причину. Валентин планомерно подгребал под себя бильярдный тотализатор. Именно на него теперь работали Ираклий и Воробей. Интересно, на чем он их купил? И за какую сумму? Ну а Денисову цена была назначена непомерно высокая. Нет, не за жалкие сорок тысяч Валентин приобрел его в личную собственность. Ценой Денисову был Пашка.

И сейчас Денисов вновь безостановочно кружил по квартире, не в силах заняться чем-нибудь или хотя бы просто присесть. Он ждал Пашку. И когда наконец вечером раздался слабенький, немощный звонок в дверь, Денисов бросился открывать, не спрашивая. Он услышал отцовским чувством, пробудившимся так поздно и так странно, кто там, за дверью.

— Пашенька, где ж ты был? — сказал Денисов.

Пашка ничего не ответил. Застонал только. Они его избили, его сына, его кровиночку. Рубаха у Пашки была в крови, кровь запеклась на губах и под носом, а глаза, зачерненные огромными синяками, совсем почти не глядели. Пашка едва держался на ногах — как только дошел! — и Денисов на руках внес его в комнату, уложил на диван.

— Что же это, Пашенька, как это так?! — в ужасе бормотал Денисов.

Он кинулся в ванную, намочил полотенце и принялся осторожно обтирать избитое лицо сына.

Пашка болезненно ойкнул и отвел его руку.

— Не надо, пап...

— Негодяи! — то ли простонал, то ли прорычал Денисов. — Убью! Всех убью! Кто же это сделал?

— Я их не знаю, — грустно сказал Пашка. — Никого не знаю... Не надо было все-таки ту сумку трогать, пап...

— Сумку! — Денисов заскрипел зубами. — Не-ет! Теперь они свое получат! Гады!

Пашка болезненно дернулся и приподнялся на локтях. Он смотрел на Денисова с отчаянной мольбой.

— Пап, я тебя прошу! Не надо, пап. Будет только хуже. Отдай им деньги, я тебя умоляю. Я не могу!.. Разве ты не видишь! Отдай им, и все кончится, ну, пожалуйста. Ну, папочка, они же нас убьют. Тебе жалко, да? Отдай, а потом я у мамы попрошу, она тебе вернет, честное слово...

— Что ты, что ты, Паша! — отшатнулся Денисов. — Не говори так! Я все им отдам, успокойся. Я все сделаю...

Невозможно было спокойно смотреть на Пашку, измученного болью и страхом, и ярость Денисова вновь сменилась безысходной тоской. Он говорил что-то успокаивающее, говорил непрерывно, и Пашка, не вникая в смысл его слов, просто прислушивался к интонациям и постепенно стихал. Напряжение понемногу оставляло его, наконец он вытянулся на диване в бессильной, но покойной позе.

— Уехать бы отсюда, — тихонько сказал Пашка.

— Верно! Мы обязательно уедем, — подхватил Денисов. — Пропади он пропадом, этот паршивый город. Поедем с тобой на юг, в Ялту. Там у меня друзья, отличные ребята, мы прекрасно устроимся. Знаешь, как хорошо в Ялте? Мы сами... никто нам с тобой не нужен...

Денисов ощущал огромную усталость. Он чувствовал, что нет больше сил в одиночку противостоять огромному равнодушному миру, ему, как в детстве, хотелось отвернуться и закрыть лицо руками.

— Теперь мы всегда будем вместе, Паша, — прошептал Денисов. — Порознь больше нельзя, только вместе...

Ночью Пашка часто стонал и просыпался от боли в избитом теле. Тогда Денисов, не смыкавший глаз, вставал, поил сына чаем и вновь принимался шептать какие-то слова, успокаивая его и усыпляя. А когда тусклое солнце наконец повисло над крышами, Денисов отыскал на книжной полке смятый листок с телефонным номером.

— Мне Сметанникова. Олег Васильевич? Это Денисов. Нам нужно срочно поговорить...

Сметанников морщил лоб и водил по губам карандашом, который вытащил из кармана, едва Пашка начал свой печальный рассказ. Он не собирался ничего записывать — просто у него была такая привычка. Слушал Сметанников очень внимательно, ни разу не перебив, и только покачивал согласно головой, когда сбивчивые Пашкины слова вызывали у него какие-то ассоциации.

— А кроме ограбления этого фарцовщика ты в чем-

нибудь участвовал? — спросил Сметанников и поспешно добавил: — Ты говори, не бойся, это ж не в протокол. Просто понять надо.

Пашка бросил затравленный взгляд на отца и обреченно кивнул.

— Спекулянтов еще... около комиссионки. Два раза...

— Вартан тут каким боком?

— Вартана и не было никогда. Я всего один раз его видел. Там, у комиссионки, Ярик всегда командовал.

— А вещи, деньги?

— Ярик забирал. Говорил, что все в общую кассу... А нам потом давал немного. По двадцать пять рублей.

— Ярик — это Ларионов?

— Ну да.

— Понятно, — сказал Сметанников. — Перспектива ясная.

— Какая перспектива? — немедленно вмешался Денисов. — Что вы предполагаете делать? Только честно.

— Мне скрывать нечего, — Сметанников пожал широкими плечами. — Все равно без вас ничего не получится. Если заявления вашего сына у меня в кармане не будет, то вообще ничего может не быть.

— А если будет?

— Тогда придется внимательно проверить, — слово "придется" Сметанников произнес со злорадством, адресованным кому-то вовне. — Во-первых, Ярика этого выдернем, потрясем как следует — его будет чем прижать. Глядишь — и уши Вартана постепенно покажутся.

— Ничего у нас не получится, — безнадежно произнес Денисов. — Вартан уже закупил всех, кого можно. Пока, как вы говорите, его уши покажутся, вы сами без ушей можете оказаться.

Сметанников сразу нахмурился, вспыхнул, но отвечал очень сдержанно.

— Всех купить у него просто денег не хватит.

— Значит, вам надо заявление, — Денисов невесело усмехнулся. — Пашка мой, значит, делает вам явку с повинной — я вас правильно понял? — и тогда у вас, может быть, что-нибудь получится. Ну, хорошо. А судить Пашку будут вместе с Вартаном и Яриком или же погодя? А если у вас с Вартаном все же не получится, то Пашку от суда это не спасет. А охрану моему сыну вы гарантируете? А заодно и мне? Ведь Вартану к нам каких-нибудь урок прислать — проще простого.

— Под суд ваш сын не попадет, — буркнул Сметанников.

— Извините, Олег Васильевич, но я в свое время ради любопытства юриспруденцией интересовался основательно. Вон посмотрите — книг целая полка. И я все читал очень внимательно. Кое в чем и я разбираюсь. Вы ведь не следова-

тель и не прокурор. Вы — инспектор. Не вам вести дело, и не вам решать.

— Я тоже кое в чем разбираюсь, — сказал Сметанников, — или вы другого мнения?

— Почему же, — немедленно ответил Денисов, — но ста процентов гарантии вы мне не дадите.

— А вам нужно именно сто?

— Именно. И никак не меньше. Сын это мой.

Сметанников задумчиво постучал карандашом по сжатым губам.

— Нельзя эти дела на проценты мерить. Да и не в процентах вовсе суть.

— Приятно было поговорить, — вежливо произнес Денисов. — Очень признателен вам за визит.

— Зря вы так, — сказал Сметанников.

— Мне остается только извиниться за доставленное беспокойство, — Денисов натянул салонную улыбку и поклонился. — Я человек простой. Решил по глупости, что наша милиция нам поможет.

— Напрасно. — Сметанников спрятал карандаш, потрогал свои жесткие белые волосы и встал. — Лишнее это.

— Пап, не надо, — робко сказал Пашка.

— Не надо так не надо, — охотно подхватил Денисов. — Если что — вы заходите, милости просим. План по тунеядцам, например, надо будет выполнить, так я всегда к вашим услугам...

Сметанников хотел что-то сказать, но передумал, махнул рукой и пошел к двери. Денисов следовал за ним, пытаясь придумать напоследок что-нибудь особенно язвительное, но запал уже миновал, остались лишь горечь да усталость.

На пороге Сметанников остановился и без труда удержал дверь, которую Денисов силился за ним захлопнуть.

— Вартана я ненавижу не меньше вашего.. А может, и больше. Но пока все молчат, ему бояться нечего. Это вы понимаете?

— Понимаю, — устало проговорил Денисов. — Но жизнью сына играть не позволю. Ладно, хватит. Я сам свою проблему решу.

— Примете его условия?

— Не ваше дело.

— Берегитесь! — сказал Сметанников. — Условия могли уже измениться. Но узнаете вы об этом в последний момент.

— О чем это вы? — недоверчиво скривился Денисов.

— Вартан очень мстителен. Обид не забывает и врагов своих наказывает жестоко. Может так случиться, что вы и денег лишитесь и... В общем, будьте осторожны. А лучше всего ставили бы меня в известность...

— Вы что, охрану ко мне приставите? — перебил Денисов. — Нет? Ну тогда до свидания.

На диване сжался комочком Пашка, смотрел на отца своими подбитыми глазами, в которых совсем уже не оставалось надежды. Денисов открыл шкаф, достал новую голубую рубашку и с хрустом порвал целлофановую упаковку.

— Без меня дверей никому не открывай. Понял? Никому. И трубку не поднимай.

— Ты куда, пап?

Денисов сделал веселое лицо.

— Все будет нормально, Паша!

Деловые встречи Валентин всегда проводил в ресторане Дома архитектора. Туда и пришлось идти Денисову. Он торопился сам и торопил Валентина — сегодня Денисову предстояли еще две встречи. Следующая — в "академии". Впрочем, и Валентин не имел намерения затягивать решение вопроса, и уже через десяток минут Денисов катил на такси в сторону парка, придерживая на коленях чемоданчик-"дипломат" и футляр со своим лучшим кием.

К этому часу бильярдный зал был прокурен настолько, что свет от верхних ламп опускался на столы дымными конусами. Увидев Денисова еще на пороге, маркер Корней двинулся было к нему, слегка припадая на ногу, покалеченную на фронте, но Денисов остановил его жестом и прошел к дальней стене, где на скамье рядом с огрызком бутерброда сидел совершенно пьяный Поэт.

Поэт долго и сурово смотрел на Денисова, пока не осознал в полной мере факт его присутствия.

— Ге-оргий, — сказал он. — Са-адись. Мы с тобой сейчас сыграем.

— Не сейчас, — возразил Денисов, шаря взглядом по залу. — Ты чего так натрескался?

— А у меня праздник, — ясно выговорил Поэт оправдательную фразу. — Но-овый сборник запущен в печать.

И неожиданно добавил:

— С-суки!

— Почему? — машинально спросил Денисов, продолжая поиски того, ради которого сюда и пришел.

— Просто суки, — сказал Поэт вновь очень трезво. — Половину велели заменить. Или, — он шумно набрал воздух и рявкнул, — уб-брать!

— Заменил?

Поэт повернул к Денисову голову и сфокусировал взгляд на его лице.

— Ко-онечно. У меня стихов много. Не хотят. Черт с ними! Им "На смерть товарища" не надо. Ска-азали: нас непр-равильно поймут. А я вовсе не про Высоцкого. Оно у

меня десять лет назад писано. Я ж его Саше Галичу посвятил. Н-но им не объяснить. Да и объяснять не-ельзя.

Он подобрал с огрызка бутерброда колбасу, задумчиво сунул в рот, потом выплюнул и подтвердил:

— Суки!

Денисов наконец увидел того, кто был ему нужен. За левым дальним столом. Тот тоже увидел Денисова и легонько отсалютовал ему кием. Денисов повел глазами: маркер стоял рядом.

— Корней, кто там с Бурнашом играет?

Корней близоруко приложил ладонь козырьком ко лбу, всмотрелся и пренебрежительно махнул рукой.

— Так, никто.

— Возьми у него место, — Денисов достал из кармана свертку купюр и сунул Корнею, который немедленно захромал в противоположный конец зала.

— Выпьем, — неожиданно предложил Поэт.

В этот момент он держался за скамейку обеими руками и пристально смотрел прямо перед собой в пол.

Денисов встал и пошел за Корнеем.

— Привет, — сказал Бурнаш. — Что играем?

— "Американку", — ответил Денисов. — Принес?

Бурнаш принялся собирать пирамиду. Он был маленького роста, и, чтобы дотянуться до шара, ему приходилось ложиться на бильярд толстым, мягким животом.

— Какую фору даешь? — спросил Бурнаш.

— Какую хочешь, — безразлично сказал Денисов.

— С тебя меньше чем четыре шара брать опасно. Согласен?

— Ты принес или нет?

Бурнаш сложил пирамиду и перешел к противоположному борту.

— Разбивай!

Денисов свинтил половинки своего кия и помелил наклейку.

— Какой твой интерес? — спросил он, прицеливаясь.

— Одна штука.

— Ответил.

Шары разлетелись с сухим треском. Легкость в руках Денисов ощущал необыкновенную. Он предельно ясно видел позицию, каждый шаг был на кончиках его пальцев. Следующий удар соперника был почти грамотным; но Бурнаш был лишь подмастерьем в этой игре. Недокрученный шар встал прямо напротив центральной лузы, и Денисову оставалось только выбрать, каким из трех возможных способов его положить.

Денисов холодно усмехнулся. Он словно и не замечал этот удобный, будто просящий удара шар. Сегодня была его игра, и он ударил от борта карамболем в угол. Не задев гу-

бок лузы, шар колыхнул сетку. Отступив на шаг в сторону, Денисов ударил еще раз, потом еще и еще. Бурнаш крякнул и покрутил головой. Пятый удар Денисов минуты две обдумывал. Возле центральной лузы сейчас вновь стоял шар, но сильно замазанный соседними. Достать его прямым ударом было невозможно. Нужно было бить от двух бортов с подкрутом-эффе, чтобы биток, сохраняя вращение, смог ласково задеть этот неудобный шар единственно возможным касанием.

За соседним столом прекратили игру и смотрели на Денисова. И маркер Корней стоял рядом, и даже Поэт притащился и таращился сейчас мутным взглядом на зеленое сукно бильярда.

Денисов ударил сильно и длинно. Пумм-пумм и короткое — чок! А в лузу шар упал неслышно.

— Виртуоз, — сказал пьяный Поэт. — Паганини кия. Кия Паганини.

— Ты ж у меня даже фору перебрал, — ощерил Бурнаш неровные зубы. — Так, глядишь, и всю партию возьмешь.

Следующий удар Денисов сделал не глядя и, не дожидаясь остановки шаров, пошел в сторону, прикуривая на ходу сигарету. Дальнейшая игра его не интересовала. Теперь он просто ходил вокруг стола, имитируя раздумья и толкая кием первые попавшиеся шары.

С грехом пополам Бурнашу удалось закатить три шара, чем он был чрезвычайно доволен. Тогда и Денисов коротким щелчком отправил шар в лузу. Но все равно игра уже стала неинтересной, и зрители разошлись кто куда. Поэт тоже понял, что бильярд на сегодня кончился и Денисов играет свою собственную, никому не ведомую партию.

— Я тебя жду, Георгий, — сообщил Поэт и побрел на скамейку.

От усердия Бурнаш высовывал язык и шевелил губами. Он очень старался. Этими стараниями, а еще более тем, что Денисов ему совершенно не мешал, Бурнаш положил еще четыре шара, доведя с учетом форы счет до "семь-два" в свою пользу. Тогда Денисов, которому надоело это бестолковое топтание, решил немного поиграть и в два подхода сделал счет "шесть-семь". Однако теперь, когда на бильярде осталось всего лишь три шара, игра грозила затянуться надолго, чего Денисов допускать не желал. Тщательно намелив наклейку, он изготовился к удару, держа кий почти вертикально к поверхности стола и забавляясь недоумением Бурнаша. Таких ударов Бурнаш действительно никогда не видел. Не касаясь бортов, шар пошел не по прямой, а по дуге, тихонько подтолкнув другой вплотную к лузе. Бурнашу теперь оставалось только попасть.

Денисов развинтил кий, положил в футляр, и они вышли на улицу.

— Ну ты лихо играешь, — с искренним уважением сказал Бурнаш.

— У тебя тоже неплохо получается. — Денисов вытащил приготовленную пачку купюр. — Держи. Можешь не считать. Ровно штука. Твой законный выигрыш.

— Ага, — сказал Бурнаш, — дай-ка мне твой портфельчик на минутку.

Денисов протянул ему свой дипломат. Бурнаш раскрыл его, на секунду отвернулся, а потом защелкнул замки и протянул Денисову.

— Лихо у тебя получается. Мастер! — еще раз восхитился Бурнаш. — Ну, счастливо!

Помахивая потяжелевшим "дипломатом", Денисов зашагал в темноту парковых аллей.

Пашка лежал на диване, кажется, в той самой позе, в которой оставил его Денисов, и смотрел на телефонный аппарат, как на гадюку.

— Как дела? — спросил Денисов.

— Все время звонил, — пожаловался Пашка. — Помолчит немного и опять звонит.

— Это ничего, — равнодушно сказал Денисов. — Давай-ка я тебя лучше яичницей накормлю. Ты кушать хочешь?

— Не очень, — печально ответил Пашка, но, подумав, согласился: — Вообще-то хочу.

Денисов зажег газ и бросил на сковородку кусок масла. Желтоватый комочек быстро таял, растекаясь и пузырясь. Денисов протянул руку к дверце холодильника, и в этот момент телефон безжалостно тренькнул. Денисов влетел в комнату.

— Да!

— Я слышал, ты слегка поумнел, — сказала трубка. — Напоминаю: сегодня истекает срок. Истек уже.

— Вартан! — Денисов видел перед собой лишь округлившиеся в мгновенном ужасе глаза сына.

— Егор! — с коротким смешком поправила трубка.

— В общем, это... у меня все в порядке, — сказал Денисов, намеренно запинаясь. — Могу хоть сейчас.

— Конечно, сейчас. Завтра уже счетчик стучать будет. Зачем же тянуть? — голос в трубке наслаждался властью.

— Только... — Денисов снова запнулся, старательно изображая неуверенность и замешательство, — ...только тебе лично. Больше никого знать не хочу.

— Почему? — заинтересовался голос.

— Только тебе, — повторил Денисов теперь уже твердо. — Чтобы ты завтра не сказал, что ничего не знаешь. У меня с тобой дела, а не с кем еще.

— Обижаешь, — усмехнулась трубка. — Людям доверять

надо. Но не беспокойся. Свои долги я всегда получаю сам. У меня такое правило.

— Куда мне подъехать?

— Я сам подъеду. Я ведь знаю, где ты живешь. Я все о тебе знаю. Жди на улице около арки.

— Хорошо, — искренне сказал Денисов.

Около арки. Отлично!

Из кухни тянуло горелым маслом. Денисов выключил газ и взглянул на часы: половина двенадцатого.

— Попозже поужинаем, — сказал Денисов и вдруг впервые произнес вслух слово, которого прежде отчего-то всегда стеснялся: — сынок!

Пистолет, купленный у Бурнаша за тысячу рублей, он заткнул за ремень под курткой и несколько раз попробовал, ловко ли вытаскивать. К арке подошел не сразу, проверил вначале, нет ли поблизости кого из бандитов Вартана. Арка вела во двор без единого подъезда, за которым начинался пустырь. Днем тут еще пробегали изредка мальчишки, а в ночное время вообще никто не ходил.

Денисов вытащил сигарету и тут же выбросил, не прикурив. Его колотил озноб, он очень боялся дрожи в руках, которая могла все испортить.

В конце темной улицы зажглись фары. Автомобиль приближался так медленно, что Денисов в какой-то момент засомневался: уж не милицейский ли патруль. Но это была не милиция. Светлый "жигуленок" остановился прямо против арки. Мотор продолжал мягко урчать. Человек, сидевший рядом с водителем, опустил стекло и окликнул Денисова.

— Эй, Седой, иди сюда.

Денисов сделал несколько шагов и остановился.

— Ну, чего ты? — нетерпеливо сказали из "жигуленка". — Иди, не бойся.

— Я уже пришел, — ответил Денисов. — Кто кому больше нужен?

В "жигуленке" негромко рассмеялись.

— Я тебе больше нужен, — убежденно произнес Вартан. — Но я не гордый.

Он вылез из машины и не спеша пошел к Денисову. И одновременно шаги зазвучали у Денисова за спиной. Денисов оглянулся. Две тени, возникшие неведомо откуда, приближались к нему с двух сторон.

— Не бойся, — успокоил Вартан. — Это на всякий случай. Я человек предусмотрительный.

Телохранители его действительно остановились пока шагах в пяти, справа и слева. Денисов понимал: это только пока.

— Ну, давай, чего же ты, — сказал Вартан, а Денисов никак не мог решиться.

Ему вдруг показалось, что у него ничего не получится, что бандиты Вартана не дадут ему исполнить задуманное. Следовало прежде всего нейтрализовать их. Никогда бы он не смог объяснить, почему подумал именно так, но в мозгу уже прозвучал стартовый сигнал и время выбора кончилось.

Тогда он вырвал из-за пояса пистолет и, не целясь, бабахнул дважды — вправо и влево, а потом наставил дуло на Вартана. Денисов не знал: попал или нет. Он только слышал, как заорал один из бандитов, а другой, кажется, побежал с топотом прочь. Вартан тоже вскрикнул высоким голосом и сделал то, чего Денисов просто не ожидал.

Вартан не бросился к машине или на Денисова. Он скользнул правее него, мимо руки с пистолетом. В тот же момент "жигуленок" с ревом сорвался с места и помчался по улице. Денисов кинулся за Вартаном. Он не должен был его упустить. Шаги врага часто стучали во дворе. Денисов в два прыжка миновал арку, поймав взглядом свернувшую за угол тень. Там, за углом, начинался пустырь, и Денисов почувствовал, что Вартан от него не уйдет.

Но едва он забежал за угол, тень прыгнула ему навстречу. Это случилось настолько внезапно, что Денисов не успел ничего осознать. Палец сам дернул спусковой крючок. Вспышка и грохот отбросили тень к стене, она что-то шептала, эта тень, но Денисов, оглушенный выстрелом, еще не слышал, а когда разобрал сдавленный шепот, замер в ужасе.

— Дурак, — шелестела тень, — какой дурак!..

Денисов шатнулся на захолодевших ногах. У стены, держась двумя руками за живот, стоял Сметанников.

Пистолет выпал из ладони Денисова.

— Что! — заорал он. — Что! Что!

— Ушел он, — шептал Сметанников, — не вышло у тебя ничего.

— Как же, — лихорадочно бормотал Денисов. — Откуда?!

Мозг его пульсировал и словно раздувался, постепенно выталкивая глаза из орбит.

Сметанников медленно-медленно сполз по стене наземь, потом, скобля каблуками асфальт, также медленно вытянул ноги.

Денисов наклонился к нему и, не закончив движения, дернулся.

— Я!.. "Скорую"!.. Сейчас!

— Стой, — сказал Сметанников, преодолевая боль. — Подними пистолет.

Денисов послушно присел, зашарил руками по асфальту. Нащупав, протянул оружие Сметанникову.

— Вот он.

Тот с усилием мотнул головой.

— Платком... сотри отпечатки... Пальцы... Потом брось там.

Денисов неподвижно и тупо смотрел себе в руки. Тогда Сметанников, собрав силы, повысил голос.

— Сотри отпечатки, дурак! — он подавил стон и продолжал гораздо тише. — Стрелял не ты... Пусть это он стрелял... Тот...

Голова его бессильно упала на грудь.

Где-то наверху с треском распахнулось окно.

— Шпана проклятая! — завопил резкий бесполый голос. — Покоя от вас нет, сволочи! Ночь уже!

Вздрогнув, Денисов поглядел вверх и в ту же секунду в лицо ему хлестнул холодный водяной ком. Денисов дернулся, отшатнулся. И Сметанникова вода ударила по ногам, но он не пошевелился, кукольно сохраняя позу.

— Гады! — жалко сказал Денисов во враждебное никуда. — Что ж вы делаете!

Всхлипнув, он утер рукавом лицо. Поглядел на Сметанникова и снова наверх — туда, где все еще светились редкие окна.

— "Скорую" надо, — сказал он. Потом крикнул громче: — Вызовите "Скорую"! Кто-нибудь!

Под аркой зарычал мотор, во двор лихо влетел милицейский "уазик", крутанулся по площадке и затормозил, точно нацелившись в Денисова светом фар.

В руках все мешался какой-то предмет. Денисов недоуменно взглянул, разжал пальцы, и пистолет с коротким лязгом вновь упал на асфальт.

Загородившись от яркого света, Денисов все продолжал монотонно твердить:

— Кто-нибудь! Люди! "Скорую помощь"!.. Помогите же! Люди вы или нет! Помогите, боже мой!

Боже, помоги нам всем!..

Амброз Бирс*

СМЕРТЬ ХАЛПИНА ФРЕЙЗЕРА

Ибо смерть производит более глубокие изменения, нежели те, что были нами рассмотрены. Душа, оставившая тело, стремится по возможности вернуться в него, и случается иной раз увидеть ее во плоти, в той же бренной оболочке, что была прежде приютом ее; бывало, однако, что разгуливало само лишенное души тело. И свидетели этого, которые остались в живых и смогли все описать, говорили, что восставшее от смертного сна тело лишено естественных привязанностей и воспоминаний и что движет им одна лишь ненависть. Известно также, что некоторые души, при жизни принадлежавшие людям милосердным, преображались смертью в исчадие зла.

Холи

I

Как-то в самый разгар лета некий человек заснул в лесу тяжелым, каменным сном, а пробудившись средь ночи, поднял голову от земли и, уставясь в непроглядную темень, громко сказал: "Катрин Ларю". Больше не было сказано ни слова, впрочем, он не мог бы объяснить, почему сказал и эти слова.

То был Халпин Фрейзер. Жил он прежде в Санта-Элене, а где живет ныне — неизвестно, потому что он умер. Если человек привык спать в лесу и подушкой ему служит ворох сухих листьев да сырая земля, а одеялом — ветви, сронившие листву, и сронившее землю небо, вряд ли он доживет до глубокой старости, а Фрейзеру уже исполнилось тридцать два года. Многие люди считают этот возраст весьма солидным, их миллионы — самых милых, самых лучших в мире людей. Это дети. Для них жизненное путешествие толь-

---

* Для большинства читателей имя американского писателя и журналиста Амброза Гуинетта Бирса (1842 — 1914?), надеемся, станет приятным открытием. Переплетение фантастики и сатиры, мистики и гротеска — характерная черта многих его произведений. Наиболее ярко они предстают в рассказе "Смерть Халпина Фрейзера", предлагаемом вашему вниманию.

ко-только началось, вот им и кажется, что челн, удалившийся от порта отправления на значительное расстояние, вскоре должно прибить к противоположному берегу. Неизвестно, однако, умер ли Халпин Фрейзер от холода.

Весь день он бродил по горам к северу от долины Напы, охотясь на голубей и мелкую дичь, которую разрешалось отстреливать в этом сезоне. К вечеру небо затянуло тучами, и он сбился с пути; заблудившись, иди все время вниз — это самый верный способ выбраться из леса, но вниз тропинок не было, и ночь застала Халпина Фрейзера в лесу. Он с трудом пробирался в темноте сквозь заросли толокнянки и густой подлесок, наконец потеряв направление, не чуя ног под собой от усталости, он привалился к стволу широчайшей мадроньи и сразу уснул; снов он не видел. Спустя некоторое время в самый глухой час ночи таинственный Божий посланец, выскользнув из бесчисленного сонма собратьев-предвозвестников рассвета, наклонился к спящему и, что-то шепнув, разбудил его. Халпин сел и громко назвал имя — неизвестно чье, непонятно почему.

Халпин Фрейзер не был ни философом, ни ученым. Исследовательский пыл не проснулся в нем, и он не поинтересовался, что же нарушило его сон и почему он произнес имя женщины, которую не помнил и, похоже, вообще не знал. "Странно", — только и сказал он себе и, слегка поежившись — ночь, несмотря на пору года, была холодная, — снова лег и тут же заснул. Но теперь к нему пришли сны.

Снится ему, что идет он по пыльной дороге, белеющей в сумраке летней ночи. Он не знает, откуда и куда ведет дорога, не знает, почему идет по ней, но все кажется ему простым и естественным, как бывает во сне, ибо в Стране Снов удивление свободно от беспокойства и рассудок спит. Вскоре подошел он к развилке, одна из дорог выглядела заброшенной, по ней давно никто не ходил: в той стороне, видно, путника поджидала беда, но Халпин, будто влекомый настоятельной потребностью, не колеблясь, свернул на запустелую тропу.

Уже отойдя от развилки, он почувствовал, что дорога кишит невидимыми существами, он не сумел бы их описать. Со всех сторон доносился до него бессвязный обрывочный лепет на чудном, незнакомом языке, кое-что, тем не менее, он понимал. В осколках фраз слышалась угроза, будто шептались заговорщики, покушавшиеся на его душу и тело.

Ночь наступила давно, однако бескрайний лес, сквозь который он шел, освещался лихорадочным мерцанием; загадочный свет шел непонятно откуда — он не давал тени. Сверкнула пурпурным отблеском лужа — должно быть, недавно прошел дождь: все еще лоснились края вмятины в старой колее. Он наклонился и окунул в лужу ладонь. Жидкость окрасила пальцы: то была кровь! Только теперь он увидел:

кровь была всюду. Ею была заляпана трава, буйно разросшаяся вдоль дороги, рдяные капли расплывались на широких листьях бурьяна. Ржавым дождем были окроплены полосы высохшей грязи между колеями. На стволах деревьев тесно лепились обширные багровые язвы, и с листьев кровь капала, как роса.

С ужасом он наблюдал грозное зрелище, хотя в глубине души ожидал увидеть нечто подобное. Как представлялось ему, то была кара за преступление, какое — он никак не мог вспомнить, хотя и чувствовал себя виноватым. Сознание вины усугубляло его страх перед неведомыми опасностями леса. Тщетно копался он в памяти, пытаясь отыскать в прошлом минуту, сделавшую его преступником; воспоминания теснились в мозгу, одна картина стирала другую или наплывала на нее, и все размазывалось и растекалось, но нигде он не мог найти того, что хотел. Неудача еще усилила его страх, он чувствовал себя, как человек, убивший в темноте кого-то, сам не зная кого и за что. Все вокруг вселяло в него ужас: зловещей угрозой горел загадочный свет, деревья, кусты, травы как сговорились и глядели с угрюмой враждебностью, открыто ополчась на него, снизу, сверху — со всех сторон отчетливо слышались жуткие вздохи и шепот явно нездешних созданий, — и он не выдержал, страшным усилием разрушил враждебные чары, мешавшие действовать и говорить, и закричал во всю мощь легких. Его голос метнулся в сторону и раскололся россыпью незнакомых звуков, запинающимся лепечущим ручейком умчался в дальние пределы леса и изнемог в тишине — все было, как прежде. Но начало было положено, борьба придала Халпину уверенности. Он сказал себе:

— Со мной не удастся расправиться исподтишка. Надеюсь, не только духи зла бродят по проклятой дороге. Я оставлю записку и призову на помощь силы добра. Я опишу мучения, которым я подвергся, — я, беспомощный смертный, раскаивающийся грешник и никогда никого не обидевший поэт! — Халпин Фрейзер был таким же кающимся, как и поэтом, — только во сне.

Он вынул небольшую записную книжку, переплетенную в красный сафьян, но карандаша у него не оказалось. Отломив от куста веточку, Халпин макнул ее в лужу крови и начал быстро писать. Но стоило концу ветки коснуться бумаги, как в бесконечной дали раздались чуть слышные раскаты буйного хохота, словно крик одинокой гагары, вышедшей в полночь на берег озера, бездушный, надрывный, нерадостный смех приближался, становился громче, наконец взорвался подле него нездешним вскриком и, постепенно угасая, умер, как если бы проклятое существо, издавшее его, удалилось на край света — туда, откуда пришло. Но нет, оно тут, рядом, пусть и не дает больше знать о себе.

Странное ощущение овладело его рассудком и телом. Он сам не знал, каким из пяти чувств, да нет, не чувством, скорее душой ощутил он ужасное соседство; тут, рядом с ним, находилось само воплощение сверхъестественной злобы, нечто, по природе своей отличное от невидимых созданий, роившихся вокруг, и гораздо более могущественное. Это оно смеялось так страшно. И теперь оно приближалось к нему, но с какой стороны, он не знал и боялся гадать. Прежние его страхи отступили перед смертельным ужасом, сковавшим все его члены. Единственная мысль владела им: он должен завершить письменный призыв к силам добра: быть может, обходя таинственный лес, они вызволят его, если к тому времени он еще не успеет узнать блаженство вечного покоя. Он писал с необычайной быстротой, не погружая палочку в лужу: она сама источала кровь, но вот на середине строки пальцы отказались служить ему, руки бессильно повисли, и записная книжка упала на землю; не в силах шевельнуться или закричать глядел он на резко очерченное лицо, в пустые, мертвые глаза своей матери: молча стояла она перед ним в белых одеждах могилы!

II

В юности Халпин Фрейзер жил с родителями в Нашвилле, штат Теннесси. Фрейзеры были людьми состоятельными и принадлежали к знати, основательно разреженной гражданской войной. Их дети пользовались всеми благами, какие были доступны их кругу, они получили хорошее образование и в умении слушать наказы добрых людей обнаруживали просвещенный ум и приятные манеры. Халпин, будучи младшим ребенком в семье, не отличался чересчур крепким здоровьем и был, пожалуй, чуточку избалован. Ему не повезло вдвойне: отец уделял ему слишком мало внимания, а мать — слишком много. Фрейзер-старший, как всякий имущий южанин, занимался политикой. Обязанности, которые накладывала на него родина, а вернее штат и город, отнимали у него столько сил и времени, что своих домашних он слушал вполуха, да и уха-то, наполовину оглохшего от грома политических речей и воззваний, в том числе и его собственных.

Юный Халпин Фрейзер был из разряда душ романтических, склонных к ленивой мечтательности, и, будь на то его воля, скорее предпочел бы посвятить себя литературе, чем юриспруденции, которой приходилось заниматься. Среди его родственников, свято верящих в законы наследственности, укоренилось убеждение, что в нем возродилась душа Майрона Бэйна, его прадеда с материнской стороны, а с ней и страсть к созерцанию Луны, светила, сделавшего Бэйна

поэтом, широко известным в английских колониях Северной Америки. В поведении родственников Халпина бросалось в глаза разительное отсутствие логики: хотя мало кто из Фрейзеров не имел в своей библиотеке роскошного экземпляра "Поэтических произведений" Бэйна, напечатанных, кстати, за счет семьи и вскоре изъятых ею с негостеприимного рынка, почему-то никому из них не приходило в голову почтить великого усопшего в лице его духовного восприемника. По мнению семьи, Халпин Фрейзер был черной овцой и мог в любую минуту опозорить стадо блеянием в рифму. Фрейзеры из Теннесси были народ практический, не то чтоб они стремились к эгоистическим целям, нет, но, как все здравомыслящие люди, они испытывали сильное предубеждение к чертам характера, не благоприятствующим занятию политикой.

Справедливости ради надо отметить, что хотя Халпин унаследовал характер и нравственный облик, приписываемый официальной историей и семейной традицией знаменитому колониальному Барду, тем не менее оставалось только гадать, получил ли он впридачу и его божественный дар. Халпин не гонялся за Музой; по правде сказать, он не написал бы и одной поэтической строки даже под страхом смертной казни. Впрочем, чего не бывает — дремлющие способности могли вдруг пробудиться, и тогда мир услышал бы наконец бряцание лиры.

А между тем молодой человек особых надежд не подавал. С матерью их связывала сердечная дружба и полное взаимопонимание, в глубине души она сама была верной поклонницей прославленного Майрона Бэйна, но умела скрыть свою слабость с восхитительным тактом, свойственным ее полу и справедливо всеми почитаемым, — пусть себе твердят злые языки, что такт этот — не что иное, как лицемерие. Она доверилась только сыну, и разделенная вина ее более укрепила связывавшие их узы. Мать, конечно, избаловала сына, но Халпин сам ей в этом помог. Время шло, Халпин стал мужчиной, если, конечно, можно назвать мужчиной южанина, так и не научившегося интересоваться результатами выборов, — и год от года крепло и становилось нежнее чувство между ним и его прелестной матерью, которую он с детских лет звал Кати. Во взаимной привязанности этих романтических натур ярко проявилось явление, которое стараются не замечать, но которое преобладает во всех жизненных отношениях, — сексуальность, украшающая даже узы кровного родства и делающая их более прочными и более возвышенными. Мать и сын были неразлучны и держались так, что незнакомые часто принимали их за любовников.

Однажды Халпин вошел к матери в будуар, поцеловал ее в лоб и, играя темным локоном, выбившимся у нее из прически, сказал, изо всех сил стараясь казаться спокойным:

— Кати, мне придется на пару недель уехать в Калифорнию, ты, надеюсь, не против?

Кати могла бы не отвечать — Халпин в ту же минуту все прочел по ее лицу. Конечно, она против, очень даже против, и слезы, хлынувшие из больших карих глаз, еще усилили весомость ее слов:

— Ах, сын мой, — говорила она, с бесконечной нежностью глядя на него, — я предчувствовала, что меня ждут неприятности. Ведь сегодня мне приснился дедушка Бэйн, и я полночи проплакала. Во сне он вошел ко мне в комнату, такой же молодой и красивый, как на этом портрете, он встал рядом с ним и показал на твой портрет, висевший на той же стене. Я взглянула туда, но не смогла рассмотреть твое лицо: на портрете оно было закрыто покрывалом — так закрывают лица умерших. Твой отец посмеялся над моими страхами, но мы-то с тобой знаем, что сон мой не к добру. И еще с краю под покрывалом я увидела отпечатки пальцев у тебя на шее, — прости, дорогой, но мы ведь никогда ничего друг от друга не скрываем. Может, ты растолкуешь мой сон иначе, может, он не предвещает твоего отъезда? Или возьмешь меня с собой?

Нужно признаться, что в свете новых научных открытий это изобретательное толкование сна логическому уму сына показалось не слишком удачным, на мгновение у него мелькнула мысль, что сон предвещает несчастье, может быть, менее трагическое, чем поездка на побережье, зато более простое и близкое. Уж скорее его задушат — здесь, в родном краю.

— Нет ли случайно в Калифорнии целебных источников? — продолжала миссис Фрейзер. Халпин не успел даже рта раскрыть, чтобы выложить свою версию. — И лечебниц, где пользуют от ревматизма и невралгии? Ты только взгляни на мои пальцы, они совсем не гнутся. А во сне сильно болят.

И она протянула к нему руки. Какой диагноз поставил юноша, установить не удалось, ибо вместо ответа он поспешил улыбнуться, однако хронист, записавший эту историю, чувствует себя обязанным заявить, что даже врач, предписывая самой красивой своей пациентке перемену климата, не увидит столь же здоровых и гибких пальцев.

В конце концов два неординарных человека с равно неординарным чувством долга расстались: один уехал в Калифорнию, как того требовали интересы его клиента, вторая же осталась дома по воле супруга, который даже не догадывался о ее намерениях.

И вот как-то раз в Сан-Франциско Халпин Фрейзер прогуливался поздней ночью вдоль берега моря и нежданно-негаданно превратился в мореплавателя — к великому своему удивлению и огорчению. Его силой затащили на неописуемой красоты пиратский корабль, уходивший в дальние стра-

ны. На этом злоключения Халпина не кончились, корабль потерпел крушение у берегов Богом забытого острова в южной части Тихого океана, и лишь спустя шесть лет некий предприимчивый купец, заглянувший на остров в поисках приключений и наживы, взял тех, кому удалось спастись, на борт своей шхуны и доставил в Сан-Франциско.

Денег у Фрейзера не было, но горд он был как прежде, в те давние-давние годы, целые столетия тому назад. Он не хотел принять помощь от незнакомых людей и проживал близ города Санта-Элена у товарища по несчастью, ожидая из дома вестей и денег. И как-то раз отправился в лес поохотиться, да там и уснул.

III

Привидевшийся во сне призрак, столь похожий и вместе не похожий на его мать, был ужасен. Сердце Халпина не отозвалось навстречу ему ни любовью, ни страстной тоской, и в памяти не возникло воспоминаний о прекрасном прошлом — все чувства, все переживания поглотил страх. Халпин хотел бежать, но ноги налились свинцовой тяжестью, он не мог оторвать их от земли. Руки бессильно висели, и только глаза были послушны ему, но он не смел отвести их от тусклых глаз призрака, он знал: то не была душа, лишенная тела, но самое грозное порождение заколдованного леса — тело, лишенное души! В пустом взгляде призрака не было ни любви, ни жалости, ни понимания — ни одного чувства, к которому можно было обратить мольбу о пощаде. "Ходатайство о помиловании отклоняется", — ни с того ни с сего подумал он на судейском жаргоне, отчего стало еще страшнее, как бывает, когда огонек сигареты выхватит из темноты могилу.

Казалось, прошли века, и мир поседел от старости и грехов, и заколдованный лес, собрав все ужасы в одно чудовищное видение, исполнил свое назначение и пропал, и с ним исчезли шепот и вздохи невидимых созданий, а призрак все стоял в шаге от Халпина Фрейзера и разглядывал его с тупой животной злобой, потом вдруг выбросил вперед руки и с лютой свирепостью кинулся на него. Нападение высвободило все физические силы человека, и хотя мозг Халпина все еще был во власти чар, мощное, гибкое его тело начало борьбу и сопротивлялось противнику бесстрашно и упорно. Несколько мгновений словно посторонний зритель наблюдал он за чудовищной борьбой бездушного разума и автомата, наделенного дыханием, и вдруг, будто одним прыжком вскочив в свое тело, вновь обрел себя и, собрав все силы, продолжал борьбу так же неистово и сосредоточенно, как жуткий его противник.

Но разве способен смертный побороть творение своего сна? Воображение, создавая врага, уничтожается им: исход борьбы предопределен причиной борьбы. Несмотря на полное напряжение сил, которые, казалось, понапрасну расходуются в бездонной пустоте, он почувствовал ледяные пальцы у самого своего горла. Его прижало к земле, и над собой на расстоянии вытянутой руки он увидел искаженное смертью костлявое лицо, потом стало темно. Издали донесся прерывистый звук, похожий на барабанную дробь, бормотание сплетающихся голосов, взмыл в небо резкий крик, и воцарилась тишина... Снится Халпину Фрейзеру, что он умер.

IV

Вслед за теплой, ясной ночью наступило промозглое утро. Вчера к вечеру едва заметное облачко, да и не облачко вовсе, а так — тень облака, легкое сгущение воздуха — легло у вершины вдоль нагих скал к западу от горы св.Елены... Оно было так прозрачно, так невесомо, что казалось выдуманным, и хотелось закричать: "Скорее, смотри, через минуту оно исчезнет!"

Через минуту оно увеличилось и стало заметно плотнее. Уцепившись краем за гору, облако ползло над отрогами, забираясь все глубже и глубже в долину. Одновременно оно растекалось к югу и к северу, вбирая в себя лоскуты тумана и небольшие тучки, которые поднимались вверх, как бы для того, чтобы оно могло их поглотить. Облако все росло и росло, скоро оно заслонило собой вершину, и над долиной плотной, серой пеленой повисла туча. В Калистоге, раскинувшейся в верхней части долины, у самых гор, ночью не было звезд, днем не было солнца. Туман спустился вниз, в движении на юг он поглощал одно ранчо за другим и вскоре стер с местности город Санта-Элена, расположенный в девяти милях от Калистоги. Отяжелев, улеглась на дорогах пыль, деревья отекали влагой, умолкли и скрылись в чаще птицы, изнуренный свет дня стер все краски и пригасил огни.

На рассвете двое мужчин вышли из Санта-Элены и зашагали на север, по дороге, ведущей в Калистогу. У обоих были ружья на плече, но сведущий человек никогда не принял бы их за охотников. То были Холкер, помощник шерифа из Напы, и Джаралсон, следователь из Сан-Франциско. Они занимались охотой на людей.

— Далеко еще? — спросил Холкер.

— Белая церковь? С полмили будет, — ответил следователь. — Кстати, это вовсе не церковь, а обычное школьное здание, оставшееся без хозяина и посеревшее от старости. Когда-то в нем отправляли богослужения, может, в то время

оно и было белым. При нем есть небольшое кладбище, поэту бы понравилось. А вы догадываетесь, почему я послал за вами и попросил взять с собой ружье?

— Сам бы я никогда не решился расспрашивать вас: придет время, сами скажете. Но коль вы интересуетесь, скажу: вы хотите, чтобы я помог вам арестовать какого-нибудь покойника.

— Помните Бранскома? — спросил Джаралсон, оставляя без внимания неудачную попытку спутника пошутить.

— Типа, который перерезал глотку своей жене? А как же. Я потратил на него целую неделю и все зря, много поту, да мало проку. За его голову обещана награда в пятьсот долларов, только никто из нас его и в глаза не видел. Уж не хотите ли вы сказать...

— Вот именно. Он все время был у вас под самым носом. Ночует на старом кладбище у Белой церкви.

— Каков негодяй! Ведь там закопали его жену.

— Как же вам не пришло в голову, что рано или поздно он придет на ее могилу?

— А я не понимаю, как вообще можно было рассчитывать, что он там появится.

— Да, но вы искали его всюду и безуспешно. Проанализировав ваши неудачи, я и решил устроить на него засаду на кладбище.

— И вам удалось его обнаружить?

— Какое там! Это ему удалось обнаружить меня! Мерзавец взял меня на мушку и заставил прогуляться с поднятыми руками. Слава Богу, хоть цел остался. Это твердый орешек, так что я удовольствуюсь и половиной награды. Согласны поработать вместе?

Холкер добродушно рассмелся и заявил, что последнее время его кредиторы стали надоедливы как никогда.

— Давайте осмотрим местность и разработаем план совместных действий, — сказал следователь. — Оружие может понадобиться и днем.

— Парень, должно быть, не в своем уме, — сказал помощник шерифа. — А получить награду не просто: мало его поймать, нужно еще чтобы его признали виновным. Если же он сумасшедший, то вряд ли его осудят.

Мистер Холкер машинально остановился посреди дороги, всерьез задумавшись о незадаче, наконец двинулся дальше, но уже с куда меньшим пылом.

— Да, он смахивает на психа, — согласился Джаралсон. — Более небритого, нестриженного, неопрятного, не... — ну и так далее — подонка я не встречал, за исключением, конечно, членов древнего ордена честных бродяг. Но я взялся за его поимку и не брошу на полдороге. Ну и кроме всего прочего, нам достанется, если не награда, так слава. Ни одна живая душа не знает, что он все еще в наших краях.

— Ладно, пойдем осмотрим местность, — сказал Холкер и добавил словами некогда излюбленной надгробной надписи: — "Куда вскоре придем и мы", если старине Бранскому надоест наше присутствие и непрошеное вмешательство в его дела. Между прочим, я от кого-то слышал, что Бранском — не настоящая его фамилия.

— А какая настоящая?

— Не знаю. Потерял к нему всякий интерес, и фамилия выскочила из головы. Что-то вроде Парди. Женщина, которую он так гнусно зарезал, вышла за него замуж после того как потеряла первого мужа. Приехала в Калифорнию, чтобы отыскать какого-то родственника — такое тоже случается. Впрочем, вы и без меня все это знаете.

— Само собой.

— Да, но как же вы, не зная ее настоящей фамилии, отыскали могилу, неужели по наитию? Мне говорили, фамилия высечена на могильном надгробии.

— Могилу я не нашел, — неохотно признался Джаралсон; получалось, что он не знал самого главного. — Я наблюдал за всем кладбищем. Сегодня мы как раз и должны найти эту могилу. Глядите, Белая церковь.

Дорога сначала шла полями, но вот по левую руку встал лес: дубы, мадроньи, гигантские ели исчезали в тумане и только нижние ветви дерев смутно и призрачно выглядывали из белой мглы. Местами подлесок становился гуще, но пройти можно было всюду. Только когда они свернули в лес, шериф увидел чуть заметные очертания выступающего из тумана здания, которое казалось огромным и по-прежнему далеким. Но пара шагов, и он мог бы дотронуться до него рукой: потемневший от сырости небольших размеров дом был весь как на ладони. Он походил на обычную сельскую школу, построенную в архитектурном стиле нагромождения упаковочных коробок, с каменным фундаментом, заросшей мхом крышей и пустыми проемами окон, давно лишившихся стекол и самих рам. Дом разваливался, разрушался, но разве что путеводитель назвал бы руинами его останки, этот типичный калифорнийский суррогат "памятника старины". Едва взглянув на скучное строение, Джаралсон углубился в сырые заросли.

Тут и там среди кустов виднелись огороженные участки земли, в которых помещались могилы. Могилы угадывались по замшелым плитам и прогнившим деревянным надгробиям, которые клонились какое куда или простерлись ниц, по валким оградкам, по засыпанным палой листвой могильным холмикам, по выглядывавшему из-под листьев гравию, которым были обложены могилы. Зачастую, однако, ничто не выдавало места, где покоится прах горемыки, покинувшего "неутешных друзей" и, в свою очередь, покинутого ими, — ничто, кроме неглубокого выема в почве, сохранив-

шегося, однако, дольше, нежели глубокая скорбь живых. Дорожки, если они и были когда-то, давно заросли травой, нередко из самой могилы вытягивалось уже порядочное дерево, и его корни и ветви корежили и опрокидывали могильную ограду. Слышался запах гнили и запустения, который как нельзя более подходит жилищу забытых мертвых.

Двое мужчин пробирались сквозь заросли, быстрый Джаралсон шел впереди. Вдруг он остановился, поднял на высоту груди ружье, чуть слышно предостерег товарища и, глядя перед собой, застыл без движения. Шериф, хотя и не видел ничего за кустами, тоже взял ружье на изготовку и стал ждать дальнейших событий. Спустя минуту Джаралсон осторожно двинулся вперед, шериф — за ним.

Под ветвями раскидистой ели лежал труп. Джаралсон и Холкер стояли и молча разглядывали лицо, положение тела, одежду — то, что сразу бросалось в глаза и на незаданные вопросы пытливого сочувствия отвечало просто и ясно.

Человек лежал на земле, широко раскинув ноги. Одна рука его была поднята вверх, другая — согнута в локте и отведена в сторону, так что ладонь находилась у горла, словно отталкивала что-то от себя. Положение тела свидетельствовало об отчаянном, хотя и безуспешном сопротивлении, но — чему?

Невдалеке лежало ружье и ягдташ, из которого высовывались перья убитых птиц. Да, борьба была жестокой: молодые побеги сумаха с оборванными листьями и содранной корой пригнуты к земле, прелые прошлогодние листья сбиты кучами к ногам трупа, на уровне бедер видны отчетливые оптечатки чьих-то колен. Достаточно одного взгляда на шею и лицо человека, чтобы определить характер борьбы. Кожа на его руках и груди нормального цвета, а шея и лицо — багровые, почти черные. Спиной мертвое тело опирается на невысокий могильный холмик, а голова откинута назад под необычным углом, так что глаза и ноги обращены в разные стороны. Вокруг рта, из которого вылезает черный разбухший язык, запеклась кровавая пена. Шея покрыта ссадинами и ужасающими кровоподтеками, как будто убийца сжал горло жертвы, вонзив в подавшуюся плоть пальцы могучих рук, и не ослабил страшной хватки даже после смерти несчастного. Одежда убитого промокла насквозь, грудь, шея, лицо тоже мокрые, на голове и в усах блестят капли осевшего тумана.

Следователь и шериф молча и быстро, с одного взгляда, оценили обстановку. Холкер сказал:

— Бедняга! Туго ему пришлось.

Джаралсон, держа палец на спусковом крючке, внимательно обвел глазами обступивший их лес.

— Работа маньяка, — заметил он, продолжая оглядывать лес. — Опять он, Branском-Парди.

Холкер вдруг что-то увидел под разворошенными листьями. То была красная записная книжка в кожаном переплете. Он поднял и раскрыл ее. Почти все листочки были пусты, а на первой страничке стояло: "Халпин Фрейзер". Следующие несколько страниц были покрыты не слишком разборчивыми строчками, торопливо нацарапанными красными чернилами. Джаралсон по-прежнему вглядывался в серую муть, заключившую в себе окружающий мир, а Холкер под перестук падавших с веток капель росы начал читать вслух:

Под сенью заколдованного леса
Я замер, будто скован волей беса.
В объятьи гибельном переплелись
Здесь кипарис и мирт, дорогу мне отрезав.
Здесь голову склонила к тиссу ива,
Поникли ветви дуба сиротливо,
Рисуя мрачный, траурный узор,
Внизу во мгле средь мхов растет крапива.
Здесь чахнет животворный ветерок,
Проклятьем тронут каждый лепесток,
Лишь тишина живет среди дерев,
И шмель тут не гудит, и птичий грай умолк.
В кровавом свете призраки застыли
Под обаянием нечистой силы,
Мерцают в чаще блики неземные,
И тайны мрачные свои таят могилы.
Я закричал, очнувшись ото сна,
Но не сумел разрушить чары зла.
Сковав надежно разум мой и волю,
Вокруг еще сильней сгустилась мгла.
И невидимка-дух...

Холкер остановился, дальше страничка была пуста. Стихотворение оборвалось на середине строки.

— Очень похоже на Бэйна, — сказал Джаралсон, любивший почитать на досуге. Он перестал настороженно оглядываться и стоял, не сводя глаз с мертвеца.

— Кто такой Бэйн? — без тени любопытства спросил Холкер.

— Был такой поэт. На заре нашей истории, более ста лет назад пользовался популярностью. Писал крайне мрачные стихи, у меня есть собрание его избранных произведений. Этих стихов там нет, должно быть, не попали по ошибке.

— Холодно, — сказал Холкер, — пойдемте-ка отсюда, нужно еще вызвать коронера из Напы.

Джаралсон молча последовал за ним. На ходу от ткнулся ногой во что-то твердое, лежавшее под прелыми листьями рядом с головой мертвеца; поддав ногой, он выбросил из-под листьев на свет табличку. То была надгробная доска, на ней едва читалась надпись: "Катрин Ларю".

— Ларю, Ларю! — воскликнул вдруг оживившийся Хол-

кер. — Так ведь это и есть настоящая фамилия Бранскома, не Парди, а Ларю! И, черт побери, как это я мог забыть, — фамилия его жены по первому мужу была Фрейзер!

— Тут, наверное, кроется какая-то мерзкая тайна, — сказал следователь Джаралсон. — Ох, и не люблю я такие дела!

Откуда-то издалека, из тумана, донесся до них чей-то негромкий смех, вымученный, бездушный смех, в котором радости было не больше, чем в ночном вое крадущейся по пустыне гиены, — смех медленно, постепенно становился сильнее, громче, звучал все более отчетливо и грозно — казалось, тот, кто смеется, остановился совсем рядом, тут же за границей узкого круга видимости, сатанинский смех был так ненатурален, так не похож на смех человека, что охотников на людей парализовало чувство невыразимого ужаса! Они и не подумали о своих ружьях — все равно против жуткой химеры оружие бессильно. А страшный хохот, выросший из тишины, начал понемногу затихать; прогремев в ушах, смех отпрянул назад и покатился — все дальше и дальше, и его замирающие раскаты, по-прежнему безрадостные и неестественные, в бесконечной дали канули в тишину.

Перевод с английского
Ирмы Алексеевой

Иван Бунин

СТРАНСТВИЯ

Доживет ли "нынешнее поколение советских людей" до выхода в свет полного академического собрания сочинений классика русской литературы академика Ивана Алексеевича Бунина? Трудно сказать... Три вышедших за последние тридцать лет собрания сочинений, а также солидный бунинский двухтомник "Литературного наследства" дают, увы, далеко не полное представление о богатстве его литературного наследия. По пресловутым "независящим обстоятельствам", несмотря на усилия буниноведов, ряд произведений не увидел свет на родине писателя, а многие — что особенно обидно — поданы в искаженном, усеченном виде с помощью ненавистного типографского знака «...».

Касается это в определенной степени и публикуемых ниже этюдов из бунинского цикла "Серп и молот". Такое объединяющее название дал им писатель во время подготовки IX тома собрания сочинений (Берлин, 1935). Первоначально они публиковались в парижских газетах и сборнике "Божье древо" (Париж, 1931) под названием "Странствия" (оно и принято в упомянутом томе "Литературного наследства" и в некоторых журнальных публикациях, хотя, если следовать строгим правилам текстологии, следовало бы принять более позднее название; более того, в сборнике рассказов "Весной, в Иудее. — Роза Иерихона", вышедшем в Нью-Йорке в издательстве им. А.П.Чехова в 1953 году, в год смерти И.Бунина, первый из публикуемых ниже очерков назван "Под серпом и молотом").

В общей сложности в этот цикл входит 22 этюда, из которых до 1988 года публиковалось 16. Наконец, в журнале "Юность" (1988. № 1) появилась подборка под традиционным названием "Странствия", в которую вошло 7 очерков из не печатавшихся ранее. Восьмой (у нас он и фигурирует под этим номером) все-таки в нее не вошел. Да и в остальных кое-где появляется знак «...»: так сказать, "инъектуры (усечения) ради конъюнктуры" — и это в самый "разгар перестройки и гласности". Вот лишь некоторые примеры: в первом очерке первая же фраза оборвана, ее надо продолжить "...еще при начале царствования Ленина"; во втором, в конце, после фразы "Теперь мы Россию замирили, везде тихо..." — следует "...Я сам в Тамбове не меньше ста душ в расход вывел...", и т.п.

Некоторые издатели, стремясь познакомить читателя с неизвестными на родине страницами произведений писателя,

стараются подчас как-то "оправдать" его (как будто классик нуждается в оправдании!): Бунин, видите ли, "недопонял", "не осознал", "не увидел" и т.д. Такие наивные уловки, понятно, производят комическое и довольно жалкое впечатление. Нужно сказать честно и открыто, "с последней прямотой", говоря словами О.Э.Мандельштама: Бунин решительно и последовательно отверг Октябрьскую революцию (да и Февральскую тоже), не примирился с ней, видя в этом событии причину крушения всей русской культуры и веками устоявшегося уклада жизни. Об этом ясно говорит все его творчество пореволюционных лет, начиная с дневника 1918 — 1919 годов "Окаянные дни" (кстати говоря, тоже растасканного нынче по разным журналам и печатающегося с купюрами) и кончая письмами последних лет. Но он нежно и трепетно любил свою Россию, "плакал" о ней, как он сам пишет в дневниках. В дневнике последнего года жизни мы найдем и такие слова: "Все о прошлом, о прошлом думаешь и чаще всего об одном и том же в прошлом: об утерянном, пропущенном, счастливом, неоцененном..."

Читателей не должно смущать то обстоятельство, что время действия некоторых этюдов (например, "судебного репортажа", точно датируемого 1924 годом; Бунин явно использовал для него отчеты из зала суда, публиковавшиеся в советских газетах того времени) не соотносится с жизненными обстоятельствами писателя, хотя и написаны они от первого лица (Бунины покинули Одессу в начале 1920 года). Писатель мысленно переносится в покинутую Россию и незримо присутствует во время свершения тех или иных событий.

Публикуемые восемь этюдов пронумерованы в том порядке, в каком они помещены в 9-м томе берлинского собрания сочинений Бунина и в сборнике "Под серпом и молотом", подготовленном С.П.Крыжицким и вышедшем в 1975 году в канадском издательстве "Заря".

Предисловие и публикация
А.В. Блюма

I.

Этого старичка я узнал прошлой зимой, еще при начале царствования Ленина. Эта зима была, кажется, особенно страшна. Тиф, холод, голод... Дикая, глухая Москва тонула в таких снегах, что никто не выходил из дому без самой крайней нужды.

Я искал его по одному делу. Узнал, наконец, что он обитает в том же доме, где было прежде некоторое государственное учреждение, при котором состоял он. Теперь этот громадный дом пуст и мертв. Я вошел в широкие раскрытые ворота и остановился, не зная, куда идти дальше. Но, по счастью, за мной вошел какой-то мальчишка, который что-то нес с собой. Оказалось, что мальчишка идет как раз к старику, несет ему пшенной каши: старичок питался только тем, что присылали ему иногда, по старой дружбе, родители мальчишки. Пошли вместе, вошли в подвальный этаж дома, долго шли по какому-то подземелью, постучали в маленькую дверку. Она отворилась в низок под каменным сводом. В низке было очень жарко: посреди стояла железная печка, докрасна раскаленная. Старичок поднялся мне навстречу на растоптанных, трясущихся ногах и сказал нечто странное теперь для слуха: "Имею честь кланяться, Борис Петрович!" Выцветшие слезящиеся глаза, серые бакенбарды; давно небритый подбородок зарос густо, молочно. Весь низок сплошь увешан яркими лубочными картинами — святые, истязуемые мученики, блаженные и юродивые, виды монастырей, скитов; целый угол занят большим киотом с блестящими золотыми образами, перед которыми разноцветно теплятся лампадки, — зеленые, малиновые, голубые. Запах лампадного масла, кипариса, воска и жар от печки нестерпимые.

— Да-с, тепло! — сказал, грустно усмехаясь, старичок. — Не в пример всей Москве, на холод не жалуюсь. Всеми, слава Богу, забыт, даже почти никто не подозревает, что я здесь уцелел. Не знает никто и про тот тайный запас дровец, что остался здесь в некотором подвальчике. Здесь, даст Бог, вскорости и окончу свое земное существование. Очень стал хил и печалюсь. Времена опять зашли темные, жестокие и, думаю, надолго. Как волка ни корми, он все в лес смотрит. Так и Россия: вся наша история — шаг вперед, два шага назад, к своему исконному — к дикому мужичеству, к разбитому корыту, к лыкову лаптю. Помните? "Было столь загажено в кремлевских палатах колодниками, что темнели на иконах лики..." Таковыми палатами стала снова Россия. Нынешние правители ее еще дают до поры до времени полную волю народу, его зверству и безобразию, и народ пользуется этой

волей, гибельной для него же самого. Оправдывается слово Исаака Сирина: "Пес, лижущий пилу, пьет собственную кровь и из-за сладости крови своей не сознает вреда себе". Впрочем, все это и без меня вам хорошо известно. Перейдемте к делу: весь к вашим услугам, но чем именно могу служить?

...Весной он умер. В одно из наших последних свиданий он говорил мне:

— Знаете ли вы это чудное сказание? Забежала шакалка в пещеру Иоанна Многострадального и разбила его светильник, стоявший у входа. Святой, сидя ночью на полу темной пещеры, горько плакал, закрывшись руками: как, мол, совершать теперь чин ночной молитвы, чтения? Когда же поднял лицо, утраясь рукавом, то увидел, что озаряет пещеру некий тонкий, неведомо откуда струящийся свет. И так с тех пор и светил он ему по ночам — до самой его кончины. А при кончине, воспринимая его душу, нежно сказал ему Ангел Господен: "Это свет твоей скорби светил тебе, Иоанн!"

II.

Жизнь возобновляется — ведь идет шестой год их царства, — даже начинает переходить в будни. Белый хлеб и чай входят в обычай. Опять, удивляя и радуя, открываются лавки и магазины, кое-где пошли трамваи, появились извозчики... И опять весна и даже некоторые весенние чувства, — например, в какую-нибудь черную сырую ночь с этим особенным треском колес и цоканием копыт по мостовой, с влажным ветром в фортку, или в солнечный полдень, когда все течет, блещет, тает, а на углу Арбата, на тротуаре, возле бывшей "Праги", сидят и, напоминая о юге, дерут свои стихиры слепые лирники... Вместе с весной стало как-то необычно людно на главных улицах. Народ, впрочем, все больше новый. Людей прежнего времени, особенно старых, уже почти нет, их погибло за эти годы бесконечно много, а те, что как-то уцелели, странны: зачем они уцелели, зачем вылезли откуда-то на свет Божий, как заморенные звери из своих холодных нор, — бледные, обросшие ватной сединой, в зимних лохмотьях? Вижу иногда знаменитого народовольца: ужасная черная шляпа (ужаснее тех, что валялись прежде только на пустырях, на свалках), рубище солдатской шинели, грязные, мокрые опорки, связанные веревкой... Однако очень бодр, всегда не идет, а бежит, так и сверкает очками и младенческой, блаженно-изумленной улыбкой.

Я скитаюсь по Москве, даже начинаю мечтать о поездках кое-куда. Иногда не бываю дома с утра до вечера, отдыхаю, ем и пью где придется, в какой-нибудь чайной. Сижу, курю махорку, смотрю на соседей, слушаю разговоры и музыку. Какой-нибудь до ушей лысый еврей, с бархатно-черными глазами, отставив вперед ногу, с бешеной страстью жжет и бьет смычком по скрипке, солдат в обмотках тупо рвет на гармонике, поставленной на приподнятое колено...

Есть вести из наших мест — из города и из деревни: и там уже будни. Недавно посетил нас "землячок", бывший красноармеец. Дружески сидел с нами, пил чай, вел беседу. Говорил, усмехаясь, что теперь и отдохнуть можно:

— Теперь мы Россию замирили, везде тихо. Я сам в Тамбове не меньше ста душ в расход вывел...

Он оброс густой и круглой красно-коричневой бородой. Круглые прозрачно-коричневые глаза стоят, как у филина. Стриженая голова имеет форму гроба.

IV.

В июне некоторое время жил в Тверском уделе.

Тихий и печальный край! Бедные песчаные поля, тощие перелески, редкие поселки, леса по горизонтам. А не то низины, болота... Дни тоже какие-то бедные, невзрачные. По вечерам тусклое сияние луны...

Чем тут живут теперь, когда нет Москвы, московских заработков и все сидят дома, — не понятно. Земля скудная и малая, черноземному человеку смотреть жалко. А вот как-то живут и даже на вид неплохо, во всяком случае, лучше наших. Избы прочны, ладны, стоят вдоль улиц ровно. В избах деревянные полы, занавесочки на окнах, под окном пяльцы с узорным холстом, на полке самовар... Одеты все довольно опрятно, девки и ребята даже франтят и по вечерам парами танцуют около изб под гармонь. Пожилые весьма схожи с нашими по языку и по склонности изрекать общие места, мудрые пошлости. И, конечно, так же равнодушны и к тому, что когда-то было, и к тому, что случилось, и к тому, что есть. Над тем, например, что теперь на полтора миллиона можно купить только пять фунтов муки, лишь усмехаются: покачивают головами и уютно прячут руки в рукава.

Москва тут кажется за тысячу верст. Я о ней слышал, между прочим, такое суждение:

— Дивно, как еще эта Москва веществует!

V.

В последний раз побывал в Никольском.

Пришло неожиданное и удивительное письмо от никольских мужиков. Писал от их имени новый учитель:

"Граждане сельца Никольское вспоминают вас, относясь с симпатией, в ознаменование чего и предлагают вам поселиться на родном пепелище, сняв у них в арендное содержание бывшую вашу усадьбу и живя в добрососедских отношениях. Приезжайте для личных отношений, переговоров и хлопот, ничего не подозревая, ввиду того, что теперь вас никто пальцем не тронет, события миновали и река вошла в свои берега..."

Едучи, думал: неужели и впрямь я еду туда, где встретил когда-то страшное начало этих "событий", откуда бежал в одну из самых зловещих октябрьских ночей семнадцатого года и где уже никогда не чаял быть снова! Не верилось, что опять увижу это "пепелище", пока не увидал своими глазами давно знакомые места и лица.

А затем было очень странно видеть все прежнее, свое собственное, чьим-то чужим, — чьим именно, никто еще не знал толком во всей деревне, — странно взглянуть на все эти столь грубо одичавшие за пять лет "берега" и, в частности, на те изменения и разрушения, что произошли в усадьбе за время пятилетнего мужицкого владычества над ней... снова войти в тот дом, где родился, вырос, провел почти всю жизнь, и где теперь оказалось целых три новых семейства: бабы, мужики, дети, голые, потемневшие стены, первобытная пустота комнат, на полу натоптана грязь, корыта, кадушки, люльки, постели из соломы и рваных пегих попон... Стекла окон и зимних рам, теперь никогда не вынимаемых, точно покрыты черными кружевами — так засидели их мухи.

На деревне встретили меня ласково, сами дивились на то, что произошло, с жалостью разглядывали мою бедную одежду и все говорили, что надо хлопотать, чтобы разрешили эту аренду "на вечность". Но ведь дом-то оказался занят, и в доме ко мне отнеслись, конечно, совсем по-другому, особенно бабы. Те тотчас заявили без всякого стеснения: "Какая там аренда? Ну, нет, никакого мира мы и знать не хотим, из дому не выйдем!" И я тотчас же понял, что и впрямь как-то нагло и глупо влез я в этот дом, в эту чужую, уже накрепко внедрившуюся в него жизнь.

Провел я в Никольском всего двое суток.

Уехал, зная, что уезжаю теперь уже навеки.

На днях встретил на Кузнецком никольского Степана: стоит перед пустой витриной магазина и пристально смот-

рит; на голове шапка, на плечах тулуп, на ногах валенки, хотя жара градусов тридцать. Обрадовался мне, как родному, стал упрекать: "Напрасно вы погордились — жили бы себе на спокое, у нас теперь не хуже прежнего, все хорошо, тихо". И тут же рассказал, что вышло недавно поблизости от Никольского "нехорошее дельце": остановились возле деревни на большой дороге цыгане и свели с деревни ночью лошадь, а мужики в лоск положили за это весь табор; убили целых шестнадцать человек мужчин и женщин и одного маленького цыганенка; дрались весь день, с утра до вечера — цыгане защищались не на живот, а на смерть, особенно один, совершенный красавец, отец двух таких же красавцев сыновей, которые так рядом и легли с ним.

VII.

Нынче с утра Москва стояла в ослепительном солнечном свете. Вышел на улицу — день совсем летний, как часто бывает в Москве в апреле. Легко и с удовольствием шел вниз по Воздвиженке, прямо на солнце, по сухому тротуару. День праздничный, на улице много молодого народа. На солнечном углу, на повороте на Моховую, бодро похаживал и поглядывал оборванный малый, щеголевато покрикивал низким, хрипучим от дурной болезни голосом, предлагая прохожим собрание сочинений Ленина, будто бы новое и "общедоступное". Прохожие усмехались, шли мимо. И вслед каждому он кривил рот и, вбок прикрывая рукой, хрипло и быстро добавлял: "Есть похабненькое..." Постовой грозил ему с улицы пальцем, но тоже с усмешкой. А впереди меня все время бежали мальчишки в женских разбитых башмаках, продавая свежий номер еженедельного журнальчика, во всю первую страницу которого был изображен Бог-Отец, сидящий на облаках и недовольно разглядывающий сквозь громадное пенсне афишку, последний советский декрет... Я на целый день уехал из Москвы — целый день провел в деревне, в одной усадьбе.

Пока я сидел в вагоне, стали находить облака, стало скучней и прохладней. Потом, когда я шел к усадьбе со станции, стал еще очевидней этот обычный обман ранней весны. В эту пору всегда резкая разница между городом и деревней и всегда портится утренняя погода к полудню: так было и тут. Солнце скрылось за облаками, подул ветерок... Но и в этом была веселая прелесть. Свежий запах земли, ветер сладко холодит щеки, дует в рукава... Потом я с радостью увидел апрельскую наготу старых деревьев усадьбы, ее еще серого и сухого парка, сквозившего своими сучьями на холодном облачном небе. В усадьбе не было, конечно, ни души —

только сторож с семьей в своей сторожке. Я сидел на скамье в главной аллее, ведущей к дому. Солнце лишь порой проглядывало из-за облаков; все вокруг было тихо, мертво, пустынно — только тикали какие-то птички по парку; палевые стены, белые колонны пустого, безмолвного дома дивно и безжизненно светили в конце аллеи из-за голых ветвей и стволов... Наконец, подошел сторож с трубкой в зубах, повел меня к дому, отворил ключом главные двери и пошел за мной, стуча сапогами по навощенным полам, сперва по вестибюлю, где стыдливо и грациозно стояли нагие мраморные богини, потом по бесконечным ледяным залам, среди целой галереи портретов, тускло блестевших со стен своими черными лаками и затвердевшими, помертвевшими красками, косо провожавших нас с двух сторон млечно-голубыми белками глаз, меловыми париками, яичной округлостью женских грудей... Зашли в женскую спальню с кожаной мебелью, с овальным заржавленным зеркалом... Смотрел и думал: как поверить, что все это следы жизни, подлинно бывшей когда-то, что люди этого дома и впрямь жили здесь! Спросил сторожа: "Скучно вам, небось, тут?" "Скучно, — ответил он. — Говорили, новый строй, новый строй, а на деле все в прежнем положении. Один подлог, обман..." Потом он опять запер дом и ушел к себе, а я бродил вокруг дома, по парку. Заглянул в одно окно в полуподвальный этаж — увидел сквозь железную решетку какое-то подземелье, заваленное мраморными обломками — львиными головами, урнами и плоскодонными чашками, капителями колонн...

Ушел я из усадьбы только вечером, когда месяц уже стал класть в парке легкие апрельские тени под деревьями и серебрить поляны. Уходя, думал: ночью парк побелеет под месяцем, мертвый дом засветится насквозь, всеми своими пустыми, блестящими покоями...

VIII.

Был на суде.

Подсудимый — крестьянин Волоколамского уезда. Мальчиком был отдан в обучение к "богомазу", затем и сам стал "богомазом". В молодости "ознакомился с революционной и материалистической литературой", сделался "убежденным атеистом". Продолжал, однако, заниматься иконописью — вплоть до самого октябрьского переворота. Тут вступил в партию, зачислен был на "первые московские пехотные курсы", "вел работу по реорганизации кадетских корпусов", после чего был назначен комиссаром тамбовских командных курсов, сражался в рядах курсантов "против

мамонтовских и антоновских банд, заслужив среди товарищей глубокое уважение как стойкий и честный коммукнист" и, наконец, демобилизованный в прошлом, 23-м году, получил назначение на должность директора волоколамской фабрики". "Как же случилось то, что совершил он в апреле нынешнего года и что привело его на скамью подсудимых в московский губсуд?"

Перед судом — человек небольшого роста, коренастый, крепкий, опрятно одетый, с чисто выбритыми щеками и красиво седеющей острой бородкой, с большой блестящей плешью на черепе и с удивленными глазами, спокойствием на лице — истинное воплощение житейского благополучия, сознание недаром прожитой жизни, умной и холодной рассудительности, стойкой воли и непоколебимого резонерства, по справедливой характеристике газет.

— Подсудимый, расскажите все дело по порядку.

— Я сблизился с убитой мною Надеждой Чиж, будучи комиссаром тамбовских командных курсов. Она была уборщицей на курсах. Сначала была приходящей, затем поселилась у меня жить. Жениться я на ней не думал и никогда не обещал ей этого, ибо считал и считаю таковое оформление брака излишним. Однако она вскоре стала требовать именно этого. Я, стремясь развить ее, давал ей читать, но напрасно — читать ничего не хочет, посещать общеобразовательные лекции и чтения — тоже... Все мечты и желания сводятся к тому, чтобы получше одеться, завиться, напудриться... Вижу: сущая обывательница, как нельзя более далекая от склонности к коммунизму, цинично пользующаяся своим положением приближенной комиссара, своими возможностями получать из продовольственного склада курсов наибольшее количество продуктов, лишнюю пару ботинок, лишний отрез сукна на пальто... Легко понять, насколько дискредитировала она меня своей некультурностью в глазах курсантов как коммуниста и борца.

— Так что, собственно, за это вы и убили ее?

— Именно за это. И кроме того, за назойливость ее.

— Как же было дело?

— На охоте. Пошел я 4 апреля текущего года на охоту. Она за мной. Взяла с собой закусок, вина. Пришли в лесок. "Давай, говорит, присядем, закусим". Прекрасно. Срубил для нее можжевельника, она села, стала развязывать узелок. Повторяю то, что уже говорил дорогой: "Мы должны расстаться". Отвечает: "Не расстаться, а повенчаться". Возится, наклонившись к узелку, но говорит твердо. Тогда я тотчас выстрелил ей в голову. Она упала, опрокинулась навзничь, не успев издать ни звука. Меня даже поразила эта картина: череп настолько развалился, что из него выпало все содержимое. Затем я вынул кинжал и стал резать труп на части. Резал на шестнадцать частей.

— А для чего нужно было резать его?

— Для того, чтобы поскорее растаскали труп птицы и звери, чтобы ликвидировать и скрыть следы преступления. Скрыть не от партии, конечно, а от обывателей...

— Как долго длилось все это?

— Мы вышли в десять часов утра. Около одиннадцати сели закусывать. А домой я вернулся в два.

— Что же вы делали дома?

— Ничего особенного. Устал, был, конечно, взволнован. Выпил два стакана воды, сказал старушке мамаше поставить самовар, сам отправился в трактир за папиросами.

— А затем?

— Что, собственно? Не совсем понимаю ваш вопрос. Жил, как обыкновенно, делал свое дело, как всякий сознательный коммунист и строитель будущего.

X.

Наш "рюрикович" наконец отстрадался. Жизнь его была ужасна: голод, нищета и чахотка истинно сжигали его, — я ни у кого не видал таких пылающих глаз и такой худобы. А меж тем никто из нас даже и сравниться не мог с ним в той легкости и даже веселости, с которой нес он все свои страдания и лишения. Это меня всегда поражало за эти годы: чем знатнее был человек в свое время, тем легче и проще вступал он во все испытания новой жизни. А покойный даже и среди таких людей выделялся. Точно ничего не случилось! Все то же оживление, шутки, все те же "друзья мои" к каждому слову и детские мечты, планы: вот-вот жизнь станет лучше, свободной, и все мы из Москвы уедем, основем на Кавказе поселок под солнцем, у моря, в виду гор, вечно сияющих снегами, в чинаровых рощах, в цветущих тропических дебрях...

— И уж тут с нами не сладишь! — смеясь, говорил он. — Батраки, бедняки, коммунисты! И как еще жить-то будем! Вон сестра Маша пишет: "Я теперь хожу в лаптях, работаю у мужиков на поденщине..." И что же? Я уверен, что она счастлива.

Умер он в полдень. Я записал: "Полдень, 12 декабря 1924 года". За час до его смерти выглянуло солнце, и он, лежа в своей каморке на продранном диване, сказал грустно и ласково:

— Вот и солнце, а я его уже не увижу...

На этом же диване и положили его — в остатках чистого белья, в черном сюртуке и в серых брюках...

XX.

На престольный праздник возле уездного монастыря была ярмарка.

Нищих, калек, убогих, слепцов с поводырями стеклось без счета.

Во время обедни все это лежало и сидело на траве у стен монастыря, со всеми своими палками, мешками. Особенно выделялись коричневые до блеска, до перламутра, сожженные солнцем и до костей иссохшие старцы с голыми черепами да один страшный малый: вместо носа, будто в насмешку, вместо губ и части подбородка у него было что-то сплошное, вроде огромного шрама лилового цвета, с дырой посередине в кулак величиной, куда он запихивал сразу половину французской булки и мял ее остатками мышц и связок. Ужаснее всего было то, что это был человек очень веселый, голубоглазый (хотя и в кровавых веках) и мял булку даже для потехи...

Когда из монастырских ворот, из-под расписных сводов, показалась парчовая рака, вся эта толпа бросилась к ней, давя друг друга, послышались крики, вопли. Пение, ладан, черные рясы монахинь, эта рака, медленно плывущая над головами, и эти крики, вопли...

Позади всех, задрав голову, слепо и неотразимо пыряя вперед палкой, не поспевая за поводырем-мальчишкой, бежал мужик в бельмах...

А на ярмарке стоял балаган, гремел, бил в медные тарелки оркестрион, и все прочее являло картину тоже давно известную: гам, говор, дикий и дурацкий крик клоуна, зазывавшего в балаган на представление, густая толпа баб, мужиков, девок, белые балаганчики в телегах, тонкое ржанье жеребят с замшевыми мордочками, острый запах лошадиного навоза и растоптанного сена, малый, сидящий на земле с шарманкой между ног и под ее рев и свист поющий во весь звонкий голос:

— Все пташки, канарейки...

А на крылечке чайной, под красным флагом, — кумовья и сваты: раскрасневшиеся от чаю и сивухи лица с мутными умиленными глазами, головы и бороды мудрецов Эллады... Воротясь на постоялый двор, лег на деревянный диван, очень утомленный долгим шатаньем по ярмарке, и закрыл глаза. Погода портилась — в неприкрытое окно дул холодный ветер, слышался все усиливающийся шум деревьев... На минуту забылся, потом очнулся: дождь частой дробью осыпал стекла, остро сверкали молнии, сквозь гром и сердитый шум деревьев с ярмарки ревел "Интернационал".

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ

Ада Войтоловская

ПО СЛЕДАМ СУДЬБЫ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Ада Львовна Войтоловская (р. 1902) была впервые арестована в ночь с 1 на 2 апреля 1936 года. За два года до того был арестован в Ленинграде ее муж — профессор Военно-механического института и Сельскохозяйственного института в Детском Селе Н.И.Карпов. Шесть членов семьи — три сестры Войтоловские и трое их мужей один за другим отправились на каторгу. Чудом избежал той же участи их отец, известный литературовед Л.Войтоловский — ослепший и недвижимый, он вряд ли был нужен палачам. Книга А.Войтоловской, главы из которой мы публикуем, охватывает цепь мытарств, которые пришлось ей преодолеть за 20 лет: лагеря, ссылки, собственные страдания и — вот главная черта этой книги — страдания множества людей, судьбы которых с удивительным тщанием запоминала А.Войтоловская. Лишь "Архипелаг ГУЛАГ" может сравниться (позволим себе такое сопоставление) с этой книгой по обилию описанных в ней человеческих судеб. Такое возможно, лишь когда человек не замкнут на собственных переживаниях, но вполне открыт состраданию к ближнему. Такова душа автора этой книги, душа самой книги.

Этап

На следующий день после свидания с мамой и детьми меня перевели в женскую пересыльную тюрьму, что рядом с "Крестами" (знаменитой мужской тюрьмой). Здесь в узкой камере нас четверо: Артемия Воронцова, Дора Устругова, Бася Воронова и я. Воронова непрерывно и неукротимо плакала. Слезы у нее не иссякали. Такой слезоточивости не доводилось никогда более наблюдать, особый род заболевания, наверно. Уговоры, шутки, злость не действовали на нее. Воронцова, сама экономист и жена видного ленинградского экономиста Б.Кофмана, аналитик по складу ума, напротив, не позволяла себе никаких проявлений эмоций, иронизировала, бодрилась, хотя предрекала последующее ухудшение

общественной обстановки и не питала иллюзий насчет освобождения. Обе они были направлены на Колыму.

Режим в пересылке несравнимо легче, чем во внутренней тюрьме. Работали в прядильном цехе, выходили на свободную прогулку в тюремном дворе, от которого, правда, сохранилось брезгливое воспоминание, ибо именно там познакомились впервые со всеми фиоритурами мата от уголовниц. Они изощряются со смаком на свеженьких, впрочем, обычный ход их мыслей сопровождается матом потому, что они не умеют говорить по-иному. С Уструговой — истерика: ревет, требует начальника и уверяет, что с коммунистами так не смеют обращаться, что вызывает у уголовниц взрыв восторга. Они обступили ее, издевательски гоготали и обливали Дору словесными помоями. Произведенный ими эффект их развлекал. Стража оставалась равнодушной к этому спектаклю и даже посмеивалась.

В субботу после работы вывели на коридор, где показывали фильм "Мы из Кронштадта". Директор картины — И.Вайсфельд, муж московской сестры Лины. Значит, они на свободе...

На этап отобрали девять женщин. Везли на вокзал в открытой трехтонке, в окружении стражей с винтовками и примкнутыми к ним штыками. Ленинград был великолепен, каким он бывает в солнечные прозрачные дни конца августа. Набережные, Литейный проспект, улицы, знакомые до мельчайших деталей. Полное равнодушие прохожих. Изредка любопытствующий поворот головы. И все. На нас не обращали внимания. Поскорей в сторону... Обычность такой картины? Страх? Да, и то и другое — и пообвыкли, и боялись. Никому в голову не пришло протестовать или закричать во весь голос: "Остановитесь! Что вы делаете? Куда везете молодых матерей? Творится неправое дело!" Ничего подобного не случилось. Мчались быстро. Мелькали кварталы, магазины, равнодушные лица... Вот уже тупик вокзала. Часовые возле столыпинских вагонов. Из каждого окна, забранного толстой решеткой, приплюснутые к стеклам небритые лица бородатых мужчин, иные машут нам руками и шапками. Кто они? Не столь важно, что представляет собой каждый из этих мужчин, но все они — жертвы произвола, самовластия, насилия, разгульного террора, поругания революции и позора общественной безгласности. Эшелон стоит несколько часов в тупике, женщин-этапниц впихнули в одно отделение. Мы не разговариваем, не знакомимся. Каждая из нас загнана в тупик страданием, связанностью по рукам и ногам, расставанием. Без колодок — колодницы. Без вины виноватые.

Вдруг около нас началось оживление, какое-то движение. К столыпинским вагонам хлынули люди. Порыв и натиск были так сильны, что стража не успела их отогнать. Толпа сгрудилась и прилипла к вагонам. Не успела понять ничего, но тут же услышала крик Доры: "Олег!" Так звали ее мужа. Он

был очень высок, и голова его выделялась из толпы. Через секунду увидела маму, Ленечку и Эллу. Не знаю, уж как удалось родным узнать о нашей отправке, но их оказалось много. Стража отгоняла родных, они отступали и вновь приближались. Не суетились и не плакали. Совсем не так, как на обычном вокзале при отходе поезда. Лица провожавших были строгие и по-особому значительные. У окошка, совсем близко, стоял мой сынок. Тут он поразил меня еще больше, чем на свидании в тюрьме, — он был исполнен напористой отваги. Конвоир крикнул ему: "Уходи, мальчик, прочь, здесь стоять не разрешается!" Леня напрягся, сжал кулаки, выпятил подбородок и четко ответил: "Никуда не уйду, там моя мама, понимаешь, моя мама!" И конвоир отстал от него. Больше его не трогали, он один простоял у окна до отхода поезда. Всех остальных отогнали за насыпь, и мы лишь издали могли их видеть. Говорить не удалось. Ленечка смотрел на меня, как большие смотрят на маленьких, столько нежности и заботы было в нем. Как будто все принимал как должное, но вдруг заплакал и сказал: "Опусти решетку, опусти, я должен тебе что-то сказать!.." Темнело. Поезд тронулся. Видела, как его маленькая фигурка бежала к насыпи...

Эшелон сформировали из 137 мужчин и девяти женщин. Все осуждены по статье "КРТД". Наш ленинградский этап несколько раз вливался в общий поток, но нас отфильтровывали, и мы снова оказывались в том же составе до весны 1937 года. Весна 1937 года кромсала всех, наш этап в том числе... Бесчисленные этапы второй половины 30-х годов были однотипны по необычности своих составов, вошедших с тех пор в обычай. И потому страшны были они не столько режимом — всякий режим можно снести, если он не смертельный, — сколько тем, кого вылавливали из жизни, пугали своим людским составом. Все без исключения — советский актив, большинство — члены партии, возраст в среднем 33 года, возраст расцвета. По библейским сказаниям, Христос взошел на Голгофу тридцати трех лет от роду. Женщин в столыпинском "купе" всего девять, это неплохо, мужчин набито человек по двадцать и более. Душно. Два раза в сутки вода, два раза — оправка. Сухой паек — хлеб, селедка. Везут в неволю, только это известно, а куда — не знает никто. Везут, минуя пересылки, до Архангельска. И все — "враги народа"! Что это за несказанно странный мифический "народ", у которого народились полчища врагов? А сам термин "враг народа" в данной ситуации некая внесоциальная, чисто политическая, необъяснимая категория. Понятие, взятое из архивов прошлого, спекулятивно-извращенное и получившее в руках правительственных карательных органов силу кровавого оружия против любого почему-либо неугодного.

Стучат колеса столыпинских вагонов. Стучатся мысли в

головах приниженных homo sapiens, которым все представляется трагической фантасмагорией. Стучится беда во все уголки жизни... Везут нас без промедления, потому что надвигается осень и надо торопиться закинуть нас в далекую глухомань "по месту назначения". Куда и зачем — не суть важно. Мы собой не управляем, "щепки какого-то леса", "охвостье" или "отребье охвостья", изгои, "неприкасаемые"... Но кто же мы в действительности?

Предо мной девять женщин-ленинградок, случайно погруженных в одну клетку. Михалина Котиш старше всех. Работница завода "Красный треугольник" с детства, затем мастер, председатель цехкома. Член партии с 1918 года. Сейчас ей 42 года. Лицо у Михалины мужеподобное, в рытвинах от оспы, взгляд серых глаз пристальный, иногда насмешливый. Руки натруженные, умелые. Походка решительная. Голос прокуренный. Немногословна и в политических разговорах участия никогда не принимает. Вздохнет и отойдет. Всех подбадривает и не переносит жалоб и человеческой слабости, стыдится ее, а замечая в ком-нибудь, отворачивается с искренним презрением. Всем поведением подчеркивает, что ничего особенного не произошло, как будто она и здесь связана воинственной партийностью, которая у нее не переходит в воинственную обывательщину, как у ряда других, а органически впиталась в нее. Ест с аппетитом все, что дают, пытается дружелюбно заговаривать с охраной, но без подхалимства: у меня одна служба государству, у них другая, только и всего. О следствии молчит. Никакой критики. Семьи нет. Внешне совершенно спокойна. Иногда сядет, сжавшись от тесноты, на краю скамейки, перекинет ногу на ногу, положит на них переплетенные пальцами кисти рук и сидит так часами, задумавшись. Внутренне оживляется, только когда говорит о заводских делах. Дальнейшая судьба ее такова: на лагпункте, куда нас забросили, в бригаду мужчин-уголовников, штрафников-рецидивистов, которых увозили глубоко в лес на лесозаготовки, понадобилась стряпуха. Михалина Котиш сама напросилась уехать с ними, подальше от всех нас. Всем было понятно, на что она себя обрекает. Она не терпела участия, была мне далека, как и я ей, но все же у меня вызывало сочувствие глубоко-глубоко запрятанное в ней отчаяние. За последние недели она вся посерела.

— Михалина, — спросила я, — зачем ты едешь? Останься.

— Ни за что не останусь! Не все ли равно, где пропадать? С вами раны бередить никакой нет охоты. Попусту! А там я мужикам еще как пригожусь! Чем они хуже вас?

Так и уехала она с уголовниками в тайгу, и ее как бы смыло человеческим отливом. О ней больше никто не слыхал. Уехала мужественная, замкнутая, всем далекая, как ездила некогда по партийным или производственным заданиям.

Зинаида Чертенко — сухопарая, рыжеватая, с подстри-

женными волосами, которые она расчесывает пятерней, работник учебной части Института политпросветработы имени Крупской. Конечно, партийка. Арестована вслед за директором института Ядвигой Нетупской, которую знает по ее большой работе весь Ленинград. В быту Чертенко неприхотлива, на этапе и позднее в бараке — неназойлива, но узколоба и прямолинейна до крайности. Мозг ее засушен и спит, как будто она наложила запрет на всякую мысль и живет зачерствевшими сухарями старых, давно выработанных представлений. В дальнейшем Чертенко, трудно сказать, из каких побуждений — может быть, из корыстных, а может быть, и из-за своей косности, — весь нерастраченный пыл просветительской деятельности переключила на лагерную военную охрану, так называемый ВОХР (вооруженная охрана), прямых исполнителей-проводников лагерного режима и лагерных издевательств. Ее все сторонились, естественно. Вначале ходила читать вохровцам книжки, потом варить обед и питаться с ними, в конце концов оставалась там и на ночь. При ее появлении в бараке воцарялось молчание. Видимо, Чертенко уже на следствии была деморализована откровенными "покаяниями", самоуничижением и разоблачениями, отсюда и полное смещение моральных понятий. На воле она оставила ребенка.

Дора籍Устругова выросла в деревне близ Ленинграда. Одиннадцати лет она уже работала в типографии градоначальства в знаменитом доме № 2 на Гороховой улице. Взял ее туда родной дядька, для чего пришлось Доре в метрике прибавить четыре года. Девочка была рослой и способной. Когда мы встретились, она уже ничем не напоминала крестьянку. В партию вступила в 1919 году, до того работала в рабочей революционной милиции и горела революцией. Кажется, не было ни одной партийной мобилизации, в которой Дора не принимала бы участия, — и продразверстка, и парттысяча, и двадцатипятитысячники, и МТС... Училась, стала культработником. На культработе встретилась с артистом-речевиком Олегом Уструговым из старой аристократической и артистической семьи. Отец его был старшим архитектором Петербурга, а мать артисткой, сказительницей народного эпоса. Дора вышла замуж за Олега и переехала в дворянский дом, где за обедом говорили по-французски. Вошла туда как чужак, но, обладая душевным тактом, сблизилась с новой семьей и многое у них переняла. Олег ездил с Дорой, куда бы ее ни посылали. В МТС Красноярского края они работали вдвоем. После убийства Кирова, как известно, была немедленно расстреляна большая группа ни в чем не повинных дворян, в том числе брат и сестра Олега Устругова, который избежал этой участи, потому что был в это время в Красноярской МТС. Дору исключили из партии за связь с дворянством, хотя у нее была рабоче-крестьян-

ская косточка. Не успели ее восстановить, как вновь исключили уже в Ленинграде с новой формулировкой: голосовала в 1925 году за зиновьевскую резолюцию. Одним словом, был бы человек, а статья найдется. Год Дора жила в поисках работы, а затем последовал арест. Олег оставался на свободе, помогал Доре как мог. В 1937 году Олега арестовали. Он погиб, но где и как — Дора не разузнала и до сего дня, несмотря на то что не только запрашивала, но и ездила по неверному следу в Игарку. Канул человек, а в какой земле безымянный прах — неведомо... Не крючкотворствуя с совестью, не мудрствуя лукаво, Дора возмущалась, негодовала про себя и вслух, когда ей это подсказывал внутренний голос, работала не покладая рук, не сдавалась, оставалась сама собой. В то же время она не пересматривала тех исходных позиций, которые сложились у нее в годы революции. На ее дружбу можно было положиться в самых сложных обстоятельствах — не подведет, не выдаст, не поколеблется.

Сквозь тарахтение поезда, нарушая горчайшее течение мыслей, назойливо звучит крикливая речь Юдифи Усвятцевой, синкопируемая нервным ее смехом. До чего же она словоохотлива! Усвятцева — инженер-геолог, закончившая Горный, член партии. По замашкам же она скорей студентка-активистка в учебе, на воскресниках и в самодеятельности. Она не так глупа, чтобы не осознавать крах всего своего уклада мыслей и жизни, но именно поэтому Усвятцева без конца разглагольствует о том, как "троцкисты и зиновьевцы убили нашего Кирова", смакуя обывательские сплетни и выказывая необычайную осведомленность в "показаниях подследственных". Пуще смерти боится замараться о троцкизм и троцкистов. В ее тенденциозной болтовне так и сквозит потенциальная подлость. "Надоела твоя трескотня, Юдифь, помолчала бы, видишь, люди устали", — досадливо отмахивается от нее Михалина. Юдифь залезает на верхнюю полку, откуда слышны ее всхлипывания... В быту она надоедлива, "в каждой бочке — гвоздь". Присутствие ее в вагоне тяготит, раздражает.

Только насмешница-история умудрилась посадить в столыпинский вагон двух сестер Бардиных: претенциозную Марию и простоватую, сдобную Анечку. Старшая была управляющей делами, у нее повадки личной секретарши высокопоставленного лица. Дама кокетничающая и злая. У нее низкое контральто для цыганских романсов и старинных песен. Говорит, что поет. Она подвержена странным истерическим припадкам: падает на койку, лежит недвижимо без сознания часами. Пульс при этом бьется ровно и без ускорения. Мария утверждала, что припадки сердечного характера. Врача ни на этапе, ни год жизни в лесу не было. Женщина эта была беспринципной и неразборчивой в средствах. Безликая Аня добрее сестры, но такая же приспособленка, как и Мария. У

них имелись особые присоски к любой власти. Все остальное им было безразлично.

Певица Зоя Иванова закончила консерваторию и была женой великолепного парня, рабочего-металлиста, секретаря партийной организации Невского судостроительного завода. Он был другом Коли и заходил к нам в "Асторию". Михаил располагал к себе открытостью, размахом, шуткой, веселостью. За оппозиционные взгляды он тоже сидел в конце 20-х годов в Тобольском политизоляторе, и мы вместе с Зоей ездили на свидание. Тогда Зоя была энергичной, изобретательной студенткой, боготворившей Мишу, и ловко обводила вокруг пальца такого опытного начальника политизолятора, каким был Бизюков. Теперь же Миша казался Зое источником всех ее бед: ареста, разлуки с маленьким сыном, потери голоса. Общественной его деятельностью она всегда мало интересовалась, ей она казалась блажью. Все непонятное свалилось на ее голову, Зоя растерялась и плыла без руля и без ветрил. Так она себя и повела в лагере.

Михаил Иванов был направлен на Колыму и безвестно погиб там. Не могу представить, чтобы этот красивый силач погиб от голода и изнеможения, скорее всего, он расстрелян на Серпантинке или еще где-нибудь в тех краях. Впрочем, часто именно таких молодых мужчин калечил голод.

Восьмой из товарок была Фрида Равич, сестра крупного партийного работника Ольги Равич, заворготделом Ленсовета. Последняя — огневая, активная, красивая, смелая. Фрида — полная противоположность ей: сверхскромная, тихая, робкая, безалаберная, неловкая и некрасивая. Большей частью подавленная и унылая. После ареста Ольги арестовали семь человек семьи, в том числе и Фриду. Она работница швейной промышленности с большим производственным и партийным стажем. Из семьи никого на воле не осталось, ни о ком она не знала и так и не узнала. Фрида в своем молчании, быть может, понимала много глубже и лучше других, вела себя с достоинством и вызывала во мне уважение. Запугана, но это не та трусость, следствием которой так часто бывают неблаговидные поступки. Внешне пассивная, несобранная, но не бесхребетная. В бараке же этих ее качеств совсем не ценили, и всегда она чувствовала себя неприкаянной и одинокой. Как-то беседуя со мной в полумраке жалкого барака, Фрида рассказывала. Губы ее постоянно складывались с какой-то горькой ужимкой, а тут еще полумрак прокладывал глубокие складки вокруг рта. "Был у меня очень добрый дядя, фармацевт и талмудист. Он умер в 21-м году, последний представитель старшего поколения в нашем роду. Часто я забегала к нему помочь по хозяйству, прибрать и прочее. Он постоянно возвращался к теме нашего отхода от еврейства и спрашивал: "Почему вы не ходите в синагогу и не читаете Библию? Не верите в бога — это ваше

дело, не ходите в синагогу, но Библию вы можете читать? Она учит думать о жизни, разве плохо научиться думать?" Часто теперь вспоминаю дядю и жалею, что не читала Библию, чтобы учиться думать. Это бы теперь мне не помешало..."

Среди соэтапниц не у всех были дети, но, как правило, почти все женщины-лагерницы — матери, покинувшие детей.

Мы еще не одеты в лагерную форму — брюки, телогрейки, бушлаты, ушанки, бутсы всех образцов, однако на всех уже лежит печать общей нивелировки, происходящей незаметно для каждого. Но люди остаются людьми, интерес к ним даже повышается: и лишены многого, и общая участь заставляет вглядеться в них, как в свое собственное общественное отражение, все мы в чем-то одной масти.

Женская камера-купе последняя, и мы невольно через решетку видим мужчин, когда их дважды в сутки прогоняют мимо нас. Среди обросших выделяются совсем юные лица: розовощекий даже после тюрьмы и всегда смущенный Ваня Долиндо и голубоглазый, смотрящий угрюмо из-под насупленных бровей Володя Гречухин. (Имена их узнала позже.) Едут и двое моих студентов из ЛВШПД, и наш преподаватель экономической географии Зак. Едем так несколько суток. Нас то отцепляют, то прицепляют, то стоим по нескольку часов на запасных путях. Не успеваем разглядеть друг друга, как выталкиваемся в гущу людского месива, в архангельскую пересылку, где скопилось тысячи полторы этапников, подлежащих спешной растасовке в связи с надвигающейся зимой. Северные реки не долго судоходны, а нам еще предстоит плыть по северным морям. Впрочем, никто не знает места своего назначения. В НКВД все окружено таинственностью. В ленинградской пересылке при медицинском осмотре мы с Дорой четко различили на наших анкетах надпись "на Новую Землю", одна мысль о которой наводила замораживающую жуть. Однако никого из этапников туда не послали, возможно, было поздно, а возможно, чересчур дорого и бесполезно. Слухи же ходили самые разные.

Архангельский пересыльный пункт представлял собой большой плац с высоким сплошным дощатым забором, с четырьмя вышками по углам и огромным помостом вместо тамбура, на который надо было взбираться по крутым деревянным ступеням. Барак состоял из сплошных нар по обе его стороны, где вповалку размещались мужчины и женщины.

От одной крайности в другую: то женщины вперемежку с мужчинами, то специальные женские монастыри. Кроме казармы-барака на 500—600 человек, ввиду необычайного скопления народа по бокам плаца ютились самодельные

летние бараки, наспех сколоченные из жердей и горбылей, а также палатки. Через два дня мы с Дорой перешли в один из таких мужских бараков-самоделок человек на двадцать, где отгородили свой угол простынями —,у нас было постельное белье из дому. После барака-гиганта тут показалось полегче.

Люди, люди, люди... Все невольно считают себя знакомыми, как в поезде, если завтра нас разведут по разным лагпунктам, или как в экспедиции, если попадем в одну точку необжитой тайги или тундры. Кто знает? Некоторые по фамилии вспоминают моего отца — литератора, другие знают Карпова, были и те, кого знала на воле, но последнее обстоятельство не сближало, а, скорей, отдаляло, так как рубеж между волей и нынешним состоянием был непроходим. С преподавателем Заком, сотрудником по ЛВШПД, узнали друг друга ближе потом, на Сивой Маске, где он в труднейших условиях сохранил неизменную интеллигентность, скромность, такт, выдержку, собранность. Доцента ЛИФЛИ Сергея Малахова видела в институте издалека, казался он несколько заносчивым, чопорным и с изрядной долей самомнения, теперь же разглядела в нем совсем иного человека — и хуже, и лучше, — ему недоставало мужества, бывал он и подавлен, и политически растерян, не раз становился на позицию защиты официальной точки зрения, вилял, юлил, но, отрешившись от всего этого, писал волнующие грустные стихи в унисон нашим настроениям, а порой развлекал нас литературными каламбурами, анекдотами и знанием поэзии; бывал прост и человечен.

В небольшом бараке, куда мы случайно попали, запомнился Ваграм Безазьян, недавно вышедший из Суздальского политизолятора, где он провел пять лет. Переезд, этап воспринимались им как своеобразная "воля". С жадностью и любопытством всматривался Ваграм из окна вагона и с палуб пароходов в утраченную на пять лет землю, природу, просторы морей и рек, вглядывался в лица, упивался общением с людьми. После однообразия стен и книжных страниц какая-то жизнь! И потому то, что для других было лишением свободы, ему казалось относительной свободой. Он впитывал новое, как сухая губка воду, что было удивительно и трогательно. Ваграм черпал наслаждение в беседах — ему необходимо было выговориться, поведать о себе, и он рассказывал откровенно и чистосердечно. Ваграм красив, строен, но очень бледен после сидки; выразительны глаза, руки, жестикуляция. Такие лица встречаются на старинных армянских картинах. Ваграм вырос в армянской деревне, в пятнадцать лет ушел в город, на завод, а с девятнадцати поступил в школу революции. Больше нигде не учился, партия всего поглотила. В изолятор попал за принадлежность к оппозиции. В 1928 году сидел в Тобольске вместе с Колей. Только там, в изоляции, говорил он, получил образо-

вание. В Суздале попал в камеру-двойник с Солнцевым, одним из видных экономистов первого выпуска Института Красной профессуры. О нем Ваграм говорил с благоговением и преклонением. "С ним в камере, — говорил восторженный ученик, — я просидел четыре года. Никаких трений, только свет. Он маг был, волшебник, колдун, чудотворец над знаниями, над всей жизнью. Он раздвинул для меня стены камеры, превратил их в университет, в семью, вселил веру. Я не смел отклоняться от занятий, имея такого учителя. Учил он меня по-своему и начал не с политэкономии, а с эпоса армянского народа, с его истории. Солнцев считал, что, напитавшись соками моей земли, я быстрей приобщусь к мировой культуре. Он обучал тому, что мне было знакомо и близко с детства, а пришли мы к Марксу и Ленину. Солнцев болел туберкулезом. После пяти лет изолятора ему разрешили выехать в Крым для лечения, где он вскоре умер. Обстоятельства его смерти не выяснены.

Теперь я совершенно один на земле. Родителей уже нет в живых. Была жена. Она ушла от меня на второй год моей сидки и забрала дочь. Жена не сообщает о ней ни звука. Во многих армянских семьях до сего времени сохраняются старинные, порой варварские, традиции, они сильнее любых чувств. Я перестал для нее существовать как муж и как отец. Она ушла в другую семью, и никакие мольбы ее не поколеблют. Дочь — моя неизлечимая рана. Новой семьи я не создам. Надежда на свободу слилась для меня с надеждой на отцовство. Я лелеял память о каждом пальчике моей дочурки, о ее тельце, головке. Можете назвать меня сентиментальным, но таковы мои самые глубокие чувства. Вся тюремная тоска ушла в нее, хотел ее сделать такой, каким я не смог стать. Но я там не нужен никому. Дочь моя, по всей вероятности, никогда не услышит моего имени".

Морской и речной пароходы, на которых мы плыли по Белому и Баренцеву морям, а затем по Печоре, были зафрахтованы НКВД для заключенных и стражи, мы имели свободное хождение на них до высадки на сушу. Пассажиров на пароходах не было. Во время плавания по водам Ваграм охотно читал строфу за строфой на армянском и на русском языках стихи, легенды, предания. Память прекрасная. Он помнил много. Любил петь. Все, кто знал его, всегда вспоминают волнующее, задушевное его пение. Голос звучал сильно и трепетно, в нем переливалось неизрасходованное жизнедействие, которого Ваграм был лишен в тюрьме. Классической музыки он почти не знал, но пел все, что когда-либо слышал. Любимейшей его песней "Гармыр варды" он наделил всех нас. В его исполнении тюремный песенный фольклор не только трогал, что обычно, но и звучал художественно, что уже гораздо необычнее. Пел он по первой просьбе. Его высадили в Абези, нас повезли дальше. За

зиму Ваграм приезжал несколько раз на Сивую Маску, где нас скинули с парохода. Заиндевевший и обросший снежной бородой на морозе, он все же был весел от вновь обретенной силы и работы, а потом... Об этом доскажу позже.

...Вдали от всех бродит понурившись высокий еврейский парень, чем-то неуловимо во всем отличный от других. Взгляд сосредоточенно-удивленный. Носит очки в большой роговой оправе, гетры не нашего образца, как и брюки в клетку и облегающий пиджак. Говорит с заметным иностранным акцентом, часто не находит нужных слов, и тогда он ищуще шевелит пальцами. Он малоразговорчив, но позднее, за год совместного пребывания в лесной глухой стороне, довольно хорошо его узнала. Имя его Макс Горфинкель. Мальчишкой жил в Каменец-Подольске. Увез его в Америку после очередного еврейского погрома дядька, кожевник по профессии и большевик. В эмиграции он стал членом Коммунистической партии США. Родители Макса остались в России. Макс вырос, работал на заводе и копил деньги для возвращения на родину, в Советскую страну. Он скопил 2000 долларов и решил покинуть страну, в которой на демонстрации 1 мая толпа улюлюкала и бросала в рабочих-демонстрантов гнилые огурцы. Это его страшно возмутило. Наконец получил визу, билет, приоделся, сел на теплоход и распрощался с Америкой не без печали, но с радужными надеждами. Приведу рассказ Макса.

"...С замиранием сердца, но без боязни смотрел на приближающийся Ленинград. Чужой, но зато в какой стране! Советский Союз — земля обетованная для таких, как я! Сняли меня прямо с трапа, со сходней. Я с радостью отдал свою визу, готов был заключить в объятия арестовавшего меня молодого человека, ибо мне и в голову не пришло, что я потерял свободу. Я не понял сурового его взгляда, привел его в конце концов в смущение. Когда посадили в черную машину, решил, что такова необычная форма прохождения карантина в Советском Союзе. Задержавший рассмеялся и говорит: "Ничего, не робей, за пять лет и вылечим, и научим". Тогда начало до меня доходить, к чему меня готовят. А ведь не верил в Америке ничему такому. Десятки людей предостерегали, примеры приводили, а я считал все сплетнями буржуазных писак. В Гамбурге во время остановки встретил знакомую женщину, которая заклинала меня вернуться обратно, пока не поздно, ссылаясь на судьбы тех, кто бежал в Россию от фашизма, но я ее безоговорочно осудил. Я ведь не поклонник американского счастья для рабочих, потому-то я и здесь. Сейчас у меня многие иллюзии разбиты, получил восемь лет по статье 58, пункт 6, за шпионаж в пользу США, и притом — без суда. Это вам не огурцы в демонстрантов! На следствии просидел 11 месяцев! За такой срок можно бы было собрать сведения обо мне, но ник-

то не потрудился это сделать. Предположим, что, поскольку в Америке много ненавистников Советского Союза, американцы вызывают у вашей власти подозрения, удивительно другое — следователь неоднократно подчеркивал, что еврей-эмигрант в Америке должен быть обязательно предпринимателем и шпионом. Выходит, что сделаться капиталистом рабочему ничего не стоит и что в интересах рабочего класса шпионить в пользу США против страны социализма. Он же по документам знает, что я рабочий! Мозги у него вывернуты, что ли? Там обо всем думал по-иному. Допустим, в отношении меня совершена несправедливая ошибка. Самое поразительное не это, поражает, что в тюрьме и на этапах встречал и встречаю в основном людей честных, прекрасных и преданных коммунизму или социализму — это как угодно, — фанатически преданных. Почему они-то в лагерях? Уму непостижимо.

В США преследуются негры, это верно, морально и материально их ущемляют, не везде, но ущемляют, бьют по самолюбию, они — парии среди граждан. Но чтобы негров сгоняли в специальные негритянские концентрационные лагеря на бесплатную работу, как здесь коммунистов, такого, насколько мне известно, не бывало. Скорее нас можно сравнить с временами резерваций для индейцев. Эти времена давно прошли". У Макса очень печальная, добрая улыбка, он недоумевает, но, я бы сказала, по-философски относится к своим злоключениям. "Если в США много лжи о Советском Союзе, то и у вас нелепо-плакатное представление о тамошней жизни". В дороге Макс спрашивал, правда ли, что рабочему обеспечена работа по его квалификации там, куда мы едем, как то утверждал следователь. На этот вопрос никто ему ответа дать не может. У нас мучительно неловко чувство от встречи с ним в таких условиях, так как Макс вызывает полное доверие. Он сдружился с товарищами, спокойно работал на заготовке и вывозке крепежника для воркутинских шахт, к нам, женщинам, относился заботливо, мягко, старался помочь, был аккуратен, чистоплотен в трудных для этого условиях. В бараке его любили. Однако грустен бывал неизменно. Всех так или иначе связывала общая жизнь на воле, понятное прошлое, он же был из другого мира, возврата к которому не было. Та новая жизнь, ради которой Макс разорвал с прошлой, оказалась лагерем, а мы были ему близки только по беде. Как сложилась дальше его жизнь — через полгода Макса увезли, — приняла ли она форму скитаний по чужой земле, или она не имела вовсе продолжения, не знаю. Макс — один из ленинградского этапа, в котором следовали и делегат польской секции Коминтерна Попов-Ленский, и четыре японца, и несколько китайцев, и другие иностранцы. Но с ними мы чувствовали себя более отчужденно, чем с Максом.

На территории архангельской пересылки ни кустика, трава вытоптана. Дни стоят еще солнечные, а утренники морозные. Забор высокий, в два этажа. Даже с громоздкого помоста не зачерпнуть глазом ни малюсенького кусочка горизонта. Прячут нас от внешнего мира. Но в заборе есть щели, крохотные щелки. К ним крадучись подбираются те, кому отказано в свидании, хотя они приехали издалека, чтобы попрощаться перед разлукой.

— Вась! Василий! Вася, — слышен женский шепот. Фамилии назвать не решаются. Сколько здесь Василиев? Не менее двух десятков. По цепочке передаем имя.

— Верно, моя! — отзывается низкий бас. Это звучный голос Василия Евгеньевича Соломина. Он смуглый, как цыган, черты лица скульптурно подчеркнуты — глаза чуть навыкате, выпуклый лоб, выпяченные губы, торчащие скулы. Он чисто выбрит, крепко стоит на ногах, не потерял хозяйской уверенности в себе и после следствия. Такому бравому мужчине претит тайком пробираться к щели забора. Соломин идет армейским ровным шагом, подняв кверху руку. С вышки крик: "Стой!" Часовой берет винтовку на изготовку. Все смотрят в его сторону... Он отходит. В течение всего дня слышен голос-призыв его жены. Может быть, они смогут сказать по два-три слова, а может, и нет. Его как магнит притягивает ее голос, но еще более сильное чувство гордости удерживает его. Соломин начал свой срок совсем не с теми чувствами, с какими он его закончил. Думается, расскажи ему кто-либо о его конце, Василий Евгеньевич рассмеялся бы своим немного наигранным смехом: ха-ха-ха! Столь же неожиданным и непонятным был последний отрезок его жизни для всех.

О прошлом Соломина знала не много. Со мной, не знаю уж почему, он всегда говорил в шутливо-резонерском тоне до нашей последней случайной встречи, когда разговор получился горький и серьезный. До ареста Василий Евгеньевич состоял в партии. В юности рабочий, затем окончил Лесотехническую академию и стал специалистом-эксплуатационником. Последние годы работал администратором по эксплуатации северных лесов. Поэтому, попав в северные широты, да еще в тайгу, он чувствовал себя как рыба в воде. На первом же лагпункте, где нас внезапно выбросили в буквальном смысле слова под елки, он стал прорабом, ибо на нашу стихийно возникшую "командировку" возложили обязанности по заготовке крепежника для шахт, а наш офицер-начальник ничего в этом деле не смыслил. Он ухватился за Соломина, как за спасительную соломинку. Последний извлек все выгоды из своего положения — выстроил землянку для себя и десятника: спокойно похаживал этаким барином, но никогда не подличал и оставался товарищем. В любом деле была у него удалая и умелая хватка — умел найти нужные участки леса в тайге — наш крепежник славился

на Воркуте, — умел смастерить силки на зверя и на птицу, как никто другой, умел договориться с начальником в интересах рабочих, умел на этапах протащить иголку, карандаш и даже лезвие, умел залихватски спеть "Чубчик кучерявый" под гитару, которую он частенько брал у начальника Должикова. Пел он только цыганщину, но знал в ней толк. В косоворотке с красным кушаком, в сапогах, с гитарой, он и правда походил на цыгана.

Это к югу несутся свободные птицы,
Это наша с тобой улетела любовь...
Прощай же, мальчик мой, прощай,
По мне ты больше не скучай,
В любви не надо ждать огней заката,
Пусть наше чувство нами же будет смято,
Но на прощанье руку дай...

Соломин замирал, эффектно актерствовал, поблескивал глазами. Вообще-то он не гнушался позерства, такова была его своеобразная манера-игра. Гитара настраивала его на мечтательный лад, и он, как обычно, на полушутке-полусерьезе рассказывал при всем честном народе о своих любовных похождениях и приключениях в духе барона Мюнхгаузена.

— Да вы знаете ли, каким успехом я у женщин пользовался? Что смеетесь? Аль не хорош Васька Соломин? Ну и черт с вами, баста, расходись по землянкам-берлогам, не вам Соломина слушать!..

— Василий Евгеньевич, — умоляли его, — ей-богу, не смеяться — рыдать будем, только расскажи самый сногсшибательный случай.

— А я как раз сногсшибательный и наметил — вот иду я, а женщины передо мной одна за другой так и падают, так и падают.... ха-ха-ха! Все покатывались со смеху вслед за ним. Говорили, что в мужских землянках он рассказывал соленые сказы, при женщинах циничным никогда не был. Так, насмешничал в своем духе. Он очень уважительно относился к Доре, подолгу беседовал с ней, исповедовался ей в своей тоске по жене и сыну, спрашивал ее советов, а отвернувшись, мог шепнуть приятелю: "Лучше две по двадцать, чем одна под сорок" и прослезиться, рассказывая, как сиделка в больнице выходила его и как он потом женился на ней. Все, о чем он говорил публично, было на грани правды и выдумки. Откровенностью не отличался. Слышала, что в течение пяти лет своего срока он почти все время работал прорабом на разных лесозаготовках и в затонах, относительно благополучно отбыл срок и уехал. Мне тоже "посчастливилось" сесть ранее многих и закончить срок второго апреля 1941 года, в промежуток, когда уже не продлевали механически срок и еще не оставляли в лагерях "до особого

распоряжения" в связи с войной. Выскользнула из лагерных сетей, как одиночные рыбы из морских. Гонимая опасением задержки, решилась идти зимой пешком, не дожидаясь навигации, до Усть-Усы (около трехсот километров), где нас оформляли на выпуск, и проделать дальше путь на самолете "из царства необходимости в царство свободы". Тут я и столкнулась с Соломиным. Он бросился ко мне, как к родному человеку, а я поразилась той перемене, которая с ним произошла.

— Василий Евгеньевич, почему вы здесь? Как живете?

— Как в сказке, чем дальше — тем страшней. — Он похудел, поблек, осел, иссяк.

— Оставайтесь, — говорил он, — не уезжайте! Вы погибнете! Я уже оттуда. Паскудная для нас свобода, нет для таких, как мы, ни воли, ни работы, ни дома. Нас вычеркнули из списков, забыли, а кто не забыл, тот проклял. Нечего нам там делать! Без нас справятся... Мы — цыгане на своей земле...

— Что стряслось с вами?

— Не со мной одним, со всеми! Меня же вдобавок ко всему жена бросила. Ведь как ей верил! Э-эх! — Он махнул рукой, выругался. — Все они на воле... Бежал оттуда, как зачумленный, как оглашенный. Три месяца искал самой паршивенькой работенки, где только не был я... не нашел. Вот! Приехал сюда на поклон, просить взять по вольному найму. Где Дора? Ага, "на воле", значит, тоже мыкает горе...

Стояла в очереди на самолет-кукурузник, на котором собиралась лететь за тысячи километров, а Соломин горячо увещевал и заклинал не возвращаться "туда". Я уехала, он остался.

Вот что узнала о нем от друзей. Приняли его в лагере на работу по вольному найму в один из ОЛПов, то есть особых лагерных пунктов, под названием Щель-Я-Юр, небольшой затон. Работал там по лесу и постройке флота. Начальник затона, тоже из бывших заключенных, очистил лагпункт от уголовников и поднял вместе с другими отчаянными головами, в том числе и Соломиным, восстание, попросту бунт, заранее обреченный на разгром. Они разоружили стражу, перерезали провода и захватили лагпункт. Изолированные от мира, они ждали своей участи. Всех расстреляли, а несколько организаторов анархического, безнадежного протеста ради протеста, среди них В.Е., заперлись в центре лагпункта и покончили с собой. Соломин искал смерти и погиб, использовав силу и волю на то, что ему было органически враждебно и чуждо, погиб не от пули, а от отчаяния. Можно лишь предполагать, какие глубокие метаморфозы произошли в его сознании. Человек, видавший его за несколько дней до восстания, говорил, что Соломин неузнаваемо изменился, кожа на шее и руках ссохлась, сморщилась, гла-

за злые, взгляд загнанного волка, голос охрип. Так ли все было, достоверны ли события — поручиться не могу.

Пишу о людях через 30 лет, складывая их судьбы из отдельных отрывков, кусочков кирпичиков; тогда же улавливались первые впечатления, и восприятия тоже были отрывочные, не компактные. Мы были все вместе и каждый в отдельности в трагически ложном положении. В таком же трагически ложном положении на воле оставались наши дети, матери и отцы, жены и мужья, сестры и братья, близкие и друзья. Мы были одиноки и разобщены. Люди этапов 30-х годов не соединены общей борьбой против карающего их строя, не объединены никакой идейной организацией, смотрят, особенно вначале, друг на друга с недоверием, с опаской и оглядкой. По своему личному опыту люди в целом ряде вопросов уже ощупью разбирались, но делать выводы не решались. Ход процесса, состоявшегося в августе 1936 года, чудовищные показания обвиняемых (кое-что до нас доходило в обрывках газет) позволяли некоторым всех собак вешать на троцкистов-ортодоксов, хотя и "некоторые" прекрасно понимали, что так называемые "ортодоксы" к убийствам и террористическим актам отношения не имели. Но так проще и удобней. Большинство состояло из "подозрительных", хотя понятие это не имело классовой основы времен террора Великой французской революции. Печальнее, что невольно вспоминаешь "Бесов" Достоевского... "Не знаю, верно ли, но утверждали, что в Петербурге было отыскано в то же самое время какое-то громадное, противоестественное и противогосударственное общество, человек в тринадцать, и чуть не потрясшее здание".

Бедствие нашего времени заключалось как раз в том, что "громадные, противоестественные и противогосударственные общества, чуть не потрясшие здание", отыскивались не только в Петербурге, но и по всему Союзу. Отыскивались и стекались на этапы. Существовали мы сумбурно, в людском потоке и обособленно в себе. В каждом из нас клубились разные течения жизни и сознания. В одном из них мы были пассивны, автоматически влекомы по неведомым маршрутам, и сознание безвольно подчинялось тюремно-этапным порядкам. Второе — внутренняя борьба с тоской и терзаниями, с нерадостными мыслями о настоящем и грядущем, с омутами и водоворотами, сбивающими с ног... От него-то и хотелось сбежать... Об этом стремлении уйти от себя замечательно сказал Л.Н.Толстой в путевых заметках по Швейцарии: "Отчего самое ужасное наказание, которое выдумали люди, есть вечное заточение? Заточение, в котором человек лишается всего, что может его заставить забыть себя, и остается он с вечной памятью о себе". Живое течение жизни в нас требовало спасительного переключения, отвлечения и бегства от себя. Куда бежать от бессилия, бездействия?.. К

людям... Как-то подошли ко мне в архангельской пересылке девушка и юноша. "Вы такая-то?" — "Да". — "Нам очень много рассказывала о вашей семье, о матери и об отце, о четырех сестрах, Любовь Николаевна Радченко". — "Вы ее хорошо знаете? Как приятно! Она ведь большой друг нашей семьи". — "Да, да, я ее племянник Виктор. Она говорила, что ваш дом в первые годы революции бурлил и кипел, как лава, от молодых голосов, споров и дел. В родителей ваших она просто влюблена, в обоих сразу. Она часами может о них говорить". — "Откуда же вы? Где Любовь Николаевна?" — "Мы студенты Московского университета. Любовь Николаевна выслана из Москвы, но работает. Перед отъездом нам не дали свидания, и мы не поедем отсюда, пока не разрешат свидания с родными. Будем противиться отправке".

Любовь Николаевна Радченко — известная революционерка, подпольщица, подготовлявшая вместе со своим мужем Степаном Радченко первый съезд партии в 1898 году. Муж ее — один из немногих членов первого съезда. Степан Иванович умер в 1910 или в 1911 году, брат его, Иван Иванович, погиб в период репрессий в 1938—1939 годах. Любовь Николаевна многие годы работала связной по заданию В.И.Ленина, не раз выезжала за границу. Затем она разошлась с большевиками на долгий период; после революции вновь работала с большевиками. В 1963 году ее революционной деятельности был посвящен подвал в "Правде", из которого узнала о ней гораздо больше, чем мне было известно, так как революционеры старой закалки отличались исключительной скромностью. К нам, к моим родителям, она нередко приезжала из-за границы, жила по нескольку дней, всегда полная впечатлений, озабоченная работой, революцией, деятельная, убежденная. Спорила резко, противникам своих взглядов давала решительный отпор низким голосом. Была бескомпромиссна, а с молодежью добра и весела. Потом исчезала. Внешность у нее была несколько мужеподобной, а дочь ее, Наташа, напротив, запомнилась прелестной и женственной.

Виктор Радченко — широколицый молодой русский парень с широкой белозубой улыбкой, с запасом энергии лет на сто, а жить ему оставалось год-полтора. Жена его, Бетти, была очень хороша собой, хотя ее несколько портила бледность и иронически опущенные уголки губ. Высокая, как и он, Бетти менее располагала к себе, чем Виктор. Она была умна, скептична, капризна и безапелляционна; ее хорошо узнала позже, через два года. С Виктором больше не встретилась — он расстрелян на Воркуте. Через несколько дней после нашей встречи была свидетельницей того, как сопротивляющихся отправке на этап Бетти, Виктора, Володю Енукидзе, племянника секретаря Центрального Комитета Ену-

кидзе, и еще нескольких человек, требовавших свидания с родными перед отъездом на север, конвоиры выносили за ноги и за руки из бараков и, раскачав, перебрасывали через борт грузовой машины. Володя Енукидзе был очень высокого роста, и когда его забросили в угол пятитонки, то его длинные ноги торчали за бортом, а черные вьющиеся волосы свисали с другого бока. Когда б это раньше товарищи смотрели на такое безобразие как соглядатаи? А мы смотрели безмолвно издали... Что, трусы? Нет, больше — в этом сказывалось наше трагически ложное положение.

Мы пробыли в Архангельске довольно долго. Стало холодно и дождливо. Нависло серое-серое небо. Бараки едва освещались, в пристройках света совсем не было, а вечера удлинялись. Кулагину водили к врачу, но и здесь ей не разрешили остаться. Видимо, такова была сопроводительная инструкция. В первых числах сентября нас набили до отказа на небольшой морской пароход "Ямал". Весь ленинградский этап следовал вместе, а также множество людей со всех концов Союза. Шла погрузка. Грузили не вещи, не скот, а людей. Людей, которые до ареста жили с сознанием ответственности за порученное дело, за всю жизнь в целом, за судьбы мира. Грузили, как баранов, по счету, неизвестно почему и для чего.

На этапах происходит постоянная перетасовка людского состава. Чуть-чуть обживешься, свыкнешься с обстановкой — "собирайся с вещами!" — и люди уходят навсегда; с новыми сталкиваешься, сближаешься, чтобы вновь разлучиться. Все всегда унизительно и оскорбительно в этапах: предупреждения о стрельбе, "вороны", собаки, грубость, все атрибуты этапной субстанции — от столыпинских вагонов и теплушек до вони, голода и бесправия. Мы зэки, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Стоило это себе представить, как остальное следовало само собой. Невозможно постоянно бередить нервы, но и отупляющая сила привычки глубоко возмущает, все живое в тебе требует — "не терпи, не позволяй отступать от правил ни на йоту, не привыкай, не уставай ненавидеть насилие и несправедливость, чинимые над тобой и другими!"

Плывем. Плывем под конвоем, но свободно расхаживаем по "Ямалу", как только из виду скрывается Архангельск. В те годы чудовищно быстро росли лагеря, лагерные подразделения, лагпункты для политических заключенных, в частности для женщин-политических. Режим в них еще окончательно не сложился, и было много несуразного. Так, например, в нашем этапе ехали с матерями несколько детей. Их не на кого было оставить и некуда поместить, когда забирали отца и мать или когда приходили за кормящей матерью.

Стояла на палубе, у барьера. День клонился к вечеру. Качки не было, но волны поднимались все выше и пенились

на гребнях. Худенькая девочка лет четырех с большущими голубыми глазами и вьющимися волосиками с восхищением смотрела на воду и говорила матери: "Мама, посмотри, сколько сметанки, и какая белая, вкусная, всюду, всюду ее очень, очень много, собери мне сметанку". Отец Галочки Шапиро — так звали девочку — был политработником в дивизии Чапаева, мать тоже член партии, теперь Галочка ехала с родителями в дальние лагеря. Рядом инженер с Балтийского судостроительного завода смотрел на уходящие архангельские верфи и говорил: "Оставили бы меня здесь! Глазом видно, сколько здесь неустройства и сколько дел, руки чешутся переделывать, я бы и бесплатно остался поработать, а гонят..."

Мы плыли по Белому морю. Я не в первый раз плавала по Белому морю. Знала его по путешествию на Соловецкие острова в юности. Запомнилось оно мне мглисто-белым, но в солнечных бликах. У берегов Анзеры море полно морских звезд, раков и всяческой рыбы. Тогда впервые познала прелесть и колдовство белых ночей и незаходящего солнца. Видела кувырканье тюленей и их усатые морды. В книгах долго закладками у меня служили морские засушенные звезды и листья всевозможных растений с островов. Воспоминания были светлые.

Сейчас море было сизо-серое. Надвинулся туман. Он шел навстречу, с северо-востока, мокрый, холодный, злой. Вскоре пошел мокрый снег. Ветер свирепел, рвал все на своем пути. Началась качка. Женщины и дети лежали на койках и на полу в каюте матери и ребенка. Было крайне тесно. Ночью вода захлестывала в иллюминаторы, заливала пол, так как качка все усиливалась. Всех укачало. Лежала на полу. Волосы прилипали к щекам, потом с затылка их стало подмывать водой. Было противно, и вместе с тем чувствовала облегчение оттого, что все мысли исчезли, выскочили, оставили в покое. Одна Михалина Котиш, как заправский боцман, как морской волк, приходила с палубы, засунув руки в карманы своего мужского пальто, рассказывала, что матросов ветер с ног валит, а она им помогает и ей хоть бы что. Они ее за это в кубрике кормят. Чтобы все со стола не летело, мешки чем-то смазывают и под миски подстилают. "В жизни не плавала, — говорила Михалина, — да вот пришлось, и чувствую себя, как в цехе, наконец-то на работе, и аппетит вернулся, думала, ввек уж есть не захочется, не тут-то было! Матросы даже удивляются, смеются, приглашают в повара к ним на судно". На вторые сутки шторм усилился. Мы и наши пожитки плавали в воде. Подняться не было сил. Михалина сказала, что мы уже в Баренцевом море, в его юго-восточной части. Из-за страшного шторма трое суток мы отстаивались у острова Колгуев. Здесь, у берегов ос-

трова Колгуев, с давних времен промышляли морского зверя и приезжали с богатой добычей. Но у этих же берегов бесчисленное количество шхун, зажатых мощными белыми полями льдов, в плену у стихии, терпели аварии. Мы застали безлюдье на суше и на море. Не только безлюдье, но отсутствие всякой жизни. Птиц не видно. На берегу тихо. Лишь ветер с севера нагоняет высокие гребни седых волн и ударяет их о каменистые берега. Пустынно.

За время стоянки "Ямала" мужчины-заключенные перенесли нас куда-то наверх, и дольше суток я находилась в состоянии полузабытья. Наше судно было, конечно, детище конца XIX или начала XX века, в нем имелось машинное отделение и все, что полагается, но швыряло его, как шлюпку Баренца в XVI веке, во всяком случае, мне так казалось. Слышали от команды, что "Ямал" некогда затонул и ходит после подъема со дна и ремонта первую навигацию. Ремонт не выдержал испытания, судно в течение всей навигации терпит мелкие аварии и поломки, а после нашего рейса пойдет на потопление. Во всяком случае, недоверие к стойкости нашего суденышка существовало и у команды.

Очнулась я от холода. Кругом спали и шевелились мужчины. Вышла на палубу и в свете серого утра рассмотрела наше пристанище — остров. Мы находились за Полярным кругом. Пароход не качало. Каменистая земля покрыта инеем, сквозь который проглядывали пожухлый мох и торчащие прутья какого-то низкорослого кустарника. Тундра. Без разрешения проскочила в душ и блаженствовала несколько минут под струями теплой воды, смывая блевотину, сон и хандру. Постучали, забили кулаками. Кое-как оделась и выскочила под брань конвоира. Зато очистилась. Откуда-то просочились слухи, что нас везут на Воркуту. Шумно. Все потянулись за пайкой и к кипятильнику. Мужчины требовали, чтобы их побрили. Малахов читал нараспев стихи, кто-то рассказывал об арктических экспедициях, о Карском море и Югорском Шаре, длинный военный с черной бородкой и черными глазами, подобрав полы длинной шинели, раскачивался в сапогах, подражая руками и телом ритмам качки. На воле среди нас, наверно, никто не был нытиком... Военный подошел ко мне и оказался совсем не таким веселым, как в пляске, — глаза усталые и серьезные.

— Давно собираюсь передать вам привет от Дрелинга, он называл фамилию жены и говорил, что вы тоже в тюрьме. Но надо было к вам присмотреться, стоит ли говорить откровенно. Фамилия моя Донде, зовут Борис. Сидел в двойнике с Дрелингом. Он назначался на этап с нами, но заболел ангиной. Жалею, что он не в нашем этапе, может быть, вы его немного успокоили бы. На следствии он ужасно нервничал, скандалил со следователем, грубил ему. Но и следователь не спускал ему, конечно. Я боялся за него и продолжаю

опасаться. Он еще натворит бед на свою голову. Ни с чем не желает мириться — ни с арестом, ни с нашим положением, грозил следователю, что они вскоре поменяются ролями. Воюет, ни с чем не сообразуясь. Приходил со следствия в исступлении. Погибнуть может легко в наши времена, а следователь его мучил всеми доступными способами.

С Борисом мы стали друзьями в заключении и много лет спустя на воле. Его уже нет в живых. Донде был умен и чуток и не зря боялся за жизнь Дрелинга. Последнего-таки подвели под нож за неуемность натуры и поиски правды.

Через Печорское море и Печорскую губу нас везли в порт Нарьян-Мар. В то время промысловая жизнь в нем замерла; город возродился, окреп, разросся и осовременился значительно позже. Запомнилась лишь большая, широкая, пустынная улица, по обе стороны выстланная досками. Между ними непролазная грязь. В конце улицы два двухэтажных деревянных дома, почерневших от времени. Общей бани нет, а этап слишком велик, чтобы вымыть нас в баньках-клетушках местного населения. Стояли мы здесь всего несколько часов, так как разместиться было негде. Там оставили навсегда Кулагину. Когда в 1939 году мне по особым обстоятельствам пришлось вновь побывать в Нарьян-Маре, могилы ее так и не нашла. К этапу присоединили еще несколько женщин и погнали всех на пароход. Охрана совершенно распоясалась. Главная власть — начальник конвоя — делай что хочешь. Брань, окрики, ненависть. "Душегубы, троцкисты проклятые, нет на вас петель, слишком много развелось, а ну, стройсь!" ...и далее на все буквы. Мы пытались огрызаться. Совершенно бесполезно. Кого-нибудь огреют прикладом, кого-то ткнут в спину, кого-то пнут сапогом, выматерят. Гораздо менее унизительно молчать. Молодые парни в военной форме вовсе не были плохими или звероподобными от рождения. Они спешно проходили специальную переподготовку в отношении нас: враги народа, убийцы Кирова, изменники родины. От них требовали ненависти и презрения.

Давно ли на воле, когда я подверглась первым репрессиям, почти все сочувствовали, помогали, зная меня по работе и жизни. Так было, надо полагать, не со мной одной, а со всеми вначале. Что думали на воле после моего осуждения, трудно сказать. Кому из оставшихся нужна невиновность каждого из нас? Напротив, желательно подтверждение нашей вины, иначе и спать, и работать невозможно, как и выполнить наказ бдительности и взаимного шпионажа, к чему призывали каждого. Тут-то и начинался скользкий путь умолчаний, полуправды, неправды, откровенной лжи и клеветы. Безусловно, далеко не все шли таким путем, но это было нелегко и требовало гражданского мужества и риска своей головой. Кроме того, действительно не умещалась в

голове ошибочность осуждения в таких массовых масштабах. Стоило усомниться, и все бытие становилось бы неоправданным.

Конвоиры, не зная нас, были уверены в нашей преступности. В их представлениях мы-то и были причиной всех трудностей, неполадок, короче говоря — всех бед. Не могли же эти молодые неискушенные люди предположить, что они изо дня в день годами транспортируют сотни и тысячи без вины виноватых. А между тем власть над нами их постепенно и неизбежно развращала...

...По мере продвижения на юго-восток берега оживали, что вселяло какие-то надежды. Проглядывало солнце. Потянулись леса, с которых слетали последние по-осеннему пестрые листья. Легче стало на сердце.

Размещались заключенные в 3-м и 4-м классах и в трюме, но все выходили на палубу, общение было свободным. 1-й и 2-й классы пустовали.

Ваграм пел вполголоса тюремные песни.

На железный засов заперты ворота,
Где преступный мир срок отбывает.
За высокой кирпичной тюремной стеной
Дом стоит и прохожих пугает.
В этом доме большом, некрасивом на вид,
Много душ заключенных страдает,
Они мечутся там и не спят по ночам,
Злую долю свою проклинают...

— Вслушайтесь в эти песни, — говорил он, — они бесхитростны, даже примитивны, но в них столько чувства и настроения! Молодой геолог уверял, что видел в Геолкоме своими глазами докладную записку, утвержденную в Совнаркоме, о проведении железнодорожной трассы на Воркуту и что у нас там будет "роскошная жизнь". "Подумайте, — горячо доказывал он, — среди нас есть специалисты всех профессий, нас везут туда как специалистов, чтобы мы в максимально короткие сроки провели железную дорогу, построили города, шахты, заводы, школы, театры, университет..." Агроном примеривался к заполярному совхозу. Никто не представлял себе будущего, но всем хотелось, чтобы оно было как-то осмысленно.

Пароход идет медленно. Снова повернули на север. Деревья все оголились. Краски исчезли. Кое-где на островках попадаются стаи птиц, готовящихся к далекому перелету на юг. Они суетятся, перестраиваются, переговариваются... Когда-то мы повернем в другую сторону?..

Внизу духота. Устаешь в людской гуще. На палубе легче дышится, легче говорится. В несчастье люди более индивидуальны, выпуклее проявляется личность. Может быть, так кажется потому, что на воле у людей почти не остается вре-

мени. Выходим с Дорой на палубу, останавливаемся поближе к теплой трубе. К нам присоединяются несколько товарищей из ленинградского этапа.

— Оказывается, среди большевиков немало идолопоклонников и религиозников. Куда смотрел Емельян Ярославский? — чуть картавя, говорит Борис Донде.

— Как это надо понимать? — спрашивает Саша Гиршберг.

— В самом прямом смысле слова. Иду я своей дорогой с крамольными мыслями в голове, только о том и думаю, чтобы их не просыпать и чтобы начальник конвоя их не подобрал. Значит, надо незаметно мимо его каюты прошмыгнуть. Гляжу, там очередь скопилась. В чем дело? Не бьют ли отбой, не вызывают ли домой? Нет, отвечают, пока не слышно. Тогда зачем же вы стоите? За бумагой. Да зачем же вам бумага? Оказывается, все происходящее зависит от того, что наше "Верховное Существо" плохо обо всем осведомлено. Стоит ему поклониться да хорошенько ему помолиться, всю беду как рукой снимет. Одна загвоздка — молитвы принимаются исключительно в письменном виде. Вот и ходят к начальнику, просят карандаш и бумагу и строчат... Кому? Ему!

— Писать наверх глупо, бессмысленно, — мрачно вставляет худой и неимоверно высокий товарищ по фамилии Непомнящий. Он инженер-металлург, член партии, сын бывшего протодьякона и крестьянки. Говорит по вкоренившейся с детства привычке фразами из церковных текстов или близко к тому: "Кому писать? Разве не по плоду узнается древо? Не может древо доброе творить плод злой, как и плод злой не сотворит древо доброе. Это понять надо и замолчать надолго". Непомнящий был исключительно терпелив, никогда о себе с начальством не говорил, ни о чем не просил, а к концу года так иссох и отощал, что начальник Должиков вынужден был своей волей удвоить ему пайку соответственно росту. К тому времени у Непомнящего уже развилась злейшая пеллагра.

На Сивой Маске, расположенной высоко над рекой, где мы прожили зиму, таскать воду ведрами было истинной пыткой. Выручил всех Непомнящий. Он предложил соорудить ворот для подъема воды на гору. В напарники взял тоже инженера, но коротышку, который ростом доходил ему до пояса. "Ничего, — аргументировал свой выбор Непомнящий, — во мне два его роста, а в нем две мои головы". Вдвоем они выбрали площадку на выступе, вручную установили на ней в вечной мерзлоте внушительный столб, вдвоем копались в проруби, вдвоем же бессменно, заменяя собой лошадей, в любую погоду, в жесткую стужу и в лютую пургу, до тошноты и головокружения с утра до ночи плелись по кругу, вытаскивали обледенелые ведра с необходимой водой и обеспечивали ею всю командировку.

Вернемся к прерванной беседе и собеседникам.

— А бумагу дают разве? Сочинить бы что-нибудь, карандаш разучишься в руках держать, — вставляет свое слово молодой журналист Игорь Малеев.

— Дают, но при одном условии — возвратить в том же размере после написания, для точности и цензуры. При выдаче регистрируют формат и количество листов (не больше двух).

— Пойду сейчас же за бумагой для письма, — оживляется Дора.

— Для письма? Да кто вы такая — зэк или политработник? Если зэк, то подождете. Не успели уехать и уже писать! Бред!

— Всех разочаровал, — бурчит Игорь.

— Подумаешь, какой "очарованный странник"! — парирует Борис и возвращается к начатому разговору. — Вот вы, историки, со школьных парт долбите о роли личности в истории — ускоряет, замедляет исторический процесс; Плеханова заставляли конспектировать, Маркса. Стройно, геометрически правильно, безошибочно верно, а на деле путаетесь. Изучать любите французскую, великую, буржуазную революцию, а вот на нашей Октябрьской, социалистической, пролетарской революции закономерности устанавливать не желаете, концы с концами не сводите... Ни на один вопрос ответить не умеете...

— Позволь, позволь, что за прокурорский стиль?! — примирительно замечает Саша и громко смеется. — Знаете ли, други, кем этот обличитель на воле был? Прокурором. Всамделишный перед вами прокурор. Страшится, что вы его растерзаете, и потому первым в драку лезет.

— Не буду защищаться, — отвечает Борис, — за меня товарищ Вышинский работает.

— Уже сработал!

— Еще далеко не закончил, — несутся замечания...

— Послушайте, какая у меня "удача"! — Саша уводит разговор от чересчур острых тем. — Человек я, как видите, весьма скромный, ничем особенно не примечательный (к сожалению, там, где не нужно, заметили). Жил, работал экономистом, состоял в партии. Трудился по мере сил. Оставил на произвол судьбы жену и двух малых ребят. Одним словом, все, как положено. Сестра — не то, что я — иного полета: летала много выше и села много раньше. Не виделись мы, чтобы не соврать, лет 9—10. Следователь меня к ней обязательно приклеить хотел, но никак не удавалось, но от Нарьян-Мара очутились в одном этапе. Но теперь уже этого в протокол не запишешь! Дважды удачник.

Кто они, эти брат и сестра?

Александр Михайлович постоянно курит трубку, так что концы его широких пальцев, незаостренных кверху и закан-

чивающихся крепкими овальными ногтями, даже пожелтели, но выражение глаз при этом мягкое. Глаза выпуклые, черные и продолговатые, как сливы. Он будто и не приглядывается пристально ни к людям, ни к обстановке, в действительности он очень наблюдателен, в чем могла убедиться десятки лет спустя, когда мы вспоминали прошлое. Но наблюдает Саша ненавязчиво, как бы скрытой камерой, и чрезвычайно доброжелательно. Вообще же он человек абсолютно надежный, понимающий. Расскажешь, он трезво, честно взвесит и никогда не увильнет от прямого ответа. Ценнейшее свойство, особенно в тех условиях! В дальнейшем не раз хотелось узнать мнение Саши и посоветоваться именно с ним. Все пять лагерных лет Саша провел на тяжких общих работах — лесоповале, лесосплаве, грузчиком, возчиком, на руднике, в шахтах. Голодал, болел, но был вынослив телом и духом. Возмущался нашим общим положением, однако на личные тяготы не жаловался. На волю выйти в конце срока ему не удалось. Освобождаться он должен был как раз накануне войны. Кто связан по лагерю с Воркутой, тот знает, что значит вырваться оттуда. Наконец Воркута позади. Александр Михайлович доезжает до станции Печора, получает паспорт, покупает билет и ждет отъезда. Вечером поезд должен отправляться, и тогда — прощай лагерь!.. Наступит час свободы! Какая бы она ни была, но ты уже не зэк. Скорей бы, скорей! Утром вызывают в УРЧ: дайте паспорт, вкралась ошибка. Взамен паспорта вызов в Воркуту, который через год заменяется новым сроком лагеря впредь "до особого распоряжения", а затем работой по вольному найму до 1956 года. Ровно 20 лет Заполярья! В УРЧе Саша узнает, что началась война. Семья Саши была выслана после его ареста в Лугу, тут он теряет с ней всякую связь. Когда блокада перестала висеть над Ленинградом, Саша пытается найти след семьи, но тщетно.

Обо всем этом рассказывает Саша Николаю Игнатьевичу и мне уже в Ленинграде, в 1959 году. Рассказывает, позабыв обычную сдержанность, темпераментно, с болью. Семью он потерял, ни с кем из родных не связан, узнать не у кого. Тогда он покупает 500 открыток и посылает все до одной во все концы Советского Союза. Ответа нет. Еще через год приходит письмо от неизвестной женщины, которая сообщает, что семья его в начале войны выслана в Салехард. Теперь запросы идут туда. Оттуда указывают точку их пребывания — отдаленный рыбозасольный пункт. А время идет. Саша шлет телеграммы. Письма идут в обход, через всю Россию. Наконец дошло и письмо. Саша узнает, что семья бедствует, голодает, болеет тяжелой цингой. Они умоляют взять их к себе. Но как это сделать? Поездку обычным длиннейшим путем — вверх по Оби, по железным дорогам и снова по морям и рекам — в таком состоянии они вряд ли пере-

несут, да средства нужны немалые. А где их взять? Саша решает добывать семью через Уральский хребет. С непередаваемыми трудностями, правдами и неправдами ему удается достать лошадь и проводника для поездки за семьей. Тянутся недели и месяцы... Приехали на Воркуту они в таком состоянии, что годны были лишь в больницу. Физические раны в молодости поддаются излечению. Мальчики поправились, окрепли, но мать умерла, подарив Саше еще двух детей — мальчика и девочку, последнюю с очень плохим зрением. С тех пор Александра Михайловича стали называть "пама", так как он в одном лице совмещал отца и мать. Поднимать одному четырех детей на голом месте после возвращения, с нашим прошлым, не просто. Начать с того, что он сам построил дом под Ленинградом до получения квартиры. И так во всем — своими руками, без трескотни, без шума. Что держит таких людей при всяких обстоятельствах? Прежде всего — запас гражданственности, вынесенный из революционной юности. Они не станут обывателями, мещанами, не разучатся воспринимать мир с его широкой, общественной стороны. Чем заполнен ангар их юности? Непререкаемой верой в то, что общество изменяется в лучшую сторону, переходит на высшую ступень развития, активностью, романтикой и смелостью, оптимизмом и жертвенностью, неутомимостью и бескорыстием; пренебрежением к внешним благам и юмором, неистребимой страстью к познанию. Для догматического исповедания и бараньей покорности эти люди были непригодны, и потому их надо было уничтожить!

На палубу поднималась сестра Саши, женщина, к которой я приглядывалась уже в Нарьян-Маре, где ее присоединили к нашему этапу. Было в ее облике нечто заинтриговывающее, вызывавшее любопытство. Она и притягивала к себе, и находилась как бы в круге недосягаемости, неприкасаемости. Теперь это впечатление давно изгладилось, но я помню его. Мы познакомились. Через мгновение она уже стала центром внимания присутствующих и начала подтягивать за собой всех. Лицо волевое, глаза проницательные под несколько тяжеловатыми веками. Умение владеть собой и разговором. Звонкий непринужденный смех, при котором она откидывала назад голову с пышными стрижеными волосами.

У этой женщины очень интересная биография, осколок нашего времени. Она воздерживается от пересказа своей жизни по многим причинам, тем более не смогла бы сделать это я, но сказать хотя бы несколько слов о ней считаю себя вправе. Блестящей рассказчицей узнала ее лишь на воле, в лагере М.М. была очень сдержанна и даже молчалива. В тюрьмах и ссылках она просидела в общей сложности 28 лет, не раз бывала под следствием и под пытками, одним из ее следователей был сам Кашкетин, известный воркутин-

ский палач. За это время были и годы, которые она пролежала в гипсе, да чего только не было! Единственный сын расстрелян в неполных восемнадцать лет... Еще в ранней юности жизнь ее завертелась вихрем. Росла в Ленинграде, начала учиться в Психоневрологическом институте, где директором был Бехтерев, одном из самых демократических учебных заведений, в котором накануне революции было немало буйных голов и немало горячих дискуссий. Сразу стала большевичкой. В период Октября работала в отделе печати Смольного, жила среди творцов революции, вышла замуж за человека, уже умудренного жизнью, на полтора десятка лет старше себя. То был большевистский дипломат Иоффе, будущий председатель советской делегации во время заключения Брестского мира, позднее посол в ряде стран на Востоке и на Западе — в Японии и Австрии, Китае и Германии. Новые страны и нравы, возвращение в Союз, перемены и контрасты. М.М. бывала на приемах и принимала у себя. Масса впечатлений, широчайшее поле для наблюдений и обучения. У М.М. природный дар отбора впечатлений и их своеобразной переработки. В рассказах всегда выделит эпизод или мысль, которая, как в фокусе, отразит событие в целом, явление, человека. Суждения часто спорны, но никогда не трафаретны. У нее есть умение — познанное, увиденное превратить в собственное достояние. Это свойство богатых натур. Ее тянуло в журналистику, любила редакционную работу, а тут разъезды, подчинение всей жизни дипломатической работе Иоффе. Взбунтовалась, доказывала мужу, что ее работа важнее невольно пассивных разъездов, не поехала в Англию, начала работать в ленинградском отделении Детгиза с С.Я.Маршаком и другими детскими писателями. С некоторыми сохранила дружбу навсегда. В журналистику толкал М.М. ее темперамент политического борца и полемиста. Казалось, предстоит жизнь необъятных возможностей...

Обстоятельств точных конца А.А.Иоффе не знаю. Последние годы он тяжело был болен и, кажется, застрелился в 1927 году. Похоронен, однако, был с почестями, как крупный советский деятель.

Вскоре М.М. была выслана в Казахстан, туда ей привезли восьмилетнего сына, затем их перевели в Тобольск, потом арест на десятилетия. В личной жизни самое страшное — гибель сына.

После первой короткой встречи расстались с М.М. в вечер зловеще-красного заката, запомнившийся навсегда, поразивший необычностью. Пароход не мог пробиться сквозь шугу, нас высадили в Абези. Часть оставили там, среди них М.М., а ленинградский этап построили и пешим ходом погнали в Сивую Маску, по направлению к Воркуте. В лагерных передвижениях свели нас случайно в Кочмесе. Там она узнала о гибели сына и близкого ей человека и была почти

недоступна в страшном молчаливом горе. Ее личное дело попало в колоду непрерывно тасуемых карт — то ее гнали наверх на Воркуту, то вниз, то в Москву... И всюду следствия и все им сопутствующее в 1937—1939 годах. Запрятав далеко пережитое, М.М. не утратила чувства и пульса жизни.

От Усть-Усы на северо-восток шли все время в тумане и в сгущающемся холоде. Плыли без остановок. Река застывала на глазах. Вода сгущалась. Шуга встречалась все чаще и постепенно превращала реку в сплошное месиво. Команда парохода ругалась с конвоем, ибо ей грозила опасность зазимовать на голом берегу без продовольствия и без жилья. Днем 7 октября части этапников приказали собираться с вещами. Поднялась суета. Ленинградский этап предназначался на Воркуту, и имелся приказ доставить нас туда во что бы то ни стало, хотя было совершенно ясно, что нас туда не довезут. Однако и разгружать было запрещено. По сути, нам было безразлично, где высаживаться, как безразлично любому стаду, где произойдет его забой, но расставаться не хотелось. 7 октября — день моего рождения. Кому-то сказала об этом, тот — другому. Выпотрошили чей-то рюкзак и опускали туда шуточные подарки с шуточными надписями вроде записочки, прикрепленной к английской булавке, с надписью "Запретный плод сладок". Зимой булавка не раз меня выручала.

Высадили наших товарищей в Абези, на границе Полярного круга. Абезь тогда стояла на левом берегу реки. Вечерело. Закат был огненный — оранжево-кровавый. Поселок расплылся за багрово-красным занавесом. Река пылала. Лес слева фантастически горел. Фигуры людей, спускавшихся по трапу, вспыхивали вишневыми пятнами и мгновенно теряли очертания. Багряную кровь заката резали окрики конвоиров: "Стро-о-о-ойсь по пять! Право шаг, влево шаг считается побегом... Не задержив-ай, не растекайсь! Скор-р-а! Быстра-а-а!" Пароход дымился пурпурно-алым паром и туманом. Внезапно пунцовый круг солнца закатился, потухло пожарище заката, навалилась фиолетово-сизая мгла, а за нею темень. Рванул холодный резкий ветер, и мы двинулись дальше на север, со скрежетом ломая густое месиво темного стекла. Пароход еле полз. Через сутки пароход после нескольких толчков стал. До Воркуты нас не доволокли. Мы не спали. На палубе нельзя было показаться из-за ветра. Едва забрезжило, нам велели собираться и выкинули в грязь под мокрый снег со всеми пожитками и грузом. Обычно пешие этапы идут налегке, а вещи тащат лошади (машины появились гораздо позже), но на пароходе лошадей не было, а селение осталось далеко позади. Хлеб кончился. До Воркуты с грузом не доплетемся. Тащили мы на себе свои вещи и мешки с гречневой крупой, предназначенной для лагерного начальства Воркуты. Кто-то слышал, что на пароходе велись

переговоры с каким-то лагпунктом по дороге на Воркуту, но что местный начальник наотрез отказался принять этап, так как у него нет ни помещений, ни продовольствия. К тому же название лагпункта упоминалось какое-то неправдоподобно несуразное и таинственное — "Сивая Маска", так что мы уверились в том, что это "липа". Но поскольку мы к человеческому роду уже почти не принадлежали, а перечислены были в особую категорию "зэка" и измерялись в количественных гуртовых оценках, все оказалось правдой. Ночью в кромешной темноте и топкой грязи мы услышали команду "стой!". Не видно ни зги, ни огонька, ни просвета. Пронизывающий холод от внезапной остановки, ведь до нее ты сто раз облился потом под тяжестью груза, выволакивая усталые ноги из грязи. К чему же тут опротивевшая въедливая команда конвоя? Куда можно бежать ночью из неведомого Заполярного круга в пору его зимнего замирания в глухих лесах и в обстановке ощетинившейся против нас враждебности? Автоматически действующая формула, подчеркивающая фиктивность нашего человеческого существования: "Вправо шаг, влево шаг — считается побегом"... У каждого тлела надежда на неизбежные перемены, правда, у каждого на то имелись совершенно различные доводы и соображения. Обстоятельства превратили осужденных в отщепенцев и общественных изгоев. Мы казались чумной заразой, хотя никто из нас чумой не болел. Кроме того, в случае побега мы обрекали на заклание всех родных, в то время действовала семейно-родовая порука. Дезориентированному местному населению за поимку беглеца сулили высокую награду, а за сокрытие — суровую кару. И наконец, каждый из нас был кровно сплетен с советской властью и не желал проводить непроходимую черту между нею и собой. 200 молодых здоровых мужчин плюс девять женщин вели несколько конвоиров и две-три собаки овчарки. И все же они были властны над нами, а мы беспрекословно подчинялись им.

Сивая Маска

Мы карабкались в гору вслед за ведущим конвоиром, срываясь, спотыкаясь в темноте. Вдруг приоткрылась дверка темной низкой хибарки, оттуда выскочило несколько косматых мужчин в нижнем белье, и слух полоснули дикие звериные возгласы: "У-у-у! Бабы!", сопровождаемые гнусными ругательствами. Вскоре вылез из землянки с "летучей мышью" в руках кто-то из лагпункта, как потом оказалось, помощник начальника Красный, который тоже не замедлил пустить в ход излюбленный похабный лексикон. Такова была встреча.

— Где мы? Куда нас привезли?

— Это Сивая Маска!

Сивая Маска была последним лагпунктом по пути на Воркуту. Расположена она в зоне вечной мерзлоты. Неширокая полоса тайги у реки переходит в тундру. Жилья почти не было. Вот ее "жилищный фонд": загаженный дряхлый и маленький барак из жердей, где жили 10 человек заключенных, домишко под канцелярию и две землянки для "начсостава", плохонькая кухонька-прачечная, банька по-черному и склад-навес. А привели около двухсот мужчин — по дороге к ленинградцам присоединили еще 60 человек — и 9 женщин. Когда мы утром пошли по воду к реке, то обратили внимание на то, что снизу не догадываешься о наличии наверху какого-нибудь человеческого существования или пребывания. Пятачок земли, зажатый между тайгой и рекой. Запасов продовольствия не подвезли, а у нас несколько мешков крупы, на которых лежит запрет. К тому же и начальник в отъезде — поехал на лошади отбиваться от нашего этапа.

Первые дни был сущий ад. Заместитель начальника Красный, тип из мира уголовных, вообще ни за что не отвечал и лишен был начисто организаторских способностей. Женщины втиснулись в помещение на пять метров, называемое канцелярией, и разместились на столе и под столом, но у нас хоть крыша над головой, а мужчины просто в грязи — наломали веток и валились на них. Инструментов на десять человек, но уголовники их из рук не выпускали, так что и землянки рыть нечем. Мужчины нашего этапа спали первое время около нашего жилища, так как мы боялись вторжения озверевших бандюг, а ВОХРу на это было наплевать. Муки для этапников не нашлось, и мы самовольно распороли мешок с крупой и варили жидкую похлебку по очереди, так как посуды тоже не оказалось. Через несколько дней приехал начальник Должиков. Повадки у него были офицерские. Он и был врангелевским офицером, перешедшим на службу в Красную Армию. Крепкий, сильный, деловой. Лет пятидесяти. Лицо изрыто оспой. Голос грудной, зычный. В сапогах, гимнастерке и папахе, какие носили в первую мировую войну. По приезде он нас как бы игнорировал, даже не счел нужным поздороваться и с ходу набросился на конвой: "С больной головы на здоровую, — орал Должиков во всю глотку. — Куда мне такую ораву? Чем кормить? Что с ними делать? Зарежу ваших собак чертовых и накормлю всех, как Христос, так, что ли? Воспользовались тем, что у меня рации нет, что со мной связи нет, что я лишен возможности из-за этого все начальство выматерить? Я с моими орлами не пропаду, а с этими куда деваться? Мало того, что на десять человек продуктов не завезли, даже хлеба нет, так еще повесили 200 гавриков на шею, да девок подсунули! Проклятье на начальников и на вас, дураков! Вместе срок получать будем, не отыграетесь на мне одном! В Абези всех не сгрузили, а ведь

там деревня рядом, хоть в избах можно временно поселить, а здесь что? Что здесь есть? Кому они нужны тут? Валяйте все в грязь и спите вперемежку с конвоем, — обратился начальник к собирающимся вокруг него заключенным. — И так уж все как свиньи перемазаны! А женщин к уголовникам на нары! У меня их десять, а вас сколько? — повернулся он в сторону группки женщин. — Ага, одной не хватает, тогда драка будет — нельзя!" Затем, переменив тон, Должиков отдал распоряжение мужчинам по группам греться в единственном помещении, а основному населению Сивой Маски собираться с вещами. Те подняли хай: "Никуды не пойдем, тут наша земля, а на врагов народа сами управу найдем!"

Так, с превеликою пользой для "освоения Севера", началось наше лагерное бытие.

Как только мы появились, уголовники забунтовали и громогласно заявили, что передушат всех или забьют топорами, если нам отпустят хоть по 100 граммов хлеба. Без начальника они распоясались, так как Красный потакал им во всем. Должиков был далеко не глуп и, как мне кажется, с иронией отнесся к положению, при котором ему, белому офицеру, предоставили право управлять двумястами коммунистами. Он разбирался в том, кто мы такие, лучше, чем ВОХР, понимал, каков характер нашей вины. Избавиться от нас он уже не мог, оставить вместе с уголовниками означало нарваться на эксцессы или допустить поножовщину, особенно при наличии женщин, и Должиков рассудил, что необходимо очистить лагпункт до десяти, чтобы дать возможность как-то существовать остальным, да и единственное жилье таким образом поступало в распоряжение этапа. Он решил отправить своих "орлов" на заготовку черенков для инструментов, отдав им весь запас муки (кроме небольшой толики для начальства), подальше, в глубь тайги. Они взяли инструмент, лошадь, сани. С ними ушли два вохровца и как повариха наша Михалина Котиш, общественница в самом лучшем смысле слова. Сейчас она на все махнула рукой и в своем молчаливом протесте, говорили, сошлась с одним из уголовников. Раз уж она решилась уйти с ними, ей ничего не оставалось другого. Легче всего презрительно отнестись к ее решению — сдалась, дескать, но кто проник в глубину ее разочарования после столь праведно-партийной жизни, ее запрятанного, невысказанного возмущения? Она потеряла всякий к себе интерес. Исчезла с горизонта. Своего рода самоубийство. Должиков же не вернул десятку уголовных на Сивую ни на минуту, а переправил их в дальнейшем на Воркуту.

Мужчины получили возможность по очереди греться во вшивом, клопяном бараке и, стоя впритык друг к другу, спать. Через несколько дней немного потеплело, и буксир притащил баржу с инструментами, кое-каким пиломатериалом, посудой, мылом, гвоздями и прочим, но без продо-

вольствия и без обмундирования. Баржу надо было разгрузить за двое суток. Работали аврально день и ночь. Без хлеба. Хлеб появился только через полтора месяца, с началом зимнего транспорта. И то только благодаря пиратским действиям Должикова, о чем скажу позже.

Как-то несколько мужчин от имени всех прочих, ибо поголовно все отощали и обессилели и валились, как мухи осенью, пошли объясняться к Должикову. Он ответил грубовато, но резонно: "Чего вы от меня хотите? Я, что ли, подготовил для вас лагерь и Сивую Маску и обеспеченную жизнь? Это вы для меня все подготовили, а попали в ту самую яму, которую копали для такого волка, как я. Что вы на это скажете? Бросайте работу голодные — хуже будет. Ляжете — не встанете, а так, за делом, большинство дотянет, уж поверьте моему опыту". Начали строить землянки для мужчин, на пятьдесят человек каждая. Зимой, в условиях вечной мерзлоты, без хлеба, к тому же в самой неподходящей одежде — кто в чем: в летних брючках и пиджачках, в бухарском халате, в единственном пальто, в ботинках и без рукавиц, — дело нелегкое, а подчас и невыносимое. Но все, конечно, достроили — и палатки, и вагонки, организовали доставку воды, расширили кухню, баню. А есть было почти нечего и работать не в чем. Командировка незапланированная, смет на нее нет. Люди в самом прямом смысле падали. Появилась цинга, голодные поносы, а за ними пеллагра со всеми ее ужасными симптомами. Ни питания, ни медицинской помощи, ни лекарств. В нашем этапе не оказалось ни одного врача. Мало кто сохранял хладнокровие или спокойствие. Настроение в тот период у всех было подавленное, быстро переходящее в состояние нервного возбуждения. А продвижение транспорта — и конное, и на собаках (главным образом курьерская почта) — уже началось. Мы видели, как ежедневно внизу, по реке, мимо Сивой Маски тянулись обоз за обозом на Воркуту. Потом они стали и возвращаться с грузами, предназначенными на ту или иную командировку, но опять мимо нас. Несмотря на то что проезд на Воркуту и обратно страшно удорожал доставку грузов, все же для многих видов различного рода снабжения существовала система доставки вверх, в центр, а затем только спуска вниз. То же происходило и с почтой; мало того, что она тянулась до нас неделями без железной дороги, ее еще провозили мимо лагпунктов на Воркуту для проверки, а затем шло распределение по командировкам. Первая посылка, посланная мне мамой, проехала на лошадях мимо меня шесть раз, пока не превратилась в труху. Мы ведь командировка незаконная, планом не предусмотренная. Тогда Должиков, чтобы как-то одеть, обуть и накормить заключенных, за жизнь которых он так или иначе отвечал, отчаявшись в доброй воле начальства Воркуты и потеряв надежду на то, что медлительная бюро-

кратическая лагерная машина наконец зачислит нас в списки живого поголовья, отваживается на такой шаг. Он берет с собой двух вооруженных вохровцев, спускается ночью на реку, отходит немного от Сивой Маски, чтобы заключенные не могли наблюдать за его действиями, останавливает силой оружия и властью начальника обозы и заворачивает их на Сивую Маску. Лишь тода он будит одну-две бригады, быстро разгружает добро, частично или наполовину, и пускает обозы дальше по назначению. Именно таким образом мы были кое-как накормлены и одеты в начале санного пути после длительной осенней голодухи.

Когда Должиков был расстрелян через год и имя его значилось в одном из первых зачитываемых в бараках списков, то в сопровождающих списки слухах всякий раз о нем добавляли, что важнейшим против него обвинением было "ограбление" обозов под Сивой Маской. Не знаю, так ли это, ведь в преобладающем числе случаев для расстрела никакой формулировки не нужно было, кроме всеобъемлющей формулы "враг народа".

Как только мужчины ушли в недостроенные землянки, женщин переселили в тот самый барак, из которого в клубах горячего пара, как из бани, выскакивали урки при нашем вступлении, а затем клокотал и захлебывался, болел и голодал мужской состав нашего этапа. Такой грязи, какую мы там застали, нельзя ни описать, ни вообразить. Полная темень. Два маленьких окошечка заткнуты трухлявым мохом. Освещается барак огнем из топки печки. Застоявшаяся вонь от табака и нечистых тел. Заплеванный и загаженный земляной пол. Железная печурка. Двухъярусные нары, черные как деготь, и вместо шпаклевки густо набитые насекомыми, особенно клопами. Со вшами мы справились быстро, с клопами ничего не могли поделать. Никакая чистка этому помещению уже помочь не могла, его надо было срочно сжечь как рассадник заразы. Мы прожили в нем всю зиму. Средств против насекомых не имелось, кроме кипятка, а он не помогал. Стоило присесть или прилечь на нары, как снизу жгли, а сверху дождем, градом сыпались клопы. Зимой мы дважды вымораживали барак, но результаты были минимальные. Ни мела, ни извести тоже не нашлось. Девять женщин скребли и мыли, конопатили и драили без большой пользы. Перестелить нары не удалось за неимением досок и гвоздей. Переменить жерди не было сил, да ведь и спать на голых сырых жердях не сахар. Матрацев не имелось, как и сена. Значительно позже, когда привезли продукты, мы набивали мешки или рогожу стружками. То была привилегия женщин. Уборных, конечно, не было — лес рядом, к чему еще уборные? А зимой и лес не нужен: замерзло — и ладно, а скользко — обойди. Что за нежности! Для женщин товарищи в двухстах—трехстах метрах от лагпункта сделали шалаш из

елок, "хитрый домик" и, борясь за элементарные примитивные нормы быта, мы, женщины, бегали в любой мороз, даже в 40—50 градусов, днем и ночью в наш шалаш. Мужчины же на это смотрели иначе, и вскоре их землянки обросли отвратительной желтой наледью и бордюром из экскрементов. Ни врача, ни фельдшера, ни санитара, ни медпункта. Я по совместительству с общими работами стала выполнять функции медработника, сколько умела. В юности работала медсестрой и инструктором в 12-й санчасти Красной Армии, знала латынь, вот и все. Так или иначе, медработник был необходим, без этого нельзя было открыть и, значит, выстроить медпункт хотя бы на одну койку и получить медикаменты и лекарства из санчасти Воркуты. Больных было очень много, вернее, почти все. Завшивленность огромная; баня, кухня и прачечная — не то что в антисанитарном состоянии, а совершенно не соответствовали ни названию, ни назначению. Основной причиной болезней являлся голод. Полтора месяца после изнурительного этапа и тюрем питались жидкой крупяной кашицей без жира, гнилой замерзшей брюквой, изредка такой же картошкой и кусочком трески; бывали дни, когда, кроме горячей воды и кусочка соленой трески, мы ничего не получали. В течение зимы в основном прибавился хлеб, ячневая крупа, треска, немного постного масла и по 150 граммов сахара на брата в месяц. Мяса почти не было, но, правда, ловили куропаток, первое время их было множество. Многие были на краю гибели, но... выжили почти все. Это можно объяснить тем, что мы жили в лесу, мужчины постоянно работали на наружных работах и были молоды.

Однако было бы непростительно легкомысленно и неверно умолчать о том, какой разрушительный след оставляет такая голодовка и в каком тяжком состоянии находились некоторые товарищи. Может быть, нам довелось получить дозу голода несколько более обычной, но голод в лагерях — явление постоянное, входящее составной частью в систему лагерного режима, особенно для политических заключенных, хотя они несут на себе всю основную тяжесть лагерных работ. Режим уголовников несколько иной. В лагерях "урки" — голубая кровь, белая кость. Они — опора лагерного начальства, "друзья народа". Мы — "враги народа", и этим все сказано. Они занимают основные "блатные" должности, за исключением тех случаев, когда необходимы грамотность или образование. Они — возчики на транспорте. Они считают правилом воровство всех видов, и начальство на это смотрит сквозь пальцы. Они позволяют себе не работать или работать с прохладцей, им разрешен свободный выход за зону по любому поводу. Они получают объедки с барского стола администрации за всевозможные виды холуйства. "Блат, мат и туфта" — символы их лагерного пове-

дения. К политическим они относятся по меньшей мере свысока, как привилегированная каста к плебсу. "Троцкисты-мантульщики!" (что означает — работяги) — бросают они с презрением и ненавистью. — Работайте, работайте, на гроб не заработаете!" Опора они, конечно, противоестественная, опора в кавычках, ибо они постоянно отлынивают от работы, скандалят, нарушают режим, заполняют изоляторы. Воры ведают каптерками, проститутки рожают детей, зачастую сифилитиков, рецидивисты превращаются в парикмахеров и орудуют бритвой, брея физиономии начальства, и т.д. Я говорю о целой категории людей и их правовом положении, а не об отдельных людях. Человека же можно встретить повсюду. Как и глубокое моральное падение, временное или постоянное, среди политических.

Наряду с потерей себя, опустошенностью, к которой приводит некоторых арест, огромную роль в этом играет и голод, чаще среди мужчин. От этого никак нельзя отмахнуться. Если об этом умалчивают, значит, человек получал систематическую помощь из дому, либо ходил в "придурках", либо он лжет, либо просто забыл то грызущее чувство, которое сначала высасывает внутренности, а затем подбирается к сознанию и овладевает им. Чувство голода, поскольку оно не разрушило организм, забывается очень быстро, как забывает женщина родовые муки, как перестает кричать ребенок, как только мать накормит его грудью. Голод забылся, как только исчез, а вот глаза мужчин, одновременно пустые и тоскующие, вялая, расслабленная походка, опущенные, понурые фигуры, втянутые животы, оживление при выдаче пищи, жадные, дрожащие руки, все то, что должно было нас принизить и уязвить, — незабываемо. В женских бараках постоянно заводились разговоры о еде, о всевозможных блюдах. Тема смаковалась до тошноты, не снимаясь с повестки, переползая с нары на нару, как перебегает невидимое пламя в степи, подгоняемое ветром. Люди интеллектуальной породы старались избегать и изгонять эти темы, но в бараках на сто человек они оставались дежурными всегда. Женщины болели относительно меньше, но весна косила всех подряд.

Полуголодное существование — чисто политическое соображение, а не экономическое, так как на заключенных лежала вся стройка на Севере и в разных концах страны — Воркута и Колыма, Караганда и Норильск и т.д. Голод нужен был как наказание и для того, чтобы задушить протест против чудовищной и жестокой бессмыслицы происходящего. Многие готовы были разбиться в лепешку на работе для перевыполнения нормы. Встречала людей, которые быстро сдавали и которых спасти могли только хлеб, минимум сытости, и ничто другое. Вот один из примеров силы голода в неприкрашенном виде. Живем уже в Кочмесе (беру этот слу-

чай не потому, что не могу их привести из жизни Сивой Маски, а потому, что Кочмес, так сказать, "плановая командировка", снабжающаяся по обычным лагерным нормам). Кочмес на языке коми означает "земной рай".

Корчуем лес. Работаем в строительной женской бригаде. С нами работают и мужчины. Обратил на себя внимание человек, идущий пьяной походкой и обросший седой щетиной, как зверь. Он постоянно еле плетется в хвосте. По утрам неизменно триста граммов хлеба — пайка штрафника. Значит, нормы не выполняет и может лежать с таким же успехом на нарах (звали его Филипп Андреевич, фамилия забылась, теперь уж его нет в живых). Затем он перестал выходить на развод, не появлялся и в столовке. Расспрашиваю у мужчин о нем. "А, доходяга, почти мертвец, туда ему и дорога. Гнали его в медпункт — не идет. От него барак вшивеет, надоел беспомощностью и грязью". И отмахиваются. Несколько раз мысль возвращалась к нему и исчезала. В мужские бараки ходить воспрещено, да и появляется особая привычка отречения от неприглядных восприятий, дурного сорта нравственный иммунитет, но в то же время и спасительный. Так прошло несколько дней. Женскую бригаду перекидывают по разнарядке на чистку и побелку мужских бараков. То ли вши заели, то ли ждут комиссию. Часть мужчин выехала по реке на лесосплав, часть перевели в другое помещение, барак освободили. Мужчин в Кочмесе мало, их ценят больше, чем женщин. Грязь, конечно, но барак не из самых худших. Мы начали разбирать вагонки, снимать и выбрасывать доски. Договорились с нарядчиком, разрешил бы вскипятить котел, в котором распариваем финскую стружку, для того чтобы ошпарить доски вагонок. Остались столбы. Пусто. Видим, сидит под нарами обезьяноподобный человек. Скорчился. Просто страшный. Глаза голодные, алчные, не голубые, а белесые. Вылинявшая гимнастерка, летние брюки, из них торчат иссохшие грязные конечности. Молчит. Я узнала его. Женщины-строители выгоняли на сверхтяжелых работах по килограмму хлеба в день и считались своего рода аристократами, таким образом, мы имели возможность подкормить умирающего от голода. Попробовали поднять — противится: "Я весь вшивый, не трогайте. Есть, есть, дайте поесть, никто обеда не принесет, а я..." — Завыл утробно, но тоненько и растянулся на полу. Пошли в стационар. Взять не могут, полно и в коридорах. Перетащили в другой барак, начали подкармливать, обстирали, помыли. Позвали парикмахершу, знаменитую Галю, конечно, урку. Она же певица и балерина. Прилетела, сделала реверанс, обещала превратить в "красавчика", потом плюнула на гаерство и по-женски заботливо и умело привела больного в человеческий вид. Он стонал, плакал, лепетал — "чудо". Не скоро, очень не скоро стал приходить в себя.

Кто же он? Сибиряк. Некогда левый эсер. В 1918 году, после убийства Мирбаха, в Москве был ненадолго арестован советской властью. Вскоре стал большевиком, крупным работником. Взят в Новосибирске. До ареста в 1937 году был директором Новосибирского банка и членом обкома. По образованию экономист и юрист, но это еще ничего не говорит, он оказался блестящим знатоком Маркса и Ленина, Энгельса и Меринга, Плеханова и Люксембург, народнической литературы, поэзии. Мы открыли в нем кладезь премудрости. Наша строительная четверка с ним сдружилась. Когда он совсем пришел в себя и попривык к нам, он доставлял нам немало удовольствия то чтением на память целиком "Песни о Гайавате", то рассказов Чехова. Как-то Фрида Фаянс достала томик Тургенева со стихами в прозе и дала его почитать Филиппу Андреевичу. Книги были редкостью, а наш подшефный уверял, что с воли это первая книга в его руках. Через несколько дней, когда мы рыли котлован, а он отгружал и отвозил землю, в перерыве, желая отблагодарить нас, читал на память стихи в прозе Тургенева. Личное хранил в тайнике, и оставалось загадкой, почему такой человек так катастрофически сдал. Вопрос этот занимал меня, и я решилась наконец задать его. "Сам не знаю, как дошел до жизни такой, до полнейшего безразличия к себе и к жизни. Видимо, сделан не из того теста, которое лепит твердокаменных. Я даже не презираю себя. Возможно, ошеломляющим ударом был арест жены. Одна из женщин осеннего этапа рассказала, что сидела с ней в Мариинских лагерях без права переписки. Все человеческое начало во мне гибнуть и отмирать. Шел навстречу голоду без сопротивления, до некоторой степени добровольно. Но умирать от голода крайне трудно, такого искуса я не выдержал. Кажется, могу возродиться лишь после встречи с женой".

Но незаметно для себя он уже возрождался. Зимой его увезли на Иджил-Кирту. И человек, и жизнь его терялись для нас с этапами. Увезен, связь оборвана. Следы памяти, заносимые северной снежной поземкой...

Но возвратимся на Сивую Маску. В течение зимы почти постоянно большая группа мужчин, состав которой был текучим, находилась в состоянии, близком к смерти, вследствие голода, антисанитарных условий и отсутствия медицинской помощи. Большинство выжило, так как появились геологические партии для изыскания и проведения железной дороги на Воркуту. Потребовалась рабочая сила, и многие попали в лучшие условия.

Люди приходили в негодность не в силу своих никчемных качеств, а в силу условий, в которые были поставлены. Так, чуть не погиб один из самых молодых среди нас, студент техникума Володя Гречухин, ныне доктор наук, геофизик. На этапе он держался скромно и неуверенно. Моло-

денький, худенький, застенчивый и очень грустный, с ярко выраженным псковским выговором. Деревенский паренек. Навалились на него с арестом страшная тяжесть и тысячи вопросов без ответа. Силы подкошены, а тут голод, одиночество, грязь, безнадежность. Он болел тяжко и быстро шел под уклон. На выздоровление почти не было надежд. Так как Володя был одним из самых тяжелых больных, то он и попал в подобие изолятора, на единственную койку, которую к тому времени решил организовать Должиков в специально для этого вырытой землянке. Я же решилась на выполнение функций медработника по совместительству с общими работами стихийно, по безвыходности положения. Я не имела ни прав, ни образования, но хоть что-то умела. Нужен был человек по уходу за больными, наблюдению за санитарным минимумом, для выписки лекарств с Воркуты, приготовления порошков и т.д. Пришлось делать и большее. Нашлись и помощники, и прежде всех Дора, посменно дежурили ночью около тяжелобольных.

С Володей дело обстояло до того плохо, что его сосед по нарам (имени не помню) получил разрешение от начальника заготовить для него гроб в выходной день. Но все как могли дрались за жизнь юноши, и в конце концов он выжил. Выжил, и через месяца два ушел работать в геологоразведку.

Женщин на общем пайке на Сивой Маске осталось до пополнения всего четыре, так как Чертенко присосалась к ВОХРу, Котиш ушла поварихой к уркам, сестры Бардины и Иванова переселились в землянки начальников для их всестороннего обслуживания, что в такой откровенно бесстыдной форме возможно было в условиях полной изоляции нашей командировки.

Мы с Дорой на Сивой работали прачками и швеями. Когда белье наконец появилось, то количество его было крайне ограниченным. В прачечной не было баков для кипячения белья, а потому вшивость оставалась неизживаемой бедой. Мы боролись с ней утюгами, под которыми мужское белье в швах потрескивало, как пламя разгорающегося костра. Трещали живые гниды после нашей стирки. Шили из грубых мешков из-под крупы и муки, а также из рогожи мужские брюки. Ни выкроек, ни машинки не было. Шить мы не умели, и потому легко представить, как мы обогревали и украшали рабочих результатами своего труда. Шили из актированных бушлатов, штанов и телогреек шапки, рукавицы и ватные лапти взамен отсутствующих валенок.

Почта зимой была санная, а потому тащилась тысячи километров на перекладных, а мы еще дополнительно страдали от "неплановости". Писем мы не получали и не могли отправить в течение нескольких месяцев, пока нас не легализовали как законный лагпункт. На нашу переписку с родными

ограничений пока не накладывалось. Взятые позднее, в 1937 году, лишались переписки на два года. После войны все лица нашей категории имели право писать только 2 раза в год. Что касается переписки с остальными гражданами (не близкими родственниками), то здесь действовал неписаный закон политического барьера, за который ни мы, ни люди с воли переступить не решались, за редчайшим исключением. Получать газеты было запрещено, как и книги. Радио не было, как и книг. Мы жили совершенно обособленно и оторванно, не общаясь с внешним миром. Зимой мимо Сивой Маски начали перегонять пешие этапы заключенных. Шли кровавые годы — 1937 и 1938, когда на Воркуту, на знаменитый страшной памятью кирпичный завод, сгоняли людей для массовых расстрелов. В эти годы в тюрьмах на стенах писали: "История не знала более кровавого года, чем 1937" или "Ложь, что весна приносит радость, весна 1938 года несет смерть"... В эти годы люди подвергались в тюрьмах зверским пыткам. Но в энциклопедическом словаре издания 1951 года читаем равнодушно-стереотипные строки о том самом кирпичном — страшной тюрьме смертников: "На Воркуте построены угольные шахты и большой кирпичный завод для строительства зданий".

Никогда не забуду эти цепочки людей в темных бушлатах, идущих со всех концов страны сквозь пургу и стужу сбивающейся походкой по узкой тропке. Кругом снег да снег, пурга, ветер. Снег под ногами и в воздухе. Он забивается в ботинки, под рукава и за шею, с морозом и жгучим ветром, слепит глаза, обжигает лицо. Спереди и сзади конвоиры, по бокам собаки. Бредут загнанные, оклеветанные, такие же, как мы, те же "КРТД", те же "враги народа". У большинства обморожены щеки, носы, подбородки, пальцы рук и ног. Чаще их прогоняли мимо нас, иногда же конвою становилось невтерпеж, конвоиры останавливали этап, чтобы обогреться, и цепочка фигурок "зэков" тоже поднималась наверх, забегала в бараки и землянки. Мужчины почти все в лесу на работе, на заготовке крепежника, за несколько километров, а женщины на месте. Едва успевали напоить кипятком, сунуть что-нибудь поесть, смазать лицо и руки вазелином из скудной аптечки, перекинуться словом, беспорядочными вопросами о воле, о близких. Порой встречались родные, друзья, знакомые. Дважды узнавала о муже. Некоторые из этапников прошли пешком 1000—2000 километров из Чибью или из Нарьян-Мара. Таким образом, мы хоть что-то узнавали о лагерной жизни за пределами Сивой Маски, а иногда и о воле.

Давно это было, но и теперь закрою глаза или во сне и вижу черную движущуюся полоску сжавшихся фигур, быстро теряющуюся в океане снегов. И саднящая, непроходящая боль режет сердце. Сколько людских цепочек прошло мимо Сивой, чтобы никогда не вернуться...

Командировка наша была превращена в заготовительный пункт крепежника для Воркутинских шахт. Снег выпал сразу после нашего приезда и укутал, вернее, утопил Сивую Маску до июня.

Крепежник заготовлялся в лесу, расстояние от лагпункта становилось дальше с каждым днем. Вывозился он тоже людьми на изготовленных тут же санях, на "вридло" (временно исполняющих должность лошади), как говорят в лагерях. Предварительно вножную вытаптывается дорога на вырубленных просеках. Были, конечно, присланы нормы заготовки (повал, распиловка, обрубка веток, окоривание и пр.). Прокладка дороги в нормах не учитывалась. Труднее всего оказалась вывозка, так как заготовки происходили в разных участках леса, а построить снежные дороги не позволяли время и нормы. За невыработку нормы паек хлеба урезывался до трехсот граммов в сутки.

Работа тяжелая, изнурительная из-за скудного питания, жестоких морозов, снега на полтора-два метра и отсутствия дорог. Должиков осуществлял свою власть над нами со сдержанным равнодушием, как нечто неизбежное, стремился к порядку, к созданию минимума сносных условий для нашего существования, а иногда бывал просто человечен. Зато его помощник Красный был мерзейшим типом вне категорий всякой морали. Он упивался властью, издевался над заключенными, как мог, и делал все от него зависящее, чтобы как можно больше измотать нас. К разводу он выходил почему-то в военной шинели, с кнутом, выстраивал всех в темноте, отсчитывал пары и тройки и не своим голосом, без тени иронии орал: "Командовать парадом буду я!" Затем он переключал внимание на самых слабых и начинал над ними куражиться. Излюбленный объект его издевательства — слабосилка, которая не освобождалась от тяжелых работ, так как иных не было. Вот Красный подходит к профессору Ральцевичу и члену Коминтерна от польской компартии Попову-Ленскому, которые впряжены в тяжелые сани. Ральцевич после окончания Института Красной профессуры по философскому факультету был руководителем ленинградского отделения Комакадемии. Прекрасно помню, как осенью, зайдя в библиотеку Дискуссионного клуба на Мойку, 59, прочла объявление: "Ральцевич Василий Никифорович прочтет лекцию для партактива. Тема: "Классовые, гносеологические корни контрреволюционного троцкизма, левого и правого оппортунизма". В лагере он "вридло" по статье "контрреволюционная троцкистская деятельность".

— Что, — спрашивает Красный, — нормочка будет вчерашней? — Те молчат. — Язык примерз к гортани? Сейчас разогреетесь. Шагом марш! — Попов-Ленский и Ральцевич сгибаются, напрягают силы и медленно двигаются по на-

правлению к лесу. Сил мало. — Ах так! — кричит Красный. — Эх вы, кони мои вороные! Бегом! Бегом! — Вертя и свистя над их головами кнутом в воздухе, Красный напирает на них. Он выхватывает из рядов еще не отъехавших молодого поэта и журналиста Супруненко и приказывает ему толкать сани сзади, напирая на слабых товарищей. К вечеру Ральцевич возвращается в состоянии изнеможения. У нас в бараке особое покровительство оказывает ему Усвятцева — на почве идейной общности — оба считают своими злейшими врагами тех, кто позволил себе когда-либо в чем-нибудь усомниться, оба считали, что в лагере, за небольшим исключением, сидят прямые или косвенные убийцы Кирова, оба психологически приучили себя к идейному приспособленчеству и к сделкам с совестью, оба отстаивали чистоту генеральной линии, были бдительны и следили за всеми отступлениями от их догматического мышления. Оба поэтому были с трудом выносимы в условиях лагерного общежития. При сходстве взглядов они резко отличались в быту. Юдифь — энергичная, практичная и по-женски умелая, Ральцевич — беспомощен, неприспособлен, жалок.

На Сивой Маске не имелось вышек и строгой зоны, а только приказ не выходить за пределы командировки после работы. Мужчины полулегально могли заходить в женский барак. Мы находились на глазах у начальников и ВОХРа — территория командировки с пятачок, в глухой тайге-тундре.

Ральцевич нашептывает Юдифи — мы невольно слышим их беседу: "Наконец нашел верные слова для заявления, которое вам вчера читал, сумел убедительно нащупать внутреннюю закономерность процесса среди кажущихся случайностей..." "Об этом после, здесь нас слышат", — говорит Юдифь конспиративным полушепотом, выразительно глядя в нашу сторону. "Извратить подлинное мое отношение к действительности никому не дано", — отвечает Ральцевич и тоже укоризненно смотрит в нашу сторону. Многозначительный их разговор раздражает, но терпим — жалко этого скомканного человека с его фарисейской мудростью, отца шести маленьких детей, оставшихся на воле. К нему не вернусь, но добавлю о детях: старший сын после всех передряг неизлечимо заболел психически.

— Вы что-нибудь кушали? — спрашивает Юдифь уже деловито. Ральцевич вынимает из-под бушлата полуживую куропатку и медленно начинает крутить головку куропатки вокруг ее шейки. Отвратительное зрелище, отворачиваешься, потом невольно притягиваешься взглядом к его бессильным рукам и бьющейся в них куропатке. Юдифь вырывает ее из рук Ральцевича, накидывает телогрейку, выходит и через 15 минут возвращается с ощипанной птицей. А он все сидит понурый, чужой; бушлат на нем обвис, руки повисли как неживые, он дремлет.

— Идите к себе, — говорит Юдифь, — я передам вам суп, когда он сварится...

Не думаю описывать день за днем урезанную, изуродованную жизнь, которая не окрылит тех, до кого когда-нибудь дойдут эти строки. Зачем же писать о том, что запрятано в глубоких нишах сознания? Затем, что необходимо говорить с живыми, чтобы рассказать правду и показать, что творимое не было неизбежно, что многое можно было, а значит, можно и в будущем предотвратить, если мы не в теории, но на практике не будем сторонниками непротивления злу, если мы не дадим общественному фатализму овладеть нами.

Зимой 1937 года, 6 января, проходила всеобщая перепись населения. Переписывали и население лагерей не по формулярам, а, как положено, лично. Но так как заключенных, упаси бог, нельзя оставить наедине с переписчиком, то их сопровождал конвой, и водили на перепись нас под конвоем. На Сивой перепись проводили двое мужчин-ненцев, плохо говоривших по-русски, и молодая учительница из Сыктывкара. Они заночевали у Должикова, а Зоя Иванова, таким образом, оказалась в бараке. Она пыталась заговорить с нами, мы молчали. Я же, воспользовавшись положением медработника, ушла на медпункт. Часов в 11 вечера постучали в дверь медпункта. Вошла учительница с конвоиром. Сославшись на то, что ей надо раздеться, она попросила вохровца уйти. Была пурга, голоса трудно за дверью различить, и мы разговорились против правил. Она училась в вятском педучилище и работала третий год. Девушка сильно кашляла и попросила ее послушать. Ответила, что я не медик, а преподавала в пединституте.

— Все равно разденусь, поставьте мне банки, чтобы остаться подольше, мужики пьют и курят. Противно! — Девчонка по-северному смелая, решительная. Не всякая решилась бы поехать с четырьмя мужчинами в лагерь, в глушь, в пургу. По-русски говорит чисто, но с обязательным цокающим специфическим ненецким акцентом. Лицо тоже запомнилось — беленькая, с глазами чернокруглыми бусинками, брови раскосые, а не темные, и на круглом лице не приплюснутый, а острый носик, типичная метиска. Она легла, я поставила банки. Разговор продолжался.

— Не знаю, с кем посоветоваться, — начала она, — спросить у спутников — подумают глупа, при них и с начальником поговорить не удается. Я очутилась в дурацком положении. За сведения как-никак отвечаю, а ни у кого ни паспортов, ни документов и все — заключенные. Может, все врут и надо мной посмеиваются.

— Что же вас смущает?

— Посудите сами, получается несуразная картина, на правду не похож: заполнила 218 карточек (к тому времени

Сивая Маска несколько пополнилась людьми). В большинстве карточек такие сведения: в графе образование — "высшее", в графе профессия — "лесоруб", "прачка". Кто поверит?

— В таком случае, почему вы обращаетесь ко мне, я такая же заключенная, как все.

— Да просто так пришлось. Вы меня не понимаете, ведь в моей республике считанное число людей с высшим образованием, вот и не знаю, как быть. Не ожидала, что пришлют сюда, сказали в отдаленный район, комсомолка, ну и поехала. Никакого инструктажа... Сама слышала на заседании комсомола выступление секретаря обкома Коми (помнится, она назвала фамилию Семичева) о том, что у нас в вузах области учится 500 человек, в столицах по стране еще 400 человек, а здесь, на речушке, которой и на карте не заметишь, полторы сотни людей с "высшим". Все 14 пунктов опросного листа выглядят неправдоподобно.

Я оставалась сдержанной, ведь мы прощупывали и побаивались друг друга, хотя девчушка внушала доверие искренним непониманием увиденного.

— Мне кажется, что я во сне. Надо помалкивать, а я не удержусь, поделюсь впечатлениями, и мне путешествие даром не пройдет — точно прочла запрещенную книгу. Книга интересная, но непонятная... Спасибо за банки...

— В сведениях по пунктам анкеты не сомневайтесь, — заметила я, — кто бы из заключенных отважился соврать, их можно немедленно проверить, да и с какою целью?

Раздался стук, она выскочила, приложив палец к губам в знак абсолютного молчания. Уехали они рано. Где она? Помнит ли свою поездку в Сивую Маску, в иной, случайно приоткрывшийся ей мир? Как разрешились ее сомнения? Захотела ли их решать или раз и навсегда приложила палец к губам?

Как-то поздно вечером, когда мы сидели в бараке при свете благословенной коптилки-фитилька из ваты в блюдце с оливковым маслом, присланным в посылке Доре ее мужем незадолго до его ареста, в барак вошел Должиков и тоном приказа назвал фамилии Уструговой и мою — "наряд на ночь, одевайтесь теплее, на наружные работы". Мы оделись и вышли. Светила луна. Мороз градусов 30. Безветренно. Все блестит, как в сказке в ночь под Рождество, в лунном свете. Дышится легко, хочется вдыхать воздух глубже и глубже после смрадного, тесного, черного клопяного барака. За зиму ни одного печатного слова в бесконечно длинные полярные ночи. Тоска в бараке! Ночным сторожем работал Борис Донде, который ночевал, как Диоген, в бочке, а по утрам будил нас неизменно шутками, на что его всегда хватало: "Мадемуазели! Кофе подан, подъем!" или "Куропатки в сборе, подъем!" Речь шла о нашем "хитром домике", кото-

рый превратился в снеговую пещеру, на которой ночевали десятки и даже сотни куропаток. Когда мы по утрам торопливо шмыгали в лес, куропатки белой пенной стаей вспархивали и уносились прочь. Борис наблюдал наш бег и их полет каждый день. Сейчас он вышел из своего убежища, удивленно нас оглядел и, не обращая внимания на Должикова, как обычно, шутя сказал: "В случае опасности дайте выстрел, и я тут как тут!" Но дело обернулось сверхнеожиданно.

Мы шли за Должиковым, совершенно не понимая, куда и зачем он нас ведет, по привычке заключенных ни о чем не спрашивая. Он зашел за сарай, указал нам на две пары широких северных, подбитых камусом лыж: "Берите лыжи — и вокруг Сивой Маски. Чтобы никто не видел, двигайтесь сначала в лес, а потом заверните к реке — иначе заблудитесь. Убежать некуда. Часа на три — так, чтобы наутро спать на нарах. Все, это и есть ваш наряд". Тон строгий, начальнический, обе поняли, что благодарить неуместно, а благодарить было за что. Его ли инициатива, или Зоя Иванова, побывав в бараке, упросила его дать нам передышку, не знаю. То ли стыдилась она своего поведения и хотела хоть чем-нибудь его загладить, то ли не могла забыть нашей совместной поездки в Тобольск. Зоя была податлива и беспринципна, но незлобива.

Ни до, ни после не видела такой умиротворяющей, успокоительно-радостной, волшебной красоты тайги под луной. Тишина. Чудесная возможность вырваться из рабского состояния и затхлого барака. Иллюзия свободы хоть на несколько часов. Искрящийся снег, скрипящий под ногами. Мириады снежных блесток на деревьях и ветках, как будто сам лунный свет разлетелся на бесконечное количество сверкающих осколков. Свет играл на снегу, а каждая снежинка искрилась звездным огоньком. Мы взялись за руки, в другую руку по палке и сначала медленно и робко, а затем все смелее и смелее устремились на светлый снежный простор в сторону Воркуты. Не успели выйти за пределы поселка, как тут же замелькали свежие тонкие узоры то изгибами, то струнками, то извилинами птичьих и звериных следов. Их было множество, они сплетались и разбегались во все стороны: лапчатые — куропачьи, когтистые и более редкие — глухариные, петляющие — заячьи, прыгающие — собoлиные, метелочные — от хвоста песца и всякие, нам неведомые. Подсвеченные изнутри следы зверей и сбили нас с толку. Глядя на них, мы уверились в том, что лыжня, по которой катимся, послужит прекрасным ориентиром на обратном пути, не учли того, что лесные жители редко передвигаются на открытых пространствах, а прячут следы под деревьями и кустарником, где ветер и постоянная непроходящая поземка не всевластны. Сами же выбирали места более открытые.

Белолунное бездорожье манило неизведанной далью. Внезапные порывы ветра загоняли нас в сторону, в глубину неистребимой вечной жизни хвойного леса. Его густые ветви ярче оттеняли лунную белизну и излучение снегов. Все приобретало особое очарование на свободе. Мы набирались сил и жизненных соков у хвои, утратившей горький вкус обязательного ежедневного антицинготного хвойного причастия. Ночное причастие лесом было без горечи. Потом снова мчались по реке. Сколько прошло времени, мы и сами не знали. Ослепила мерцающая белизна, заснеженные болота, слившиеся с лентой реки. Лыжню заносило с мгновенной быстротой. Очнулись от лесного колдовства. Несколько раз круто поворачивали то вправо, то влево, назад, но не находили ни следов, ни направления.

Мы заблудились. Видимо, река незаметно изогнулась, и мы не могли определить, в какой стороне Сивая Маска. Знали, что до Воркуты селений нет, а 70 километров не дотянем. Угроза замерзнуть или очутиться в бегах — не из приятных. Логическое рассуждение требовало, чтобы мы остались на реке, где есть небольшая надежда на редкий транспорт, но инстинкт самосохранения гнал в лес, в затишье. Кое-где проступали следы наших лыж, но своим петлянием мы сами себя запутали, как зайцы путают охотников. Зверь умнее в лесу. Прокружившись еще около часа, услышали собачий лай. Страшась овчарок и конвоя, бросились в противоположную сторону. Но лай не отдалялся, а приближался, звуки, очевидно, относило в сторону поднявшимся ветром. Сообразив, что лай несется из лесу, а не с реки, мы направились прямо на него и наткнулись на палатки разведывательной экспедиции, о существовании которой и не подозревали. В палатке все спали, но из трубы курился дымок. Собака нас не подпускала, мы стали бросать комья снега в палатку. Наконец появились люди. Они смотрели на нас, как на диво. Мы с Дорой путались в объяснениях, не зная, кто наши спасители, и не желая подвести Должикова, но все же вынуждены были сказать, кто мы, и назвать Сивую Маску. Мужчины удивились: "Да вы отмахали километров 30, дело нешуточное. Надо выручать. Прежде всего напоим вас чаем, потом проводим". Среди членов экспедиции нашлись ленинградские геологи и инженеры, они, не убоявшись двух женщин 58-й статьи в далекой глубинке, поделились всеми новостями, какими располагали. Пока мы чаевничали на вольных хлебах, работники экспедиции запрягли лошадей, чтобы отвезти заблудших. Недалеко от Сивой Маски нас высадили из саней, показав прямой путь. Незадолго до подъема мы тихо поставили лыжи и прокрались в барак. Для всех наша сказочная авантюра-вылазка осталась секретом. Должиков был попрежнему строг и официален и ни о чем не спросил. Но находились, конечно, любители, наблюдавшие за Должи-

ковым, хотя особых скидок в отношении заключенных с его стороны и не было. Один из доносителей, безусловно, Красный. Должикова сначала перевели из Сивой Маски в Абезь, затем сняли с должности, вызвали на Воркуту и расстреляли. Имя его среди приговоренных к высшей мере услышала в Кочмесе.

Третья среди вновь прибывших — Мария Яцек, посаженная за брата Владимира, знакомого мне по воле. Брат деятельный, энергичный, жизнерадостный; Мария невзрачная, вялая, нелюдимая, но оба прямые и непримиримые. Позже ей довелось выдержать многократные следствия, пройти через множество испытаний, "Ухтарку" (строгорежимная, крайне суровая тюрьма) и дополнительный суд. В результате Маруся попала в психиатрическую больницу. Брат расстрелян.

В архивах и в памяти немногих еще живых хранятся имена людей, которые могли составить гордость страны. Могли, но... погибли. Гибель их — не только страдания для детей и близких, она нанесла глубокий ущерб всему народу, хотя и не имела непосредственного резонанса. Судьба их оставалась долгие годы в полной неизвестности.

Наша маленькая группа женщин всегда чувствовала товарищеское, бережное отношение со стороны мужчин-заключенных. Ничем другим они помочь не могли, и многие из них вскоре ослабели физически, а некоторые и морально, больше женщин (исключаю тех нескольких женщин, которые добровольно завербовались в услужение к начальникам. Они как-то выпали из нашей жизни.). В голове вохровцев никак не укладывалось, что между нами отношения чисто товарищеские. По этому поводу вспоминается безобразно грубая сцена, разыгравшаяся однажды зимней ночью в женском бараке. Без распоряжения начальника вохровцы не имели права входить в бараки. По лагерному положению бараки должны по ночам освещаться хотя бы самым скудным светом. К нам керосин не был завезен, спали без света, пожираемые живьем насекомыми. В ту ночь у наших дверей, которые мы запирали на крюк, раздался лай овчарок, а затем бешеный стук кулаками в дверь. Дневальной была Дора.

— Что вам надо? — спросила она.

— Откройте, не то будет худо!

— Без начальника не откроем, — решили мы.

— Никакого начальника не будет вам, растакую мать-перемать... У нас свое начальство.

— Без начальника обыск делать не дадим, а все остальное отложите до утра.

Ветер и пурга проглатывают и лай овчарок, и крик, и ругань, и наши ответы. Звать на помощь бессмысленно. Мы вскочили, боимся бесчинств вохровцев. Землянки далеко.

Сторож склада, видимо, заранее отослан перед "операцией". Стук прикладов, дверь срывается с петель, взбесившиеся вохровцы врываются в барак (их четверо) с собаками. Все с фонарями. "Все в угол! Найдем мужиков, тут же собакам дадим на растерзание!" Они сбрасывают с нар на пол наши постели, топчут, сквернословят, грозят черт знает чем. Новая команда: "На нары! Подбери ноги!" Они лезут под нары и шарят там прикладами. Протестовать — безумие. Поиздевавшись всласть и превратив барак в бедлам, они уходят, оставив нас в темноте и без дверей. В бараке холод, снег, гуляет ветер. Уходя, вохровцы кричат: "Попробуйте только высунуть нос до развода — собаки дело знают". Кое-как прилаживаем дверь, но не ложимся. Затапливаем печь и сидим безмолвно вокруг нее. О чем говорить? Наутро жаловались. Не уверена, что в связи с ночным бесчинством, но начальника ВОХР месяца через два от нас убрали.

По лагерю ползут слухи о голодовке на Воркуте и на других лагпунктах. Причины? Повод? Мотивы? Да разве их мало? Причина — произвол в арестах и наша лагерная жизнь. Поводов сотни и тысячи. Мотивы — может быть, голодовка разорвет густую пелену молчания, сотканную вокруг лагерей, будет пробоиной в толще стены, сооруженной между нами и волей. Даже привезенные из политизоляторов политические попадают в лагерях в гораздо худшие условия. Это верно, но я против голодовки: объединяющей политической линии нет, нас по точкам передушат, как котят.

Снова и снова выпячивается противоречивость нашего положения, из которого никак не выскочить: не говоря о том, что мы арестованы властью, совершившей революцию, но и сидим в период свершения испанской революции, на фоне международной борьбы с фашизмом, в которой Советский Союз принимал в 1936 году еще решительное участие. И в то же время над нами чинили незаконную и жестокую расправу. Говорю о голодовке с Сашей — он тоже категорически против нее. Ложное понятие товарищеской солидарности не должно сбить с толку в данном вопросе. Игорь Малеев предупреждает: "Не присоединяйтесь ни в коем случае, но я, может быть, и заголодаю из-за Блюма — сидели вместе в политизоляторе, шли одним этапом, а он уже начал и смотрит на меня как на предателя; знайте, что я против, что бы со мной ни случилось". На Сивой Маске не голодал никто, кроме Блюма, на Воркуте голодовка прошла и послужила толчком для неслыханных расправ, впрочем, нашелся бы и любой другой повод для расстрелов.

С Блюмом ближе познакомилась тоже в медпункте. У него был туберкулез легких, а он еще буквально самоистязался: постоянно сидел в изоляторе. Изолятор — узенькое дощатое вместилище с земляным полом, под дырявой крышей и без отопления. Блюм систематически отказывался вы-

ходить на работу и потому, что болел и слабел с каждым днем, и потому, что считал, что его не имеют права содержать в таких условиях как человека с открытым процессом в легких. Он жил на триста граммов хлеба и без горячей пищи до тех пор, пока к нам не приехал начальник санчасти доктор Тепси, который перевел его на "больничное положение". Но больницы не имелось. Блюм перешел в обычную землянку, получал шестьсот граммов хлеба и общую горячую пищу. О Блюме нельзя сказать, что он витал в облаках, скорее, он был отрешен от каждодневности и погружен в жизнь исключительно иллюзорную, созданную им самим. Голод пока не притупил мысль, а истончил ее и поднял на особую ступень духовности. С таким явлением встречаешься в лагере. Возможно, что к нормальной творческой деятельности он был бы не способен без минимума материальных условий. Говорю о другом, о том, что человек, даже если он мучается, далеко не сразу и не одинаково погружается в постянные мысли о хлебе насущном. Голодание — еще не подлинный голод, рождает стремление и приподняться над ощущениями, и избегать их, поелику это возможно. Блюм обладал свойством отвлекаться от обстановки в большой мере. Спустя долгое время после того как вспоминала о Блюме, думала о голоде, прочла в журнале "Иностранная литература" записки Э.Хемингуэя о Париже его молодости "Праздник, который всегда со мной". Есть там такие строки: "Пока я голодал, я научился гораздо лучше понимать Сезанна и по-настоящему постиг, как он создавал свои пейзажи. Я часто спрашивал себя, не голодал ли он, когда работал. Но решил, что он просто забыл поесть. Такие не слишком здравые мысли-открытия приходят в голову от бессонницы или недоедания. Позднее я решил, что Сезанн все-таки испытывал голод, но другой". Блюм и многие другие голодные лагерники не были Сезаннами, но тоже испытывали великий духовный голод по жизни. Блюм хорошо знал французских просветителей, часами мог излагать того или иного философа, цитировал на память Руссо, которого любил. Проверить его, конечно, не могла, но доводы политических трактатов Руссо в изложении Блюма сохраняли характер подлинника. "По терминологии французских просветителей принадлежу, — говорил Блюм, — к "партии философов", потому что ненавижу насилие и догматизм. По терминологии гонителей христианства принадлежу к любым еретикам и буду до конца дней жертвой нашей правящей папистской церкви, независимо от ее названия. Я буду голодать! Зачем? Затем, что сегодня еще надо доказывать, что я человек! В чем мое человеческое? Ни в чем! Живу, как животное, — вне деятельности, без книг, без близких, без любви. Живу так не первый год (за плечами два срока изоляторов). Желаю свободу от совести превратить в свободу совести — буду голо-

дать, докажу себе, что я не червь, не глиста, а человек — делаю что хочу, голодаю по своей воле. Совершенно не верю в успех, даже в политизоляторе голодовка имела бы больший смысл, чем здесь. Но голодать буду! Мы все равно голодаем и прозябаем по чужой воле, а так хоть сдохну по своей воле... Когда плетусь на работу, как лошадь в оглобле, твержу себе: "Ты не лошадь, Блюм, ты тупой осел!" Не смотрите на меня, пожалуйста, снисходительно, как на чахоточного чудака, на работу не пойду и голодать буду, ведь я — царь земли!" Мертвенно-бледное лицо, обтянутые скулы, свисающее с худых плеч потертое пальто с облезшим, некогда бархатным воротником, светлые блестящие глаза вызывали большее сочувствие, чем его речи.

— Сделайте мне шарф и рукавицы!

— Из чего?

— Из свитера, у меня их два, такие носил дома, без ворота.

На следующий день конвоир принес, уже из изолятора, грязнющий, в прошлом белый, свитер, свалявшийся после стирки. Из него нарезала рукавицы, а из оставшихся кусков сшила два шарфа и передала в изолятор. Больше ничего он категорически не принимал. После перевода на "больничное положение", без больницы, без лечения и без больничного пайка Блюм стал поправляться и к весне значительно окреп. Чистый заполярный лесной воздух, несмотря на душные землянки, все же положительно влиял на легкие. Весной его зачислили в партию, шедшую на Воркуту. Там его незамедлительно поместили в "тридцатку", жуткую лагерную тюрьму, затем перевели и на самый кирпичный, а оттуда вывели в горы на расстрел. Блюм и без упрямых доказательств всегда оставался человеком твердым, с чистыми душевными устремлениями...

Мы были отрезаны, не получали газет, а в письмах ничего нельзя было сказать, но то, что политическая атмосфера сгущается, что не только над нами нависло нечто грозное и неотвратимое, мы понимали. Из каких неуловимых толчков складывается биение пульса времени, сказать трудно — то возчики на трассе буркнут два-три слова, сами не разбираясь в событиях, то ВОХР лишний раз ткнет твоим званием, то зачастят оперуполномоченные. Но прежде всего об этом свидетельствовали этапы, прогоняемые мимо нас в жесточайшую стужу на Воркуту все чаще и чаще. Спешная концентрация людей в лютые морозы в далекой заполярной Воркуте не могла быть случайной и подсказывала, что это делается неспроста, что выполняется какой-то крупный тюремный замысел.

Тянулась долгая, долгая зима. Снег лежал плотным глубоким слоем в два метра толщиной. В безветренные дни мы погружались в глухую пухлую тишину. Мир оглох для нас,

вытолкнул и забыл. Казалось, мы погребены в снегах. Жизнь просачивалась через письма и ударяла как неизолированный электрический ток. Почта была зовом и требованием терпеть, и болью, и воскрешением.

В феврале день начал заметно прибывать. Свет поглощал тьму. Солнце слепило, отраженное в белизне снегов, и обжигало лицо северным загаром. На лицах появлялись улыбки, но одолевала цинготная слабость, сильнее хотелось есть и спать. Мужчины сваливались, участились заболевания. Общее состояние тревоги не только не получало разрядки, но, напротив, усиливалось. Начальники и уполномоченные смотрели волком, были подозрительны и озлоблены. С Воркуты к нам перестали заезжать, даже обратный транспорт не заворачивал на Сивую, а следовал мимо. Вохровцы при нашем появлении замолкали. Спешно вывезли на Воркуту Н.Булгакову, М.Советкина и Марину Яцек. Из Усть-Усы приехал работник УРЧа, просматривал формуляры всех и сортировал нас к отправке. Однажды забежала Зоя Иванова, отозвала меня в сторону: "Отбросьте вашу неприязнь ко мне, должна сказать вам по секрету, что готовится большой этап на Воркуту, вас и меня в списках нет. В этом наше спасение. Там плохо, очень плохо. Больше ничего сказать не могу, нам предстоит много пережить". Затем она начала ненатурально смеяться в своей обычной манере, болтать о ерунде и выскочила, оставив меня в еще большей тревоге. Вскоре проследовал этап на Воркуту из Абези. Среди товарищей, которых знала по этапам, — М.М.Иоффе, Ваграм, Липкин, Володя Енукидзе. Была жестокая стужа, надвигалась ночь, но людей без остановки гнали дальше. Удалось перемолвиться несколькими словами на реке, у проруби. По слухам, на Воркуте идет голодовка. Режим резко ухудшился. На шахтах люди работают по 11 часов, с перерывом на обед — по полчаса, под землей, в удушливых примитивных штреках, под постоянные окрики "давай-давай!". Падают, как мухи осенью. Многие заключены в лагерные тюрьмы, из которых выводятся на работу и запираются после работы. Голодающие отказались работать. Толком в Абези тоже ничего не знают, сведения случайные. Кто-то из наших женщин успел передать этапникам несколько пар ватных рукавиц, которые мы всегда припрятывали в пошивочной на случай этапа. Со многими товарищами простились навсегда. Среди них Ваграм. Он оброс ледяной коркой на бровях, бороде и ресницах, на щеках лед застыл, как горох, как мелкие оспины, как слезы. Печальный, печальный... Окрик бойца охраны, и Ваграм уже шагает по тропке на северо-восток в цепочке, теряясь в саване снегов и пространств, вслед за другими обреченными, потому что с Воркуты мало кто возвращался. Там он работал бригадиром на шахте и на погрузке. О его бригаде говорили: "Бригада Безазьяна работает без изъяна". Разве какие-либо

заслуги, даже самые крупные, что-нибудь изменяли в предрешенных судьбах? Почти вся бригада вскоре была переведена на кирпичный, что уже само по себе пытка, и к тому же преддверие последней человеческой драмы. И она пришла. Не овеяна их гибель романтикой — а могли быть героями, а может, и были героями в последний час. Ваграм — сын народа, жизнь положил за народ, а умер как "враг народа". Почему? Погиб, как целая армия таких же. Вспоминаю его жизнерадостным, молодым, с теплыми глазами, но точит память и последнее свидание... А голос же его звучит как живой — мягкий и сильный.

Рассказала близким товарищам немногое, что узнала. Некоторые ушли с экспедиционными группами и избежали Воркуты в тот период, но тех, кого запрашивала Воркута, никуда не отпускали. Все окутывалось тайной, мы оставались в неведении относительно своих судеб. Таинственность отравляла, сгущала атмосферу страха и рождала покорность у более слабых, чего и добивались в лагерях. Неизвестность всегда пугает.

Приблизительно в середине апреля, впервые после долгого перерыва связи с Воркутой, оттуда привезли по дороге в Москву трех мужчин. Их везли на так называемые "переследствия", которые в огромном большинстве случаев, как потом стало известно, кончались гибелью, расстрелом. Предварительно велись допросы с пытками, о чем с ужасом говорили избежавшие смерти. Но для некоторых вывоз с Воркуты оказался спасением жизни, так как именно в эти месяцы, вплоть до 1939 года, на Воркуте проходила полоса господства Кашкетина, назначенного для истребительных акций, после которых уцелели единицы. Остановка на Сивой Маске была вынужденной — все трое поморожены, а в Москву полагалось доставлять людей в сносном состоянии.

С Воркуты везли Алексея Иванова, Иосифа Сандлера и Михаила Соловьева. Хорошо помню первых двух. М.Соловьев, историк, окончивший Институт Красной профессуры, был крайне подавлен и молчалив. Может быть, не считал возможным вести разговоры в пути, а скорее всего, предчувствие близкой смерти уже владело им, потому что при прощании, когда, напутствуя их, сказала: "Не поморозьтесь снова", Михаил махнул безнадежно рукой и возразил: "Напротив, остановка в Сивой Маске была небольшим шансом удержаться в жизни на два-три дня"... Он не ошибся — срок жизни его был — путь до Москвы.

Как прикрепленная к медпункту, оказывала им посильную помощь и, не контролируемая начальством, могла оставаться на медпункте сколько хотела. Наш лагпункт вследствие оторванности и благодаря Должикову носил отпечаток своеобразия.

С Иосифом Иоганновичем Сандлером мы знакомы по

осеннему этапу, с мужем сидели они в одном политизоляторе. Алексей Иванович Иванов принадлежал к тем людям, которые вызывают мгновенно полное доверие и сами безошибочно разбираются в собеседнике. О нем сохранила долгую память. Он, как и М.Соловьев, погиб вскоре. Немногие люди оставляют такую борозду в памяти после недолгой встречи. Будто снял кто-то усталость после томительных дней, будто ушло мертвенное однообразие и обрела возможность дышать и думать, хотя ничего утешительного я не услышала. Приехавшие товарищи были несколько больше осведомлены о воле, изредка им попадались газеты, кое-что узнавали от вновь прибывших, и сами они были примечательными людьми. Иванов был широк в плечах и весь крупный — черты лица, рост, руки. Он был управляющим КВЖД (Китайской восточной железной дорогой). Такому человеку безоговорочно можно доверить и крупное государственное дело, и руководство массами. В нем сразу чувствовалась уверенность, сила крепкого ума и организаторская воля. Слабых сторон не приметила. Стоит перед внутренним взором, как на постаменте, человек значительный, и гибель его — большая потеря для общества.

Сандлер вытянул лотерейный билет на жизнь. В начале 1937 года вызван в Москву с Воркуты, чем спасся от неминуемого расстрела, такова была участь всех голодавших. В Москве, после Лубянки и Лефортова, где подвергся неоднократным избиениям, неожиданно для себя был определен снова в лагерь, можно полагать, потому, что некогда прошел через обмен, и жизнь его была на учете. Возвращен на Воркуту, там просидел (страшно подумать!) два года и девять месяцев в "тридцатке", тюрьме, из коей не выходили даже люди атлетического сложения, а Сандлер был хилым и хрупким на вид, но, видимо, весьма вынослив и из той же породы людей, что и Блюм, — силен духом. В конце концов как "доходяга" и Кащей Бессмертный был переведен в больницу. Здесь, в больнице, ему врачи выписали особый паек, так называемое "индивидуальное питание", что означало: "Ешь, что хочешь. Обойдешься ты начальству и государству недорого, ты уже не жилец". А Иосиф остался и выжил. Врачи-заключенные, встречая его через несколько лет, смеясь, ему говорили: "Ну и подвел ты лагерь, Иосиф, ходишь в живых!"

Прибыли мы на Сивую Маску в начале октября, уже зимой. Кончался апрель, все еще длилась зима. Сколько времени она протянется? Снег валил все так же. Часто казалось, что пелена почти непрерывно падающего снега навсегда срослась с нашим пейзажем и отгородила нас от всего мира непроходимой, непроницаемой стеной. Но мало-помалу весна начинала давать знать о себе обилием света и расширением горизонта. Раньше мы видели лишь бледные очертания далеких гор, теперь проглядывали их четкие контуры на

светлом небе. Короткий отрезок дороги под нами, поглощавшийся темнотой за пределами Сивой Маски, раздвинулся в оба конца и тянулся по реке сколько глаз хватал... Когда снег уставал падать, прорывалось солнце, ослепительное и даже жаркое. Открывалась и бледная голубизна неба. Тропинки подтаивали, люди по пояс и глубже проваливались в рыхлый снег и увязали в нем. Рабочие загорали дочерна на солнце и на ветру. По утрам мороз держался до 35—40 градусов. Образовывался крепкий наст, по которому мужчины шли в лес на работу, а женщины в перерыв выбегали в лес надышаться и понаблюдать приметы весны. И находили их. Лес наполнялся шорохами и звуками живых существ. Пичужки, которые не улетали на зиму, стали подвижней и голосистей, следы зверей явственнее и более выпуклыми, стволы и ветки деревьев стеклянными. Это убеждало в подлинности того, что по календарю природы приближается май.

Последнее время начальник Должиков стал суетливее обычного и вместе с тем более сумрачным и удрученным. Красный же, напротив, повеселел и обращался с заключенными еще грубее и нахальнее. Плохой симптом. И действительно, вскоре разнеслась весть о том, что собирают этап мужчин на Воркуту. Предварительно Должикова перебросили в Абезь. Дошла очередь и до Сивой Маски...

Расформирование сжившегося этапа все равно что расформирование воинской части на фронте. Все мы оторваны от мирной жизни и семьи. Политическим штормом всех нас стихийно, случайно прибило к маленькой точечке на земле — к Сивой Маске. Мы как-то окопались в ней, обжили трудом и потом, между собой сжились. Появилось чувство локтя, нам горько расставаться, горько отпускать товарищей на Воркуту, откуда просачиваются страшные слухи, где пахнет порохом и смертью.

Утро отправки первого этапа тихое и морозное. Небо сквозь морозный туман окрашивается в розовые тона, предвещая ясный день. Деревья обряжены в хрустящую изморозь. Этап в сборе. Такие моменты стоят вешками на запорошенных дорожках памяти. Уходят человек сорок. "Вот и покидаем наше голодное, провинциальное "Сивое" пристанище, — говорит Игорь Малеев, — а по правде сказать, не тянет лагерный "центр". Вход туда для всех открыт, найдется ли выход?"

Обычная картина этапа, но как горестно прощание! Серо-черные одномастные фигурки. Изношенные до блеска ватные брюки и телогрейки, подшитые продырявленные валенки и то не у всех — на некоторых старые армейские ботинки или "шанхаи" неимоверной величины с вылезающими обмотками всех сортов. Хотя нас формально признали как лагпункт, мы так и остались незаконной, незапланированной

"командировкой" без обмундирования первого срока, несмотря на "пиратство" Должикова. Ушанки повязаны чем попало. Жалкий личный скарб лежит в ногах. Стоят в ожидании конвоя. Уйти бы отсюда по своей доброй воле, чтобы время приобрело действенную силу, а не толкало тебя по "срокам" под капральской палкой произвола! Да где там!

Притоптывает застывшими ногами тощий Илюша Ефимов, удивительно задушевный и бесхитростный человек. За внешней расхлябанностью скрывается подтянутая строгость к себе. Прекрасный товарищ. Он, как и Игорь, уроженец Одессы. Знал славную плеяду молодых одесских писателей революции, объединявшихся вокруг "Окна сатиры" одесского РОСТА: Багрицкого, Бабеля, Ильфа, Петрова и других. Он был несколько моложе их, но в чем-то им помогал, смотрел на них снизу вверх, твердил на память их стихи, прозу, изречения и словечки. Восторженно вспоминал о юности, слившейся с героикой гражданской войны, а иногда приходил в полное отчаяние от настоящего. "Поверите, — говорил он, — лежишь на нарах без сна, вытаращишь глаза в темноту и вонь — и заскулит все внутри, на кой черт эта маята, какое наше собачье положение, для чего терпеть и ждать, а потом стыдишься себя, клянешь хлипкость. Утром ужасаюсь: главное — личность, совесть, душу сберечь, а я вот..." Исповедовался без рисовки, искренне. Товарищество комсомольских лет вошло в его кровь и плоть. Его присутствие согревало и успокаивало. Узнав об уходе этапа, несколько товарищей — Борис Баньшев, Саша Гиршберг, Ваня Долиндо, Илюша Ефимов с риском для жизни пробрались с лесозаготовок и приехали попрощаться. Заросшие, бородатые, мокрые, но приехали. Часть из них, в том числе и Ефимова, включили в этап. Расстрелян в горах под Воркутой. Рядом с Илюшей плотный, круглолицый, неунывающий безобидный ловкач Володя Карпенко, тоже одессит, инженер по профессии, десятник по должности. В женском бараке он свой человек, выручавший нас от сотен бытовых бед — то подобьет нары, то смастерит скамейку, то добьется наряда на починку обуви, то притащит кусок оленины или куропаток или даже баночку керосина. Как десятник, он пользовался некоторыми небольшими привилегиями, общался с экспедиционными группами и кое-что мог добыть и поделиться своей добычей. Он любил шутливое одесское балагурство и не терял вкуса к нему в лагере. Слова слетали у него с языка с необыкновенной легкостью; не страшился Володя погрешить перед истиной, мог соврать что угодно, на ходу придумывал анекдоты и сам же их распространял. У него осталась комсомольско-студенческая привычка всех называть на "ты": Сашка, Дорка, Володька. Ходил он пританцовывающей походкой, словом, был рубаха-парень. Как-то посмеялась над его неудачным анекдотом. Володя ответил с неожиданно горькой серьез-

ностью: "Что же удивительного? Жизнь моя — неудавшийся анекдот: мой отец лесник, всю жизнь твердил мне — учись, Володька, уйдешь из леса. Я выучился и... попал в лес. Я чистокровный украинец, а все меня принимают за еврея, урки в тюрьме окрестили кличкой "жидодессит". Я даже горд этим, но ведь это анекдотично! Я жил с женой, которая все годы грозила от меня уйти, а я обожал ее и молил "не покидай меня!" Теперь я от нее ушел. У меня нет никакого пристрастия к выборным должностям, а я был бессменным секретарем, членом партбюро, райкома и т.д. Я люблю работать на публику, люблю театр, зрелища, любительство, работал же келейником-инженером, а из артистов вижу только Женьку Соломина с гитарой! Отсюда и плохие плоские анекдоты, скажите и за них спасибо. Кто отважится на анекдоты, кроме Володьки Карпенко? На воле придумаю получше, вот так!" Сейчас он онемел и сосредоточенно глядел вдаль. Попробовал его друг Соломин пошутить: "Ха-ха-ха! Володька куропаток не доловил, цыганская жизнь не нравится!" Шутка не нашла отклика. И Володя расстрелян в горах под Воркутой.

Стояли все мы понурые — уходящие и остающиеся. Для большинства из наших товарищей этап оказался последним этапом жизни.

В молчании прощались. Появился конвой. Участь многих конвоиров будет одинаковой с участью тех, кого они вели. Построились... Минуты... Команда конвоя... Они отделены от нас... Ушли... Мы сжались, еще больше осиротели.

5 р. 90 к.

ISSN 0235-6686

Читайте в пятом выпуске:

Артем БОРОВИК
Спрятанная война

Олег БОРУШКО
Продаются щенки

Марек ЕНДЖЕЕВСКИЙ
Тусовка

1990
4
ДЕТЕКТИВ и ПОЛИТИКА